

Рагозин, Мте З.А.

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА

ИСТОРІЯ ИНДІИ

Временъ Ригъ-Веды.

З. А. Рагозиной,

члена англійскаго „Общества Изученія Азии“ („Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“); „Американскаго Общества Востоковѣдѣнія“ („American Oriental Society“); парижскаго „Société Ethnologique“, члена-корреспондента парижскаго „Athénée Oriental“ и пр.

Съ 46 рисунками и 1-ой картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

ХК

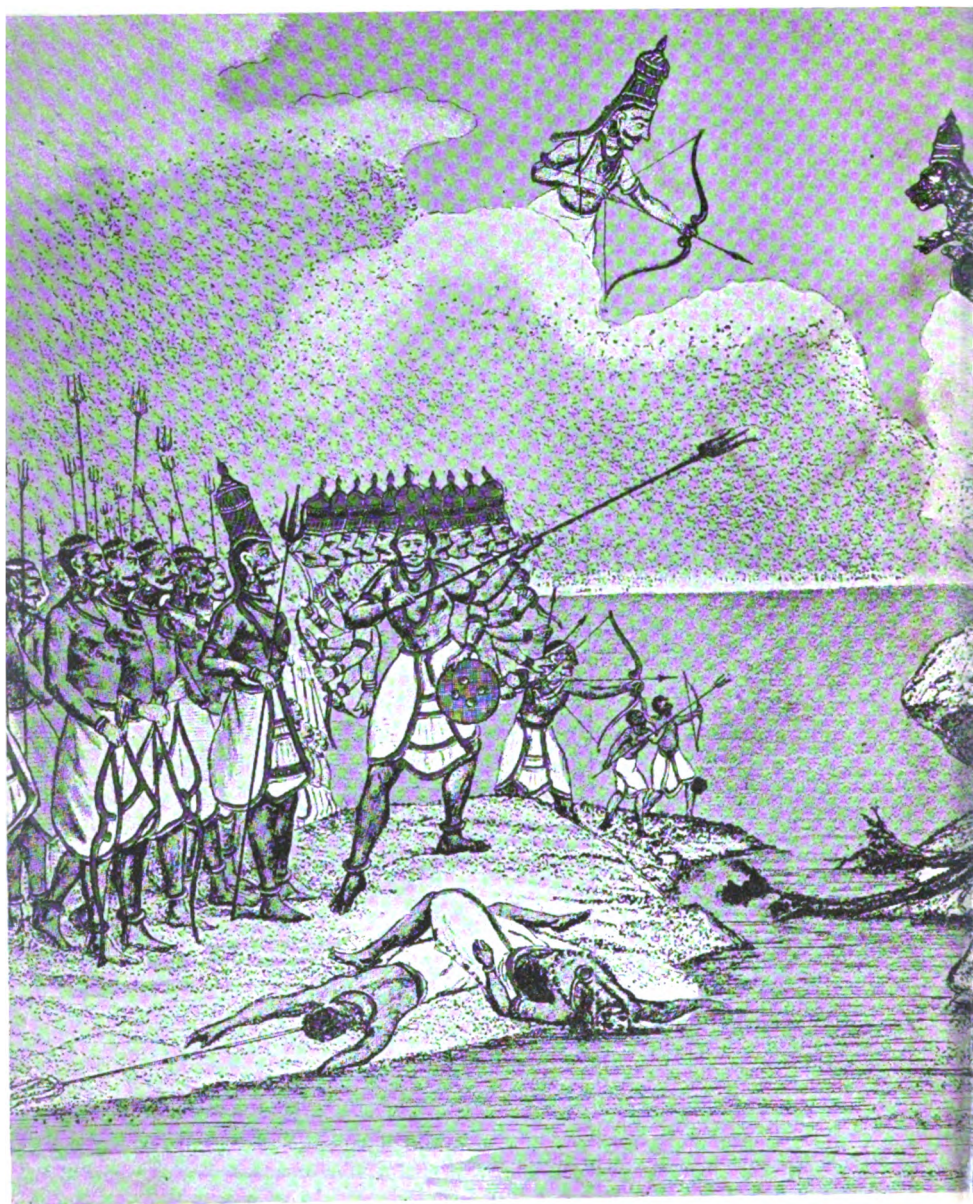


THE COVER LIBRARY

ON

WAR, REVOLUTION, AND PEACE

ИСТОРИЯ ИНДИИ.



Завоеваніе острова Ланка (Ц

Островъ защищаютъ его обитатели, великаны-чародѣи, со своимъ царемъ, Рамой, вождемъ, полубогомъ Рамой, въ союзѣ съ дикими горными племенами, изобрѣдшихъ двухъ вои



Илона) арийцами, по Рамаянъ.

па, во главѣ. У Равана десять головъ и столько же рукъ. Арийцы со своимъ
жаемыми въ видѣ длиннохвостыхъ обезьянъ. Вверху, въ воздухѣ—поединокъ
и-бичковъ.

Рагозин, Мте З.А.

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА

ИСТОРІЯ ИНДІИ

Время Ригъ-Веды.

З. А. Рагозиной,

члена англійскаго „Общества Изученія Азии“ („Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland“); „Американскаго Общества Востоковѣдѣнія“ („American Oriental Society“); парижскаго „Société Ethnologique“, члена-корреспондента парижскаго „Athénée Oriental“ и пр.

Съ 46 рисунками и 1-ой картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

ХК

LS 451
R 144

27820

Рисунки дозволены цензурою. СПб. 28 мая 1905 г.

УВАЖАЮЩЕЕ ПОВЕЩЕНІЕ



Артист. заведеніе А. Ф. Маркса, Немаля. пр., № 29.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Библиографія	X

I.

Сокровищница Востока.

§ 2. Общій взглядъ на Индію. § 3. Гималай.	
§ 4. Гималай—гордость и святыня Индіи. § 5. Муссоны и дождевые осадки. § 6. Голодовки. § 7. Голодъ 1876—78 гг. § 8. Виндійскія горы. § 9. Гаты.	
§ 10. Лѣсонстребленіе. § 11. Мѣры къ лѣсоохраненію. § 12. Тикъ и деодаръ. § 13. Баньянъ (<i>Ficus Indica</i>). § 14. «Ашватха» или «пиппала» (<i>Ficus Religiosa</i>). § 15. Прочая растительность. § 16. Климатическія причины растительнаго богатства. § 17. Домашнія животныя. § 18. Тигры и зміи. § 19. Насѣкомыя. § 20. Минеральное богатство. § 21. Островъ Цейлонъ	1

II.

Арійцы.

§ 1. Арійцы въ Индіи и въ Иранѣ. § 2. Задача изслѣдователя. § 3. Арійцы до раздѣленія. § 4. Семейный бытъ, родъ. § 5. Типъ и хозяйство. § 6. Отсутствіе видимыхъ памятниковъ. § 7. Начало санскритской филологіи. § 8. Слова, какъ культурные памятники. § 9. Значеніе «корня» въ языковѣдѣніи. § 10. Значеніе словъ въ изслѣдованіи доисторическихъ времёнъ. § 11. Роль коровы въ народ-	
---	--

ной жизни арийцевъ. § 12. Корова «го». § 13. Корень «па». § 14. Корень «ма». § 15. Другія санскритскія слова, означающія степени родства. § 16. Слово «вдова» и его культурное значеніе въ Индіи. § 17. Море у разныхъ народовъ. § 18. Обь арійской первородинѣ.

III.

Источники.

§ 1. Англійская ость-индская компанія. § 2. Португальская ость-индская компанія. § 3. Французская ость-индская компанія. § 4. Уорренъ Хэстингсъ и его гуманнѣе взгляды. § 5. Незнаніе и непониманіе народа. § 6. Сэръ Уильямъ Джонсъ. § 7. Случайное открытіе индійской драмы. § 8. Характеръ индійской драмы. § 9. Золотой вѣкъ драмы.—Калидаса. § 10. «Шакунтала, или Волшебное кольцо». § 11. «Викрама и Урваси». § 12. Первые послѣдствія санскритскихъ открытій. § 13. Характеръ индійской поэзіи. § 14. Краткій обзоръ санскритской литературы. § 15. Мелкія произведенія. § 16. Препятствія, встрѣчаемыя первыми санскритистами. § 17. Кольбрукъ. § 18. Чарльзъ Уилькинсъ. § 19. Быстрое развитіе санскритской филологіи

IV.

Веды.

§ 1. Значеніе Индіи въ арійскомъ мірѣ. § 2. Индо-иранскій періодъ. § 3. Пенджабъ. § 4. Сапта-Синдхава («Седьмирічье»)—древнѣйшее названіе Пенджаба.—Рѣка Сарасвати. § 5. Первые арийцы въ Пенджабѣ. § 6. Племенная борьба. § 7. «Риг-Веда Самхита». § 8. Богослуженіе первыхъ временъ «Риши». § 9. Яджур-Веда и Сама-Веда. § 10. Атхарва-Веда. § 11. Тесеть Риг-Веды и ученіе наизусть. § 12. Необходимость въ коммен-

таріяхъ. § 13. «Бра́хманы». § 14. «Шрути», т. е. «откровеніе». § 15. «Смрити», т. е. «преданіе»— «Веданги». § 16. «Сутры». § 17. «Шраута-Сутры» и «Смарта-Сутры». § 18. Важное значеніе изученія языка и стиха. § 19. Періоды ведійской литературы	112
--	-----

V.

Риг-Веда: Старшіе боги.

§ 1. Общая характеристика Риг-Веды. § 2. Общий характер Риг-Веды. § 3. Натурализм—главная черта Риг-Веды. § 4. Происхожденіе Риг-Веды. § 5. Дьяусъ и Притхиві (Небо и Земля). § 6. Корень «дивъ»—Асура. § 7. Какъ имена превращаются въ боговъ: пошоп и пшеп. § 8. Вáруна (Небо). § 9. Вáруна-Царь. § 10. Вáруна—правитель Атмосферы или Поднебесья—(*антарикиша*). § 11. Гимны, посвященные Вáрунѣ. § 12. Вáруна, блюститель Риты—мірового порядка и нравственного закона. § 13. Вáруна, каратель и отпуска-тель грѣховъ. § 14. Митра и Вáруна. § 15. Адити: значеніе имени. § 16. Что такое Адити? § 17. Адити и Адитья. § 18. Агни (Огонь). § 19. Агни, другъ людей, посредникъ и *хотаръ* (священно-служитель). § 20. Рожденіе Агни. § 21. Три обители Агни.—Апамъ-Напатъ («Сынъ Водъ»). § 22. Соместіе бога Агни въ дождѣ. § 23. Какъ най-денъ и добытъ Агни. § 24. Родство бога Агни съ родомъ людскимъ. § 25. «Погребальный Агни». § 26. Сома, иранскій Хаома. § 27. Сома—расте-ніе. § 28. Приготовленіе священнаго напитка изъ растенія «сома». § 29. Душевеселятельное дѣй-ствіе сомы. § 30. Небесный Сома-Амрита (питье безсмертія). § 31. Сома—Мѣсяць. § 32. Сома и мѣсяцепоклонство.—Мистицизмъ. § 33. Вивасватъ и сынъ его, Яма. § 34. Яма, Царь Мертваго Цар-ства.—Псы Сарамэи. § 35. Позднѣйшее превра-

иженіе Ямы. § 36. Яма—первоначально тоже Мѣсяць.—Братъ его, Ману,—прародитель человѣчества. § 37. Ваю или Вата—Вѣтеръ.	141
--	-----

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ V.

Пахтаніе Амриты	204
---------------------------	-----

VI.

Риг-Веда: Грозовой мнѣз и Свѣтовой мнѣз.

§ 1. Атмосферическая драма. § 2. Святость коровы. § 3. Облачныя коровы.—Бѣсы засухи. § 4. Атмосферическія битвы. § 5. Антропоморфизмъ. § 6. Индра—боецъ и любитель Сомы. § 7. Индра—боевой вождь арійцевъ, богъ войны. § 8. Индра—благотворитель. § 9. Соперничество между Индрой и Вáруной. § 10. Бурное дѣтство Индры. § 12. Примиреніе. Парджанья, древній Грозовикъ. § 13. Дождь и сѣмена. § 14. Индра и Парджанья—разные. § 15. Гимнъ Парджанья. § 16. Рудра. § 17. Маруты. § 18. Индра и Маруты въ ссорѣ. § 19. Свѣтовой мнѣз. § 20. Утренняя Заря и Вечерняя Заря. § 21. Куда заводитъ мнѣзическій образъ рѣчи. § 22. Сурья—Солнце. § 23. Гимны въ Сурья. § 24. Индра и Сурья. § 25. Индра и Ушась. § 26. Ушась—Заря. § 27. Двѣ Сестры. § 28. Ушась и Сурья. § 29. Ушась «Матерь Коровъ». § 30. Ушась, подательница богатства. § 31. Ашвины. § 32. Кто они? § 33. Время появленія Ашвиновъ и поклоненія имъ. § 34. Ашвины—чудотворцы. § 35. Пушанъ.	208
--	-----

VII.

Риг-Веда: Меньшіе и младшіе боги.—Сказочныя мнѣзы.

§ 1. Выгоды и недостатки классификаціи. § 2. Какъ понимать выраженіе «младшіе боги». § 3. Неопредѣленность іерархіи боговъ. § 4. Вишну.	
---	--

§ 5. Савитаръ. § 6. Двойственность Савитара.	
§ 7. Мистическое значеніе Савитара. § 8. Тваштаръ, творецъ и художникъ. § 9. Братья Рибхава.	
§ 10. Тваштаръ и Савитаръ первоначально, вѣроятно,—одно лицо. § 11. Объясненіе миеа о трехъ братьяхъ Рибхава. § 12. Тваштаръ—отецъ Индры.	
§ 13. Миеъ о рожденіи Ашвиновъ. § 14. Вивасватъ. § 15. Неразгаданная Саранью. § 16. Миеъ о Сарамѣ и Пани. § 17. Объясненіе миеа. § 18. Превращеніе натуралистскихъ миеовъ. § 19. Брихаспати или Брахманаспати («Владыка Молитвы»).	
§ 20. Обоготоворенныя отвлеченности.—Праджапати; Вишвакарманъ; Хираньягарбха и др. § 22. Малочисленность богинь. § 23. Воды и Рѣки. § 24. Рѣка Сарасвати. § 25. Сарасвати, богиня краснорѣчія и священной поэзіи. § 26. Вачъ, обоготоворенная Рѣчь. § 27. Араньяни, олицетворенная Дубрава.	259

VIII.

Риг-Веда: Древнѣйшая исторія.

§ 1. Касты. § 2. Жреческая каста.—Брахманы. Ихъ чрезмѣрные притязанія и завистливость. § 3. «Дважды рожденные» и Шудры. § 4. Касты всего разъ упоминаются въ Риг-Ведѣ. § 5. Аріицы и Дасью. § 6. Дасью—туземные народы. § 7. Колары и Дравиды и ихъ потомки.—Аборигены. § 8. Нравы и религія Коларовъ. § 9. Змѣепоклонство у Дравидовъ. § 10. Празднество змѣй. § 11. Дравиды въ аріискомъ эпосѣ. § 12. Нынѣшнія дикія племена. § 13. Не все въ Риг-Ведѣ—миеъ. § 14. Историческій элементъ въ Риг-Ведѣ. § 15. Сношенія дравидійской Индіи съ Халдеей. § 16. Дравиды—туранцы. § 17. Языкъ—не всегда вѣрное указаніе на расу. § 18. Въ Индіи больше не-арійскихъ народностей и языковъ. § 19. Аріиское завоеваніе не все совершилось силою. § 20. Роль жрецовъ въ аріиской пропагандѣ. § 21. «Гаятри». § 22. Ва-

зишта и Вишвамित्रа: узкій консерватизмъ и либерализмъ. § 23. «Пять племенъ» или «Пять народовъ». § 24. Тритсу и Пуру. § 25. Арийцы и Дасью равно молятся Индрѣ. § 26. Коалиція противъ Тритсу. § 27. Гимнъ Вишвамित्रы «къ Рѣкамъ». § 28. Битва «Десяти Царей». § 29. Арийское владычество окончательно утверждается . . . 331

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВѢ VIII.

Повѣсть о потопѣ въ Индіи. („Матсіа-Аватаръ“, — „Рыбное Воплощеніе“ бога Вишну).

§ 1. Повѣсть о потопѣ въ индійской литературѣ.
§ 2. Въ «Шатапата Брахманѣ». § 3. Въ Махабхаратѣ. § 4. Въ «Матсіа-Пуранѣ». § 5. Въ «Бхагавата-Пуранѣ». § 6. Сходство съ халдейскимъ разсказомъ. § 7. Слѣды легенды о потопѣ въ Фолклорѣ 368

IX.

Риг-Веда: Древнѣйшая культура.

§ 1. Общая картина. § 2. Арийскій погребальный обрядъ въ Риг-Ведѣ. § 3. Переходъ отъ погребенія къ сожиганію тѣлъ. § 4. Обрядъ по Грихія-Сутрамъ. § 5. Вѣра въ загробную жизнь. § 6. Загробная жизнь безбожныхъ. § 7. Атхарва-Веда о загробной жизни. § 8. «Отцы» (Питри) и ихъ чествованіе. § 9. Арийскій бракъ. § 10. Свадебный гимнъ. § 11. Свадебный обрядъ. § 12. Заговоры и заклинанія. § 13. Бытовые картины. — Милостыня. § 14. Игрокъ. § 15. Шуллерство. — Проклятія. § 16. «Пѣснь Лѣкаря». § 17. Разные промыслы. 382

X.

Риг-Веда: Жертвоприношеніе.

§ 1. Огромное значеніе жертвоприношенія. § 2. «Дакшина» — подаванія жрецамъ. § 3. Алчность

жрецовъ. § 4. На чемъ основывались притязанія жрецовъ. § 5. Жертвоприношеніе—тоже чародѣйство. § 6. Жертвоприношеніе—подражаніе свѣтовымъ и дождевымъ явленіямъ. § 7. Полная параллельность между жертвоприношеніемъ и небесными явленіями. § 8. Понудительная сила жертвоприношенія. § 9. Жертвоприношеніе—связь между небомъ и землею. § 10. Небесныя явленія—точная копія земного жертвоприношенія. § 11. Кто небесные жертвователи? 1) «Отцы» (Питри). § 12. 2) Сами боги. § 13. Кому приносится небесная жертва? 1) Богами—богамъ же. § 14. 2) Богами—самимъ себѣ. § 15. «Ашвамедха»—священнодѣйствіе съ принесеніемъ въ жертву коня. § 16. «Пуруша-мѣдха»—священнодѣйствіе съ принесеніемъ въ жертву человѣка. § 17. Легенды объ отиѣнѣ кроваваго жертвоприношенія. § 18. Легенда о Шунашепахъ	418
--	-----

XI.

Риг-Веда: Космогонія.—Философія.—Общій выводъ.

§ 2. О происхожденіи міра. § 3. Космогоническія теоріи. § 4. Теорія жертвоприношенія. § 5. «Пуруша-Сукта». § 6. «Атманъ»—Міровая душа.—«Перворожденный». § 7. «Единое Нерожденное». § 8. Великій космогоническій гимнъ X, 129. § 9. Единобожіе въ Риг-Ведѣ. § 10. «Генотеизмъ»—Однобожіе. § 11. Загадка Риг-Веды. § 12. Разрѣшеніе загадки: Огнепоклонство. § 13. Общий обзоръ пройденнаго. § 14. Конечные выводы	454
Алфавитный указатель	481



БИБЛЮГРАФІЯ.

- BARTH, A.** *THE RELIGIONS OF INDIA*. Translated from the French by Rev. J. Wood. London. 1882. 1 vol.
- BERGAIGNE, Abel.** *LA RELIGION VÉDIQUE*, d'après les hymnes du Rig-Veda. Paris, 1878—1883. 3 vol.
- BÜHLER, G.** *DIE INDISCHEN INSCRIPTEN UND DAS ALTER DER INDISCHEN KUNSTPOESIE*. (Sitzungsbericht der Kais. Akad. der Wissensch. in Wien. XI). Wien, 1890.
- *THE LAWS OF MANU*, translated, with extracts from seven Commentaries. (Vol. XXV. of the «Sacred Books of the East» Series). Oxford, 1886. 1 vol.
- CHANTEPIE DE LA SAUSSAYE, P. D.** *LEHRBUCH DER RELIGIONSGESCHICHTE*, Erster Band. Freiburg, J. B., 1887. (Popular.).
- DE GUBERNATIS, Angelo.** *LETTURE SORRA LA MITOLOGIA VEDICA*, Firenze, 1874. 1 vol.
- *LA MYTHOLOGIE, DES PLANTES ou Légends du Règne Végétal*. Paris, 1878—1882. 2 vol.
- *ZÖOLOGICAL MYTHOLOGY, or the Legends of Animals*. London, 1872. 2 vol.
- DONNER, Dr. O.** *PINDAPITRITAJNA*, das Manenopfer mit Klößen bei den Indern. Abhandlung aus dem Vedischen Ritual. Berlin, 1870. 36 pp.
- DOWSON, John.** *A CLASSICAL DICTIONARY OF HINDU MYTHOLOGY AND RELIGION*, Geography, History, and Literature. London, Trübner's «Oriental Series», 1879. 1 vol.
- DUNCKER, Max.** *Geschichte des Alterthums*. vol. III. : *DIE ARIER AM INDUS UND GANGES*. Leipzig, 1879.
- EGGELING, Julius.** *THE SATAPATHA-BRAHMANA*, according to the text of the Mādhyandina School. Part I., Books I. and II

- (Vol. XII. of the «Sacred Books of the East» Series). Oxford. 1882. 1 vol.
- GELDNER, Karl, und KAEGL, Adolf. SIEBENZIG LIEDER DES RIG-VEDA, übersetzt, mit Beiträgen von B. Roth. Tübingen. 1875.
- GELDNER UND FISCHEL. VEDISCHE STUDIEN, I. and II.
- GRASSMANN, Hermann. RIG-VEDA, übersetzt. Leipzig, 1876—1877. 2 vol.
- HAUG, Martin. THE AITAREYA BRAHMANAM OF THE RIG-VEDA edited, translated, and explained, Bombay, 1863. 2 vol.
- HEWITT, J. F. NOTES ON THE EARLY HISTORY OF NORTHERN INDIA, *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1888 and 1889.
- HILLEBRANDT, Alfred, UEBER DIE GÖTTIN ADITI (vorwiegend im Rig-Veda). Breslau, 1876. 51 pp.
- VARUNA UND MITRA, ein Beitrag zur Exegese des Veda. Breslau, 1877, 159 pp.
- VEDISCHE MYTHOLOGIE. Erster Band. Breslau, 1891.
- HUNTER, W. W. THE INDIAN EMPIRE: Its People, History and Products. Second edition. London, 1886. 1 vol.
- JONES, Sir William. INSTITUTES OF HINDU LAW; or, THE ORDINANCES OF MENU. Edition of 1869, London. 1 vol.
- KAEGL, Adolf. THE RIG-VEDA, the Oldest Literature of the Indians. (Translated by R. ARROWSMITH, with additions to the Notes). Boston, 1886, 1 vol.
- KUHN, Adalbert. MYTHOLOGISCHE STUDIEN. First vol.: DIE HERABKUNFT DES FEUERS UND DES GÖTTERTRANKES. Gütersloh, 1866. (Second edition).
- LASSEN, Christian. INDISCHE ALTERTHUMSKUNDE. London, 1866—1874. 2 vol. (Second edition).
- LEPMANN, Dr. S. GESCHICHTE DES ALTEN INDIENS. (Oncken's Series «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen»). Berlin, 1890.
- LUDWIG, Alfred. DIE NACHRICHTEN DES RIG- UND ATHARVA-VEDA ÜBER GEOGRAPHIE, GESCHICHTE, VERFASSUNG DES ALTEN INDIENS. (Abhandlungen der kön.-böhmisch. Gesellsch. der Wissensch. VI, Folge, 8 Band). Prag, 1875. 58 pp.

- DIE PHILOSOPHISCHEN UND RELIGIÖSEN ANSCHAUNUNGEN DES VEDA in ihrer Entwicklung. Prag, 1875. 58 pp.
- DER RIGVEDA, oder die heiligen Hymnen der Brähmanu. Prag, 1878. 5 vol.
- MUIR, J. ORIGINAL SANSKRIT TEXTS on the Origin and History of the People of India, their Religion and Institutions. Second edition. Paris, 1872—1884. 5 vol.
- MÜLLER, F. MAX. ANCIENT SANSKRIT LITERATURE, A History of. London, 1859. 1 vol.
- SCIENCE OF RELIGION, Introduction on the. London, 1873. 1 vol.
- SCIENCE OF LANGUAGE, Lectures on the. New York. 1875. (From the second London edition. revised.). 2 vol.
- CHIPS FROM A GERMAN WORKSHOP, vol. I. and II. New York edition, 1876.
- ORIGIN AND GROWTH OF RELIGION, Lectures on the; as illustrated by the Religions of India. (Hibbert Lectures for 1878.). 1 vol.
- BIOGRAPHIES OF WORDS AND THE HOME OF THE ARYAS. London, 1888. 1 vol.
- INDIA, WHAT CAN IT TEACH US? New edition. London, 1892. 1 vol.
- MYRIANTHEUS, Dr. L. Die AÇVINS, oder Arischen Dioskuren. München, 1876. 185 pp.
- OLDENBERG, Hermann. The GRIHYA-SÛTRAS, Rules of Vedic Domestic Ceremonies, Part I. («Sacred Books of the East» Series. vol. XXIX.). Oxford, 1887. 1 vol.
- DIE RELIGION DES VEDA, Berlin 1894, 1 vol.
- PERRY, Edward Delavan (of Columbia College). INDRA IN THE RIG-VEDA. (*Journ. of the Amer. Or. Soc.*, 1880.) 92 pp.
- ROTH, Rudolph. ZUR LITTERATUR UND GESCHICHTE DES VEDA. Stuttgart. 1846. 148 pp.
- SCHERMAN, Dr. Lucian. PHILOSOPHISCHE HYMNEN AUS DER RIG- UND ATHARVA-VEDA-SANHITA verglichen mit den Philosophemen der älteren Upanishads. Strassburg and London 1887, 96 pages.
- SCHROEDER. Dr. Leopold v. INDIENS LITTERATUR UND KULTUR in historischer Entwicklung. Leipzig. 1887. 1 vol. (Popular.)

- ST. MARTIN, Vivien de. ÉTUDE SUR LA GÉOGRAPHIE DU VÉDA. Paris, 1860. 1 vol.
- WALLIS, H. W. THE COSMOLOGY OF THE RIG-VEDA. London, 1887. 1 vol.
- WEBER, Albrecht. HISTORY OF INDIAN LITERATURE. London, 1878. 1 vol.
- INDISCHE SKIZZEN. Vier bisher in Zeitschriften zerstreute Vorträge und Abhandlungen. Berlin, 1857.
- INDISCHE STREIFEN; Kritisch-Bibliographische, auf dem Gebiete der Indischen Philologie, seit dem Jahre. 1849.
- WESTERGAARD, N. L. UEBER DEN ÄLTESTEN ZEITRAUM DER INDISCHEN GESCHICHTE, mit Rücksicht auf die Litteratur. Breslau, 1862. 93 pp.
- WILLIAMS, Monier. RELIGIOUS THOUGHT AND LIFE IN INDIA. London, 1883.
- INDIAN WISDOM. 1 vol. Third edition. London, 1876.
- WILSON. HORACE HAUMAN. SELECT SPECIMENS OF THE THEATRE OF THE HINDUS. London, 1871. 2 vol.
- WURM, Paul. GESCHICHTE DER INDISCHEN RELIGION, im Umriss dargestellt. Basel, 1874. 1 vol. (Popular.)
- ZIMMER, Heinrich. ALTINDISCHES LEBEN; die Cultur der Vedischen Arier nach den Samhitâ dargestellt. Berlin, 1879. 1 vol.
- Множество брошюръ и статей въ „*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*“, „*Journal of the Royal Asiatic Society*“, „*Proceedings*“ и „*Journal of the American Oriental Society*“, „*Victoria Institute*“, и другихъ періодическихъ изданій, также *Encyclopædia Britannica*.

I.

Сокровищница Востока.

1. «... И я увидѣлъ голубой, святой Гангъ, вѣчно лучезарный, Гималай, исполинскіе банановые лѣса, съ ихъ широкими, тѣнистыми аллеями, подъ сводами которыхъ мирно гуляютъ умные слоны и жрецы въ бѣломъ одѣяніи; страннаго вида цвѣты сонно глядѣли на меня, таинственно что-то мнѣ шептали; златокрылы, дивныя птицы что-то безумно-радостное запѣли; блистали сквозь зелень солнечныя лучи, и съ много-глупымъ хохотомъ рѣзвились обезьянки; а изъ далекихъ пагодъ долетали благочестивыя звуки молитвенныхъ пѣснопѣній...» *).

Что это? Картина? Воспоминаніе? Нѣтъ: видѣніе размечтавшагося наяву поэта,—и только. Но каждая, прихотливо отдѣланная, фраза поэта уноситъ насъ изъ ослѣпляющей, оглушающей дѣйствительности, созданной паромъ и электричествомъ. Эти немногія золотыя строки, подобно богато узорчатому коври-самолету восточной сказки, переносятъ насъ и опускаютъ въ самую середину того чуждаго міра, таинственно-волшебнаго, солнечно-яркаго и туманно-сумрачнаго, который и раздражаетъ, и нѣжитъ воображеніе, и подстрекаетъ, и поконить,—того единственно дивнаго

*) Гейне; отрывокъ въ прозѣ.

міра, который при одномъ имени «Индія» испоконъ вѣка возстаеъ передъ духовнымъ взоромъ западнаго жителя...

Общій
взглядъ на
Индію.

2.—Да, другой міръ, чуждый, особый; этимъ-то Индія и очаровываетъ, плѣняетъ. Это говорено и повторено сотни разъ, но рѣдко съ осмысленнымъ вполне пониманіемъ того, до какой степени это — буквальная правда. Даже внимательное изученіе карты оставляетъ лишь смутное впечатлѣніе. Только съ помощью сравненій и нѣсколькихъ цифръ возможно составить себѣ сколько-нибудь ясное и опредѣленное понятіе объ этомъ мірѣ, убѣдиться, что тутъ дѣло идетъ не о краѣ, а о громадномъ материкѣ,—что нельзя говорить о климатѣ, національности, языкѣ Индіи въ единственномъ числѣ, какъ нельзя о нихъ говорить, когда рѣчь идетъ о Европѣ, съ которой Индія почти равна размѣрами: черта, проведенная поперекъ, отъ устій Инда до устій Ганга, даетъ разстояніе отъ города Байонны (на атлантическомъ побережьи, близъ Пиренеевъ) до Константинополя; тогда какъ другая черта, протянутая отъ сѣвернаго угла (тамъ, гдѣ Индъ заворачиваетъ къ югу) до мыса Коморинъ, равна по длинѣ такой же чертѣ, проведенной отъ Архангельска до Неаполя. При этомъ нужно замѣтить, что послѣдняя черта далеко не включаетъ всей длины острова Цейлона, который самъ немногимъ меньше Ирландіи. Если включить крайній сѣверо-востокъ (Ассамъ), да индійскія же земли на востокъ отъ Ганга и Индійскаго океана (Бирма, Сіамъ, и пр.), —получатся еще не такія сравнительныя

цифры; но въ настоящей книгѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ однимъ западнымъ полуостровомъ,—да и съ нимъ, строго говоря, лишь отчасти, потому что зачатки политической и общественной жизни и духовнаго развитія въ области религіи и философіи, которыми намъ предстоитъ заняться, выработались почти исключительно въ сѣверной его половинѣ. Эта половина въ разныя времена получала и разныя характерныя мѣстныя названія, но въ наше время удобнѣе собрать ее подъ однимъ общимъ именемъ,—Индостана, обозначая приблизительную границу съ юга широкою, многохребтовою цѣпью Виндійскихъ горъ, простирающейся поперекъ материка и раздѣляющей его на двѣ почти равныя части. Все, что лежитъ къ югу отъ этихъ горъ, мы называемъ, тоже приблизительно, Девкханомъ *). Это дѣленіе хотя и въ значительной мѣрѣ произвольно, но, благодаря простотѣ своей, весьма удобно. Даже тщательно усвоивъ всѣ эти пропорціи, мы невольно поражаемся, когда неопровержимыя статистическія данныя доказываютъ намъ, что, по переписи 1872 г., населеніе одной западной Индіи, не включая сюда Бирмы, составляло 250 милліоновъ душъ, т. е. равнялось почти шестой долѣ всего рода человѣческаго.

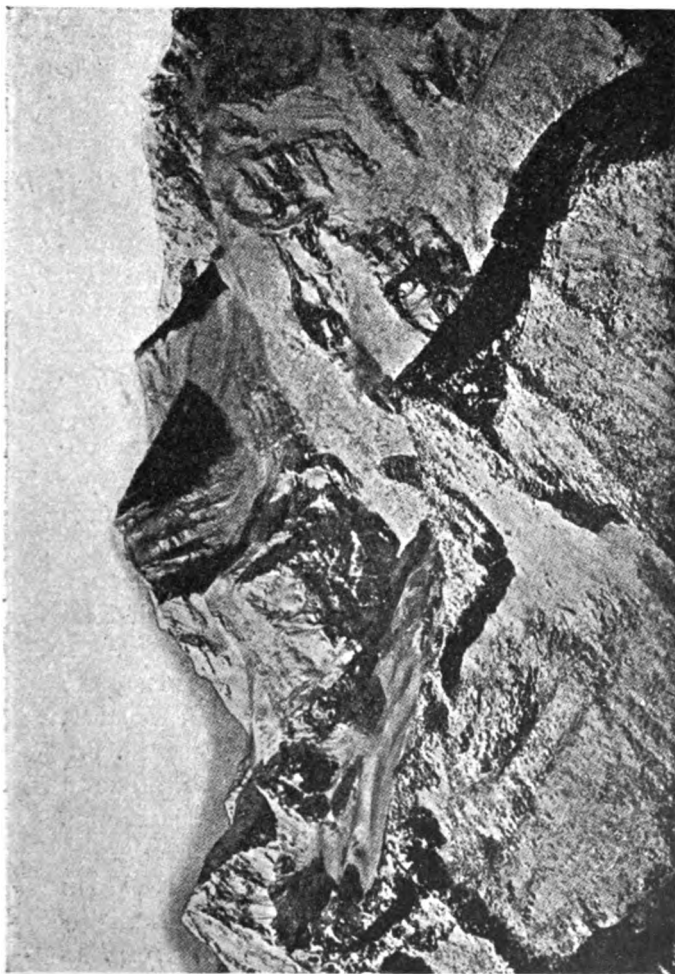
3.—Но не въ размѣрахъ и не въ цифрахъ заклю- Гималай.
чается все обаяніе Индіи, а въ разнообразныхъ географическихъ особенностяхъ страны,—въ не-

*) «Южная земля»,—позвращеніе санскритскаго названія «Дакшинапатти».

сравненной красотѣ и величинѣ ея горныхъ ландшафтовъ, которые чаруютъ душу поистинѣ волшебнымъ зрѣлищемъ. Нѣкоторыя страны, — на примѣръ, Вавилонія и Египетъ, — созданы своими рѣками; Индію, въ физическомъ и духовномъ отношеніи, создалъ Гималай. Нигдѣ природа не ставила столь высокой, столь непроходимой преграды, какъ между этой страной и остальнымъ міромъ. На всемъ необъятномъ протяженіи этой горной, высочайшей въ мірѣ, цѣпи лишь весьма немногіе проходы пропускали суровые вѣтры и лютые народы сѣвера. Вѣками Иранъ и Туранъ бились, селились, кочевали вдоль и поперекъ обширнаго средне-азиатскаго плоскогорія, громаднѣйшей натуральной террасы на лицѣ земли, — и всѣ ихъ безпорядочно мятущіяся волны разбивались о несокрушимый оплотъ Гималаевъ *).

Тѣ рои кочевниковъ, которые въ разное время врывались въ Индію, неся ей опустошеніе или культуру, должны были по необходимости пройти черезъ узкія ущелья, которыя оставлены природой въ менѣе плотныхъ и неприступныхъ горныхъ цѣпяхъ сѣверо-запада, а именно: въ Инду-Кушъ и Сулимановыхъ горахъ, — ущелья, прославившіяся въ исторіи: Хайбарскій, Курамскій, Боланскій. Благодаря мало-

*) Это плоскогоріе или терраса возвышается приблизительно на 10.000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, а Гималайская стѣна поднимается еще на 10.000, не включая такихъ исполиновъ, какъ Эверестъ, Дхавалагири, и еще двухъ - трехъ, достигающихъ почти двойной вышины (Эверестъ—29.002 фута).

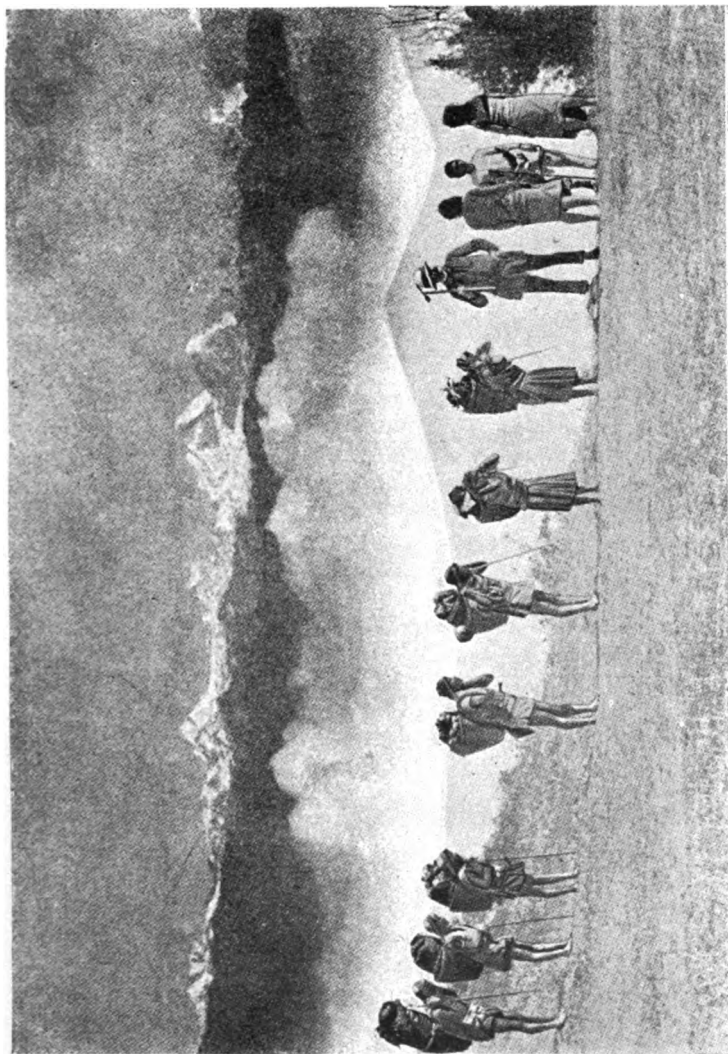


Одинъ изъ Гималайскихъ хребтовъ.

численности, тѣснотѣ и неудобопроходимости такихъ проходовъ, набѣги съ этой стороны производились крайне рѣдко; съ юга материкъ окруженъ не средиземнымъ, удобнымъ для плаванія моремъ, а настоящимъ океаномъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ, скорѣе отдѣлялъ материкъ отъ остального міра, нежели служилъ путемъ сообщенія съ нимъ. Итакъ, далекій сѣверъ, тамъ за горами, долго оставался мѣстомъ таинственнымъ, полнымъ смутно подозрѣваемыхъ ужасовъ, и народы сѣверной Индіи припоминали, словно сквозь туманъ, будто праотцы ихъ оттуда пришли когда-то,—причина, по которой, до весьма недавняго времени, нѣкоторыя племена хоронили своихъ покойниковъ ногами къ сѣверу, какъ бы направляя ихъ туда, на первородину, гдѣ души усопшихъ должны были найти вѣчное успокоеніе.

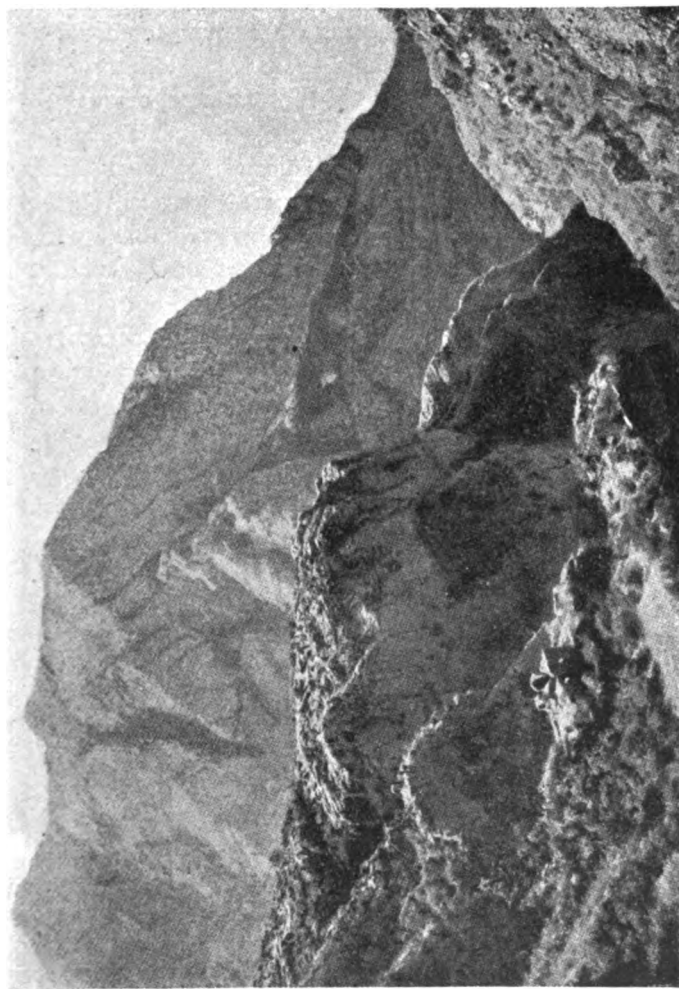
Гималай—
го радость и
святиня
Индии.

4.—Путешественники признаютъ единогласно, что никакія горы въ мірѣ,—ни Альпы, ни Кавказъ, ни Кордильеры,—не сравнятся, хотя бы отдаленно, по роскоши и величію, съ тѣмъ, что на каждомъ шагу, почти въ каждой долинѣ, представляетъ восхищенному взору Гималай. Вообразимъ себѣ хребетъ почти вдвое выше и впятеро длиннѣе швейцарскихъ и итальянскихъ Альпъ, уступами спускающійся въ живописный нагорный край, величиною съ Испанію, Италію и Грецію, взятыми вмѣстѣ. Одна долина Индіи,—Кашмиръ, пріютившаяся зеленымъ гнѣздомъ въ сѣверо-западномъ углу ея, равняется Швейцаріи. Для любящаго природу чловѣка, Индія,—



Вершина горы Эверестъ.
(Видъ съ запада изъ Непала).

поистинѣ сокровищница небывалой красоты. Съ горной вершины взоръ обнимаетъ обширный полукругъ волнистыхъ или остро-зубчатыхъ очертаній снѣжныхъ горъ, съ вѣчно играющими на нихъ опаловыми свѣтовыми переливами, а мѣстами къ небу устремляются утесы выше Монблана, словно ледяные столбы, поддерживающіе куполь такой густой синевы, что невольно вспоминается выраженіе «твердь небесная», тогда какъ у ногъ зрителя безъ конца тянутся и уходятъ вдаль менѣ высокіе хребты, одѣтые лѣсами и перерѣзанные долинами, спускаясь четырьмя громадными террасами въ жаркія равнины Нижняго Индостана. Для стоящаго на одной изъ вершинъ самаго сѣвернаго и высочайшаго хребта, — напримѣръ, гдѣ-нибудь на сѣверо-западной гранищѣ Непала, — впечатлѣніе, производимое великолѣпіемъ дивнаго зрѣлища, усугубляется историческими воспоминаніями и поэтическими, связанными съ мѣстностью, легендами. Вѣдь тутъ самый центръ, самая сердцевина божественнаго Химавата («Обитель зимы» — живописное древнее имя Гималая); къ этимъ самымъ мѣстамъ, черезъ долгій рядъ вѣковъ, аріецъ-индусъ обращалъ взоры, полныя благоговѣнія и любви, — ибо тутъ, на этихъ чистыхъ, недостижимыхъ высотахъ, онъ поселилъ своихъ боговъ. Тутъ воссѣдали они въ ясной атмосферѣ неземнаго величія; тутъ охраняли они сокровищницы драгоценнѣйшихъ своихъ даровъ человѣчеству: такъ, напримѣръ, Кувера, богъ богатства, пряталъ тутъ въ неприступныхъ тайникахъ свои запасы



Гималая на границѣ Кашира.

золота, серебра и самоцвѣтныхъ камней; тутъ же, на высотѣ 15.000 футовъ, прозрачныя, питаемыя чистыми снѣгами, дремлютъ священныя озера, вѣчно отражая въ своихъ спокойныхъ водахъ одно лишь небо да горныя выси, служащая имъ колыбелью, и тутъ же, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, бьютъ горныя ключи, истоки великихъ, священныхъ рѣкъ: Инда, Светлѣджа, Ганга, Брахмапутры—рѣки, удостоенной славнѣйшаго имени: «Сынъ Божій». Въ эти-то дебри, въ эти пустынные обиталища мира и таинственной благодати, гдѣ исконная тишина нарушается лишь музыкой вѣтровъ и листвы, да ревомъ потоковъ и водопадовъ, вѣкъ за вѣкомъ устремлялись, и до сихъ поръ стремятся, усталые духомъ мужи и жены,—пилигримы, наскучившіе мірской суетой; они и пребываютъ тамъ цѣлыя годы въ добровольномъ изгнаніи, имѣя убѣжищемъ простые шалаши изъ сучьевъ и листьевъ, а обществомъ—звѣрей лѣсныхъ, упиваясь одиночествомъ, святымъ безмолвіемъ и самоуглубленнымъ созерцаніемъ, пока ихъ не потянетъ вновь въ людныя низы, и они возвратятся, обновленные духомъ, исцѣленные сердцемъ. Или же,—и трижды блаженны тѣ, кому сіе дано!—или же остаются среди горъ и лѣсовъ, какъ бы въ преддверіи къ высшему міру, и, сбросивъ съ себя всякія земныя привязанности и вожделѣнія, умиротворенные и счастливые, терпѣливо дожидаются конечнаго избавленія. Такъ-то Гималай искони игралъ первенствующую роль въ духовной жизни народа, матеріальными судьбами котораго онъ же въ большой

мѣрѣ управлять. Имъ во всѣхъ отношеніяхъ замыкался его кругозоръ, и все, что лежало за нимъ, было для него просто безбрежнымъ, невѣдомымъ «сѣверомъ», гдѣ проживали Уттар-Курь,— «отдаленнѣйшіе люди»: были ли то блаженные души умершихъ, или легендарное племя, наслаждающееся непрерывнымъ золотымъ вѣкомъ безгрѣшнаго блаженства,—разобрать очень трудно; вѣрнѣе:—и то, и другое.

5.—Потребовалось бы обозрѣніе всѣхъ условій и явленій матеріальнаго быта Индіи, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ весь кругъ вліянія на нее этихъ дивныхъ горъ, составляющихъ первенствующую черту ея географіи и главный источникъ ея благополучія. Эта вѣчно возобновляемая, неистощимая сокровищница льдовъ и снѣговъ снабжаетъ весь Индостанъ необходимой животворной влагой черезъ посредство нѣсколькихъ многоводныхъ и великаго множества меньшихъ рѣкъ и рѣчекъ, истинныхъ обогатителей земли, которыя, съ сотни отроговъ и развѣтляющихся горныхъ грядъ, постепенно умаляющихся до отлогихъ склоновъ, направляются по безчисленнымъ долинамъ, такъ что вся масса водъ разбивается на совершеннѣйшую, до тонкости распределенную, естественную оросительную систему. Можно даже сказать, что природа черезчуръ щедро наградила эту роскошную землю, которая пользуется съ избыткомъ приходящимся на ея долю запасомъ водяного богатства: вѣдь Индъ и его товарищъ, вполнѣдствіи притокъ, — Сетлэдждъ, а также Брамахпутра, имѣютъ истоки

Муссоны и
дождевые
осади.



Пикъ и ледникъ въ Гималаяхъ.

свои и часть своего теченія на сѣверной сторонѣ водораздѣла, стало-быть переводятъ на южную сторону большую часть дождевыхъ осадковъ, по настоящему принадлежащихъ не менѣе нуждающимся въ орошеніи землямъ Тибета и Бухаріи. И не только водяными запасами своихъ снѣговъ и ледниковъ, не только тѣмъ, что онъ питаетъ новорожденныя рѣки Индіи, Гималай благодѣтельствуетъ защищаемой и осяняемой имъ землѣ: онъ же обезпечиваетъ ей богатѣйшіе во всемъ мірѣ дождевые осадки, насколько изслѣдовано до сихъ поръ, и регулируетъ дождливое время года, безъ котораго даже такихъ рѣкъ не хватило бы на оплодотвореніе почвы, подвергающейся болѣшую часть года всесожигающему зною. Отрѣзанная отъ прохладныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, Индія находится въ полной зависимости отъ своеобразнаго вида пассатныхъ вѣтровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ муссоновъ,—или, собственно говоря, отъ юго-западнаго муссона, который прибываетъ въ іунѣ, нагруженный парами, много мѣсяцевъ накапливаемыми отъ испареній всего Индійскаго океана и сгущенными въ атмосферѣ до состоянія громадныхъ сплошныхъ массовыхъ тучъ. Эти тучи съ непомѣрной быстротой мчатся надъ землею, или, повиснувъ на мѣстѣ, заслоняютъ отъ нея дневной свѣтъ, смотря по силѣ вѣтра, который то бѣшено гонитъ ихъ, то на время затихаетъ, пока не разбивается съ разбѣга о каменную грудь Гималая, вышиной своей далеко превосходящаго полосу собирающихся паровъ,—и съ ними дѣлается то, что сдѣлалось бы съ бурдюкомъ,

наполненнымъ водой, если бы его бросить обѣ острый край скалы: ихъ разрываетъ, и потоками льется изъ нихъ вода. Но не однѣ тучи, а и самый муссонъ задерживается двойнымъ горнымъ валомъ и, кромѣ того, запутываясь въ безчисленныхъ тѣснинахъ и извилистыхъ ущельяхъ подступающаго къ нему нагорья, въ соединеніи со страшнымъ накопленіемъ электричества, производитъ страшнѣйшія въ мірѣ грозы. Такимъ образомъ Гималай собираетъ въ исключительную пользу своей излюбленной земли весь запасъ влаги, которой не перевалить черезъ испанскія вершины и по неимѣнію которой, все средне-азиатское плоскогоріе изнываетъ отъ жажды и убійственной засухи, обрекаемое на сравнительное безплодіе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условий, строго научныя наблюденія надъ дождевыми осадками Индостана даютъ слѣдующія, прямо невѣроятныя, цифры: 125 дюймовъ въ той части Пенджаба, которая обращена къ юго-западу и потому встрѣчаетъ полную силу муссона; — 220 дюймовъ въ частяхъ Бенгала, находящихся въ такихъ же условіяхъ; наконецъ Ассамъ, расположенный на болѣе возвышенной ступени гималайской террасы и плотнѣе прислоненный къ главной цѣпи, можетъ похвалиться величайшимъ въ мірѣ осадкомъ: 481 дюймъ*). Въ исключительные годы даже

*) На метеорологической станціи Черра - Пунджп. Въ цифры и фактическія данныя въ этой главѣ взяты пѣ книги У. У. Хентера (W. W. Hunter) «*The Indian Empire, — Its People, History, and Products*» («Индійская имперія, — ея народъ, исторія и производства»). (2-е изд. 1886) —



Живой мостъ изъ переплетенныхъ воздушныхъ корней.
(Въ Гималайскихъ горахъ).

эта невѣроятная цифра увеличивается; въ 1861-мъ году она почти что удвоилась: 366 дюймовъ выпало на долю одного іюля мѣсяца, а за весь годъ показано 805 дюймовъ. Впрочемъ, подобное явленіе составляетъ опять-таки народное бѣдствіе, не менѣе пагубное, нежели засуха.

Голодовки.

6.—Землѣ, надѣленной столькими и такими рѣками и столь милостивымъ небомъ, должны, казалось бы, быть невѣдомы такіе бичи, какъ недороды и голодовки. Къ несчастію, этого нельзя сказать, благодаря крайне неравномѣрному распредѣленію дождей, мѣстами чрезмѣрныхъ, мѣстами же совершенно недостаточныхъ. Метеорологическія наблюденія ведутся на 435-ти станціяхъ въ англійскихъ владѣніяхъ Индіи. При такомъ числѣ станцій разстояніе между ними не можетъ быть очень велико; однако, между цифрами такая рознь, точно записи ведутся въ разныхъ климатахъ. Такъ, въ Пенджабѣ, области не такой ужъ обширной, средняя цифра осадковъ на станціяхъ вдоль рѣки Инда колеблется отъ 125-ти дюймовъ до 7-ми и даже 5-ти въ силу того, что эти станціи отгорожены Сулимановыми горами, которыя притупляютъ силу и измѣняютъ направленіе муссона, принимая налетъ его не въ упоръ, а бокомъ. Тѣ же причины, а именно: расположеніе разныхъ горныхъ отроговъ и грядъ,—мѣшаютъ равномѣрному распредѣленію дождей по всему Декхану не менѣе, чѣмъ въ Индостанѣ. Такимъ образомъ случается, что одинъ

истиннаго рудника точныхъ знаній, строго провѣренныхъ фактовъ и вѣснихъ выводовъ.

и тотъ же годъ приносить и засуху и наводне-
нія, при чемъ въ одной области затопляются и



**Дерево съ душащими его воздушными корнями
паразита Уайтъя (Wightia).**

(Въ Гималайскихъ лѣсахъ).

сносятся цѣлыя селенія со стадами и всѣмъ уро-
жаемъ, а въ другой не было и всходовъ. Резуль-
татъ, понятно, одинъ: голодъ и страшная смерт-

Древнѣйшая исторія Востока. Т. IV. Исторія Индіи.

2

ность. О такихъ годахъ, когда, по какой-либо невѣдомой причинѣ, юго-западный муссонъ вовсе не приходитъ или тащится слабый и прерывистый,—конечно, нечего и говорить. А такъ какъ въ Индіи всѣ явленія какъ-то принимаютъ баснословные размѣры, то одинъ голодный годъ, хотя бы мѣстный, сопровождается ужасами неописанными, потому что, при такомъ густо скученномъ населеніи, къ тому же такомъ, вообще бѣдномъ и нерасчетливомъ, страданіе и смертность, собственно отъ голода, усугубляются болѣзнями, которыя голодъ влечетъ за собой, и смерти насчитываются сотнями тысячъ. Съ покорностью и апатіей, истинно восточными, народъ ждетъ пособій отъ правительства, а когда бѣдствіе достигаетъ такихъ размѣровъ, что уже никакія пособія не въ силахъ помочь, тогда люди безсловесно умираютъ на мѣстѣ,—гдѣ кто стоитъ, сидитъ, лежитъ. Лѣтопись Индіи, со времени подчиненія страны англійскому владычеству, показываетъ почти непрерывный рядъ голодовокъ, съ промежутками отъ трехъ до восьми, рѣдко десяти лѣтъ, продолжающихся больше года, нерѣдко даже до трехъ лѣтъ. Иногда голодъ постигаетъ какую-нибудь одну область, но большей частью бываетъ повсемѣстный.

Голодъ
1876—78 гг.

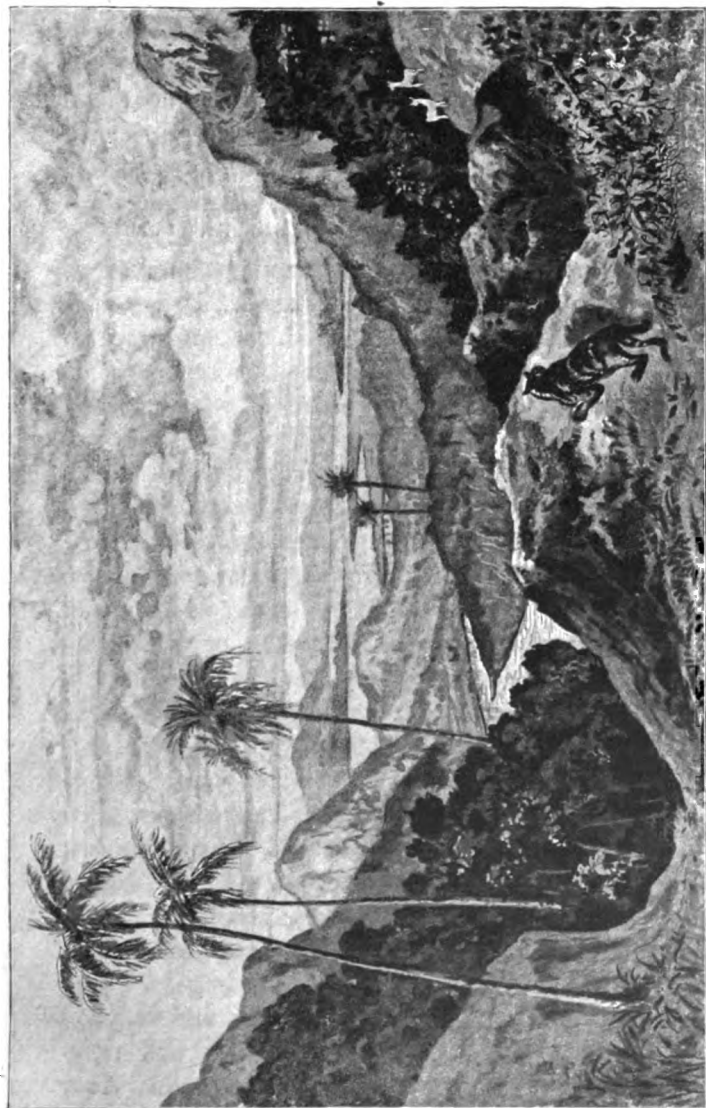
7.—Самымъ широко распространеннымъ и продолжительнымъ былъ голодъ 1876—78 годовъ. Въ 1875 г. съ юго-запада не повѣялъ муссонъ, не повѣялъ и въ 1876 г.; а въ этомъ послѣднемъ году обманулъ и сѣверо-восточный муссонъ, который начинается въ октябрѣ и вообще мало приноситъ

пользы, такъ какъ онъ дуетъ не съ океана, а изъ песчаной пустыни, притомъ еще задерживается самымъ высшимъ гималайскимъ хребтомъ. Погибъ почти весь урожай въ засуху 1875 г., а 1876 г. довершилъ бѣду: лѣто 1877 г. не поправило дѣла, потому что желанный муссонъ въ третій разъ остался за морями, и хотя осенній на диво принесъ нѣсколько обильныхъ ливней, однако проклятіе не было снято съ земли, пока не постѣтили ее опять нормальные дожди въ іюнѣ 1878 г. И всѣ эти годы люди мерли—отъ голода, отъ холеры, отъ голодного тифа; смертность поднялась на 40% противъ нормальной, и такъ какъ рождаемость въ то же время сильно понизилась, то нормальное отношеніе возстановилось лишь въ 1880 г.; но статистическіе подсчеты въ этомъ году показали, что населеніе прямо уменьшилось за послѣдніе четыре года, вмѣсто того умѣренного, но постоянного прироста, который получается, когда нормальный ходъ жизненной статистики ничѣмъ не нарушается и число рожденій на извѣстный процентъ превышаетъ число смертей. Въ видѣ образца этого противоестественнаго явленія, приведемъ выдержку изъ упомянутаго выше капитальнаго труда Хѣнтера, «Индійская имперія» («*The Indian Empire*»), а именно,—отчетъ объ одной Мадрасской области:—

«Въ 1876 г., когда уже давали себя знать голодъ со своей спутницей,—холерой, въ Мадрасѣ зарегистрировано было роженій 632.113, смертей же—680.381. Въ 1877 г., настоящимъ голодномъ году, цифра роженій упала до 477.447, тогда какъ цифра смертей возросла до 1.536.312. Въ 1878 г. послѣдствія голода сказались въ еще болѣешемъ пониженіи

цифры рождений, упавшей уже до 348.346, все еще высокой цифрѣ смертности: 810.921. Въ 1879 г. рождения снова поднялись до 476.307, еще не достигая нормальной средней цифры, а смерти упали до 548.158. Эти цифры—лишь приблизительны, но служатъ примѣромъ того, какъ долго послѣдствія голода можно прослѣдить въ жизненной статистикѣ потерпѣвшаго народа».

Въ довершеніе этой ужасающей картины, упомянемъ, что англійское правительство, за эти три трагическихъ года, 1876—1878,—израсходовало на пособія голодающимъ, наличными деньгами изъ собственной казны, 11,000.000 фунтовъ стерлинговъ (= 110 милліонамъ рублей), не говоря объ убыткѣ отъ неполученныхъ государственныхъ доходовъ. Въ сентябрѣ 1877 въ одномъ Мадрастѣ правительство кормило 2,600.000 душъ; изъ нихъ около 600.000 номинально исполняли какія-то работы, остальные кормились прямо даромъ. Увѣряли, будто это послѣднее страшное бѣдствіе послужило урокомъ англійскому правительству и должно принести полезныя плоды, въ видѣ умноженія и улучшенія путей и средствъ сообщенія между различными областями,—запаски большихъ пространствъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много земли до сихъ поръ пустоеть,—наконецъ, разныхъ болѣе или менѣе важныхъ мѣстныхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью общими силами вознаградить за неравномѣрное распредѣленіе дождей болѣе быстрымъ и правильнымъ распредѣленіемъ и обмѣномъ плодовъ земныхъ между различными областями. Не видно, однако, если судить по новому страшному голоду, постигшему злополучную страну въ послѣднихъ годахъ про-



Ландшафтъ у подножія Виндійскихъ горъ

индійскія
горы.

шлаго столѣтія, чтобъ эти мѣры, если и были приняты, отвѣчали возложеннымъ на нихъ надеждамъ.

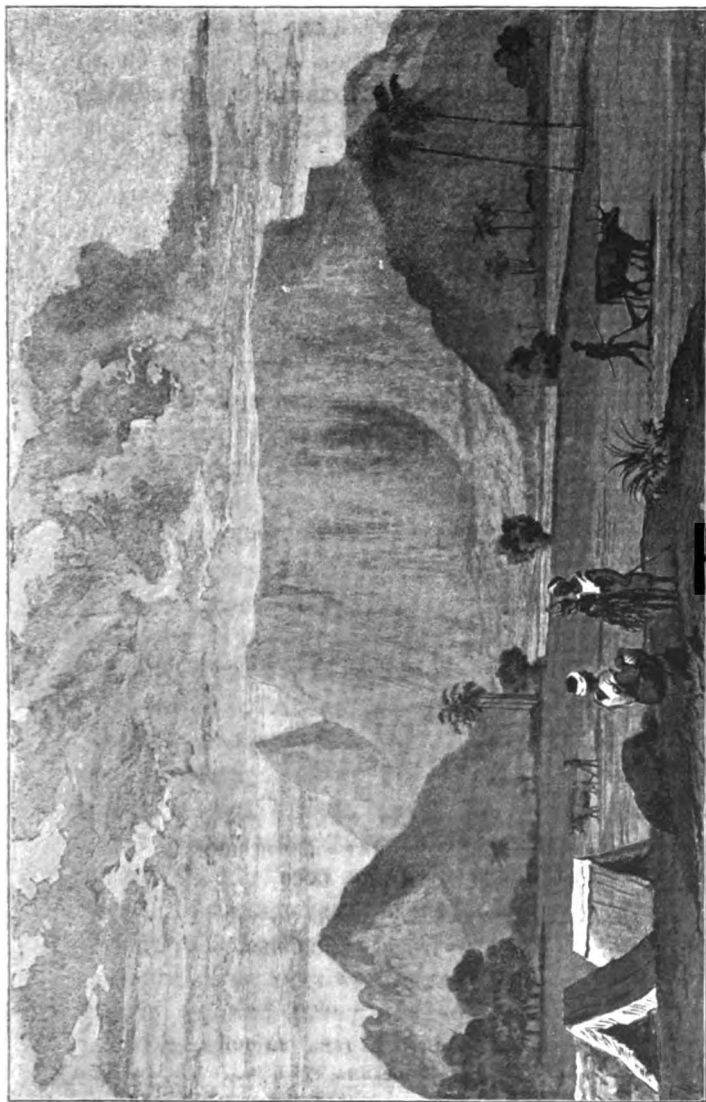
8.—Гималай такъ громаденъ, и по протяженію и по высотѣ (его высшіе хребты достигаютъ среднимъ числомъ до 19.000 футовъ, т. е. до вышины, равняющейся нижней половинѣ атмосферы),—что наше вниманіе невольно останавливается на немъ въ ущербъ другимъ, очень и очень значительнымъ и многочисленнымъ горнымъ цѣпямъ, пересѣкающимъ индійскій материкъ по разнымъ направленіямъ. Однако, и эти горы не изъ малыхъ и тоже, хотя и не въ такой степени, вліяютъ на климатъ и условія жизни въ своихъ различныхъ районахъ, какъ сѣверныя исполины вліяютъ на бытъ всего материка. Четвертая, сравнительно низкая гималайская терраса отлогими уступами спускается въ низменную, жаркую равнину, которая, едва прерываемая еле замѣтнымъ повышеніемъ почвы, образующимъ черту водораздѣла между бассейнами Инда и Ганга, простирается поперекъ материка отъ моря до моря, отъ устья одной до устья другой царственной рѣки. Затѣмъ почва къ югу снова постепенно поднимается и образуетъ широкую горную полосу Виндія, состоящую изъ безчисленныхъ, перепутанныхъ грядъ и отроговъ и раздѣляющую, какъ бы широкимъ поясомъ, континентальную массу Индостана отъ Декхана, который, суживаясь до тупого мыса, представляетъ уже скорѣе полуостровъ. Не взирая на весьма умеренную высоту (среднимъ числомъ отъ 1.500 до 4.000 футовъ, и только одна вершина Абу,



Ландшафтъ въ области Мисоръ.
(Въ Деканѣ).

на западномъ концѣ цѣпи, достигаетъ до 5.650 футовъ),--Виндійскія горы, съ ихъ бѣзконечными лѣсными дебрями и «джунглами», представляли почти непроходимую преграду, пока европейская инженерная наука не пронизала ихъ дорогами и рельсовыми путями, и отдѣлила сѣверную отъ южной половины материка, какъ самъ Гималай отдѣляетъ всю Индію отъ остального міра, такъ что въ теченіе многихъ-многихъ вѣковъ эти двѣ половины не имѣли почти ничего общаго между собою, относительно расы, языка, культуры.

Гаты. 9.—Взглядъ, брошенный на весь Декханъ съ высоты птичьяго полета, показалъ бы намъ неправильно очерченное, треугольное плоскогоріе, поднятое на 1.000—3.000 футовъ надъ уровнемъ морскимъ на трехъ массивныхъ устояхъ, изъ которыхъ сѣверный,—широкая Виндійская цѣпь,—является основой опрокинутаго треугольника, бока котораго составляютъ двѣ цѣпи неравной длины, называемыя Восточными и Западными Гатами. Это названіе, буквально означающее «лѣстницу» или «сходни», особенно соотвѣтствуетъ западной цѣпи, поднимающейся крутыми, утесистыми стремнинами почти отъ самаго моря, только мѣстами настолько отступая отъ края его, чтобы оставить узенькую полоску пахотной, удобообитаемой земли. На такой-то полоскѣ построены богатый, великолѣпный городъ Бомбей, совершенно въ родѣ древнихъ финикійскихъ городовъ, и за нимъ тянутся стѣною Гаты, какъ нѣкогда Ливанъ тянулся за Тиромъ и Сидономъ, царями ханаанскаго поморія. Подобно Ливану же,



Гаты.
(Въ Дехханъ).

Гаты покато спускаются внутрь страны, направляя течение всѣхъ рѣкъ Декхана отъ запада на востокъ. Природа въ этихъ Гатахъ гораздо суровѣе и величавѣе, чѣмъ въ Виндійскихъ горахъ; притомъ они нѣсколько выше: вдоль берега они держатся на равномерной вышинѣ около 3.000 футовъ, и лишь немногія вершины круто поднимаются до 4.700 футовъ; но у южнаго угла полуострова, значительно приподнятаго противъ остального материка, образуется нѣчто въ родѣ узла, связывающаго западные Гаты съ восточными, и тутъ горы вдругъ возвышаются до 6.000 футовъ. Восточные Гаты не образуютъ непрерывную цѣпь, а скорѣе рядъ незначительныхъ грядъ и отроговъ, часто прорѣзываемыхъ широкими проходами, черезъ которые рѣки, питаемая стоками съ западныхъ Гатовъ, легко и мирно текутъ въ море, извѣстное подъ именемъ Бенгальскаго Залива, слишкомъ скромнымъ по его объему.

Лѣсоинстру-
бленіе.

10.—Было время, когда вся южная Индія,—Декханъ,—была «зарыта въ лѣсахъ», по выраженію, которое встрѣчается у всѣхъ древнихъ поэтовъ. Выраженіе это въ наше время было бы непозволительной гиперболой. Огонь и топоръ пахаря, лѣсопромышленника, угольщика работали неустанно около тридцати столѣтій, не ограничиваясь необходимымъ разрушеніемъ, а гуляя безъ нужды, безъ мѣры и разбора. Самые губительные, немилосердые враги древнихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, это—кочевники, остатки старыхъ аборигеновъ, уцѣлѣвшіе отъ вліянія арійскихъ пришельцевъ и завоевателей и до сихъ поръ

ведущіе, въ своихъ горныхъ твердыняхъ ту же болѣе чѣмъ полудикую жизнь, какую вели протцы ихъ, когда первые арійскія племена спустились въ долину Инда. У этихъ племенъ такая привычка: каждый годъ прерывать свои вѣчныя скитанія какъ разъ настолько, чтобы успѣть посѣять рисъ, хлопокъ, просо, или всё вмѣстѣ, гдѣ-нибудь въ своихъ первобытныхъ лѣсахъ, все равно гдѣ бы ни застала ихъ пора посѣва, затѣмъ сѣсть и ждать жатвы. Земледѣльческіе приемы ихъ—тѣ самыя, которые родъ людской придумалъ на самой зарѣ цивилизации. Первымъ дѣломъ, они сжигаютъ лѣсной участокъ, нисколько не стѣсняясь размѣрами и древностью самыхъ мастистыхъ лѣсныхъ великановъ и ужъ конечно не помышляя о томъ, чтобы ограничить опустошеніе. Поэтому огню ничто не мѣшаетъ разгуляться и онъ обыкновенно пожираетъ не одну квадратную милю, вдобавокъ къ участку, который требуется расчистить подъ посѣвъ. Затѣмъ надо вспахать «расчищенную» землю, а для этого годится первый попавшійся инструментъ. Лишь весьма немногимъ племенамъ извѣстно употребленіе какой-то допотопной сохи. Большой частью они довольствуются заступомъ, киркой, даже крючкомъ; нерѣдко они просто царапаютъ почву заостренной палкой: этого вполне достаточно. Въ мелкую борозду кладется сѣмя, слегка прикрывается землею, — а то и нѣтъ, и «земледѣлецъ» спокойно садится и ждетъ. Для богатой, непочатой почвы, да еще удобренной свѣжей золой, вполне достаточно такой подготовки и двухъ-трехъ тропическихъ дождей, чтобы

принести урожай самъ-тридцать или самъ-пятьдесятъ. Нерѣдко получается, одновременно и съ одного участка, нѣсколько жатвъ, весьма простымъ процессомъ: бросаются въ землю разомъ рисъ, кукуруза, просо, потомъ собирается каждый всходъ въ свое время, какъ созрѣетъ. Неудивительно, если кочевники предпочитаютъ такой легкій и благодарный способъ земледѣлія, трудной рутинѣ правильной полевой работы на уже истощенной землѣ. Случается иногда, что они два или три года подъ рядъ засѣваютъ одинъ и тотъ же участокъ, но эти опыты, повидимому, только утверждаютъ ихъ въ ихъ собственной болѣе легкой и пріятной методѣ.

Мѣры къ
лѣсоохр-
ненію.

II.—За послѣднюю четверть вѣка, однако, на эту безбожную процедуру стали обращать вниманіе, съ тѣмъ, чтобы положить ей конецъ. Наукѣ давно признано, что оптовое лѣсоистребленіе приноситъ большой вредъ странѣ гдѣ оно практикуется, даже замѣтно вліяетъ на климатъ и на мѣстные дождевые осадки. Грунтовая влага, привлекаемая корнями, которые ею питаются, будучи лишена защищавшей ее тѣни, высыхаетъ и испаряется; воздухъ по необходимости становится суше и жарче,—или холоднѣе, смотря по широтѣ,—отъ не задержанныхъ ничѣмъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, или палящихъ солнечныхъ лучей; въ то же время прекращаются влажныя испаренія, которыя идутъ отъ лѣсовъ къ образованію облаковъ и тучъ, вслѣдствіе чего оголенный участокъ уже не фабрикуетъ, такъ сказать, самъ себя дождей, а ждетъ ихъ исключительно отъ проходя-

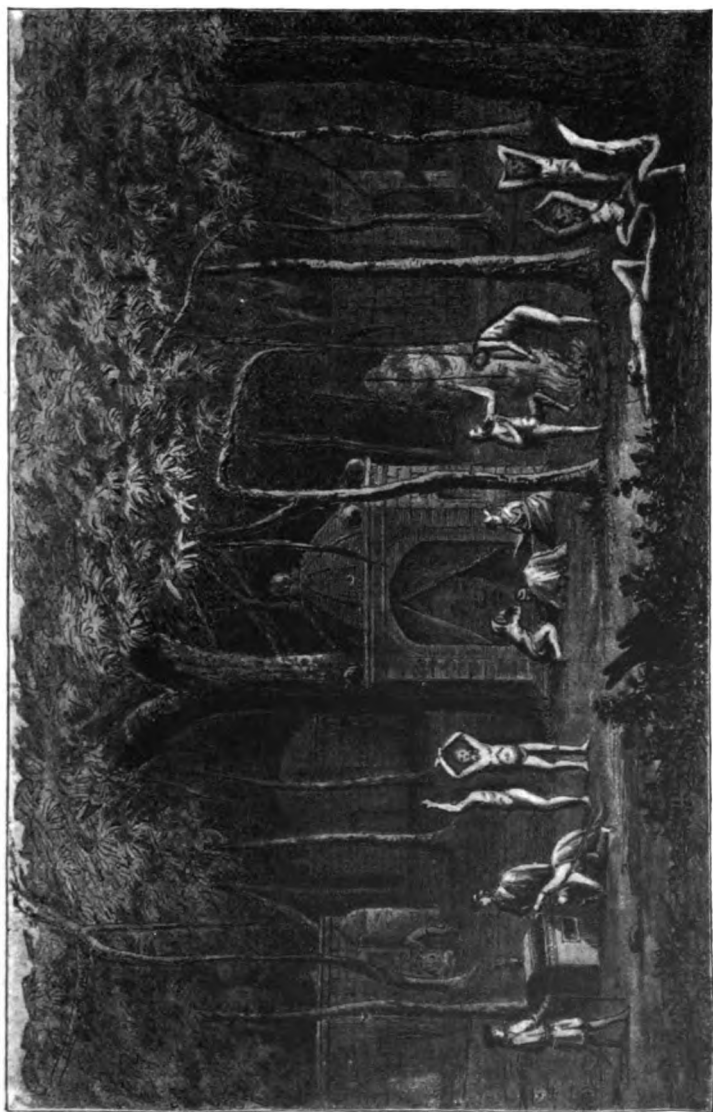
шихъ тучъ и грозъ. Все это дѣйствуетъ особенно пагубно въ тропической Индіи, живущей подъ вѣчнымъ страхомъ засухи, не говоря уже о прямомъ денежномъ убыткѣ отъ ежегоднаго истребленія тысячей исполинскихъ строительныхъ стволовъ. Убытокъ этотъ значительно увеличивается, если вспомнить, что многія тропическія деревья приносятъ немалый доходъ, оставаясь не срубленными: таковы деревья, дающія разныя камеди, — каучукъ, лакъ и другія *). Англійское правительство наконецъ-то сообразило, что положительно необходимо принять энергическія мѣры къ сбереженію еще уцѣлѣвшихъ лѣсовъ и, насколько возможно, къ постепенному возстановленію еще не погубленныхъ окончательно. Двѣнадцать милліоновъ акровъ (побольше четырехъ милліоновъ десятинъ) лѣса «запрещено» (*reserved*), т. е. объявлено государственнымъ имуществомъ и слано на попеченіе особымъ казеннымъ чиновникамъ. Участки эти тщательно отмежеваны, съ нихъ сняты точные планы, кочевые заѣзды и пасеніе скота строго воспрещены, рубка ограничена и урегулирована, избытокъ тропической ползучей растительности, душащей до смерти самыя крупныя деревья, безпощадно срѣзается. Даже «открытые» лѣса подвергаются нѣкоторому контролю, и обширные

*) Лакъ, собственно, не камедь, хотя съ виду похожъ и считается за камедь. Это — смолистый сокъ, отдѣляемый насекомымъ и гнѣздами накапливающийся вокругъ вѣтвей разныхъ деревьевъ. Но безъ деревьевъ не получался бы и лакъ; поэтому онъ столько же составляетъ статью лѣсного богатства, какъ и настоящія древесныя камеди.

участки лѣсной земли обращены въ древесныя школы, въ которыхъ насаждаются и тщательно оберегаются лучшіе сорта строительнаго лѣса.

**Тикъ и
деодаръ.**

12.—Къ счастію, почва такъ неистощимо щедра, и первоначальное лѣсное богатство было такъ велико, что эти мѣры, хотя и запоздалыя, успѣли, несмотря на расхищенія, длившіяся много тысячъ лѣтъ, спасти такую массу лѣса, строительнаго и простого, какимъ похвастается рѣдкое мѣсто на землѣ. Дѣвственныхъ лѣсовъ и нынѣ еще много; они покрываютъ обширныя горныя пространства въ Виндійской полосѣ и, въ особенности, въ дикихъ, пустынныхъ западныхъ Гатахъ, въ которыхъ надъ всѣми другими царить исполинскій *тикъ*, единодушно признанный за «царя дубовъ» и за первѣйшій строительный матеріалъ. Это—мѣстный видъ дуба, которому всего лучше живетъ на высотѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ футовъ; растетъ онъ какъ бы сплошной плантаціей и такъ поглощаетъ все питаніе почвы, что ни одному иному дереву или даже растенію не слобовать въ его владѣніяхъ. Единственный соперникъ тика по размѣрамъ и по качеству лѣса,—сосна, или, вѣрнѣе, лиственница западнаго Гималая, называемая на мѣстномъ языкѣ «божымъ деревомъ» (*déva daru*), изъ чего англичане сдѣлали «деодаръ»). Это дерево растетъ еще выше тика, и достигаетъ полнаго роста и красоты не ниже шести тысячъ футовъ надъ уровнемъ морскимъ; на этихъ же высяхъ стволъ объемомъ болѣе чѣмъ въ четыре обхвата не составляетъ рѣд-



Баньяновая роща.

(Въ ней пріютилась община спасающихся факировъ).
(Съ очень рѣдкой старинной гравюры).

кости; вышины же деодаръ достигаетъ такой громадной, что, даже при такой толщинѣ, дерево кажется стройнымъ. Деодаръ въ старину славился не менѣе ливанскихъ кедровъ и древніе писатели сообщаютъ, что Александръ Великій братъ его на постройку флота. Но Гималай имѣетъ надъ Ливаномъ то преимущество, что онъ въ сторонѣ и вдали отъ армій и завоеваній, и потому до сихъ поръ носитъ свой гордый лѣсной вѣнецъ неприкосновеннымъ, тогда какъ Ливанъ стоитъ развѣнчанный и обнаженный, и лишь мѣстами одинокое дерево повѣствуетъ о давно утраченной славѣ.

Баньянъ
(Ficus
Indica).

13.—Но, какъ ни великолѣпны и ни цѣнны эти два лѣсные царя, ихъ далеко превосходитъ и красотой и размѣрами одно туземное дерево, которое можетъ считаться самымъ характернымъ экземпляромъ индійской растительности. Оно принадлежитъ къ семьѣ смоковницъ, которымъ климатъ и почва Индіи такъ благопріятны, что ихъ, въ разныхъ частяхъ ея, насчитывается не менѣе ста пяти видовъ. Этотъ особый видъ, специально извѣстный подъ названіемъ «индійской смоковницы» (*Ficus Indica*), положительно не имѣетъ себѣ равнаго не только среди деревьевъ своей семьи, но и вообще въ растительномъ царствѣ. Дерево это занимаетъ такое выдающееся и значительное мѣсто въ жизни Индіи, какъ физической, такъ и духовной, и притомъ само по себѣ есть такое диво природы, что нельзя отказать ему въ болѣе подробномъ описаніи даже въ настоящемъ, краткомъ очеркѣ. Заимствуемъ стра-

ничку изъ капитальнаго труда Лассена «*Древняя Индія*» *).

«*Ficus Indica*»—едва ли не самое изумительное растеніе на всемъ земномъ шарѣ. Одинъ и при томъ единственный его корень это цѣлый громадный, зеленый храмъ со многими залами и ходами, съ прохладными, тѣнистыми бесѣдками, непроницаемыми для дневнаго свѣта, какъ будто созданный нарочно и исключительно для того, чтобы служить безпріютному, первобытному человѣчеству готовымъ жилищемъ. Дерево это, какъ строительный матеріалъ, не имѣетъ большой цѣны; плоды его не съѣдобны, и если оно внушаетъ индусу и его сосѣдямъ глубокое благоговѣніе, то оно обязано этимъ своему гигантскому почти сверхъестественному росту, своей несокрушимой долговѣчности и безконечному самообновленію; ко всему немало прелести придастъ таинственный мракъ вѣтвистыхъ галлерей и аллей, дающихъ пріятное и освѣжающее убѣжище въ лѣтнюю, знойную пору. Стволъ, на умѣренной высотѣ отъ земли, развѣтвляется на нѣсколько толстыхъ сучьевъ, которые простираются во всѣ стороны отъ него въ горизонтальномъ направленіи; отъ этихъ сучьевъ тонкіе ростки, — такъ-называемые «воздушные корни»,—спускаются внизъ, пока не коснутся земли, въ которую они пускаютъ корни, послѣ чего они постепенно толстѣютъ и дѣлаются крѣпкими подпорами выпустившихъ ихъ сучьевъ. Центральныи стволъ повторяетъ тотъ же процессъ на большей высотѣ, и второй кругъ сучьевъ, въ свою очередь, спускаетъ множество такихъ же воздушныхъ ростковъ, которые образуютъ второй, наружный кругъ подпоръ или столбовъ. По мѣрѣ того, какъ центральныи стволъ возвышается, онъ даетъ все новые круги горизонтальныхъ сучьевъ, а отъ cadaго такого круга идетъ новый наружный кругъ столбовъ, конечно, не вполне правильной формы, но такъ, что образуется безконечный лабиринтъ густолиственныхъ рощъ, аллей и воздушныхъ галлерей. Именно «безконечный». Увѣряютъ, что послѣдній

*) Christian Lassen «*Indische Alterthumskunde*», изд. 2-е, томъ I, стр. 301 и сл.

ярусъ горизонтальныхъ сучьевъ растетъ иногда на вышинѣ двухсотъ футовъ отъ земли, послѣ чего все дерево увѣнчивается зеленымъ куполомъ, которымъ кончается средній стволъ. Листья, которые растутъ очень близко другъ отъ друга, имѣютъ пять дюймовъ въ длину, три съ половиною въ ширину и, своимъ сочнымъ зеленымъ цвѣтомъ, представляютъ пріятный для глаза контрастъ съ ярко алыми, маленькими несъѣдобными смоквами».

Таково это дивное дерево, болѣе извѣстное подъ общепринятымъ народнымъ названіемъ «*баньянъ*» *), нежели подъ соотвѣствующимъ, научнымъ терминомъ «*Ficus Indica*». Баньянъ, вмѣстѣ съ Гималаемъ и Гангомъ, дополняетъ характерную красоту картины, созданной поэтомъ въ немногихъ чрезвычайно живописныхъ и яркихъ строкахъ (см. стр. 1). Слоны, величаво прогуливаются по тѣнистымъ аллеямъ баньяна, обезьяны хохочутъ и рѣзвятся въ его воздушныхъ галлереяхъ, на верхнихъ вѣтвяхъ ютятся крикливые попугаи и другія птицы, красующіяся въ не менѣе роскошныхъ, многоцвѣтныхъ перьяхъ, но обладающія болѣе пріятными голосами; для этихъ безчисленныхъ, веселыхъ гостей ягоды или маленькія смоквы, презираемыя людьми, представляютъ вкусную и сытную пищу. Едва ли нужно объяснять, что эти деревья растутъ

*) Полагаютъ, что названіемъ этимъ дерево обязано тому обстоятельству, что оно было занесено въ западную часть Индіи странствующими торговцами, называемыми «*баньянами*». Этимъ объясняется и то, что его находятъ во многихъ мѣстахъ вдоль Персидскаго залива, въ нѣкоторыхъ частяхъ Аравіи (Іеменъ), и даже въ Африкѣ, хотя родиной его положительно должно признать индійскій материкъ, гдѣ оно благоденствуетъ вездѣ, исключая джханское плоскогоріе.

одинокое, а не рощами или лѣсами: вѣдь *одно* дерево уже составляетъ, если не лѣсъ, то рощу такихъ размѣровъ, какіе трудно себѣ вообразить безъ помощи цифръ. Къ счастью, многіе баньяны въ точности измѣрены, а нѣкоторые даже сдѣлались историческими знаменитостями. Близъ Мадраса въ старину былъ такой исполинъ, у котораго средній стволъ имѣлъ 28 футовъ въ поперечникъ, а первый кругъ состоялъ изъ 27-ми стволовъ, вышиною каждый отъ 30-ти до 50-ти футовъ и 11-ти футовъ въ поперечникъ; за этимъ кругомъ слѣдовали безчисленные другіе, постепенно убывающей толщины. Огромнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ баньяновъ имѣлъ 1.300 крупныхъ стволовъ и до 3.000 мелкихъ. Подъ его сводами часто ставили лагерь отряды изъ 6—7.000 воиновъ; издали онъ казался одинокимъ, зеленымъ бугромъ, пока, въ 1783 г., его не разломалъ и не разнесъ страшный ураганъ. Вдобавокъ, такъ какъ дерево стояло на островкѣ нарѣкъ Нербуддѣ, вода по временамъ уносила изъ-подъ него размытую почву, и теперь отъ него остался лишь печальный остовъ, по которому, однако, можно судить о его бывшемъ величии. Сколько ему лѣтъ, опредѣлить трудно. Пять столѣтій его существованія исторически засвидѣтельствованы. А затѣмъ, ничего нѣтъ мудренаго, что оно росло не одну тысячу лѣтъ. Вѣдь каждый новый стволъ, пустивъ прочные корни и достигнувъ извѣстной средней толщины, наслѣдуетъ способность, въ свою очередь, развѣтвляться горизонтально и спускать въ землю воздушные ростки, которые всасываютъ пи-

таніе все новой почвы; стало-быть, нѣтъ, собственно говоря, предѣловъ процессу безконечнаго размноженія. Неудивительно, что почти каждое село въ Индостанѣ имѣетъ свой баньянъ и чтитъ его, какъ святилище.

„Ашватта“
или „пип-
пала“
(*Ficus*
Religiosa).

14. — Товарищи Александра Македонскаго восторженно отзываются о баньянѣ, который отъ нихъ-то и получилъ названіе «индійской смоковницы»; но неясно, включаютъ ли они подъ это названіе и другой видъ того же дерева «*Ficus Religiosa*», которое еще болѣе прославилось и играетъ еще болѣшую роль въ народномъ быту, потому что съ древнѣйшихъ временъ считалось и до сихъ поръ считается національнымъ священнымъ деревомъ, хорошо извѣстнымъ подъ туземными народными названіями: «ашватта» и «пиппала». Это дерево часто сажаютъ возлѣ баньяна, такъ, чтобы смѣшивались ихъ листья и стволы, потому что есть повѣріе, будто бы оба дерева разнаго пола, и сочетаніе ихъ представляетъ символъ брака. Контрастъ между крупными, массивными листьями баньяна и легкой, блестящей, вѣчно трепещущей листвою пиппалы пріятно поражаетъ взоръ. Пиппала не достигаетъ такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ баньянъ, и стволовъ у нея не такое множество. Но у нея есть другая, замѣчательная особенность: если отъ нея сѣмя случайно упадетъ на другое дерево,—скажемъ пальму,—или на жилище, отъ этого сѣмени нѣсколько тонкихъ, волокнистыхъ воздушныхъ ростковъ спускаются на землю и пускаютъ корни; а со временемъ, когда эти ростки окрѣпнутъ и увеличатся, обра-

тившись въ стволы, они своей листвою совершенно окутываютъ данное дерево или жилище, и превращаютъ его въ крайне живописный и, на первый взглядъ, загадочный предметъ. Хотя собственно одна ашватта признается священною, однако считается преступленіемъ срубить или повредить и баньянъ. Подъ зелеными сводами того и другого дерева стоятъ жертвенники и изображенія боговъ, совершаются жертвоприношенія и укрываются отъ міра благочестивые отшельники. Впрочемъ, тамъ, гдѣ нѣтъ ни баньяна, ни пиппалы, поселяне безразлично поклоняются самому большому и старинному дереву въ своемъ районѣ; а подъ этимъ благодатнымъ небомъ благоденствуютъ не одни туземныя деревья, но и многія такія, которыя родятся въ Европѣ и вообще любить умѣренный климатъ, а здѣсь тоже достигаютъ небывалыхъ нигдѣ размѣровъ. Такъ, Анкетиль Дюперронъ рассказываетъ, что, въ одно изъ своихъ странствованій по Декхану, онъ однажды предавался полуденному отдыху подъ вязомъ, который могъ своей тѣнью укрыть 600 человѣкъ, и по этому случаю замѣчаетъ:

«Въ Индіи часто нападаешь на подобныя деревья, и странники подъ тѣнью ихъ проводятъ жаркую пору дня; тутъ они страпаютъ принесенную съ собою незатѣйливую провизію и пьютъ воду изъ прудовъ, возлѣ которыхъ насажены деревья; тутъ же вы видите продавцовъ жаренаго въ маслѣ риса и плодовъ, и толпы людей и лошадей съ разныхъ концовъ страны».

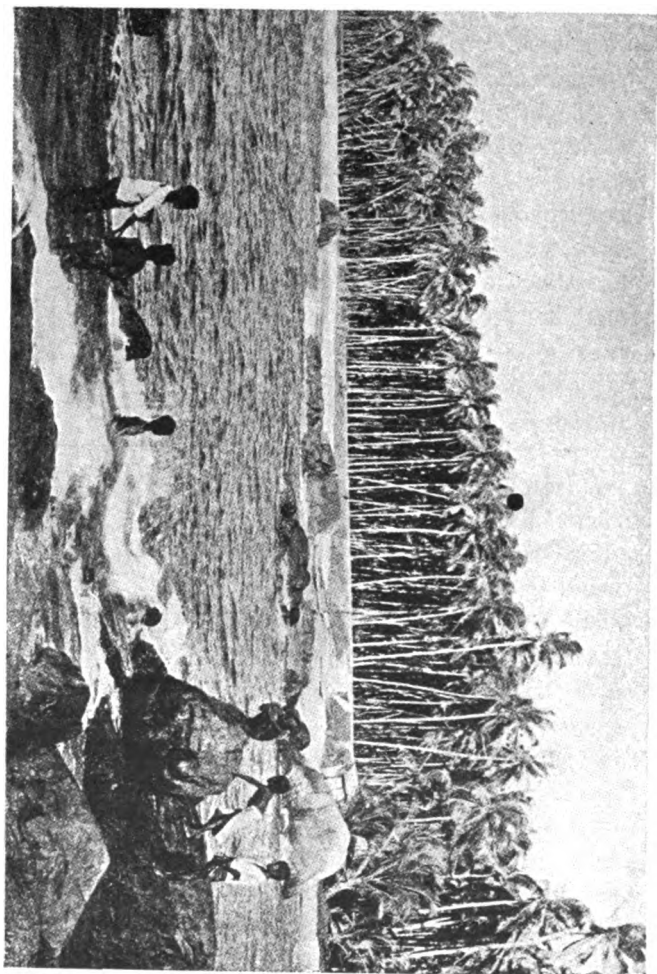
15. — Такимъ же преизбыткомъ жизненной Прочая растительность. силы отличается вообще всякая растительность въ Индіи. Такія растенія, которыя встрѣчаются

и въ другихъ мѣстахъ, въ Индіи непремѣнно достигаютъ необыкновенной величины и изумительной производительности. Такъ, бамбукъ (собственно исполинскій видъ тростника),—изобилующій въ Китаѣ и вообще въ восточной Азіи, въ Индіи дорастаетъ до 60-ти футовъ вышины и пускаетъ такіе громадныя листья, что стадо слоновъ можетъ укрыться въ бамбуковой плантаціи. Бананъ дико растетъ во многихъ частяхъ Индіи и малѣйшая обработка на всемъ материкѣ доводитъ это удивительное тропическое растеніе до баснословной производительности, такъ что не только количество плодовъ, но и число ростковъ изъ одного корня получается гораздо большее, нежели въ любой другой землѣ. Когда, въ концѣ года, высокій, гибкій стебель, гнушійся подъ золотистой ношей, срѣзанъ у самой земли, на его мѣсто изъ того же корня всходитъ до 180 новыхъ плодоносныхъ стеблей и количество пищевого вещества, ежегодно производимаго такой плантаціей, превосходитъ въ 133 раза то количество, которое получается отъ такого же участка, засѣяннаго пшеницею *). Не слѣдуетъ забывать и хлѣбнаго дерева въ перечнѣ растительныхъ сокровищъ тро-

*) Бананъ—тотъ же плодъ, что *пизанъ* на островѣ Явъ и Малайскихъ островахъ. Онъ имѣетъ нѣсколько мѣстныхъ названій, но научный терминъ, принятый въ ботаникѣ — *Musa Sapientum*. Весьма вѣроятно, что бананъ составляетъ главную статью въ скудной, строго вегетаріанской пищѣ индусскихъ богомольцевъ и отшельниковъ, какъ замѣчено уже греческими и латинскими писателями, и оттого получилъ названіе *Musa Sapientum*—«Муза мудрецовъ».

пической Индіи. Что же касается пальмъ, то не менѣе сорока двухъ видовъ ихъ раскачиваютъ свои граціозныя, зонтообразныя главы надъ очаровательными мѣстностями Индостана и Декхана, и большая часть изъ нихъ служитъ источникомъ богатства столько же, сколько и украшеніемъ ихъ. Изъ нихъ самое первое мѣсто принадлежитъ кокосовой пальмѣ, которая одна, своими плодами, листьями, деревомъ, корнями, удовлетворяетъ почти всѣ жизненныя потребности жителей многихъ острововъ, почти неимѣющихъ другаго пропитанія, другого промышленнаго матеріала, тогда какъ въ этомъ благодатномъ краѣ она представляетъ лишь одну статью несмѣтнаго богатства. На островѣ Цейлонѣ есть лѣсъ изъ кокосовыхъ пальмъ, въ которомъ сосчитано *одиннадцать милліоновъ* деревьевъ, тогда какъ въ Декханѣ, вдоль одного западнаго побережья, много лѣтъ назадъ, платили пошлину за три милліона. Если ко всему этому прибавить хлопчатникъ, сахарный тростникъ и чай (всѣ три индійскаго происхожденія), да ввезенное хинное дерево, — *синчона*, и всѣ туземныя камеди, пряности и разные виды хлѣбныхъ злаковъ, можно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что эта благословенная земля получила большую противъ подобающей ей доли благъ творенія, и все болѣе кажется очевиднымъ, что, при такомъ изобиліи и разнообразіи однихъ уже растительныхъ богатствъ, Индіи не слѣдовало бы такъ ужасно страдать даже отъ продолжительныхъ засухъ, и что нужно лишь больше распорядительности, лучшія средства сообщенія,

Пальмовый лѣсъ на островѣ Цейлонѣ.





Гепарды (читы), ручные охотничьи леопарды.

да главное—менѣе корыстную систему эксплуатаціи многомилліоннаго населенія въ пользу маленькаго островка на дальнемъ западѣ, для того, чтобы стали невозможны такіе ужасы, какіе ознаменовали конецъ прошлаго столѣтія *).

*) Вотъ какъ Герохооть описываетъ хлопокъ въ своей главѣ объ Индіи:—«Есть тамъ нѣкія дико растущія деревья, плодъ которыхъ даетъ шерсть, красотой и добротой превосходящую овечью». Изъ этой самой «древесной шерсти» (замѣтимъ, кстати, что нѣмцы буквально переняли это мѣткое названіе: «*Baumwolle*»), — изготовляли писчую бумагу, про которую знали уже греки временъ Александра.—Что сахарный тростникъ уроженецъ Индіи, о томъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что мы продуктъ его называемъ санскритскимъ именемъ: *шаркара*; по-нашнему—*сахара*, лишь мало измѣненнымъ на нашихъ европейскихъ языкахъ: на латинскомъ — *saccharum*; на славянскомъ—*сахаръ*; на нѣмецкомъ — *zucker*; на итальянскомъ — *zucchero*; на испанскомъ — *azúcar*; на французскомъ—*sucree*; на англійскомъ—*sugar*; не говоря объ арабскомъ—*sukkar* и персидскомъ—*chakar*. Мы не находимъ слѣда такого времени, когда не было бы извѣстно искусство дѣлать изъ сока патоку и вываривать изъ нея сахаръ, хотя, конечно, начали съ того, что жевали и сосали куски самаго тростника, какъ это и теперь дѣлаютъ островитяне Индійскаго океана, да дѣти въ южной Америкѣ и южныхъ штатахъ сѣверо-американскаго союза.—Что чай—уроженецъ не Китая, а Индіи, вѣроятно, многихъ удивитъ. Однако, онъ дико растетъ въ Ассамѣ и достигаетъ тамъ иногда размѣровъ большаго дерева. Изъ Ассама чай былъ введенъ въ Китай, гдѣ существуетъ любопытное сказаніе объ этомъ растеніи: будто нѣкій молодой князь, большой любитель науки и философіи, негодуя на необходимость отдавать отдыху по нѣскольку часовъ въ сутки, отнимая ихъ у занятій и созерцанія, въ одну прекрасную ночь вошелъ въ такой неистовый гнѣвъ, почувствовавъ свою не-

16.—Въ такомъ по необходимости краткомъ и неполномъ очеркѣ поневолѣ приходится опустить множество важныхъ статей растительнаго богатства Индіи, и едва можно упомянуть даже о такихъ цѣнныхъ продуктахъ какъ индиго и рисъ. О безконечномъ разнообразіи ея растительности можно судить по тому, что, кромѣ тѣхъ собственно тропическихъ и туземныхъ растений, которыхъ мы сейчасъ слегка коснулись, и многихъ другихъ, здѣсь даже не названныхъ, нѣтъ почти того вида фруктоваго или строительнаго дерева, пищевого или декоративнаго растения, процвѣтающаго въ Европѣ или умѣренныхъ полосахъ Азіи, который бы прекрасно не принялся и въ Индіи. Причину такого чрезвычайнаго избытка почвенной производительности недалеко искать: она заключается въ разнообразіи климатовъ, которые въ Индіи проходятъ всю гамму температуръ, отъ самой жаркой тропической до умѣренной и даже холодной. При одинаковой широтѣ возможна равномѣрность климата лишь въ томъ случаѣ, если страна плоская и вообще поставлена въ одинаковыя условія. Гористая же страна, даже на небольшомъ пространствѣ, представляетъ много разныхъ климатовъ со свойственной каждому растительностью, потому что температура ощутительно понижается

Климатическія причины растительнаго богатства.

способность преодолѣть постыдное оцѣпенѣніе, несмотря на всѣ усилія клонившее его къ ненавистному сну, что онъ отрѣзалъ себѣ вѣки и бросилъ ихъ на землю,—гдѣ онъ пустилъ корни; и выросло чайное дерево, этотъ врагъ и противодѣе снотворнаго мака.

(по одному градусу на 350—500 футовъ),—по мѣрѣ того, какъ возвышается почва; такъ что очень возвышенная мѣстность дѣлится на множество узкихъ полосъ или поясовъ, соответствующихъ, относительно климата и продуктовъ, цѣлымъ странамъ, расположеннымъ въ разныхъ широтахъ. Затѣмъ, положеніе различныхъ горныхъ хребтовъ смотря по тому, какъ они ловятъ и направляютъ или вовсе заслоняютъ тотъ или другой вѣтеръ, то или другое воздушное теченіе, да, наконецъ, бѣльшая или меньшая близость моря,—все это тоже содѣйствуетъ созданію мѣстныхъ климатическихъ условій; Индію же пересекаютъ по всѣмъ направленіямъ безчисленные хребты и отроги, отъ невысокихъ холмовъ до высочайшаго въ мѣрѣ горнаго оплота, вслѣдствіе чего такихъ мѣстныхъ климатовъ несмѣтное множество, такъ что полный обзоръ ея растительности равнялся бы перечню всего, что растетъ на лицѣ земли, отъ настоящей тропической флоры до дубовыхъ лѣсовъ, которыми одѣтъ первый ярусъ гималайскихъ террасъ, и малорослой сѣверной березы, которая скудной, неровной каймой отмѣчаетъ крайній предѣлъ горной растительности.

**Домашія
животныя.**

17.—По тѣмъ же причинамъ, тѣмъ же разнообразіемъ отличается и животное твореніе, или фауна индійскаго материка, какъ дикая, такъ и домашняя. Изъ послѣдняго разряда нѣкоторые виды, должно-быть, туземные уроженцы, напр., собака, которая все еще бродитъ дикими стаями по всему Декхану и по многимъ частямъ Индо-

стана. Индія еще может похвалиться особой благородной породой охотничьих собакъ, огромныхъ, мощныхъ, которыя славились съ очень древнихъ временъ и считались такими цѣнными, что входили въ число предметовъ, требуемыхъ въ видѣ дани, и дарились царямъ и знатымъ особамъ, почти какъ слоны. Геродотъ рассказываетъ про одного персидскаго сатрапа въ Вавилонѣ, при Ахеменидахъ, который держалъ такое множество такихъ собакъ, что за прокормленіе ихъ четыремъ деревнямъ отпускалъ всякія подати и повинности. Въ Вавилонѣ найдена глиняная плитка (терракотта), съ изображеніемъ очень красивой большой собаки съ приставленнымъ къ ней слугой, и полагаютъ, что это—экземпляръ именно этой индійской породы. Александру Македонскому была прислана пара такихъ собакъ, которыя, сказывали, не боялись сразиться со львами.—О слонѣ, царѣ индійской фауны, нечего и говорить, такъ какъ онъ слишкомъ извѣстенъ, равно и то, что его имѣются два вида,—азіатскій и африканскій. Но многимъ читателямъ едва ли извѣстенъ тотъ забавный фактъ, что во всемъ гималайскомъ погорьѣ тяжести перевозятся преимущественно на коровахъ и овцахъ. И тѣ и другія, впрочемъ, принадлежатъ къ особой мѣстной породѣ, приспособленной природой къ этой работѣ. Овцы—крупныя, сильныя. Ихъ нагружаютъ мѣшками и гонятъ на рынки за черту горъ, гдѣ, кромѣ товара (большей частью буръ), съ нихъ снимаютъ и шерсть, затѣмъ гонятъ ихъ обратно въ родныя горы, на-



Дѣвственный лѣсъ. Обезьяны, напуганныя большой змѣей.

грузивъ зерномъ или солью. Корова, напротивъ, малорослая, породы называемой *якъ*, и обладаетъ необычайно густымъ, тонкошерстнымъ хвостомъ; изъ этой шерсти изготовляютъ очень рѣдко и высоко цѣнимую ткань въ родѣ кружевъ. Это полезное животное, крайне выносливое, благополучно доставляетъ немалыя тяжести по такимъ крутизнамъ, гдѣ еле пролегаетъ тропинка, черезъ каменистыя ущелья, и никогда не остушится, не поскользнется.

18.—Изъ дикихъ звѣрей тигра можно назвать національнымъ звѣремъ Индіи, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что его первородина — Индостанъ и что онъ оттуда уже перешелъ въ другія части Азіи, на востокъ и на западъ. Низменныя, жаркія равнины, съ непроходимо-переплетенной болотной порослью (*джунлы*), гдѣ можно поуютнѣ укрыться, — вотъ его царство; и этимъ объясняется, что бенгальскій «царскій тигръ» — самый красивый, могучій, свирѣпый, представитель кошачей семьи. Нѣкогда у него былъ соперникъ: левъ; древняя поэзія Индіи тому свидѣтельство; и льва, а не его болѣе хитраго и кровожаднаго родича, поэты называютъ «царемъ звѣрей». Еще при Александрѣ Великомъ въ Пенджабѣ водились львы, и онъ тамъ охотился на нихъ съ тѣми самыми собаками, о которыхъ говорено выше. Но постепенное измѣненіе въ условіяхъ жизни и поступательное движеніе цивилизации, повлекшее за собою уничтоженіе дремучихъ лѣсовъ, наконецъ выжили его, и теперь осталось только нѣсколько львиныхъ семей въ одномъ лѣсномъ участкѣ

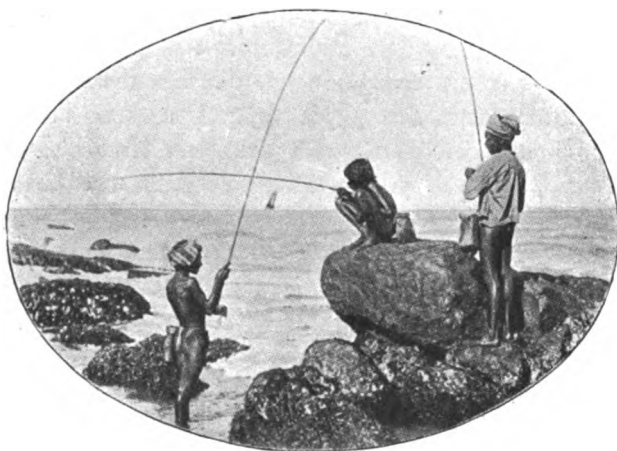
Тигръ и
левъ.

на полуостровѣ Гуджератѣ, подъ строгой правительственной охраной. Другое дѣло—тигръ. Его ничѣмъ не выжить, и хотя бенгальскіе джунгли, безъ сомнѣнія, были его первымъ и любимымъ мѣстопребываніемъ, однако онъ подвигался на западъ, по мѣрѣ того, какъ левъ уходилъ; вмѣстѣ же, въ одномъ районѣ, или даже настолько близко, чтобы они могли слышать или встрѣчать другъ друга, тигръ и левъ никогда не уживаются. Пока у него вдоволь дичи, — антилопъ, оленей, сернъ, кабановъ, — тигръ не особенно опасный сосѣдъ; отчасти даже, въ такихъ мѣстностяхъ, полезень хлѣбопашцу, которому всѣ эти животныя наносятъ огромный ущербъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ дичи и ему приходится довольствоваться домашнимъ скотомъ, его присутствіе, конечно, крайне непріятно и разорительно; но словъ нѣтъ, чтобы описать ужасы присутствія въ данной мѣстности тигра «людоеда», т. е. такого, обыкновенно стараго, матерого звѣря, который разъ отвѣдалъ человѣческаго мяса и крови, потому что онъ уже никогда не захочетъ утолять голодъ никакой другой добычей. За тигромъ вообще, а за «людоедомъ» подавно, водится гнусная привычка, — убивать больше, чѣмъ ему требуется для пищи. Оставляя въ сторонѣ рассказы охотниковъ, которыхъ, пожалуй, можно заподозрить въ преувеличеніи и хвастовствѣ, приведемъ нѣсколько сухихъ статистическихъ фактовъ: въ одной мѣстности, однимъ тигромъ въ три года убито 108 человѣкъ; другой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ убивалъ человѣкъ по 80 въ годъ;

13 деревень и около 100 десятинъ доходной земли заброшено обывателями, бѣжавшими отъ третьяго; а четвертый (въ 1869 г.) въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль растерзалъ 127 человекъ и не пропускалъ никого по большой дорогѣ, пока его не убилъ англичанинъ, страстный спортсмэнъ. Подсчетъ всѣхъ этихъ отдѣльных случаевъ даетъ ужасающія цифры. Такъ, за одинъ 1877 г. получился итогъ: убито тиграми во всей Индіи 819 человекъ и 16.137 головъ скота, а за 1882 г.—893 человека и 16.517 головъ скота. Пріятно внести въ активъ этого бюджета 1.579 тигровъ, убитыхъ туземными охотниками въ 1877 г. и 1.726—въ 1882 г. Впрочемъ, эти шкуры обошлись не дешево правительству, которое заплатило за нихъ наградами, въ 1877 г. 3.777 фунт. стерл. (почти 37.770 руб.), а за 1882 г. 4.800 ф. ст. (48.000 руб.). А между тѣмъ, какъ это не покажется невѣроятно, это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, сколько людей погибаетъ отъ укуса змѣй. Нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ столько змѣй, какъ въ Индіи; притомъ, словно по уговору, тамъ собрались всѣ ядовитѣйшіе виды. Открытыя со всѣхъ сторонъ жилища, требуемая жаркимъ климатомъ, и привычка туземцевъ спать на открытомъ воздухѣ, въ садахъ, рошахъ, лѣсахъ, словомъ—во всякомъ тѣнистомъ мѣстѣ, доставляютъ имъ случаи, которыми онѣ слишкомъ усердно пользуются, укрываясь лѣтомъ въ садахъ отъ зноя, а зимою въ домахъ отъ дождей. Поэтому, смертность отъ змѣй почти равняется повальной эпидеміи. Въ



Уборка чая въ Ассамѣ.

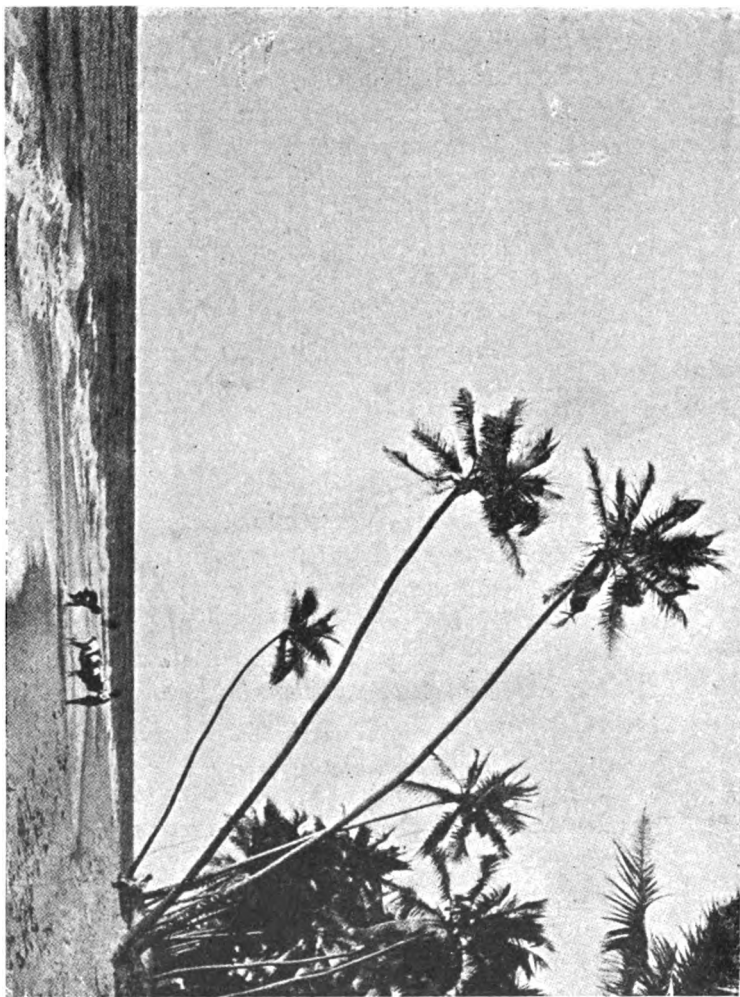


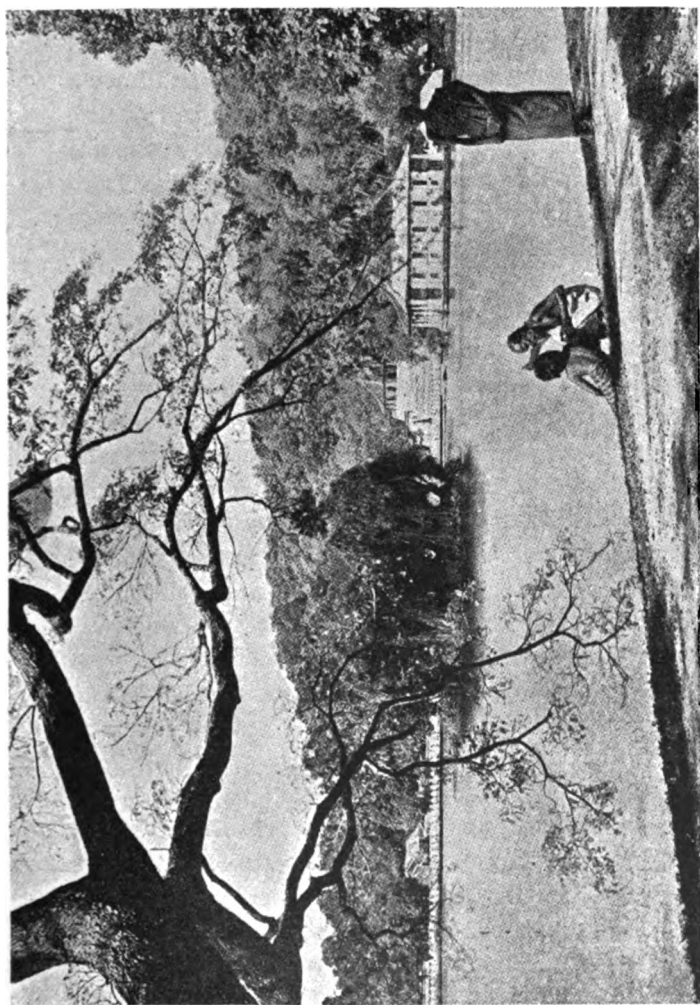
Мальчики рыболовы на островѣ Цейлонѣ.

томъ же 1877 г. отъ нихъ погибло 16.777 человекъ, несмотря на то, что убито ихъ было 127.925 штукъ, за что отъ казны было выплачено 811 ф. ст. (8.110 руб.), а въ 1882 г. число жертвъ достигло 19.519, тогда какъ тиграми, леопардами, волками и всѣми хищными звѣрями, вмѣстѣ взятыми, въ этомъ году было загублено всего 2.606 человекъ, а убито въ томъ году 322.420 ядовитыхъ гадовъ, за которыхъ наградъ выплачено 1.487 ф. ст. (14.870 руб.).

19.—Смѣшно, на ряду съ такимъ бичомъ, какъ **Насѣкомыя**, тигры и змѣи, называть миллионы насѣкомыхъ; однако, и они усердно стараются отравлять жизнь тѣхъ, кто недостаточно богатъ, чтобы защищаться отъ нихъ разными мудреными и дорого стоящими приспособленіями. Съ другой стороны есть два насѣкомыхъ, которыя во всякой другой странѣ считались бы важной доходной статьей, здѣсь же, среди столькихъ богатствъ, еле обращаютъ на себя вниманіе. Это—насѣкомое, которому мы обязаны безподобнымъ красивымъ веществомъ,—лакомъ, да шелковичный червь. Последняго, подобно чайному дереву, мы привыкли считать исключительнымъ достояніемъ Китая, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ столько же индійскаго происхожденія, какъ индиго и рисъ. Въ связи съ шелководствомъ разводится, конечно, шелковица, но далеко не повсемѣстно, потому что многіе виды шелковичной гусеницы такъ же охотно питаются и другими растеніями. Одинъ кормится листьями священной ашваттѣ (*Ficus Religiosa*), а потому прозванъ *дэва*, «божествен-

Пальмы у морского берега, на острове Цейлонъ.





Озеро Нанди на островѣ Цейлонѣ.

ный», и цѣнится очень высоко,—впрочемъ, не изъ одного суетвѣрія; шелкъ его, по доброкачественности, ставится чуть ли не выше того, который получается отъ шелковицы, отличаясь и крѣпостью и красивымъ глянцемъ; этимъ онъ, можетъ-быть, обязанъ смолистому содержанію сока какъ ашватты, такъ и баньяна: смола часто сочится изъ коры ихъ, сгустившись, дѣлается похожей на каучукъ и собирается для продажи.

Минеральное богатство.

20.—Даже самый краткій и бѣглый обзоръ физическихъ чертъ Индіи будетъ слишкомъ неполонъ, если не упомянуть о минеральныхъ богатствахъ ея. Со словомъ «Индія» соединяется понятіе о золотѣ, жемчугѣ, брилліантахъ и всевозможныхъ камняхъ. Понятія эти, по правдѣ сказать, подтверждались привозимыми на западъ сокровищами, то путемъ законной торговли, начиная со временъ финикіянъ, а то и просто путемъ кражи или открытаго грабежа, прикрываемыхъ громкимъ именемъ «завоеванія». Если бы не эти сокровища и возбуждаемая ими алчность, Индія, вѣроятно, не сдѣлалась бы ристалищемъ столькихъ народовъ Европы и Азіи, готовыхъ на всякіе подвиги, на всякія беззаконія, чтобы стяжать себѣ и оттягать у другихъ мѣсто на ея землѣ, отъ самома́лѣйшаго участка до цѣлыхъ государствъ, и, можетъ-быть, осталась бы свободною страной, не извѣдала бы горечи чужестраннаго владычества. А между тѣмъ, теперь оказывается, что ея дѣйствительное, наиболѣе солидное минеральное богатство заключается не столько

въ золотѣ и блестящихъ камняхъ, столько вѣковъ плѣнявшихъ сосѣдей и дальніе народы, сколько въ не столь красивыхъ, но болѣе полезныхъ, притомъ неистощимыхъ рудахъ и минералахъ: въ угольныхъ залежахъ, простирающихся подъ всѣмъ среднимъ Декханомъ; въ нефтяныхъ источникахъ Пенджаба, Ассама и Бирмы; въ соли, которая вываривается изъ морской и озерной воды, а въ сѣверо-западномъ Пенджабѣ добывается, несравненной чистоты, изъ цѣлаго ряда массивныхъ соляныхъ скалъ; въ селитрѣ, покрывающей громадныя пространства въ долинахъ Верхняго Ганга; въ желѣзѣ, которое находятъ почти во всѣхъ частяхъ материка; въ богатыхъ мѣдныхъ копяхъ Нижняго Гималая,—наконецъ въ разныхъ каменоломняхъ, дающихъ строительный камень, мраморъ, шиферъ и пр. Что до золота, то Индія всегда считалась золотоносною землею, и въ рѣкахъ съ самыхъ древнихъ временъ золото вездѣ промывалось кое-какъ, въ малыхъ размѣрахъ; стало-быть, оно, несомнѣнно, существуетъ во многихъ мѣстностяхъ и, весьма можетъ быть, въ большихъ количествахъ, но настоящимъ образомъ золотопромышленность какъ-то не процвѣтаетъ и большихъ результатовъ не даетъ; никто, почему-то, еще не принимался за дѣло систематически. Серебра больше нигдѣ не находятъ, и знаменитые алмазы легендарной Голконды такъ и остаются сказочнымъ преданіемъ; да и другихъ драгоценныхъ камней, за исключеніемъ, пожалуй, сердолика, оникса, агата и ляписъ-лязули, тоже что-то не много: либо

копи истощены, либо, — всего вѣроятнѣе, — огромныя количества, вывозимыя въ видѣ подарковъ, товара или военной добычи, да тѣ запасы, которые теперь еще покоятся въ казнѣ туземныхъ князей, происходили отъ постепеннаго накопленія въ тѣ долгіе вѣка, когда Индія жила особнякомъ, своею жизнью, прежде чѣмъ о ней узнали и насильно въ нее ворвались иностранцы.

Островъ
Цейлонъ.

21.—Однако, есть одна область, болѣе чѣмъ осуществляющая всѣ фантастическія легенды о баснословномъ богатствѣ Индіи, это — островъ Цейлонъ, сравнительно поздно присоединенный къ арійской державѣ. Величиною онъ равняется, приблизительно, тремъ четвертямъ Ирландіи, и ему, дѣйствительно, подобаешь слава, такъ долго ошибочно приписываемая сосѣдному матеріку: — богатѣйшей въ мірѣ сокровищницы рѣдчайшихъ, совершеннѣйшихъ драгоценныхъ камней почти всѣхъ извѣстныхъ родовъ, независимо отъ жемчужнаго промысла, который поставляетъ безусловно прекраснѣйшій въ мірѣ жемчугъ, превосходящій даже жемчугъ Персидскаго залива чистотой и радужными отливами. Не менѣе роскошна и растительность острова. Внутренность его — одинъ сплошной тропическій лѣсъ, въ которомъ всѣ пальмы, строительныя, камедистыя и фруктовыя деревья Индіи благоденствуютъ рядомъ съ деревьями Европы и другихъ умеренныхъ климатовъ; хлопчатникъ тутъ дѣйствительно достигаетъ роста дерева, тѣмъ оправдывая преувеличенное, на первый взглядъ, описаніе Геродота (см. стр. 42). Ко всему этому надо при-

бавить кофейное дерево, растущее тутъ въ дикомъ состояніи, чудное хлѣбное дерево, разныя цѣнныя пряности, каковы: ваниль, корица и пр., а за послѣдніе годы и богатая чайная плантація. Фауна Цейлона не менѣ замѣчательна; островъ изобилуетъ всевозможными красивыми и полезными животными, кромѣ лошадей, которыхъ нѣтъ вовсе, и славится своей породой слоновъ: они ростомъ поменьше другихъ, но необыкновенно умны и легко приручаются. Если ко всему этому прибавить почву, правильно дающую три жатвы въ годъ, чудный и здоровый климатъ, нечрезмѣрно жаркій, несмотря на близость экватора, а равномерно мягкій и пріятный, вслѣдствіе удачнаго сочетанія горъ и моря, и, слѣдовательно свободный отъ лихорадокъ и маляріи,—то станетъ понятно, почему этотъ дивный островъ давно объявленъ лучшимъ перломъ въ индійской коронѣ, и его смѣло можно назвать по преимуществу «сокровищницей востока», хотя названіе это вполнѣ подобаешь и всей этой несравненной части нашей обитаемой земли.



Слоны и буйволы на водопой.

II.

Арійцы.

Арійцы въ
Индіи и въ
Иранѣ.

1.—Въ такомъ трудѣ, который ставитъ себѣ задачей, въ рядѣ параллельныхъ картинъ, представить исторію нѣсколькихъ народовъ, различныхъ по расѣ, культурѣ, религіи, совѣмъ или почти современныхъ другъ другу, бываетъ иногда очень не легко отдѣлять ихъ одинъ отъ другого, потому что между ними устанавливается взаимодѣйствіе, съ которымъ необходимо считаться, иначе выйдутъ безсвязные, отрывочные очерки, и многія характерныя черты будутъ либо вовсе пропущены, либо останутся неуясненными. Затрудненіе еще увеличивается, когда имѣешь дѣло съ двумя родственными народами, на каждомъ шагу выдающими свое первоначальное единство разительными общими чертами и сходствомъ такимъ, что невольно кажется—недавно было то время, когда они еще были нераздѣльны, а между тѣмъ это время лежитъ далеко за предѣлами всякой возможности историческаго изслѣдованія. Таковы именно два народа-брата: арійскіе индусы и иранцы. Невозможно надлежащимъ образомъ освѣтить исторію и культуру одного, не сопоставивъ и не сравнивъ

ихъ съ исторіей и культурой другого, при чемъ многочисленныя одинаковыя или сходныя черты неизбѣжно выдають ихъ общее происхожденіе, такъ какъ черты эти, очевидно, не заимствованы однимъ у другого, а унаслѣдованы обоими отъ общихъ предковъ. Такъ, въ предыдущемъ томѣ, говоря объ иранцахъ, ихъ культурѣ и религіи, волей-неволей пришлось затронуть много такого, что принадлежитъ собственно настоящему тому*). Оказалось, что, занимаясь духовной жизнью иранцевъ, «нѣтъ возможности совершенно отдѣлять ихъ отъ ихъ индійскихъ братьевъ, потому что эти двѣ вѣтви арійскаго дерева такъ тѣсно срослись вначалѣ, жизненный сокъ въ нихъ такъ явно одинъ и тотъ же, что изученіе одной неизбѣжно влечетъ за собой изученіе и другой**). Поэтому волей-неволей пришлось остановиться, чтобы отдать себѣ отчетъ въ условіяхъ быта праотцевъ тѣхъ и другихъ, въ эпоху, называемую «индо-иранскою», т. е. эпоху, предшествующую отдѣленію будущихъ заселителей Ирана отъ будущихъ завоевателей Индіи, когда тѣ и другіе побрели въ земли, далекія другъ отъ друга и отъ общей первородины, которыми имъ суждено было владѣть грядущіе, несчетные годы. Достаточно было бѣглого очерка для пониманія исторіи Ирана, потому что народы этой вѣтви вскорѣ ушли далеко отъ родного ствола и пошли совѣмъ особою дорогой. Другое дѣло — народы, сошедшіе въ Индію и тамъ поселившіеся. Они были просто

*) См. «Исторію Мидіи» и пр. главы II—V.

**) Тамъ же, стр. 44.

продолженіемъ родного ствола. Они не порвали съ праѣдовскими традиціями, а напротивъ, свято хранили ихъ и только, въ теченіе времени и дальнѣйшихъ кочеваній, выработали изъ нихъ болѣе сложную религію, а впослѣдствіи — философскія системы основанныя на тѣхъ самыхъ началахъ которыя, въ болѣе грубыхъ, простыхъ формахъ, были ихъ исконнымъ духовнымъ наслѣдствомъ и достояніемъ. Этотъ-то процессъ развитія крайне важно, да и занимательно прослѣдить отъ самаго начала, если мы желаемъ понять этотъ, самый близкій къ намъ изъ восточныхъ народовъ, — близкій по складу ума, по языку, по нравамъ. Такимъ образомъ, мы возсоздаемъ прошлое нашей собственной расы при самомъ вступленіи ея въ духовную жизнь; мы узнаемъ, какъ наши праотцы, въ непомѣрно глубокую древность, не только жили и трудились, не только мыслили и молились, но стали мыслить и молиться впервые.

Задача из-
слѣдова-
теля.

2.—Интересная задача, но далеко не легкая. Если учиться трудно, то гораздо труднѣе *раз-*учиться, — забыть все, что мы усвоили за много лѣтъ сознательнаго или безсознательнаго процесса умственного впитыванія, благодаря которому все, что мы узнали и познали, становится частью нашего бытія — частью самою не отъемлемою. А между тѣмъ, это именно и требуется для того, чтобы вполне усвоить себѣ *начало* всего высшаго развитія, результатами котораго, какъ плодами его, намъ дано пользоваться, или же, что передъ нашими глазами, — увь, — отцвѣтаетъ и отживаетъ. Мы должны на время забыть все, что

составляетъ суть нашего духовнаго бытія столько же, сколько движеніе и дыханіе составляютъ суть нашего бытія физическаго. Только такимъ образомъ, двигаясь, такъ сказать, обратнымъ ходомъ, шагъ за шагомъ сбрасывая статью за статью нашего умственнаго балласта, сможемъ мы выйти изъ границъ нашего узкаго я и стать на мѣсто нашихъ праотцевъ, мыслить ихъ умными, но не учеными мыслями, чувствовать ихъ первобытными, самородными чувствами.

3.—Вообразимъ же ихъ, этихъ нашихъ праотцевъ, арійцевъ, на ихъ континентальной перво-
родинѣ,—не Индіи и не Иранѣ, а нѣкоемъ доселѣ еще не установленномъ, несмотря на изслѣдованія, краѣ, — гдѣ прародители и индусовъ, и иранцевъ, и еще многихъ народовъ много вѣковъ жили одной нераздѣльной семьей, до того роковаго дня, когда безпокойный духъ, свойственный нашей расѣ, шевельнулся въ ихъ селеніяхъ. Конечно, рѣчь идетъ о народѣ еще грубомъ и не развитомъ, но далеко не безусловно дикомъ и даже имѣющимъ прошлое, о народѣ отчасти осѣдломъ, знакомомъ съ промыслами и ремеслами, указывающими на вѣка спокойной осѣдлости, при условіяхъ, благопріятныхъ выработкѣ существеннѣйшихъ основъ нравственной и общественной культуры и матеріальнаго благосостоянія. Чисто кочевымъ тоже нельзя назвать народъ, который живетъ собственнымъ сельскимъ хозяйствомъ, перейдя уже отъ одиночной семейной жизни въ хижинахъ, поставленныхъ на огороженныхъ участкахъ земли, къ общинному строю, который

Арійцы до
раздѣленія.

научился собираться въ поселенія для общей обороны и взаимной помощи. Его быть представляет нормальное и здоровое единеніе земледѣлія и скотоводства, словомъ — всѣхъ занятій, которыя у насъ носятъ общее названіе «сельскаго хозяйства». При чрезмѣрномъ обиліи всякакъ хищныхъ звѣрей, день и ночь угрожавшихъ людямъ и скоту, охота не только считалась забавой, какъ у всѣхъ неизмѣненныхъ народовъ, а напротивъ она была необходимой, давая при этомъ возможность разнообразить молочную и растительную пищу. Разъ достигнувъ довольно уже высокой ступени культуры, арійцы быстро стали преуспѣвать въ дѣлѣ общественнаго строенія, потому что умственное развитіе народа всегда идетъ объ руку съ матеріальнымъ благополучіемъ. Нѣтъ интереснѣе и поучительнѣе задачи, какъ возсоздать быть ихъ изъ тѣхъ скудныхъ матеріаловъ, которыми мы располагаемъ.

Семейный
бытъ, родъ.

4.—Главная и отрадная черта, которую мы замѣчаемъ у древнѣйшихъ, еще не раздѣленныхъ родоначальниковъ нашей расы, это — уваженіе къ семейнымъ узамъ и обязанностямъ. Отецъ признается кормильцемъ и защитникомъ, главой семьи; братья и сестры живутъ въ дружбѣ и ладу и дѣлятъ между собою полевые и домашнія работы. Степени родства по мужу или женѣ опредѣлены въ точности и тоже уважаются. Такимъ образомъ семья расширяется, — является родъ, племя, отецъ семейства, старшій въ родѣ, дѣлается княземъ надъ племенемъ. Родичи вообще

ладать между собою, а если бывают ссоры и даже драки, то большей частью изъ-за стадъ, а позднѣе изъ-за земли или изъ-за главенства, котораго добивается тотъ или другой родъ надъ прочими, сосѣдними. Поводомъ къ военнымъ дѣйствіямъ чаще всего служили безпрестанныя нападенія и безчинства кочевниковъ не-арійскаго корня, которые на своихъ быстрыхъ, неутомимыхъ степныхъ лошадакахъ, словно назойливыя мухи, налетали на пастбища и селенія, раздражавшія ихъ разбойничьи вождельнія, — и племенные узы еще тѣснѣе скрѣплялись потребностями постоянной взаимной обороны.

5.— По нѣкоторымъ указаніямъ мы можемъ представлять себѣ арійцевъ рослыми, богатырскаго сложенія, бѣлокожими, русыми и, вѣроятно, голубоглазыми. Многовѣковое пребываніе въ одной земной полосѣ, въ одинаковыхъ условіяхъ, выработало изъ этихъ мѣстныхъ характеристикъ постоянный типъ, котораго не въ состояніи совершенно изгладить никакое смѣшеніе съ другими расами. Развитію этого прекраснаго физическаго типа немало способствовали и образъ жизни, — умѣренный трудъ на вольномъ воздухѣ, — и благоприятная обстановка: умѣренный, скорѣе холодный климатъ, чередованіе лѣсовъ и равнинъ, обиліе молочной пищи, съ примѣсью хлѣбной и мясной, занятія по скотоводству и земледѣлію. Такой образъ жизни, въ теченіе многихъ вѣковъ не нарушаемый сношеніями съ иноплеменицами, одинъ уже долженъ былъ выработать замѣчательную породу людей. Къ этимъ естественнымъ благо-

Типъ и хозяйство.

пріятнымъ условіямъ присоединяется облагораживающее вліяніе искусства и ремеслъ. Оружіе у арійцевъ по большей части было каменное, отточенное и полированное при неимовѣрной затратѣ труда и времени. Познакомились однако они и съ металлами: золото и серебро они знали несомнѣнно; третій металлъ, до сихъ поръ неузнанный, по всей вѣроятности было желѣзо. Въ наиболѣе отдаленныхъ закоулкахъ, благодаря цѣпкому консерватизму, свойственному крестьянству тамъ, гдѣ люди остались въ сторонѣ отъ вліянія большихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ и живыхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, употребляется и доселѣ, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, незатѣйливая соха. Одѣвались арійцы въ сшитыя звѣринныя шкуры и ткани изъ шерстяной пряжи; жили въ домахъ, имѣющихъ двери и окруженныхъ тыномъ или оградой, съ огороженными садами и дворами, а также хлѣвами для скота и домашнихъ животныхъ,—а водили они почти тотъ же скотъ, что и мы держимъ: лошадей и ословъ, овецъ и козъ, свиней и гусей; собака сторожила ихъ добро, мыши грабили ихъ закрома, а волкъ и медвѣдь — овчарни. Они мололи зерно, жарили и пекли, питая отвращеніе къ сырому мясу. У нихъ были лодки, но плавали они только по рѣкамъ и озерамъ, потому что арійская прародина навѣрно была отдалена отъ моря. Они были ума живого, впечатлительнаго и отзывчиваго; ихъ занимали явленія природы; но въ отвлеченномъ мышленіи они еще не

далеко ушли и считать умѣли только до ста.—
 Такими-то мы можемъ представлять себѣ арій-
 цевъ, живущихъ еще единымъ, не раздѣлен-
 нымъ народомъ, говорящихъ на единомъ языкѣ,
 прежде чѣмъ ихъ повлекъ вдаль кочевой ин-
 стинктъ, овладѣвавшій всѣми народами въ тѣ
 моменты ихъ существованія, когда, отъ тѣсноты
 или отъ семейныхъ и племенныхъ разладовъ, или
 отъ пробуждающейся безпокойной любознательно-
 сти и смутнаго сознанія своихъ силъ, быть-можетъ,
 отъ всѣхъ этихъ причинъ, люди начинаютъ куда-то
 стремиться, и отрядъ за отрядомъ уходитъ, не
 зная куда, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не вер-
 нуться, — и изъ этихъ отрядовъ образуются
 новые народы, которымъ суждено встрѣтиться
 въ грядущіе вѣка уже врагами, забывшими
 давно порванную связь и общее происхо-
 жденіе.

6.—Однако, такъ какъ даже самое смутное
 преданіе начинается лишь много вѣковъ спустя
 послѣ этого первоначальнаго раздѣленія арійскихъ
 народовъ, а заря исторіи застаеъ большинство
 ихъ уже сидящими на земляхъ, которыми они
 въ разное время завладѣли, то оказывается, что
 мы возсоздали картину жизни, о которой не
 имѣется ровно никакихъ осязаемыхъ данныхъ.
 Никакіе памятники,—ни гончарные обломки, ни
 монеты, ни надписи, ни самые неумѣлые іеро-
 глифы,—не восходятъ къ той древней эпохѣ, кото-
 рую мы только что пытались возсоздать. Первыми,
 настоящими историческими памятниками въ Индіи
 являются надписи, высѣченныя въ разныхъ мѣстно-

Отсутствіе
 видныхъ
 памятни-
 ковъ.

стяхъ Индостана, на скалахъ и столбахъ, по вѣлѣнію царя Ашоки, около 250 лѣтъ до Р. Х. Зданій же или развалинъ нѣтъ никакихъ ранѣе 500 лѣтъ до Р. Х. Теперь невольно является вопросъ—неужели мы дали чисто фантастическую картину жизни древней эпохи, руководствуясь какими-нибудь описаніями идиллическаго быта? Нисколько! Можно даже смѣло сказать, что желательнѣе, если бы всѣ такъ-называемыя историческія свѣдѣнія доходили до насъ такими правдивыми, достовѣрными, какъ предыдущій краткій очеркъ эпохи, благодаря чему даже изумительное искусство новѣйшей исторической критики не найдетъ возможности придаться ни къ одному слову. Тамъ, гдѣ исторія бросаетъ свою путеводную нить, языковѣдѣніе поднимаетъ ее,—нить, которую мы сами прядемъ всю жизнь, но чудотворныя свойства которой мы не подозреваемъ, новая наука, подобно Аріаднѣ, научила насъ, къ чему прикрѣпить ее, а тамъ оставалось идти, куда она поведетъ. Эта нить—наши языки.

Начало
санскрит-
ской фи-
лологіи.

7.—Сто слишкомъ лѣтъ назадъ, въ Индіи жило нѣсколько англійскихъ ученыхъ. Они служили въ англійской остъ-индской компаніи и,—совершенно непохожіе на своихъ предшественниковъ, грубыхъ невѣждъ,—сочли своимъ долгомъ ознакомиться съ литературными языками и съ мѣстными нарѣчіями страны, въ управленіи которой они участвовали. То были люди высокаго умственнаго уровня, съ университетскимъ образованіемъ; вступивъ въ духовный міръ, столь для нихъ новый и, повидимому, различный отъ нашего, они заинте-

ресовались имъ, хотя это не входило въ кругъ ихъ обязанностей, и увлеклись изученіемъ. Уорренъ Хэстингсъ, въ то время состоявшій главой компанейской администраціи, горячо сочувствовалъ и всячески поощрялъ ученыхъ, отчасти по политическимъ соображеніямъ, отчасти потому, что личные вкусы влекли его въ ту же сторону. Онъ не ограничился нравственной поддержкой, но оказывалъ своимъ сотрудникамъ и матеріальное пособіе, да, кромѣ того, обратилъ на нихъ вниманіе директоровъ въ Лондонѣ. Подъ его благодѣтельнымъ влияніемъ Чарльзъ Уилькинсъ перевелъ нѣкоторыя части Махабхараты, великой національной эпической поэмы, и составилъ первую санскритскую грамматику на англійскомъ языкѣ; сэръ Уильямъ Джонсъ *) перевелъ народный сводъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ «Уложеніе Ману», а юристъ Кольбрукъ написалъ рядъ мастерскихъ статей объ индійскихъ законахъ, философін, литературѣ и математикѣ. Эти неутомимые изслѣдователи не могли не замѣтить поразительнаго сходства, нерѣдко почти тождественности, санскритскихъ словъ съ соотвѣствующими словами на живыхъ европейскихъ языкахъ и на мертвыхъ языкахъ Эллады и Рима, на древне-славянскомъ и древне-германскомъ. Мысль о великой важности этого открытія сразу озарила ихъ и они усердно принялись за сравнительное изученіе языковъ, съ изумительнымъ по результатамъ успѣхомъ. Но, какъ всегда бываетъ когда люди горячо бро-

*) Врагъ и обличитель Анкетиль-Дюперрона. См. «Ист. Индіи» и пр. стр. 13—15.

саются на новое поле изслѣдованія, многія изъ ихъ заключеній и обобщеній, заявленныхъ черезчуръ авторитетно, вполнѣдствіи оказываются ошибочными, незрѣлыми. Такъ, въ теченіе многихъ лѣтъ санскритскій языкъ считался родоначальникомъ всѣхъ въ мірѣ языковъ. Эта теорія, впрочемъ, была далеко не такъ нелѣпа, какъ другая, незадолго до того установленная какими-то фанатиками, которые, будучи проникнуты чрезмѣрнымъ почитаніемъ всего, что относится къ «вдохновеннымъ книгамъ» нашей вѣры, утверждали безъ всякой научной подготовки, что родоначальникомъ всѣхъ въ мірѣ языковъ должно признать еврейскій. Но все же и новая теорія санскритистовъ могла принести много вреда именно потому, что въ ней заключалось такъ много правды, и послѣдователи ея могли воображать, что они достигли цѣли, когда на самомъ дѣлѣ только ступили на путь къ знанію. Впрочемъ, вопросъ скоро былъ поставленъ на настоящую почву открытіемъ еще болѣе древняго языка, состоящаго къ санскритскому въ такомъ же отношеніи, какъ латинскій къ французскому, итальянскому и испанскому, или древне-германскій къ англійскому. Послѣ того Яковъ Гриммъ открылъ законъ, управляющій измѣненіями согласныхъ при переходѣ изъ одного языка въ какой-либо другой, — законъ, получившій его имя, хотя это лишь одна изъ безчисленныхъ заслугъ этого неутомимѣшаго, всюду свѣтъ вносящаго, работника науки. Единство арійской рѣчи нынѣ установлено внѣ всякой возможности сомнѣнія.

8.—Этотъ общій языкъ,—или, вѣрнѣе, этотъ общій родоначальникъ такъ-называемой арійской семьи языковъ,—оказался бы, если бы было возможно воскресить его, языкомъ того народа, культуру и образъ жизни котораго мы только что пытались возсоздать. Изъ чего? Единственно *изъ словъ*,—скуднаго наслѣдства, оставленнаго имъ намъ, своимъ дальнимъ, по всему свѣту разсѣяннѣмъ потомкамъ. Слова—и только. Но вѣдь въ словахъ воплощаются мысли, чувства, знанія поэтому наслѣдство это въ сущности заключаетъ; въ себѣ исторію человѣчества, его философскія системы, его поэзію, въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Это—орѣховая скорлупа нашихъ сказокъ, изъ которой развертывается волшебная ткань, со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ узоровъ и плѣнительныхъ цвѣтовъ. Если, въ древнѣйшемъ нарѣчій этого утеряннаго языка мы находимъ слова, которыя встрѣчаются и во всѣхъ почти позднѣйшихъ, и даже въ современныхъ арійскихъ языкахъ, неизмѣненные или съ такими легкими измѣненіями, что всякій сколько-нибудь смышленный человѣкъ тотчасъ узнаетъ ихъ,—и если слова эти, всѣ или почти всѣ, относятся къ самымъ существеннымъ и обыденнымъ предметамъ и понятіямъ домашняго обихода и общественной жизни, къ простѣйшимъ занятіямъ и отношеніямъ,—развѣ этимъ не доказывается неопровержимо, что отношенія, выражаемыя этими словами, существовали, что предметы, называемые этими именами, были въ общемъ употребленіи, что дѣйствія, выражаемыя этими глаголами, со-

Слова, какъ культурные памятники.

вершались у этихъ людей, нашихъ предковъ, жившихъ столько тысячелѣтій до насъ? И развѣ этихъ указаній, за неимѣніемъ видимыхъ и существенныхъ данныхъ, недостаточно для того, чтобы составить себѣ весьма опредѣленное представленіе о томъ, какъ жили эти люди, чѣмъ занимались, что думали? Если бы мы могли прослѣдить такимъ образомъ предыдущій очеркъ, неслѣдуетъ ли бы оправдалось каждое слово въ немъ,—именно, буквально «каждое слово», такъ какъ, кромѣ словъ, въ немъ нѣтъ ничего, слова же эти перешли во всѣ языки аріійской семьи, т. е. въ позднѣйшія санскритскія и индусскія нарѣчія, въ древне-авестійскій и ново-персидскій языки, наконецъ, въ языки греческой, латинской, германской, славянской и кельтской вѣтвей.

Значеніе
«корня» въ
языковѣдѣ-
нн.

9.—Навѣрно всякій, сколько-нибудь интересующійся явленіями человѣческой рѣчи, замѣтилъ, что слова распадаются на корни, т. е. что по нѣскольку словъ,—иногда очень много ихъ,—какъ будто сродни другъ другу, или происходятъ одинъ отъ другого, выражая разные отбѣнки или формы одного и того же основного понятія. Если повнимательнѣе взглянуть въ такія слова, окажется, что это, всѣмъ общее, основное понятіе пребываетъ въ нѣкоемъ сочетаніи звуковъ, которое найдется во всѣхъ. Это сочетаніе мы отдѣляемъ отъ слова, которымъ оно сообщаетъ извѣстный общій смыслъ и называемъ его «корнемъ». Возьмемъ для примѣра хоть бы слѣдующія слова:—*стоятъ, столъ, стулъ, стойло, стѣна, станъ, станція, статуя, статуя, ступня, ступень,*

*степень, стойкѣ, и пр. со всѣми безчисленными производными отъ того же корня словами, какъ-то: стойко, стоянка, станокъ, ступить, степенный, простынокъ, станціонный, настоятель, и пр., и пр., почти безъ конца. Какъ ни различны эти слова, смыслъ всѣхъ ихъ вращается вокругъ одного основного понятія, устойчивости, постоянства, стоянія на мѣстѣ; а это основное или центральное понятіе пребываетъ въ сочетаніи ст; оно, такъ сказать, — *душа* всѣхъ этихъ словъ. Говоря техническимъ языкомъ, ст есть корень, изъ котораго они всѣ произошли. Корень этотъ изъ санскритскаго перешелъ во всѣ арійскіе языки, и во всѣхъ необыкновенно развѣтвленъ: если сосчитать слова, составляющія его производныя, ихъ окажется много сотенъ, если не тысячи. Возьмемъ теперь санскритскій корень ар, общій смыслъ котораго — *орать* (плугомъ). Мы находимъ его неизмѣненнымъ въ латинскомъ и итальянскомъ: *arare*, въ славянскомъ *орать*, въ греческомъ *aratron*, латинскомъ *aratrum* — плугъ; въ славянскомъ *опало*, чешскомъ *опадло* — соха; въ англійскомъ *arable* — пахотная земля; въ греческомъ *aroura*, латинскомъ *arvum* — вспаханное поле; наконецъ, въ словѣ *арота, ароматъ*, первоначально, несомнѣнно, означавшемъ своеобразный запахъ рыхлой, влажной, вспаханной земли. Нѣкоторые даже предлагаютъ объясненіе, къ сожалѣнію, недостаточно поддержанное научными доказательствами, — что самое имя арійцевъ (Арія), находится въ связи съ этимъ корнемъ, что народъ, присвоившій это имя, по настоящему называлъ себя «народомъ пашущимъ».*

въ отличіе отъ кочующихъ овцепасовъ, разбойниковъ—сосѣдей-туранцевъ *). Въ то время, когда начинается наше знакомство съ арійцами, слово «Арія» значило «благородный, родовитый, почтенный» и имѣло отчасти даже священное значеніе: въ немъ воплощались національное сознаніе, племенная гордость народа; чувство это, глубокое, пламенное, вдохновляющее, продержалось до весьма позднихъ временъ: мы видѣли, что Дарій, великій персидскій царь, предпослалъ своей родословной гордое заявленіе: «Я—аріецъ, сынъ арійца».

Значеніе
словъ въ
ислѣдова-
ніи до-исто-
рическихъ
временъ.

10.—Ни размѣры, ни цѣль настоящей книги не позволяютъ провѣрить вышеприведенный эскизъ основательнымъ изученіемъ каждаго содержащагося въ немъ слова. Это—дѣло сравнительнаго языковѣднія. Однако, въ виду того, что разборъ словъ за послѣднее время получилъ такое огромное значеніе въ томъ, что можно бы назвать «изученіемъ исторіи до-историческихъ временъ», не будетъ лишнимъ отступленіемъ, если мы ненадолго остановимся, чтобы прослѣдить до начала ихъ хотя немногія изъ словъ, служащихъ единственнымъ, и далеко не обманчивымъ ключомъ къ духовной жизни и матеріальной культурѣ древнѣйшихъ арійцевъ. Дѣйствительно, слова въ этой области такіе же вѣрные руководители, какъ предметы, находимые въ пещерахъ и курганахъ, или, въ

*) «Арія и Тура», въ позднѣйшія, историческія времена—«Иранъ и Туранъ»: вѣчно то же противопоставленіе, тотъ же боевой кличъ. («Иранъ, иранскій»—слегка измѣненныя формы *арія, арійцы*; также и *Принъ*, національное названіе Ирландіи).

области геологіи, ископаемые и отпечатанные слѣды, которыми объясняется значеніе различныхъ каменныхъ породъ и напластованій. Этотъ краткій обзоръ въ то же время послужить указаніемъ и примѣромъ того, какими процессами филологія вліяетъ собственно на возсозданіе исторической эпохи.

II.—Мы уже намекали на великое значеніе коровы въ быту древнѣйшихъ арійскихъ обществъ. Можно прямо сказать, что корова—типичное животное арійской расы; она для арійцевъ совершенно то же, что овца для туранцевъ. Она сопутствуетъ каждому арійскому народу, вездѣ является однимъ изъ главныхъ условій его быта. Самый фактъ преобладанія коровы въ хозяйствѣ даннаго народа есть достаточное доказательство того, что народъ этотъ достигъ осѣдлости, вступилъ въ сельско-хозяйственный фазисъ, потому что корова не приспособлена, подобно овцѣ, къ кочевому быту, не выноситъ постоянныхъ перемѣнъ и долгаго хожденія. Кто на волахъ возитъ тяжести, знаетъ очень хорошо, что ихъ можно гонять только шагомъ, небольшими дневными переходами, и что имъ необходимо давать отдохнуть вполнѣ по меньшей мѣрѣ одинъ день изъ семи или восьми, если хотѣть, чтобы они держались въ сколько-нибудь сносомъ видѣ. Кромѣ того, они разборчивы на кормъ, наконецъ, малѣйшее нерадѣніе или недосмотръ въ уходѣ влечетъ за собою исхуданіе, упадокъ силъ, мучительное тресканіе копытъ, затѣмъ заболѣваніе и, въ весьма скоромъ времени, смерть.

Роль коровы въ народной жизни арійцевъ.

Корова
"го".

12.—На санскритскомъ языкѣ корова зовется го, во множественномъ—гавас, и этотъ корень, съ измѣненіями, мы находимъ въ нѣкоторыхъ арійскихъ языкахъ: въ древне-германскомъ *хуо*, нѣмецкомъ *kuh* (*ку*), англійскомъ *cow* (*коу*). Славянскіе языки сохранили этотъ корень, какъ и много другихъ, въ наиболѣе схожемъ съ подлинникомъ видѣ. Въ древне-славянскомъ мы находимъ *ювядо*, стадо рогатаго скота; въ русскомъ—*ювядина*, мясо быковъ и коровъ; *юсподь*, *юсподинъ*, — первоначально означающее «скотовладѣльца»,—такъ же, какъ и *юсударь* и юго-славянскій титулъ *юсподарь*: слова, соответствующія санскритскому *юпа*,—«пастухъ», а впоследствии—«государь» *). Слѣдую тому же процессу образованія сложныхъ словъ изъ простаго коренного слова, причемъ прямое значеніе послѣдняго постепенно мѣняется или осложняется болѣе или менѣе тонкими оттѣнками, санскритское слово *ютра*, буквально означающее «ограду, охраняющую стада отъ воровъ и мѣшающую ему разбѣжаться», постепенно принимаетъ смыслъ семьи, затѣмъ рода, наконецъ, племени, т. е. сборище людей, живущихъ въ однѣхъ стѣнахъ.

Корень
"и а".

13.—Разберемъ повнимательнѣе нѣкоторыя слова, выражающія тѣснѣйшія семейныя узы: въ нихъ мы найдемъ драгоцѣнныя указанія на суть

*) Близость этихъ двухъ понятій: «пастухъ»—вождь, правитель скота,—и «государь», вождь, правитель людей,—подмѣчена не со вчерашняго дня; о томъ свидѣтельствуетъ поэзія и литература всѣхъ вѣковъ: кто не помнить «пастырей народовъ» (ποιμὲν λαῶν) у Гомера?

нравственного быта арііцевъ и доказательство того, что, не взирая на апріорныя впечатлѣнія и предразсудки, порождаемые неправильнымъ отношеніемъ къ не-исторической, или вѣрнѣе, до-исторической, древности, арііцы этой эпохи, незасвидѣтельствованной никакими памятниками или документами, уже были далеки отъ первобытнаго человѣчества, занятого единственно самой низкой заботой о поддержаніи и сохраненіи физической жизни. Возьмемъ хоть бы слово питар, «отецъ», значеніе котораго тройко: «кормилецъ», «охранитель», «правитель»: развѣ нѣтъ между этими, на первый взглядъ столь различными понятіями, сокровеннаго родства, которымъ вполне оправдываются восторженные слова Макса Мюллера: «Гдѣ бы ни стали мы разбирать человѣческую рѣчь въ строго научномъ духѣ... мы въ ней найдемъ ключъ къ нѣкоторымъ изъ глубочайшихъ тайнъ человѣческаго ума»... И развѣ не говоритъ въ пользу высокаго уже развитія нравственнаго сознанія то обстоятельство, что корень па, изъ котораго просходитъ слово питар, «отецъ», не значитъ «родить», а «кормить», «охранять»? Вѣдь это доказываетъ, что отецъ-аріецъ признавалъ и принималъ на себя обязанности и отвѣтственность по отношенію къ существамъ, связаннымъ съ нимъ этими святейшими узами. Каждая обязанность даетъ и соотвѣтственное право, и наоборотъ, и потому съ незапамятныхъ временъ признавалось за неоспоримую истину, что тотъ, кто исполняетъ относительно семьи долгъ кормильца и охранителя,

само собою разумѣется, пользуется правомъ управлять ею, что его воля должна быть закономъ для всѣхъ, кто отъ его любви и труда ожидаетъ содержаніе, пріятность жизни и безопасность. Отсюда, и изъ того же корня п, слово пати, «хозяинъ, господинъ». Такимъ образомъ объясняется и слово *patriarchъ*, въ которомъ греки сочетали оба понятія: «отецъ» и «правитель». Это слово—*numar*, легко прослѣдить въ большинствѣ арійскихъ языковъ, древнихъ и новыхъ, хотя оно, какъ водится, тутъ прибавить букву, тамъ сбросить, то измѣнить гласную, а то и согласную, такъ что, наконецъ, становится неузнаваемымъ для глаза и уха непріученныхъ къ филологическимъ выходкамъ. Такъ, санскритское *numar* (оно не мѣняется въ древне-персидскомъ языкѣ Авесты) легко узнать въ греческомъ и латинскомъ *pater*, въ нѣмецкомъ *vater* и англійскомъ *father* (отъ древне-германскаго *fadar*); родство уже не такъ замѣтно въ итальянскомъ и испанскомъ *padre* и трудно узнаваемо въ французскомъ *père*; а ужъ въ славянскомъ *отецъ*, въ кельтскомъ *ather* и *athar* (въ Шотландіи, Ирландіи, Валлисѣ и Бретани) его можетъ признать только специалистъ.

Корень
n и a.

14.—Слово «мать» еще болѣе распространено во всѣхъ арійскихъ языкахъ, съ меньшими измѣненіями. Санскритское «*мэтаръ*» въ древне-персидскомъ (авестійскомъ) языкѣ мѣняетъ только удареніе, и является почти неизмѣненнымъ въ греческомъ *meter* и латинскомъ *mater*, даже въ славянскомъ *матерь*, и слегка сокращенномъ рус-

скомъ *matъ*, легко узнается въ кельтійскомъ *mathi* и древне-германскомъ *muotar*, откуда получились нѣмецкое *mutter* и англійское *mother*, но сильно искажено въ итальянскомъ и испанскомъ *madre* и французскомъ *mère*, вѣроятно, ради приемы съ *padre* и *père*. Корень этого слова—ма,—«дѣлать, творить», а также «мѣрить, измѣрять». Сочетаніе это особенно знаменательно, такъ какъ мать, родившая («сотворившая») дѣтей, кромѣ того, «мѣритъ» провизію, пищу и другіе предметы необходимости и раздаетъ ихъ членамъ семьи и домашнимъ. Отъ того же корня получается мас «мѣсяць»,—измѣритель времени,—почему по-санскритски, какъ и по-русски, одно и то же слово означаетъ и свѣтило и время имъ отмѣренное.

15.—И другія слова, означающія близкія степені родства, сохранились въ большинствѣ арійскихъ языковъ. Напримѣръ, санскритскія слова: *братар*—*свасар*, въ Авестѣ: *братар*—*хванхар* *), по-славянски: *братъ*—*сестра*; по-латыни: *frater*—*soror*; на греческомъ языкѣ имѣется слово *frater*, но оно употреблялось въ политическомъ или общественномъ смыслѣ и означало члена одного изъ родовъ или братствъ,—*fratria*,—на которыя дѣлились граждане; для обозначенія кровнаго родства между братомъ и сестрою греки употребляли совершенно другія слова. Древне-германскій языкъ даетъ *brothar*—*svistar*, по-нѣмецки *bruder*—

Другія санскритскія слова, означающія степені родства.

*) *x* постоянно переходитъ въ *c* въ древнихъ языкахъ. Напр., греческія слова: *хепта* (семь), *херпетонъ* (змѣя), по-латыни: *septem*, *serpens*.

schwester, по-английски *brother—sister*. Итальянскій языкъ даетъ по два слова: *frate, fratello—suora, sorella*; но *frate* и *suora* означаютъ лишь духовныхъ брата и сестру,—монаха и монахиню. *Frater* соотвѣтствуетъ испанскому *fray* или *fraille* и английскому *friar*. Кончаемъ французскими *frère—soeur* и кельтійскими *brathir—suir*.—Приведемъ еще санскритское *duhitar*, въ Авестѣ *dughdhar*, по-гречески *thugater*, по-нѣмецки *tochter*, по-английски *daughter*, по-славянски *дщерь*, по-русски *дочь* (дочерь). Латинскій языкъ и его новѣйшія нарѣчія,—языки французскій, итальянскій и испанскій, выбрали другое слово, отъ совсѣмъ иного корня: *filia, fille, figlia, hija*. Степени родства некровного,—свойства, опредѣлены съ меньшей тонкостью, что одно уже свидѣтельствуетъ о далеко не примитивномъ общественномъ строѣ, и означающія эти отношенія слова тоже встрѣчаются во многихъ арійскихъ языкахъ. Приходится довольствоваться однимъ примѣромъ: санскритское *дэвар*, по-русски *деверь*, по-литовски *deveris*, не трудно узнать въ греческомъ *daer* и латинскомъ *levir* *).

Слово
„вдова“
и его куль-
турное зна-
ченіе въ
Индіи.

16.—Закончимъ словомъ, означающимъ не родство, а напротивъ, порванную смертью тѣснѣйшую связь, сохранившимся въ большинствѣ арійскихъ языковъ съ замѣчательной вѣрностью: санскритское *видхава*, по-славянски и по-русски *вдова, вдовица*, по-нѣмецки *wittwe*, по-английски *widow*, по-латыни *vidua*, по-итальянски *vedova*,

*) Д часто переходитъ въ Л; такъ, греческій герой «Одиссей» по-латыни—Улиссъ.

по-испански *viuda*, по-французски *veuve*. Чрезвычайно важно, по отношенію къ новѣйшей и современной Индіи, установить, съ помощью научной этимологіи, истинное значеніе этого слова. Значить же оно: «*безмужняя*». Стало-быть, его одного достаточно для того, чтобы доказать, что брахманы, установивъ и отстаивая безчеловѣчный обычай сожиганія вдовъ вмѣстѣ съ тѣлами мужей, на основаніи, будто бы, исконной священной традиции, совершали и совершаютъ постыдный подлогъ, потому что, если бы обычай этотъ дѣйствительно существовалъ, какъ они утверждаютъ, споконъ вѣка, то въ Индіи не было бы вдовъ, — «*безмужнихъ женъ*». На самомъ же дѣлѣ, онѣ не только были, но про нихъ законы писались, а въ погребальной службѣ (впослѣдствіи примѣненной къ сожженію труповъ) священнодѣйствующій прямо обращается къ вдовѣ и велитъ ей уйти отъ могилы или костра, проститься съ мертвымъ и возвратиться къ живымъ. Надо замѣтить, что и законы, содержащіе много постановленій о вдовахъ, тоже причисляются къ священнымъ книгамъ. Стало-быть, брахманы, внѣ всякаго сомнѣнія, злонамѣренно поддѣляли собственные свои священныя писанія, плодъ, какъ они увѣряютъ, божескаго откровенія. Между тѣмъ, англійскія власти, связанные договоромъ, которымъ онѣ обязались не вмѣшиваться въ религіозную жизнь индусовъ, по невѣдѣнію ихъ книжнаго языка и классической литературы, были поставлены въ необходимость терпѣть этотъ ужасъ или нарушать договоръ. Теперь же, когда тру-

дами великихъ санскритистовъ изданы священные тексты и достовѣрный переводъ ихъ сдѣлался общедоступнымъ, руки правительства развязаны и ничто не мѣшаетъ ему воспрещать и, въ крайнемъ случаѣ, военной силой останавливать такія безчеловѣчныя жертвоприношенія. Отмѣненіе древняго обряда *сати* (сожиганіе вдовъ) убѣдительно доказываетъ, къ какимъ великимъ практическимъ результатамъ можетъ привести *изученіе словъ*, которыми наши ученые мирно, терпѣливо занимаются въ своихъ кабинетахъ и въ бібліотекахъ, вдали, духомъ и тѣломъ, отъ ристалищъ, на которыхъ происходитъ борьба изъ-за міровыхъ вопросовъ.

Море у раз-
ныхъ на-
родъ.

17.—Ничего нѣтъ легче, какъ наполнить много страницъ такими живописными словами, заключающими въ себѣ цѣлое бытописаніе. Приходится, однако, ограничиться приведенными немногими и закончить замѣчаніемъ, что иной разъ *отсутствіе* у даннаго народа того или другого слова является краснорѣчивымъ, такъ сказать, отрицательнымъ указаніемъ. Такъ, выше было замѣчено, что арійцы не знали моря. Это можно заключить изъ того, что въ древнѣйшемъ языкѣ ихъ не имѣлось названія для моря. Такое названіе явилось позднѣе, и въ разныхъ арійскихъ языкахъ оно разное, и въ этомъ различіи сказывается любопытное различіе во впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на разныя арійскія племена видомъ незнакомой стихіи. Латинскій и греческій языки называютъ море *pontos*, *pontus*,—отъ того же корня, какъ латинскій *pons*, *pontis*, «мостъ», и славян-

скій *путь*. Но славянинъ называетъ его *море* (по-латыни *mar*, по-итальянски и по-испански *mare*, по-французски *mer*, по-нѣмецки *meer*, откуда англійское *mere*, «озеро», кельтійское *muir*)—все это отъ санскритскаго корня, означающаго «погибель», такъ же, какъ славянское *моръ* и латинское *mors*, французское *mort*, «смерть». Эта разница во взглядахъ понятна, когда вспомнить, что славяне и германцы знали только Черное море да Сѣверное и Балтійское, все моря нелюдимыя, предательскія, извѣстныя свирѣпыми бурями, слишкомъ опасныя для малыхъ, утлыхъ челновъ первыхъ мореходцевъ,—тогда какъ для счастливыхъ обитателей береговъ ласковаго Средиземнаго моря, стихія являлась не преградой, а именно *путемъ*, болѣе удобнымъ для торговли и путешествій, чѣмъ сухопутная большая дорога.

18.—Еще нѣсколько словъ, чтобы покончить съ этой, какъ и предыдущая, вступительной главой. Говорятъ о «первородинѣ арійцевъ», о ихъ раздѣленіяхъ и кочеваніяхъ такъ, какъ будто намъ все извѣстно по этимъ вопросамъ. Это отчасти оправдывается свидѣтельствомъ арійской рѣчи, которую можно, въ большой мѣрѣ, прослѣдить шагъ за шагомъ вдоль и поперекъ материка, который мы привыкли дѣлить на-двое,—на Азію и Европу. Дѣленіе это совершенно произвольно, потому что на югъ отъ Урала нѣтъ черты, раздѣляющей Европу отъ Азіи, да и самъ Уралъ не можетъ назваться серьезной преградой. Вышины онъ весьма умѣренной, не представляетъ ни грозныхъ вершинъ, ни глубоко прорѣзанныхъ ущелій; его ши-

Объ арійской перво-
родинѣ.

рокія, плосковерхія гряды незамѣтно спускаются на европейскую сторону, и съ азіатской стороны тоже не особенно круты или неприступны. Но и эта преграда,—если ужъ признать ее таковою,—кончается далеко на сѣверъ отъ Каспійскаго моря, оставляя открытою широкую степь, — удобный проходъ для кочующихъ массъ, съ ихъ стадами и повозками, и только незначительная рѣка Уралъ или Яикъ поддерживаетъ географическую фикцію. Черезъ эти-то настѣжъ раскрытыя ворота споконъ вѣка врывались кочевники, изъ которыхъ впоследствии образовались народы, о первоначальномъ родствѣ которыхъ свидѣлствуютъ ихъ языки. Отсюда является выводъ, что много такихъ кочевническихъ волнъ катилось съ востока въ такія отдаленныя времена, до какихъ не добраться нашимъ самымъ изощреннымъ методамъ историческаго изслѣдованія. Откуда? Изъ какого общаго центра въ разное время поднимались эти отряды, неправильными лучами расходившіеся на сѣверъ, на западъ, на юго-западъ, черезъ урало-каспійскую степь? Долго ученые, руководясь, помимо другихъ источниковъ, еще указаніями, почерпнутыми изъ многочисленныхъ и космогоническихъ преданій разныхъ народовъ, почти единогласно и увѣренно, помѣщали этотъ центръ въ Средней Азій, на одномъ изъ возвышенныхъ и плодородныхъ плоскогорій Памира: тамъ упорно искали арійскую первородину. Но этотъ вопросъ, благодаря все прибывающимъ съ разныхъ сторонъ, иногда весьма неожиданнымъ новымъ даннымъ и соображеніямъ, снова остается открытымъ вопро-

сомъ, и разные изслѣдователи, одинаково ученые и авторитетные, разрѣшаютъ его разнo, нерѣдко прямо противорѣчиво. Какъ и когда онъ будетъ окончательно рѣшенъ,—и будетъ ли когда-либо,—невозможно предвидѣть. Разрѣшеніе этого вопроса не имѣетъ, къ счастью, практическаго значенія для образованнаго челоуѣка, не-специалиста по этнологіи, краніологіи и пр. Нѣтъ необходимости доискиваться того, что скрыто во мракѣ необозримаго прошлаго, далѣе той исходной точки арійской древности, которой коснулся золотой лучъ исторической зари. Достаточно знать, что эта исходная точка,—независимо отъ того, откуда пришли самые первые арійцы («прото-арійцы»), была мѣстомъ, на которомъ большая часть нашей расы пробыла много-много вѣковъ и притомъ та часть, двѣ главныя вѣтви которой, передовыя націи арійскаго Востока, — индусы и иранцы, — отдѣлились почти уже на глазахъ исторіи, какъ было отчасти указано въ предыдущемъ томѣ.



Пахари въ окрестности Мадраса.

III.

Источники.

Английская
остъ-инд-
ская компа-
нія.

I.—31-го декабря 1600 г. королева Елисавета подписала грамоту, учреждавшую компанію изъ дотоѣ независимыхъ другъ отъ друга англійскихъ торговцевъ, занимавшихся ввозной и вывозной торговлей съ Индіей (Остъ-Индіей, какъ въ началѣ называлась эта часть Азіи, для отличія отъ острововъ, открытыхъ сто лѣтъ передъ тѣмъ Колумбомъ и ошибочно названныхъ Вестъ-Индіей). Въ силу этой грамоты, 125 пайщиковъ, съ основнымъ капиталомъ въ 70.000 фунтовъ стерлинговъ, назвались: «Директоръ и компанія лондонскихъ купцовъ, торгующихъ съ Остъ-Индіей». Грамота и поименованныя въ оной права давались на ограниченный срокъ съ тѣмъ, чтобы отъ времени до времени возобновлять ихъ. Таково было скромное начало знаменитой остъ-индской компаніи, которой предстояло занять небывалое въ мірѣ мѣсто: частное торговое товарищество, управляющее, съ неограниченною политической властью, страной, заселенною вдесятеро большимъ, чѣмъ населеніе его родины. Подданные въ одномъ полушаріи, цари въ дру-

гомъ, эти купцы трактуютъ всякія дѣла съ государями на равной ногѣ: содержать войска, объявляютъ войну и заключаютъ миръ, подписываютъ договоры, назначаютъ гражданское правленіе.

2. — Впрочемъ, англійская компанія была не одна въ Индіи, она съ самаго начала имѣла опасныхъ соперниковъ. И создалась-то она собственно съ цѣлью противоѣствовать вліянію португальской компаніи и положить конецъ монополіи, которой та пользовалась съ тѣхъ поръ, какъ Васко-де-Гама въ 1498 г., обогнувъ мысъ Доброй Надежды, открылъ прямой водный путь въ Индію. Въ теченіе всего XVI-го вѣка никто не оспаривалъ первенства португальцевъ на моряхъ востока и на индійскомъ материкѣ, гдѣ они подружались съ мѣстными князьями, индусами и мусульманами, и расширяли свои владѣнія дарами, покупками, а подчасъ и силой. Нѣтъ сомнѣнія, что они имѣли въ виду постепенное приобрѣтеніе области за областью, а въ концѣ — владычество надъ всей Индіей. Ихъ замыслы долго не встрѣчали препятствій, какъ вдругъ въ страну явилась англійская компанія, предприимчивая, дѣятельная, вооруженная всѣми средствами къ энергичной конкуренціи. Португальцы почти немедленно начали терпѣть неудачи и терять приобрѣтенное, такъ какъ они возстановили народъ противъ себя своей безсовѣстностью, жадностью и безчеловѣчной жестокостью, съ которой они добивались своихъ выгодъ и *обращали* въ христіанство несчастныхъ, оказавшихъ имъ такое великодушное гостепріимство. Шагъ за шагомъ, они должны

Португаль-
ская ость-
индская
компанія.

были отступать передъ англичанами; источники ихъ богатства одинъ за другимъ закрывались передъ ними, пока, наконецъ, въ 1661 г. они добровольно не уступили англійской коронѣ послѣднее изъ своихъ цѣнныхъ владѣній,—городъ Бомбей, въ счетъ приданого португальской принцессы, Катерины Браганской (невѣсты англійскаго короля Карла II [Стюарта]). Англійскіе же государственные люди въ то время такъ мало знали цѣну упавшему имъ съ неба дара, что переуступили его компаніи въ аренду за курьезную сумму—за 10 фунт. стерл. (сто рублей!) *ежегодной арендной платы.*

Французская ость-индская компанія.

3.—Однако англійская компанія, отдѣлавшись такъ легко отъ португальской конкуренціи, нашла дорогу къ власти и богатству далеко не свободною отъ препятствій. Примѣръ ея и въ другихъ націяхъ пробудилъ духъ соревнованія. Прошло всего двѣнадцать лѣтъ съ учрежденія ея, а уже появились три новыя ость-индскія компаніи: французская, голландская, датская. Послѣдняя, впрочемъ, равно какъ нѣмецкая, и даже шведская, подоспѣвшая за другими цѣлыхъ сто лѣтъ спустя, не имѣла настолько ни средствъ, ни энергій, чтобы сколько-нибудь мѣшать англійской компаніи. Зато другія двѣ сильно беспокоили англичанъ. Голландцы, всѣми признанные за первую морскую державу XVII-го вѣка, вели дѣла свои въ Индіи не только со смѣлой предприимчивостью, но прямо въ наступательномъ духѣ, и оказались крайне неудобными сосѣдями и соперниками. Они не довольствовались матери-

комъ, а спѣшили завладѣть частью многочисленныхъ, неистощимо богатыхъ острововъ (Цейлонъ, Суматра, Ява, Молукскіе),—которыми устьяны Индійскій океанъ и входъ къ Тихому океану. Борьба, часто кровопролитная, между обѣими компаніями длилась слишкомъ сто лѣтъ и кончилась отступленіемъ голландцевъ, которые оставивъ материкъ, сосредоточили свои силы на островахъ, донинѣ подвластныхъ имъ. Такимъ образомъ, французская компанія осталась единственной равносильной соперницей англичанъ, тѣмъ болѣе опасною, что она преслѣдовала ту же цѣль: безусловное главенство надъ всѣми европейцами и исключительное вліяніе надъ пока еще независимыми индійскими государями,—и, такъ какъ дѣлами ея управляли нерѣдко люди замѣчательно способные, то она не разъ была очень близка къ полному успѣху. Тормозило ее главнымъ образомъ и въ концѣ погубило равнодушіе властей и публики на родинѣ и безсердечные отказы въ помощи въ самыя критическія минуты. Случилось такъ, что въ половинѣ XVIII-го вѣка одинъ изъ способнѣйшихъ французскихъ директоровъ, Дюплэ (Dupleix), имѣлъ противникомъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ полководцевъ и государственныхъ мужей Англіи, намѣстника компаніи,—впослѣдствіи лорда,—Клэйва (Clive). Состязаніе этихъ двухъ геніальныхъ людей, въ открытой борьбѣ и въ дипломатическихъ интригахъ при дворахъ наиболѣе могущественныхъ туземныхъ государей, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи того вѣка. Рѣши-

тельные побѣды, одержанныя англичанами, справедливо считаются началомъ современнаго англійскаго владычества въ Индіи, потому что французы никогда не оправились отъ полученнаго тогда урона настолько, чтобы отважиться снова начать конкуренцію съ англичанами. Незначительныя, оставшіяся за французами владѣнія не болѣе мѣшаютъ послѣднимъ, чѣмъ пядь земли, все еще принадлежащая португальцамъ на западномъ побережьи.

Уорренъ
Хэстингсъ
и его гу-
манное
взглядъ.

4.—Если англійское владычество утвердилось и было болѣе или менѣе охотно признано народомъ и тѣми изъ мѣстныхъ государей, которымъ компанія предоставила хотя наружный видъ независимости, назвавъ ихъ своими союзниками или вассалами, то Англія была этимъ обязана дѣтелямъ, облеченнымъ властью именно въ этотъ опасный моментъ. Стало въ высшей степени желательно, чтобы за насильнымъ завоеваніемъ утвердилась мягкая и мудрая гражданская администрація. На счастье компаніи, высшія мѣста ея службы въ первый же разъ были заняты такими людьми, какихъ судьба рѣдко соединяетъ для сотрудничества на общемъ полѣ дѣятельности, — въ полномъ смыслѣ тѣ люди, какіе именно были нужны въ данный моментъ. Преемникъ лорда Клейва, высокообразованный Уорренъ Хэстингсъ (WARREN HASTINGS), чуть-ли не первый изъ англійскихъ намѣстниковъ старался узнать, понять вѣрный ему народъ. Онъ не былъ ученымъ оріенталистомъ, даже вовсе не былъ особенно ученъ. Будь онъ специалистомъ по какой-нибудь от-

расли востоковѣдѣнія, онъ далеко не такъ гордился бы для своей должности, для роли безпристрастного, сочувствующаго покровителя, официально подчиненныхъ ему сотрудниковъ, которые своими учеными работами такъ существенно помогали ему въ достиженіи его благородныхъ цѣлей. Хэстингсъ былъ просвѣщенный знатокъ и любитель всего изящнаго и прекраснаго; какъ политикъ и правитель громадной «варварской» (яко-бы) страны, онъ высоко цѣнилъ помощь, которую такъ неожиданно прислало ему само Провидѣніе въ его прекрасной задачѣ: научиться *понимать* народъ и затѣмъ править имъ согласно началамъ справедливости и гуманности.

5.—Но, спрашивается,—какимъ образомъ отнестись съ полнымъ пониманіемъ и справедливостью къ народу, о которомъ не знаешь ровно ничего? котораго происхождение, исторія, вѣра, міровоззрѣніе, образъ мыслей и жизни—книга за семью печатами? нравы и обычаи котораго, съ точки зрѣнія чужеземца, во всѣхъ отношеніяхъ нелѣпы, бессмысленны, смѣшны и не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія, не то что уваженія, хотя бы только потому, что не похожи на его, чужеземца, нравы и обычаи; а законы,—но вѣдь законы его неизвѣстны, равно какъ и его литературный языкъ,—да еще есть ли у него литература? Это не только неизвѣстно, но никому не приходило въ голову поинтересоваться этимъ вопросомъ. Итакъ, правителю-европейцу, при его жалкомъ невѣдѣніи, остается одно: рѣшать подсудныя ему дѣла добросовѣстно, согласно законамъ своей родины, столь же незна-

Незнание и
непонима-
ніе народа.

комымъ народу, сколько его законы правителю. Тамъ же, гдѣ дѣла предоставлены собственному усмотрѣнію правителя, руководствоваться современными западными понятіями и взглядами, которые также подходятъ къ духу восточнаго человѣка, какъ европейскій костюмъ къ долгу приличія, къ его понятію о красотѣ и удобствѣ. Случай, съ самаго начала и столько разъ игравшій видную роль въ открытіяхъ востоковѣдѣнія, и тутъ помогъ добросовѣстнымъ искаателямъ: онъ навелъ ихъ на такія находки, всю цѣну и значеніе которыхъ, они сами сначала не могли измѣрять. Въ поискахъ за чѣмъ-нибудь, нерѣдко натыкаешься на что-нибудь совсѣмъ другое и гораздо болѣе цѣнное. Такой случай былъ со знакомымъ уже намъ сэромъ Уильямомъ Джонсомъ, который, совершенно нечаянно для себя, раскрылъ передъ изумленными взорами европейскихъ ученыхъ дотолѣ невѣдомый міръ индійской литературы.

**Сэръ
Уильямъ
Джонсъ.**

6.—Лѣтъ пять спустя послѣ назначенія сэра Уильяма членомъ верховнаго суда въ Бенгалѣ и около четырехъ лѣтъ по основаніи, въ 1784 г., Бенгальскаго общества изученія Азіи («Bengal Asiatic Society»), замѣчательный лингвистъ, великій знатокъ арабійскаго и персидскаго языковъ, сэръ Уильямъ съ такимъ же успѣхомъ занявшійся и новымъ для него предметомъ,—законовѣдѣніемъ, почти совсѣмъ одолѣлъ трудности сложнаго санскритскаго языка. Онъ не ждалъ себѣ отъ того практической пользы въ дѣлахъ, такъ какъ санскритскій языкъ—мертвый,

и къ современному индостанскому относится, какъ латинскій къ итальянскому; но тогда уже было извѣстно, что на немъ написана вся классическая и специальная литература. Сэръ Уильямъ, со свойственной ему энергіей, предпринялъ основательное изученіе законодательства Индіи, безъ котораго немыслима разумная и гуманная администрація. Въ то время еще невѣдомы были конкурсные экзамены и необходимость ученой подготовки для назначенія на должности въ Индіи, а потому, чтобы не дать заглухнуть доброму дѣлу, нужно было сдѣлать это знаніе доступнымъ каждому англійскому должностному лицу посредствомъ хорошихъ переводовъ. Такимъ образомъ, сэръ Уильямъ задумалъ свою исполинскую работу: «Сборникъ Индусскихъ Законовъ», которую ему не было дано докончить самому. Зато онъ перевелъ сполна «Уложеніе Ману», сводъ законовъ, наиболѣе распространенный въ Индіи. Этотъ трудъ всей жизни, переполненной благородными и полезными работами, былъ напечатанъ въ 1790 г. передъ самой смертью труженика, навѣрно сократившаго свой вѣкъ неустаннымъ напряженіемъ всѣхъ силъ въ такомъ убійственномъ климатѣ. Чтобы достойно выполнить трудную задачу, сэръ Уильямъ посвящалъ каждый часъ своего скуднаго досуга не отдыху, а литературнымъ и лингвистическимъ работамъ на необозримомъ полѣ санскритской древности.

7.—Сэръ Уильямъ занимался подъ руководствомъ умнаго и ученаго брахмана. Однажды онъ

Случайное
открытие
индійской
драмы.

вспомнилъ про одно мѣсто въ сборникѣ писемъ католическихъ миссіонеровъ, въ которомъ говорилось о «нѣкоихъ книгахъ, называемыхъ *Натаки*» и содержащихъ, по словамъ писавшаго, «много древней исторіи, безъ примѣси вымысла». Извѣстно, что во всей массѣ санскритской литературы почти невозможно найти нѣсколько строкъ подлинной исторіи. Поэтому, сэръ Уильямъ обратился къ учителю, въ надеждѣ узнать что-нибудь, имѣющее отношеніе къ правосудію. Онъ не нашелъ того, что искалъ, а только узналъ, что эти книги содержатъ не историческій матеріалъ, а напротивъ, именно басни, въ видѣ разговоровъ, въ стихахъ и прозѣ, на разныя темы и на разныхъ нарѣчіяхъ, — «изъ чего ученый заключилъ, что дѣло сводится къ діалогамъ на литературныя и нравственныя темы». Другой брахманъ, болѣе наблюдательный и свѣдущій, «разрѣшилъ его сомнѣнія, обрадовалъ и удивилъ, объяснивъ, что у англичанъ есть такого же рода сочиненія, которыя публично представляются въ Калькуттѣ и называются, какъ онъ слыхалъ, *«песами»*. Сэръ Уильямъ понялъ, что это — драматическія произведенія и освѣдомился, какое между ними самое любимое. Ему отвѣтили «Шакунтала, или Волшебное Кольцо». Тогда, рассказывать онъ далѣе, —

«Я поспѣшавъ достать экземпляръ повѣрнѣе и, съ помощью моего учителя, началъ съ того, что перевелъ все произведеніе подстрочно на латинскій языкъ, который до того похожъ на санскритскій, что удобнѣе всѣхъ современныхъ языковъ поддается переводу. Затѣмъ я латинскій переводъ слово въ слово перенесъ на англійскій языкъ, но

опуская и не прибавляя ничего существеннаго, и тогда уже отдѣлалъ свою работу и приготовилъ вѣрный переводъ драмы, которую теперь представляю на судъ публики».

8.—Такимъ образомъ, простому ученическому упражненію свѣтъ обязанъ истиннымъ откровеніемъ въ области высокаго искусства,—произведеніемъ, сразу поразившимъ знатоковъ красотой и изяществомъ формы и, въ то же время, необычайной простотой. Шакѹнтала давно переведена на всѣ европейскіе языки, отчасти въ прелестныхъ стихахъ; но въ теченіе многихъ лѣтъ ее знали только изъ почти подстрочнаго перевода въ прозѣ великаго юриста и въ этомъ безыскусственномъ видѣ она всѣхъ удивила и очаровала. Восторгамъ не было предѣловъ. Нечего говорить, какъ вдругъ высоко поднялись въ общественномъ мнѣніи презираемый дотолѣ народъ и страна, искони цѣнимая лишь ради ея богатства, когда вдругъ узналось, что у нихъ, паче всякаго чаянія, есть беллетристика. Не столь разнообразная, но не менѣе богатая, чѣмъ западная, притомъ много древнѣе всѣхъ литературъ, кромѣ такъ-называемыхъ классическихъ, индійская беллетристика точно отражаетъ въ себѣ весь радужный блескъ родныхъ, самоцвѣтныхъ камней. Шакѹнтала открыла Западу индійскую драму, рудникъ миѳическихъ и легендарныхъ сокровищъ, не уступающій драмѣ грековъ и англійской драмѣ елисаветинскаго періода. Съ послѣдней въ индійской драмѣ даже нашлось изумительное сходство, не только въ общей разработкѣ сюжета и фабулы, въ естественномъ, непринужденномъ развитіи характеровъ, но даже

Характеръ
индійской
драмы.

въ деталяхъ формы. «Драмы эти писаны въ стихахъ», пишетъ сэръ Уильямъ Джонсъ, который, разъ попавъ на такую много общающую дорогу, ужъ конечно не остановился на первыхъ шагахъ, «вездѣ, гдѣ дѣйствующія лица говорятъ возвышеннымъ слогомъ, и въ прозѣ, гдѣ языкъ простой: люди знатные и ученые говорятъ на чистомъ санскритскомъ языкѣ, а женщины на пракритскомъ. Это—тотъ же языкъ брахмановъ, смягченный болѣе мягкимъ произношеніемъ до прелести итальянскаго языка; лица же низшихъ сословій говорятъ на разныхъ мѣстныхъ провинціальныхъ болѣе или менѣе грубыхъ діалектахъ». Это описаніе слово въ слово подходитъ къ шекспировской драмѣ. Нѣтъ недостатка даже въ прологахъ и эпилогахъ, т. е. рѣчахъ, съ которыми къ публикѣ обращается директоръ труппы, или первый актеръ, или аллегорическое лицо, для объясненія разныхъ явленій, относящихся къ драмѣ, или съ обычной просьбой о снисхожденіи къ недостаткамъ представленія; наконецъ, замѣчанія и выраженія чувствъ со стороны второстепенныхъ лицъ,—друзей, зрителей, гостей и пр. — сильно напоминаютъ греческіе хоры *).

*) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было предположить или допустить какую-либо внутреннюю связь между обѣими драмами. Правда, нѣкоторые ученые,—весьма, впрочемъ, немногіе,—допускаютъ, что на индійскую драму могла отчасти повліять ея великая западная предшественница. Они находятъ указаніе въ этомъ смыслѣ въ томъ обстоятельстве, что въ одной пьесѣ упоминаются невольницы—гречанки,—въ томъ, что индійская драма, подобно греческой, брала въ свои герои царственныхъ или полубожественныхъ

9.—Индійская драма, подобно елисаветинской сразу расцвѣтаетъ въ полномъ великолѣпнѣ: неумѣлый лепетъ голоса, чарующаго такимъ богатствомъ гармоніи и мелодичности; начало ея пропало для насъ. Это и понятно, если имѣть въ виду и страну, и время, когда не было книгопечатанія, такъ часто создающаго поддѣльное безсмертіе и сохраняющаго, далеко не для назиданія будущихъ поколѣній, ребяческія упражненія несовершеннолѣтней музы, — когда жило только то, что имѣло въ себѣ жизненное начало, неугасаемую искру свыше. «Шакунтала» принадлежитъ золотому вѣку драмы, а именно, — V-му по Р. Х., когда царь Викрамадитья правилъ въ Уджаинѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ и глубоко почитаемыхъ городовъ Индіи, въ нынѣшней области Мальва, имѣющей собственнаго государя, но подвластнаго Англіи. При дворѣ этого царя, любителя всего изящнаго, прожи-

Золотой
вѣкъ
драмы.—
Калидаса.

лицъ, а фабулы изъ народнаго мѣна или героическаго эпоса. Въ томъ, что драма цвѣла въ западной части Индіи и вдоль западнаго побережья и совсѣмъ не принялась въ восточной Индіи, они видятъ подтвержденіе своей гипотезы. Но она не выдержала серьезной критики. Изученіе индійской драмы, конечно, не входитъ въ раму настоящей книги, но это — крайне завлекательный предметъ, съ которымъ легко ознакомиться основательно и въ общедоступной формѣ въ слѣдующихъ трудахъ: «Индійская драма» (*The Hindu Theatre*), У. Г. Уильсона, гдѣ читатель найдетъ прекрасное введеніе; глава о томъ же предметѣ въ популярныя, но ученыхъ и достовѣрныхъ лекціяхъ Шрёдера «*Indiens Literatur und Kultur*»; въ книгѣ Филибера Суппé «*Etudes de Littérature Sanscrite*», и еще «*Le Théâtre Indien*» (Парижъ, 1890), Сильвена Левіа.

вать и писать Калидаса, прозванный «индійскимъ Шекспиромъ», и отличавшійся не въ одной драматической, а и въ другихъ формахъ поэтической литературы. Трудно вѣрится, что въ то время, когда Аттила со своими гуннами ураганомъ носился по Европѣ, на далекомъ, невѣдомомъ востокѣ, создавалось чудо поэзіи, которое у такого критика, какъ Гёте, вызвало знаменитое, восторженное четверостишіе!

„Шакун-
тала, или
Волшебное
кольцо“.

10.—Помимо впечатлѣнія, произведеннаго красотой формы, самая фабула драмы вызвала общее удивленіе, потому что она оказалась основанною на одномъ изъ наиболѣе всѣмъ знакомыхъ мотивовъ европейскаго фольклора: любовникъ, подъ вліяніемъ злыхъ чаръ, забываетъ любимую женщину и вспоминаетъ ее лишь при видѣ даннаго ей имъ же золотого кольца, которое возвращается ему при разныхъ болѣе или менѣе романическихъ обстоятельствахъ. Въ другомъ мѣстѣ жена или невѣста, долго пропадавшая, является въ ту самую минуту, какъ онъ собирается жениться на другой, и ухитряется уронить кольцо въ кубокъ съ виномъ, который подается ему за пиромъ, иногда же простая случайность приводитъ къ развязкѣ. Калидаса прибѣгалъ къ послѣднему способу,—и это вдвойнѣ удивительно, потому что эта самая случайность служить сюжетомъ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ легендъ, завѣщанныхъ намъ эллинской древностью. Кольцо находятъ въ брюхѣ громадной рыбы, пойманной въ рѣчкѣ, въ которую Шакунтала уронила его, умывая руки, и рыбака, обвиненнаго въ кражѣ, приводятъ къ царю

на судъ; предъявляютъ кольцо и царь въ ту же минуту словно просыпается изъ тяжкаго забытья и спрашиваетъ про жену. Кто при этомъ не вспомнитъ разсказа Геродота (и пересказа Шиллера)—про перстень Поликрата, слишкомъ счастливаго тирана самосскаго, который бросаетъ въ море эту любимѣйшую драгоценность, чтобы умиловить боговъ добровольною жертвой, и въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, находить этотъ самый перстень въ поданной ему рыбѣ, которую поднесъ рыбакъ, считая ее достойною одного только царскаго стола? Любовь не играетъ тутъ роли, и грекъ выводитъ свою особую мораль, но сюжетъ одинъ и тотъ же.

II.—Другая драма того же автора,—«Викрама и Урваси» или «Витязь и Дѣва», основана на другомъ сюжетѣ, тоже хорошо знакомомъ намъ изъ такого же источника. Небесная дѣва любить земного царя и дѣлается его женою, но предупреждаетъ его, что она лишь до тѣхъ поръ можетъ съ нимъ остаться, пока она не увидитъ его безъ одежды, и убѣдительно проситъ его остерегаться, чтобы это какъ-нибудь не случилось, иначе они будутъ немедленно, по высшей волѣ, разлучены. Нѣсколько лѣтъ они живутъ вмѣстѣ вполне счастливо; но прежнія ея подруги и товарищи, небесныя дѣвы и дѣхи, соскучившись по ней, уговариваются хитростью вернуть ее и ночью такъ ловко умудряются сверкнуть молніей, что условіе ея пребыванія на землѣ нарушается. Въ эту одну секунду яркаго освѣщенія она видитъ мужа безъ его царскаго

«Викрама и Урваси».

отъянiя и съ жалобнымъ стономъ исчезаетъ. Царь Викрама тоскуетъ по ней безутѣшно, ищетъ ее по всему мiру, и наконецъ супруги чудеснымъ образомъ вновь встрѣчаются.—Даже такой краткiй обзоръ всякому любителю старины, несмотря на разницу въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, сразу напомнитъ приключенiя Эроса и Психеи, читанныя у увлекательнаго разсказчика, предшественника Бокаччио, Чаусера и грека Апулея. Такъ, въ греческой повѣсти любовникъ—богъ, а дѣва—смертная, и ей запрещено видѣть его не только безъ одежды, но и вовсе. Никто ей не показываетъ его, а она сама ночью идетъ къ нему съ лампой. Но если никто не показываетъ его, то все же есть враждебное вмѣшательство: сестры Психеи, изъ зависти ли, или изъ привязанности, чтобы заставить ее вернуться къ своимъ, подстрекають ее на ослушанiе и этимъ губятъ ее. Поэтому не онъ, а она странствуетъ и ищетъ. Кончается же дѣло и тутъ счастливымъ соединенiемъ любящихъ. И на эту повѣсть, какъ на повѣсть о Шакунталѣ, откликаются среднiе вѣка на холодномъ сѣверѣ—повѣстью о Лознгринѣ, Рыцарь Лебеда. И въ немъ есть нѣчто сверхчеловѣческое: свою невѣсту онъ предупреждаетъ, чтобы она не допытывалась о его прошедшемъ, не спрашивала даже, кто онъ, иначе онъ, хотя и долженъ ей отвѣтить, но въ ту же минуту покинетъ ее. Подобно Психеѣ, она внемлетъ злому нашептыванiю, нарушаетъ запретъ,—и несетъ наказанiе. Во всѣхъ этихъ легендахъ, при всей разницѣ въ подробностяхъ, суть и духъ одинаковы.

12.—Что такіа сходства не подходят подъ рубрику случайностей, ясно самому поверхностному наблюдателю, такъ что новооткрытыя драмы возбуждали немало любопытства. Особенно заинтересовалась ученая братія: филологи, оріенталисты, міеологи и тотъ классъ изслѣдователей, который нынѣ именуется *фольклористами*. Блестительно подтверждалось многое, что приносилъ каждый годъ съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе правители Индіи начали учиться санскритскому языку и объявили о своемъ странномъ открытіи: близкомъ родствѣ этого древняго языка со всѣми европейскими языками, новыми и древними. Подтверждались въ то же время и наблюденія сэра Уильяма Джонса въ родственной области сравнительной міеологии,—наблюденія, изложенныя имъ въ знаменитой впоследствии статьѣ о сходствѣ, отчасти даже тождествѣ, боговъ брахманской религіи съ богами и богинями классической древности. Тождество проявлялось въ мельчайшихъ подробностяхъ: напримѣръ Кама, дитя бога любви, съ его лукомъ и стрѣлами изъ цвѣтовъ, напоминалъ греческаго Эроса и латинскаго Купидона, — при чемъ имена всѣхъ троихъ, каждое на своемъ языкѣ, одинаково означаетъ—желаніе. Благодаря неутомимому усердію тѣхъ же немногихъ ученыхъ, которое должно было скорѣ пробудить соревнованіе такихъ мужей, какъ Фридрихъ Вильгельмъ фонъ-Шлегель и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, поле изслѣдованій ширилось съ каждымъ часомъ, и великія индійскія эпическія поэмы, — Рамаѳана и

Первая послѣдствія санскритскихъ открытій.

Махабхарата начинали дѣлаться извѣстными, сначала въ отрывкахъ и эпизодахъ, все тѣмъ же примитивнымъ способомъ: переводомъ учащими мѣстъ, выбранныхъ для нихъ ихъ учителями, индусами. Но эти отрывки были чѣмъ-то въ родѣ блуждающихъ гранитныхъ глыбъ, по которымъ можно судить о первобытныхъ каменныхъ породахъ нашей земли. Одно было ясно: что эти поэмы были сокровищницами народныхъ легендъ, мифовъ, былинъ, и что въ нихъ, кромѣ того, заключался неисчерпаемый запасъ знанія по части не только нравовъ и обычаевъ, но также, — и въ еще большей мѣрѣ, — духовной жизни народа, его склада мысли въ областяхъ религіи, философіи и этики.

Характеръ
индійской
поэзіи.

13.—Поэзія Индіи отражаетъ характеръ самой страны. Тотъ же тропическій, неуравновѣшенный избытокъ производительныхъ силъ, который изливается черезъ край во всей ея природѣ, — климатъ, флоръ, фаунъ, — въ поэзіи сказывается въ роскоши, образности, необузданности фантазіи, въ невѣроятныхъ размѣрахъ произведеній. Драмы, хотя и длинны, однако, не слишкомъ переходятъ границы, къ которымъ мы приучены нашимъ изощреннымъ вкусомъ. Но что сказать о двухъ эпическихкихъ поэмахъ, въ особенности о Махабхаратѣ, (слишкомъ вдвое длиннѣе противъ Рамааны), въ которой насчитывается 110.000 *шлокъ*, т. е. двестишестидесяти, изъ двухъ строкъ, которыхъ каждая болѣе чѣмъ вдвое длиннѣе пятистопнаго ямба. Только высчитать такую массу словъ уже составляетъ арифметическую задачу, результатъ кото-

рой способенъ заставить задуматься самого неустрашимого труженика. Дѣло въ томъ, что эти два исполинскихъ творенія ума человѣческаго составляютъ цѣлую національную энциклопедію не только героическихъ и миѣическихъ былинъ, но, въ равной степени, философіи, религіи, политическихъ и соціальныхъ теорій, и еще многихъ столь же важныхъ и глубокихъ матерій. Въ другихъ странахъ, одаренныхъ болѣе вѣрнымъ глазомъ-ромъ и пониманіемъ литературныхъ приличій, эти произведенія не вошли бы въ программу твореній, имѣющихъ цѣлью доставлять занимательное и возвышающее душу развлеченіе. Объ этихъ индійскихъ поэмахъ, преисполненныхъ всякихъ богатствъ, но расплывчатыхъ по формѣ, и крайне запутаннаго содержанія, можно сказать, что онѣ ведутъ насъ черезъ ворота, обвитыя тропическими цвѣтами, черезъ благоуханныя рощи, манящія къ сладкому забытію, въ суровый, надземный міръ, гдѣ душу охватываетъ тихая дума о міровыхъ судьбахъ, а далѣе за ними темнѣетъ мракъ святыхъ дубравъ, пріютъ спасающихся. Поэмы возносятся умъ на вершины безплотнаго мышленія, гдѣ въ рѣдкомъ воздухѣ чистой духовности живутъ лишь созерцаніе божества и совершенное отреченіе.

14.—Итихасы,—такъ индусы зовутъ эти легендарныя, полунсторическія героическія эпосы,—дополняются цѣлою массою писаній, по глубокомыслию и отвлеченности не имѣющихъ себѣ подобныхъ въ мірѣ человѣческаго мышленія. Одна

Краткій
образъ
санскрит-
ской ли-
тературы.

классификація ихъ цѣлый подвигъ при изслѣдованіи: каталоги этихъ рукописей, — простой перечень заглавій съ краткимъ указаніемъ содержания, — составляютъ цѣнную часть бібліотеки ориенталиста. Отдѣлъ, который мы назвали бы научнымъ, — сочиненія по ариѳметикѣ, математикѣ, астрономіи, грамматикѣ, — очень богаты, и именно грамматику индійскіе языковѣды довели до такой неслыханной тонкости въ разборѣ словъ, какой не достигалъ ни одинъ народъ, ни древній, ни новѣйшій или современный. Затѣмъ слѣдуютъ законовѣдніе и соціологія, изложенныя въ полновѣсныхъ трудахъ и учебникахъ, а именно: 1) Дхарма-Сутры и Дхарма-Шастры, — своды узаконеній, болѣе или менѣе древнихъ и авторитетныхъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны «Уложенія Ману» (Манава-Дхарма-Шастра), и 2) Грихія-Сутры, собранія практическихъ правилъ для руководства въ жизни, домашней и религіозной. Эти послѣдніе учебники или руководства, назначаемые исключительно для употребленія брахманами, гораздо древнѣе, чѣмъ Шастры, отчасти на нихъ основанныя. Затѣмъ имѣются еще шесть системъ философіи и метафизики, которыми, приблизительно, исчерпываются всѣ вопросы, надъ которыми ломали головы и спорили между собою всѣ школы нашего Запада, отъ древнихъ до нашихъ временъ: деизмъ, пантеизмъ, идеализмъ, матеріализмъ, мистицизмъ и даже цинизмъ. Наконецъ — Пураны, нѣчто въ родѣ былинъ, имѣющія много общаго съ Итихасами, съ одною, весьма, впрочемъ, существенной разницею, а именно: тогда

какъ послѣднія, да еще короткія поэмы, называемыя Кавья, повѣствуютъ о подвигахъ и приключеніяхъ людей и иногда полубожественныхъ, но все же смертныхъ, героевъ, въ Пуранахъ рѣчь идетъ исключительно о богахъ и ихъ дѣяніяхъ, какъ-то: о сотвореніи міра и другихъ предметахъ, священныхъ или относящихся къ религіи. Онѣ составляютъ серію или циклъ, методически раздѣленный на пять рубрикъ: 1) сотвореніе міра, или *Космогонія*; 2) рядъ его разрушеній и обновленій; 3) родословная и происхожденіе боговъ и патріарховъ, или *Теогонія*; 4) эпохи владычества великихъ патріарховъ и вѣка міра — золотой, серебрянный и пр.; 5) исторія древнихъ, небснаго происхожденія и царскихъ родовъ. Совокупность всѣхъ этихъ книгъ, въ которыхъ содержится почти вся богословская литература брахманской религіи въ ея позднѣйшемъ развитіи, называемомъ индуизмомъ, представляетъ нѣчто громадное. Имѣются восемнадцать такъ-называемыхъ «Великихъ Пуранъ», содержащихъ вмѣстѣ 400.000 *шлокъ*; въ самой длинной—81.000, а въ самой короткой—10.000. Нѣкоторыя изъ этихъ Пуранъ уже переведены на разные европейскіе языки, цѣликомъ или частями, и содержаніе всѣхъ хорошо извѣстно и основательно изучено. Онѣ не одинаково почитаются и не одинаково любимы народомъ; однако, всѣ стоятъ несравненно выше шестнадцати такъ-называемыхъ «меньшихъ» или «второстепенныхъ» Великіе Пураны, о которыхъ немного извѣстно, кромѣ ихъ заглавій, мало распространены, не особенно интересны, и многія изъ нихъ даже написаны прозою.

Многія про-
изведенія.

15. — Нѣтъ надобности перечислять меньшія произведенія санскритской литературы: лирическія и другія поэмы, рассказы въ прозѣ и стихахъ. Всѣхъ интереснѣе для насъ такъ-называемыя «звѣринныя повѣсти», такъ какъ въ нихъ мы видимъ источникъ и первые образцы басенъ арійскихъ народовъ. Остаются техническія сочиненія: о медицинѣ, астрономіи, ремеслахъ, изящныхъ искусствахъ и пр., большей частью весьма поздняго времени, нныя почти современные. «Звѣринныя повѣсти» по формѣ сравнительно не стары, зато по содержанію древни, какъ сама арійская раса, такъ какъ большая часть звѣринныхъ типовъ и очень многія изъ ихъ приключеній несомнѣнно почерпнуты изъ первобытной сокровищницы, чѣмъ и объясняется почти тождественность пересказовъ во всѣхъ вѣтвяхъ расы. Изъ всей этой обширной литературной массы мы главнымъ образомъ добываемъ наши познанія объ Индіи; эти же рубрики, большей частью довольно поздняго происхожденія, изображаютъ весьма различныя по времени стадіи культуры и покрываютъ собою не менѣе двадцати столѣтій, вплоть почти до нашихъ дней. Двадцать столѣтій еще не невѣсть какая древность для насъ, приученныхъ послѣднимъ полвѣкомъ историческихъ изысканій справляться не съ такими хронологическими задачами, расширившими нашъ кругозоръ до такой дали, что мы легко обозрѣваемъ *восемьдесятъ* вѣковъ и даже еще того болѣе.

Препят-
ствія,
встрѣчае-
мыя первы-
ми санскри-
тистами.

16. — Уже первые изслѣдователи весьма скоро стали замѣчать, что имъ не удастся приобрѣсти вполне удовлетворительныя познанія по части

прошлаго Индіи. Они приступили къ изученію его со всѣмъ усердіемъ, подстрекаемые тѣмъ не-многимъ, что случайно узнали, и вдали имъ уже виднѣлась цѣль, къ которой они неуклонно стремились: возможность доказать первоначальное единство всѣхъ такъ-называемыхъ арійскихъ народовъ, по ихъ языкамъ, складу ума и духовнымъ свойствамъ, проявляемымъ въ религіозномъ сознании. Труда предстояло тѣмъ больше, что учащіеся, какъ сами отлично знали, не могли разсчитывать на вѣрныхъ помощниковъ археологовъ въ другихъ областяхъ востоковѣдѣнія: на заступъ и ломъ. Въ Индіи до весьма поздняго времени совсѣмъ не было памятниковъ (разумѣя подъ этимъ названіемъ все, отъ храмовой руины до надписи на скалѣ, до обломка изваяннаго камня и черепка отъ глиняной посуды). Для санскритиста единственные памятники—книги или, вѣрнѣе, рукописи, а ихъ такая масса, притомъ съ каждымъ днемъ возрастающая, что одному поколѣнію ученыхъ не было никакой возможности съ ними справиться. При всемъ этомъ обилии драгоценнаго матеріала, новая наука подвигалась медленно, неудовлетворительно. Однако подвигалась, и цѣль никогда совсѣмъ не исчезала изъ вида; путеводная звѣзда, если и блѣднѣла и меркла подчасъ, однако не потухала никогда; напротивъ, все ярче блистала. Въ то же время ощущалась какая-то преграда, какая-то помѣха, невидимая, но на каждомъ шагу дававшая себя знать, а именно: глухой антагонизмъ индусовъ-учителей противъ ихъ учениковъ-англичанъ; учителя же эти были всѣ брах-

маны, занимавшіе высокое положеніе въ туземномъ обществѣ, и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ за ученость и святость жизни. До извѣстной черты англичане находили въ нихъ добросовѣстныхъ и даже симпатичныхъ преподавателей и помощниковъ. Но лишь только встрѣчалось въ переводимой книгѣ какое-нибудь мѣсто, открывающее входъ какъ разъ въ тѣ области, куда влекло изслѣдователей, ихъ вопросы встрѣчали притворное незнаніе, напускное равнодушіе или уклончивыя возраженія, въ родѣ того, что это для иностранцевъ не имѣетъ никакого значенія,—что не стоитъ имъ ломать голову надъ тѣмъ, чего они все равно не поймутъ, или, понявъ, найдутъ для себя нисколько неинтереснымъ, и пр. въ такомъ родѣ. Англичане должны были убѣдиться въ существованіи чего-то въ родѣ заговора: либо пассивнымъ противленіемъ, либо разными уловками для отвлеченія ихъ вниманія, держать взаперти отъ нихъ именно тѣ знанія, которыхъ они всего болѣе добивались,—т. е. все, что могло освѣтить вопросы по древней религіи, по древнему закону. Они сдѣлали еще одно открытіе, а именно, что всѣ эти предметы и вся литература, до нихъ относящаяся, считаются священными и потому должны быть ревниво охраняемы отъ святотатственнаго любопытства нечистыхъ иноземцевъ; далѣе поняли они и то, что на брахманахъ, какъ на высшемъ, святомъ сословіи, лежитъ обязанность оберегать всѣ народныя святыни, а потому они никакъ не могутъ допустить, чтобы ученики ихъ, будучи въ то же время и ихъ повелителями, слишкомъ

глубоко проникли въ науку, могущую утвердить владычество ихъ въ ущербъ власти самихъ брахмановъ и, при случаѣ, дать имъ возможность разоблачить многія козни послѣднихъ и обнаружить несостоятельность, если только не прямо лживость, многихъ ихъ требованій и рѣзказней. Оказалось, что этой запретной наукой были «Веды»;—название же это буквально означаетъ именно «науку, знаніе», отъ того же корня, какъ и наше слово «*отдать*». Именемъ этимъ называли самыя священныя книги религіи древней Индіи и всю массу литературы, со временемъ наросшей вокругъ нихъ. Книги эти, числомъ четыре, выдавались брахманами за прямое устное откровеніе отъ самого Всевышняго и, очевидно, являлись первоисточникомъ не только религіи, но и гражданскаго закона. Всѣ старанія свои учащіеся направляли къ пониманію ихъ, но безъ большого успѣха, потому что, даже когда удавалось пріобрѣсти тѣ или другіе драгоценныя тексты, встрѣчалось новое печальное препятствіе: языкъ, на которомъ они писаны, оказался стариннымъ санскритскимъ языкомъ, понять который безъ помощи было еще гораздо труднѣе, нежели у насъ неученному понять языкъ «Пѣсни о Полку Игоревѣ».

17.—Второму поколѣнію санскритистовъ наука Кольбрукъ. давалась уже много легче, потому что наиболѣе просвѣщенные изъ *пундитовъ*, т. е. ученыхъ брахмановъ, начали, такъ сказать, приручаться, подкупленные искренностью и прилежаніемъ своихъ учениковъ - англичанъ. Возможно и то, что они почувствовали себя польщенными въ своемъ

патріотизмъ, и что въ нихъ заговорила надежда на разныя улучшенія въ управленіи, которымъ завѣдывали бы люди, столь усердно старающіеся ближе ознакомиться съ управляемымъ ими народомъ. Какъ могли они отказать въ своемъ уваженіи и сочувствіи, напримѣръ, такому юношѣ, какъ Генри Томасъ Кольбрукъ, когда они своими глазами видѣли, какъ онъ, двадцати лѣтъ отъ роду, не только не поддавался всѣмъ соблазнамъ, обступавшимъ его среди богатаго англійскаго чиновнаго общества, столь падкаго до роскоши и всякихъ увеселеній, но убѣгалъ отъ него, чтобы посвящать труду ночные часы, которые товарищи и начальники его проводили за игорнымъ столомъ? «И въ самомъ дѣлѣ, работа,— «О религиозныхъ обрядахъ у индусовъ», съ которой Кольбрукъ выступилъ пятнадцать лѣтъ спустя послѣ прибытія своего въ Индію (въ 1797 г.), докончивъ капитальный трудъ, начатый сэромъ Уильямомъ Джонсомъ, — «Сборникъ индійскихъ законовъ», — «ясно показывала», по словамъ Макса Мюллера, «что онъ нашелъ превосходныхъ наставниковъ, посвятившихъ его въ сокровеннѣйшую свою священную литературу». Кольбрукъ самъ заявлялъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, что брахманы отнюдь не отказывались учить иностранцевъ и не таили отъ нихъ даже самыхъ священныхъ текстовъ Ведъ.

Чарльзъ
Уилькинсъ.

18.—Сэръ Уильямъ Джонсъ, учреждая Бенгальское общество изученія Азій («Bengal Asiatic Society»), положилъ начало правильной, систематической разработкѣ новооткрытыхъ источ-

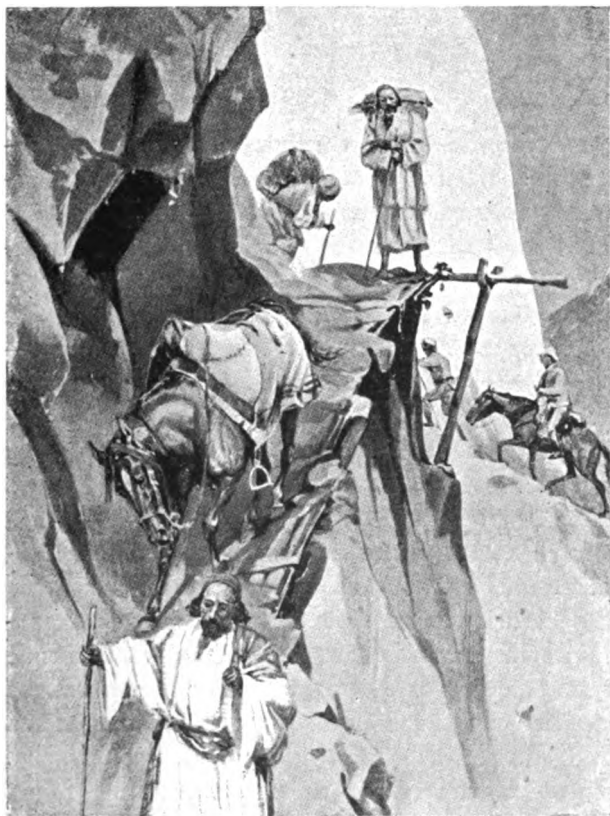
никовъ. Его другъ и сотрудникъ, Чарльзъ Уилькинзъ, возвратясь на родину въ глубокой старости, доживать на покоѣ трудовой вѣкъ, еще при жизни получилъ почетный титулъ «Отца санскритской филологіи»,—награду болѣе чѣмъ заслуженную, если принять во вниманіе, какъ часто онъ жертвовалъ своими вкусами, которые влекли его къ чисто ученымъ занятіямъ въ избранной имъ области, чтобы посвятить себя изученію практическихъ мелочей, безъ которыхъ никогда не получились бы успѣшные результаты. Онъ устроилъ первую санскритскую типографію, располагая лишь никуда негоднымъ сырымъ матеріаломъ въ лицѣ туземцевъ наборщиковъ и прочихъ рабочихъ, которыхъ нужно было поголовно учить самой азбукѣ ихъ ремесла. Мало того, надо было сочинить и отлить шрифтъ, и Уилькинзъ, поочередно или въ одно и то же время, самолично бывалъ и рисовальщикомъ, и литейщикомъ, и наборщикомъ, и корректоромъ. А между тѣмъ, на этихъ двухъ людей теперь, послѣ вѣковой слишкомъ, успѣшной работы, смотрятъ скорѣе какъ на предтечей и пророковъ науки, истиннымъ мессіей которой является Кольбрукъ. Они, такъ сказать, открыли садъ санскритской беллетристики, но онъ первый началъ копать между корнями, въ подпочвѣ и напластаніяхъ словъ и фактовъ, которые довели, наконецъ, до настоящаго грунтового слоя положительнаго знанія. Религія, философскія секты, законы, общественный строй: по части наукъ—грамматика, астрономія, арифметика, математика и пр.—во всѣхъ этихъ областяхъ

онъ указаль дорогу и положиль начало работамъ своихъ будущихъ преемниковъ, своимъ капитальнымъ изслѣдованіемъ, образцовымъ по глубинѣ знанія и ясному изложенію, при чемъ многіе изъ его выводовъ въ послѣдствіи не выдержали критики быстро двигающейся науки.

Быстрое
развитіе
санскрит-
ской фило-
логіи.

19.—Никакая область востоковѣдѣнія не сравнится съ санскритской по богатству какъ матеріала, такъ и рабочихъ силъ. Имя подвизающимся на этомъ полѣ—легіонъ; масса трудовъ ихъ, нагроможденныхъ на полкахъ библіотекъ въ видѣ болѣе или менѣе грузныхъ томовъ, или разбросанныхъ въ видѣ летучихъ статей и очерковъ въ безчисленныхъ специальныхъ повременныхъ изданіяхъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, такъ велика, что приводитъ въ ужасъ не только тѣхъ, кому предстоитъ слѣдовать за ними по пути самостоятельныхъ изслѣдованій, но такъ же, и еще въ большей мѣрѣ, тѣхъ, которые избрали болѣе скромную задачу — популяризовать труды ихъ, т. е. заинтересовать массу читающей публики въ ихъ работѣ, ознакомить ее съ ихъ цѣлями, методами и достигнутыми нынѣ результатами. Для того, чтобы это дѣлать добросовѣстно и съ пользой, необходимо популяризатору самому знакомиться со всѣмъ тѣмъ, что уже сдѣлано; приходится слѣдить за самыми послѣдними шагами науки, такъ какъ она не останавливается никогда, и каждый день можетъ принести новое открытіе или новую точку зрѣнія, важнѣе предъидущихъ. Было бы невозможно привести имена всѣхъ ученыхъ тружениковъ, перечень однихъ

именъ уму ничего не говоритъ. Имена ихъ будутъ встрѣчаться сами собою на слѣдующихъ страницахъ, въ связи съ ихъ трудами, а библиографическій списокъ, приложенный къ настоящему тому, въ большой мѣрѣ пополнить требующіяся по этой части свѣдѣнія.



Ущелье, черезъ которое Индъ пробиваетъ себѣ путь въ Пенджабъ. (См. стр. 114).

IV.

В е д ы.

**Значеніе
Индіи въ
арійскомъ
мірѣ.**

1.—По свойственной намъ склонности до-
вольствоваться обобщеніями и приблизитель-
ными свѣдѣніями или понятіями, когда дѣло
касается отдаленнаго отъ насъ времени и мѣст-
ности, «Индія» представляется нашему вообра-
женію единой землею, единою націей. Это отчасти
понятно, потому что для европейца Индія—
страна одной расы: арійской. Исторія ея пред-
ставляется европейцу исторіей дѣяній и преврат-
ностей этой расы на гималайскомъ материкѣ,
гдѣ она такъ долго первенствовала, пользуясь
матеріальнымъ и духовнымъ верховенствомъ, а
исторія индійской мысли и рѣчи есть преимуще-
ственно исторія арійскаго духа, — такъ что
даже нынѣ, когда уже нѣтъ болѣе чистокров-
ныхъ арійскихъ народовъ, а остались одни арійскіе
языки, да, пожалуй, отдѣльныя особенности ума
и характера, мы все еще смотримъ на Индію, какъ
на одинъ изъ первоисточниковъ арійской жизни.

**Индо-иран-
скій пе-
редъ.**

2.—«Одинъ», но не «единственный», такъ
какъ мы знаемъ положительно, что арійцы по-
странствовавъ по всей необозримой ширѣ Сред-

ней Азии, сошли въ Индію послѣ долгихъ кочеваній и пребыванія на многихъ попутныхъ станціяхъ. Мы далѣе знаемъ, что эти арійцы были вѣтвью, отломанною отъ великаго, мощнаго ствола, который мы называли «индо-иранскимъ». Индо-иранцы же, судя по многимъ указаніямъ, въ особенности языка и религіи, жили не раздѣленные до сравнительно поздняго періода. Между тѣмъ раньше и позже другіе рои улетали, по другимъ направленіямъ, отъ первороднаго арійскаго улья. Начало исторіи этихъ племенъ навѣки останется окутаннымъ тайной неизвѣстности, хотя мы отчасти можемъ догадываться, чѣмъ должны были быть его рѣчи,—корень всѣхъ нашихъ культурныхъ, флексивныхъ языковъ,—и его миѳы, первобытныя представленія о природѣ въ проявленіяхъ ея обоготворенныхъ силъ *). Еще есть поводы подозрѣвать, что рознь въ религиозныхъ воззрѣніяхъ могла быть не совершенно чуждой причинамъ этого раздвоенія.

3.—Когда Заратуштра воплотилъ эту рознь въ **Пенджабѣ.** болѣе возвышенномъ ученіи своей великой реформы, и своимъ «символомъ вѣры» разнавсегда наложилъ на свой народъ печать той суровой искренности, той нѣсколько мрачной духовности, которыми онъ впоследствии отличался отъ всѣхъ другихъ древнихъ націй **),—раздѣленіе, вѣроятно, давно уже совершилось. Послѣдуемъ же за тѣми арійскими выходцами, которыхъ, послѣ долгаго плутанія по

*) См. «Ист. Мидія» и пр., гл. III, «Арійскіе Миѳы».

**) См. тамъ же, стр. 118—121.

лабиринту горъ и ущелій, вывелъ изъ мрака и дикаго, горнаго хаоса въ мирныя солнечныя пажити, буйный, сварливый Индъ, загибая острымъ локтемъ къ югу. Пенджабъ — чудный край: множество рѣкъ и просторныхъ долинъ; грозные хребты постепенно понижаются и замѣняются грядами одѣтыхъ лѣсами холмовъ; климатъ умеренный, — природа привѣтливая, земля неистощимо-плодородная. Тутъ было все, чтобы заманить поселенцевъ и надолго удержать, уединяя ихъ отъ окружающаго міра. Одинъ взглядъ на карту покажетъ, что этотъ роскошный садъ, обладающій удивительной рѣчной системой, имѣетъ форму треугольника, съ двухъ сторонъ отгороженнаго почти непроходимой оградой, а съ третьей отрѣзаннаго отъ остальнаго материка широкой пустынной полосой. Всѣ составляющія систему рѣки, за исключеніемъ исполина — Инда, начинаются и кончаются въ предѣлахъ самого Пенджаба. Пять водообильныхъ рѣкъ спускаются съ разныхъ точекъ крайняго запада гималайской цѣпи и сходятся по двѣ, по три, пока воды ихъ не сольются въ одну, короткую, но широкую, глубокую и быструю, споконъ вѣка именуемую коллективнымъ названіемъ Панчананда, т. е. «Пятирѣчіе». Это названіе было дано и землѣ: Пенджабъ, это — персидская форма санскритскаго названія. Индъ, между тѣмъ, набравшись водъ и моши самъ по себѣ, безъ помощи притоковъ, которыхъ онъ принимаетъ весьма не много, да и то совсѣмъ незначительныхъ, въ верхней части своего теченія, до вы-

хода въ открытыя мѣста, одинокій, величественный, несется до сліянія съ «пятью рѣками». Даль-



Ландшафтъ въ области Лахоръ.
(Въ Пенджабѣ).

ше онъ уже катитъ свои волны до моря такой могучей, часто бурной, водною массой, что древніе поэты обыкновенно величали его тѣмъ же

названіемъ,—*Самудра*,—которымъ они именовали сначала скопленіе атмосферической влаги,—небесный океанъ, а впоследствии земное море, когда арійцы, вѣроятно по теченію того же Инда, доплыли, наконецъ, до Индійскаго океана *).

*) Рѣки Пенджаба въ разное время получали столько именъ, что одно перечисленіе ихъ производить въ головѣ какую-то путаницу. Нынѣшнія имена ихъ—не тѣ, подъ которыми знала ихъ Индія эпическаго и брахманскаго періода, а самыя древнія ихъ названія лишь недавно открыты въ Ведахъ и ихъ литературѣ. Затѣмъ греки, довольно хорошо знавшіе эту часть Индіи, называли рѣки по-своему, слегка придерживаясь мѣстныхъ звуковъ. Списокъ начинается съ самой западной рѣки, нынѣ Джелумъ, въ Ведахъ и эпосѣ Виптаста, переименованной греками въ Гидаспа; слѣдуетъ рѣка, называемая въ Ведахъ Асикни, у грековъ Акесиносъ, нынѣ Ченавъ; эти двѣ рѣки соединяются и образуютъ на значительномъ протяженіи одну рѣку съ двойной массой быстрыхъ и буйныхъ водъ, на что указываетъ живописное названіе, данное ей въ Ведахъ: Мал-рудвриджа, т. е. «вѣтрами вздутая»; позднѣйшее санскритское имя Чандравхага, передѣланное греками въ Сандрофага, она сохраняетъ понынѣ. Рассказывали про эту рѣку, будто именно она задержала Александра Македонскаго и заставила его отказаться отъ начатаго похода въ Индію, потому что греческое названіе означаетъ «Пожиратель Александра», и онъ, будто бы, испугался дурного предзнаменованія и рѣшился возвратиться вспять.—Нынѣшнюю Рави или Ироти легко узнать въ классической Иравати, но эти названія нисколько не напоминаютъ ни Парушни временъ Ведъ, ни греческаго имени Гидратъ. Зато древняя Шутудри и позднѣйшая Шатадру мало измѣнена въ греческой Зададръ и даже еще слегка слышится въ нынѣшней Сетлэдждъ; точно также въ греческомъ Виясъ или Біасъ еще чуть слышится Випаса Ведъ, прозрачно передѣланная греками въ Гипасисъ или Гипанисъ, или, еще ближе, Випасисъ. Изъ этихъ пяти рѣкъ, са-

4.—Нынѣшній Пенджабъ въ древнѣйшей періодъ—Ведъ, и потомъ въ классическій носилъ названіе еще болѣе широкое, а именнo—не «Пятирѣчіе», а «Седьмирѣчія», Сапта-Синдхава. Это—земля, упомянутая, подъ иранскимъ названіемъ Хапта-Хонда, въ знаменитой географической главѣ Авесты, въ числѣ первыхъ благихъ созданій Ахура-Мазды, и въ надгробной надписи Дарія I въ списокѣ земель, платящихъ дань персидской державѣ. Названіе это гораздо правильнѣе, потому что оно включаетъ самый Индъ (въ древности Синдъ*), и еще седьмую, рѣку, эпическую, легендарную, даже священную,—Сарасвати, которую можно назвать восточной границей этого перваго арійскаго владѣнія въ Индіи, такъ какъ она обходитъ самый край упомянутой уже пустыни. Съ этой рѣкой, въ теченіе вѣковъ, происходили любопытныя перемѣны. Она начинается на западномъ склонѣ невысокой гряды, отдѣляющей рѣчную систему Пенджаба и Индійскаго океана отъ системы восточнаго Индо-

Сапта-Синдхава («Седьмирѣчіе») — древнѣйшее названіе Пенджаба. — Рѣка Сарасвати.

мая значительная—Сетлэдъ и по дѣлнѣ, и по массѣ водъ, притомъ она всѣхъ чаще упоминается, почти наравнѣ съ самимъ Индомъ: «Индъ и Сетлэдъ», это—пара, такъ же, какъ «Гангъ и Джумна», исполнины другой рѣчной системы—бассейна Бенгальскаго залива.

*) «Синдъ» значитъ просто «рѣка». Обыватели данной земли часто называютъ свою главную рѣку просто «Рѣкой». Такъ «Ра» (нынѣшняя Волга), «Рейнъ», «Рона»—всѣ носятъ, на разныхъ древнихъ арійскихъ языкахъ, то же названіе просто «Рѣки», отъ корня, означающаго понятіе «теченія», «названія», и состоящаго почти-что изъ одной буквы р.

стана и Бенгальскаго залива, и въ старину шла себѣ обычнымъ порядкомъ до сліянія своего съ Индомъ по указанной на картѣ пунктированной линіи. Но у нея на полпути не хватило силы и стремительности. Отъ маловодія ли, или вслѣдствіе ноздреватости почвы, сухой и песчанистой, и потому всасывавшей слишкомъ много рѣчной влаги,—какъ бы тамъ ни было, только Сарасвати истощилась и затерялась въ пескахъ пустыни. Это случилось, должно-быть, въ очень древнюю эпоху, потому что мѣсто исчезновенія рѣки упоминается въ очень старинныхъ рукописяхъ какъ пунктъ отправленія, отъ котораго такая или такая-то мѣстность отстоитъ на столько-то дней ходьбы. Изъ оставшихся, раздѣленныхъ частей ея верхняя теперь называется Сарсути, а нижняя—Гаргаръ. Въ настоящее время это—совсѣмъ незначительныя рѣчки, интересныя единственно по старой поэтической и былинной памяти и потому, что онѣ представляютъ собой все, что осталось отъ одной изъ знаменитыхъ «Семи Рѣкъ», питавшихъ и красившихъ первыя арійскія поселенія,—«Семь Сестеръ» или «Семь Матерей», какъ ихъ часто благодарно и живописно именовали родные пѣвцы.

Первые
арійцы въ
Пенджабѣ.

§.—Въ такой землѣ бытовая картина жизни была напередъ начерчена: земледѣліе и скотоводство, сельское и молочное хозяйство, съ немногими простыми вспомогательными ремеслами, при помощи которыхъ хозяинъ домашними средствами самъ себѣ поставляетъ все нужное въ хозяйствѣ. Съ раздѣленіемъ на мужской и

женскій трудъ, все вниманіе поселенца обратилось на скудельное, плотничное, прядельное и ткац-



Истони Ганга.

кое производства. Странно было бы, если бы многочисленныя широкія и глубокія рѣки не поощрили

судостроенія и судоходства; поэтому, если преобладающія черты земли, раздѣленной горными отрогами на безчисленныя долины, благоприятствовали образованію отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга общинъ или племенъ, природные пути сообщенія облегчали междуплеменные сношенія и положили начало торговлѣ. И нужно замѣтить, что эти, можно сказать, идеальныя условія народнаго развитія, обѣщая въ будущемъ великое благоденствіе, отнюдь не склоняли къ лѣни или распущенности. Почва щедро вознаграждала за трудъ, однако, все же требовала труда и не могла бы, подобно многимъ тропическимъ полосамъ и островамъ, содержать челоуѣка въ праздности. Климатъ, благорастворенный въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, однако не располагалъ людей къ изнѣженности, такъ какъ зима, съ ея снѣгами и морозами, посѣщала ихъ ежегодно. Наконецъ, и это было обстоятельство первостатейной важности для выработки мужественнаго и даже воинственнаго, національнаго характера. Аріицы, сойдя въ Индію, должны были отстаивать занимаемыя ими земли противъ храбраго и многолюднаго мѣстнаго населенія, которое не безъ долгой, упорной борьбы поступилось своими, вѣками наспѣженными владѣніями. Шагъ за шагомъ отступали они передъ пришельцами. Не менѣе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ продолжался этотъ процессъ наступательной колонизаціи, подвигавшейся къ востоку, пока она не перешла черезъ водораздѣлъ и не вступила въ долину Ганга.

6.—Вытѣсняемые арійцами туземцы, которыхъ ^{Плененная борьба.} они долго называли просто «народами», «пле-



Гангъ въ Гангатри.

нами»,—Дасью*), — принадлежали къ черной,

*) «Дасью» значить, собственно, просто «народы», «племена»; иранская форма этого слова «Дажю» сохранилась

или, во всякомъ случаѣ, очень темнокожей расѣ, и все въ нихъ, отъ цвѣта ихъ кожи и плоскихъ носовъ, до ихъ варварскихъ обычаевъ, въ родѣ ѣденія мяса сырымъ или еле поджареннымъ, и бѣсопоклонства и шаманства, крайне претило арійцамъ, съ ихъ гораздо болѣе развитымъ чувствомъ изящнаго и красоты, болѣе возвышеннымъ духовнымъ уровнемъ, и болѣе мягкимъ нравомъ. Поэтому арійцы избѣгали всякаго общенія съ этими народами, считая таковое нравственнымъ оскверненіемъ для себя, особенно въ дѣлахъ вѣры и богослуженія. Весьма вѣроятно, что именно по этому чувству брезгливаго сепаратизма они собрали въ одинъ сборникъ всѣ свои священные пѣсни, въ эту раннюю пору наврядъ ли уже достигшія той оконченной поэтической формы, въ которой онѣ дошли до насъ. Эта обработка была дѣломъ цѣлаго ряда даровитыхъ жрецовъ и поэтовъ, извѣстныхъ въ древней, священной литературѣ Индіи подъ названіемъ Риши, и потребовала нѣскольکو столѣтій, во всякомъ случаѣ не менѣе пяти. Такимъ образомъ составилъ сборникъ, который мы называемъ «Риг-Веда», т. е. «Хвалебный Веда», или «Веда пѣснопѣній»; полное заглавіе—Риг-Веда Самхита.

„Риг-Веда
Самхита“.

7.—Слово «самхита» означаетъ «сборникъ»; въ настоящемъ случаѣ — собраніе подлинныхъ

именно съ этимъ значеніемъ въ Авестѣ и надписяхъ Ахеменидовъ; въ Индіи же, какъ мы далѣе увидимъ, оно отчасти измѣнило свое значеніе.

мантръ, т. е. священныхъ текстовъ *) или гимновъ, пѣсенъ, числомъ 1.028, изъ которыхъ состоитъ Риг-Веда, безо всякихъ поясненій, комментаріевъ и т. п. прибавленій. Это, безъ малѣйшаго сомнѣнія, *древнѣйшая книга арійской семьи*, конечно, по содержанію, а не по внѣшнему виду, потому что письмо не вошло въ общее употребленіе еще много сотъ лѣтъ послѣ того, какъ послѣднія пѣсни сборника облеклись въ свою нынѣшнюю поэтическую форму, а это было не позже 1000 лѣтъ до Р. Х., вѣрнѣе, что много раньше. Внимательное изученіе гимновъ должно убѣдить, внутреннимъ свидѣтельствомъ языка и содержанія, что древнѣйшія части этого удивительнаго сборника слѣдуетъ отнести къ XV-му столѣтію до Р. Х. и, скорѣе, даже къ еще болѣе древнему времени,—и все-таки приходится признать, что весьма многія изъ словъ и понятій, тутъ встрѣчаемыхъ, обозначаютъ уже далеко не первую ступень историческаго развитія. Впрочемъ, мы къ выводу этому уже подготовлены, не разъ имѣвъ случай заглянуть въ глубокую доиранскую старину, такъ-называемый индо-иранскій или прото-арійскій періодъ *).

8.—Религіозная жизнь арійцевъ въ Пенджабѣ и ея богослужебныя проявленія, слѣды которыхъ еще слабо виднѣются сквозь позднѣйшія осложненія Риг-Веды, сначала сложились очень просто;

Богослуженіе первыхъ временъ.
«Риги».

*) Слово это, очевидно, очень древнее, индо-иранское, постоянно встрѣчается въ Авестѣ. (См. «Исторію Мидіи» и пр.).

*) См. «Исторію Мидіи» и пр.

это—чисто семейное служеніе божеству. Глава семьи является и духовнымъ представителемъ ея; онъ возжигаетъ пламя для ежедневнаго жертвоприношенія и питаетъ его незатѣйливыми приношеніями, въ родѣ растопленнаго коровьяго масла и мучныхъ лепешекъ, распѣвая при этомъ подходящіе гимны. Но въ этой послѣдней чертѣ уже заключался задатокъ гораздо болѣе искусственныхъ формъ. Такъ, напримѣръ: что такое *подходящіе* гимны? Тутъ выборъ, значить уже—ритуаль. 1.028 пѣсенъ дѣлятся на десять книгъ или отдѣловъ, называемыхъ *мандамами*, эти же опять подраздѣляются на меньшія группы, и каждая приписывается какому-нибудь прославленному въ древности святому Риши (жрецу-поэту), который считается ея сочинителемъ, который, вѣроятно, только собиралъ пѣсни и, пожалуй, литературно обрабатывалъ ихъ. Историческая достовѣрность этихъ именъ, конечно, болѣе чѣмъ сомнительна, такъ какъ они въ теченіе вѣковъ обросли такой массой мифовъ и легендъ, что почти не оставалось мѣста для здраваго правдоподобнаго преданія. Всего вѣроятно, что за этими именами нашлись бы не только отдѣльныя личности, но цѣлые роды, въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, которымъ наслѣдственно передавались и жреческій санъ и поэтическое дарованіе. Эти-то роды, вѣроятно, и выбирали пѣсни, и постепенно установили болѣе и болѣе систематическія формы богослуженія. Къ тому времени, когда аріійское завоеваніе и колонизація, неукоснительно дви-

гаясь къ востоку, достигли долины Верхняго Ганга и Ямуны, богослуженія разрослись въ такой мудреный и сложный ритуаль и жертвенную обрядность, какихъ свѣтъ не видывалъ, находясь въ рукахъ строго обособленнаго, исключительно привилегированнаго священства, образовавшаго впоследствии всемогущую касту брахмановъ, сумѣвшихъ въ теченіе почти трехъ тысячъ лѣтъ, держать Индію въ рабскомъ подчиненіи.

9.—Гдѣ есть литургія, тамъ должны быть и Яджур-Веда и Сама-Веда. молитвословы. Такимъ образомъ составились еще два сборника или *самхиты*,—Яджур-Веда и Сама-Веда. Оба состоятъ изъ пѣсенъ, цѣльных и отрывковъ (мантры «тексты»), взятыхъ изъ Риг-Веды и расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, приспособленномъ къ каждому дѣйствію данной службы. Жертвоприношеній развелось такое множество и столь разнообразныхъ видовъ, что для иныхъ требовалось большое число священнодѣйствующихъ. Въ торжественныхъ случаяхъ ихъ было не меньше семнадцати человѣкъ,—разныхъ разрядовъ и съ различными, весьма строго распределенными обязанностями. Одни должны въ полголоса бормотать *мантры*, другіе—отчитывать ихъ быстро и довольно громко, третьи—нараспѣвъ, а четвертые должны пѣть во весь голосъ. *Мантры* Сама-Веды, которыя, за исключеніемъ 78-ми, взяты изъ Риг-Веды (а ихъ всего 1.549), всѣ поются. *Мантры* Яджур-Веды, большей частью изъ того же источника, перемѣшаны съ отрывками въ прозѣ, содержащими поясненія и наставленія для

руководства жрецовъ, употребляющихъ этотъ литургическій сборникъ *). Сама-Веда раздѣлснъ на двѣ неравныя части: «Черный Яджу» или Тантирия-Самхита, и «Бѣлый Яджу» или Ваджасанья-Самхита, что объясняется старинной, нелѣпой легендой.

Атхарва-
Веда.

10.—Долгое время эти три *самхиты*,—Риг, Яджу и Саманъ, въ сущности сводящіяся на одинъ сборникъ—Риг-Веду**),—составляли весь сводъ священной литературы, подъ общимъ заглавіемъ Траивидія, т. е. «тройной Веда» или «тройное знаніе». Только гораздо позже, но когда именно, невозможно опредѣлить,—къ этимъ тремъ каноническимъ книгамъ была присоединена еще четвертая—Атхарва-Веда. Книгу эту, стало-быть, можно въ нѣкоторомъ смыслѣ считать позднѣйшимъ прибавленіемъ. Съ другой стороны, однако, она можетъ похвалиться болѣе древностью, нежели даже Риг-Веда,—по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части ея. Невозможно себѣ представить ничего болѣе непохожаго, по содержанію и по духу, на пѣсни Риг-Веды. Въ Атхарванѣ сравнительно немного текстовъ изъ Рига, да и тѣ взяты единственно изъ отдѣловъ, заведомо позднѣйшихъ; все остальное, за исключеніемъ немногихъ пѣсенъ въ томъ же родѣ и отчасти замѣчательной поэтической красоты, состоитъ изъ заклинаній, заговоровъ и

*) Эти пояснительныя вставки считаются древнѣйшими существующими образчиками арійской или индо-европейской прозы.

**) Яджур-Веда содержитъ и кое-какой оригинальный матеріалъ, однако, не новѣе самого Риг-Веды.

всякой ворожбы. Тутъ, въ противоположность свѣтлому, жизнерадостному сонму благодѣтельныхъ боговъ, къ которымъ такъ довѣрчиво, благодарно обращаются съ хвалой и мольбой древніе Риши,—передъ нами возстаетъ мрачный, отталкивающий міръ хмурыхъ, злобныхъ демоновъ, бѣсовъ, внушающихъ раболопный страхъ,—міръ, ни въ какомъ случаѣ не выросшій въ арійскомъ воображеніи. Однимъ словомъ, Атхарванъ переноситъ насъ въ такое же точно бѣсопоклонничество, съ какимъ мы такъ близко ознакомились въ туранской Халдеѣ. Все вредное въ природѣ—засуха, лихорадка или дурныя свойства человѣческаго сердца,—лицетворяется и становится предметомъ ублажающаго поклоненія, или хитро обходится колдовствомъ на благо и спасеніе, а также часто на вредъ и погибель ближняго. Тутъ, какъ и тамъ,—не молитва, а заклинанія; не богослуженіе, а волхвованіе; не священство, а шаманство. Само собой напрашивается предположеніе, что этотъ сборникъ представляетъ пережитокъ религіи покоренной арійцами туземной расы, которая, подчинившись послѣ долгой борьбы, добилаь того, что побѣдители отчасти признали ея духовныя права, если не на равенство, то на терпимость. Легко себѣ представить, какъ сильнѣйшая и высшая во всѣхъ отношеніяхъ раса, допуская протившій ей въ сущности ритуаль въ число своихъ каноническихъ книгъ, старалась, такъ сказать, очистить, облагородить его введеніемъ въ него извѣстнаго числа новыхъ пѣсень собственнаго сочиненія, обращенныхъ къ тѣмъ же свѣтлымъ

божествамъ, какъ и пѣсни родного Риг-Веды, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ*). Если, какъ весьма правдоподобно, таково происхожденіе четвертаго Веды, то на дѣлѣ такъ и выйдетъ, что книга эта — новѣйшая изъ четырехъ, и въ то же время, по содержанію, мѣстами древнѣе даже древнѣйшихъ отдѣловъ Рига. Въ качествѣ *самхиты*, — т. е. каноническаго сборника, она, очевидно, поздняго происхожденія, такъ какъ носитъ на себѣ явные слѣды вліянія долинъ Ганга и Ямуны; но тѣ части, въ которыхъ отражается первобытная, не-арійская религія, очевидно, должно отнести къ періоду, предшествовавшему пришествію арійцевъ изъ-за горъ.

Текстъ Риг-Веды и учене не наизусть.

11.—Нужно замѣтить, что въ Яджурѣ и Саманѣ *мантры*, взятая изъ Риг-Веды, отнюдь не воспроизведены съ буквальной точностью; хотя тексты эти всегда легко узнать, однако, при внимательномъ сличеніи ихъ, сейчасъ замѣтны значительныя разногласія. Это объясняется весьма легко. Древнѣйшія извѣстныя намъ рукописи Риг-Веды не старше 1500 лѣтъ по Р. Х. Однакоже, уже 2000 лѣтъ до того, т. е. 600 лѣтъ до Р. Х., пѣсни эти изучались нѣсколькими богословскими школами, — правда, единственнымъ, многотруднымъ процессомъ заучиванія на память, но съ такой невѣроятной тщательностью, что, съ цѣлью устра-

*) Нѣчто подобное представляетъ сліяніе исконнаго шаманства туранской Халден съ болѣе благородной религіей занявшихъ ее семитовъ, которые, вѣроятно, дѣйствовали изъ такихъ же примпрительныхъ политическихъ соображеній. (См. «Исторію Халден»).

нить возможность порчи текста самовольными вставками или выпусками, въ нихъ были сочтены стихи, строки, мало того,—слова, слоги и буквы! Изъ сочиненій, писанныхъ въ то время, извѣстно, что пѣсни Риг-Веды содержали 153.826 словъ, и 432.000 слоговъ; счетъ стихамъ же велся не совсѣмъ одинаково, такъ что у однихъ выходило ихъ 10.402, у другихъ — 10.622. Такая разниа въ количествѣ стиховъ могла вкрасѣться незамѣтно— въ этомъ каждый легко можетъ убѣдиться: достаточно взять для этого любой отрывокъ въ стихахъ или прозѣ, измѣнить нѣкоторыя слова, замѣняя ихъ другими, имѣющими равное число буквъ, и никто не замѣтитъ разницы, а смыслъ нисколько не пострадаетъ, или пострадаетъ очень мало. А съ текстами не записанными, только запоминаемыми, это неизбежно должно случаться безпрестанно. Какого же ожидать результата тамъ, гдѣ не было вовсе канонически установленнаго текста, по которому можно было бы исправлять ошибки памяти! Непостижимымъ чудомъ является въ настоящемъ случаѣ то, что священный текстъ сохранился въ столь мало искаженномъ видѣ, въ цѣломъ и въ мелочахъ. Но тамъ, гдѣ оказывались уклоненія, каждая данная школа, конечно, не признавала за собой ошибокъ, а стояла за свой текстъ, провозглашая его единственнымъ чистымъ и авторитетнымъ. Такимъ образомъ имѣется нѣсколько текстовъ Риг-Веды, слегка разногласныхъ въ деталяхъ. Кромѣ того, когда надо было привести эти *мантры* въ литургическій порядокъ, для употребленія въ видѣ молитвослововъ и руководствъ при жертво-

приношеніяхъ, составители легко могли до известной степени примѣнять ихъ къ тому или къ другому дѣйствию или своему обряду, — все это вмѣстѣ взятое болѣе чѣмъ объясняетъ незначительныя отступленія, которыя замѣчаются въ *самхитахъ* Яджура и Самана.

Необходимость въ комментаріяхъ.

12. — Книга, которую изучаютъ съ такою непомѣрной тщательностью, въ которой сосчитаны и хранятся, какъ золотыя крупинки, каждое слово, каждый слогъ, по необходимости должна быть не только священной, но и очень старинною. Какъ не бояться утратить со временемъ не только частицы сокрытаго въ ней духовнаго богатства, но самое пониманіе ея цѣны и значенія? Тогда наступаетъ для книги пора комментаріевъ, — толкованій. Надо все объяснять. Языкъ устарѣлъ. Стихосложеніе, весьма разнообразное и богатое въ Риг-Ведѣ, — тоже. Приходится все это изучать, какъ мы изучаемъ наши мертвые языки. Намеки на многое, что нѣкогда было общеизвѣстно, становятся непонятны. Теряется значеніе мифовъ; истинный смыслъ ихъ забывается. Имена, нѣкогда жившія въ домашнемъ обиходѣ и не нуждавшіяся въ объясненіи, сдѣлались пустыми звуками. Словомъ сказать, — времена другія, и нить порвана. Съ другой стороны, эти новыя времена необходимо соединить со старыми. Всю эту новизну, — понятій, обычаевъ, законовъ, обрядовъ, жизненныхъ условій, — надо объяснить, оправдать, освятить стариной, почти уже непонятною, потому что въ ней, этой старинѣ заключается, единственный общепризнанный, общечтимый священный источникъ всего народнаго быта,

общественного строя и духовной жизни. Легко понять, какого подвига умственного напряженія требовала подобная задача, и неудивительно, что этой умственной работы хватило на много поколѣний специалистовъ. Начало было сдѣлано вставками въ прозѣ, которыми пересыпанъ Яджур-Веда, обращенный такимъ образомъ въ нѣчто въ родѣ учебника или руководства, для цѣлей, не снившихся древнимъ Риши, т. е. для развитія сложной обрядности, выросшей изъ разныхъ почти невидимыхъ корней, скрытыхъ подъ почвой исконнаго, простого богослуженія.

13.—Таково происхожденіе и значеніе тѣхъ многочисленныхъ богословскихъ трудовъ, которые, <sup>„Брах-
манамъ“.</sup> подъ общимъ названіемъ «Брѣхмана» (т. е. книгъ, писанныхъ брахманами и для брахмановъ), образовали массу литературы арійскихъ индусовъ въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Литература эта составляетъ такую же характеристику второго періода поселенія арійцевъ въ сѣверной половинѣ материка, а именно: тяготѣнія къ верхнему Гангу и Ямунѣ, — какою являются наиболѣе древнія части Риг-Веды по отношенію къ первому періоду, — заселенія бассейна Синда съ его притоками. Слѣдовательно, Брѣхманы представляютъ переходъ отъ культуры, изображаемой въ Риг-Ведѣ къ позднѣйшему, брахманскому строю мышленія и общественной жизни, — вѣрнѣе даже помогаютъ совершиться этому переходу, при чемъ нѣкоторые изъ Брѣхмановъ очевидно принадлежатъ еще къ началу, другія же къ концу этого переходнаго періода. По-нятно, что во время такой переработки должны

были возникнуть разныя богословскія школы, ревниво хранившія и передававшія ученикамъ каждая свою версію той или другой Брахманы, такъ же, какъ было и съ самими Ведами. Это, конечно, значительно увеличиваетъ трудности, съ которыми приходится бороться нашимъ ученымъ, особенно если принять во вниманіе, что на каждый изъ четырехъ Ведъ приходится по нѣсколько Брахманъ. Многія изъ нихъ еще не найдены или утеряны; но сомнительно, много ли дѣйствительно цѣннаго онѣ бы прибавили къ тому, что можно узнать изъ имѣющихся налицо, такъ какъ естественно должны были сохраниться сочиненія, имѣющія наибольшія достоинства и наиболѣе распространенныя. Интереснѣе всего приложенія къ каждой Брахманѣ, озаглавленныя «Араньяка» (т. е. «Лѣсные думы»), назначавшіяся исключительно для тѣхъ брахмановъ, которые удалялись изъ міра въ лѣсные скиты или въ одиночныя отшельническіе шалаши, чтобы провести тамъ нѣсколько лѣтъ или доживать вѣкъ свой въ созерцаніи и покоѣ.

„Шрути“,
т. е. „откровеніе“.

14.—Какъ было уже замѣчено въ другомъ томѣ, всѣмъ религіямъ, основаннымъ на священныхъ книгахъ и, слѣдовательно, имѣющимъ несокрушимое каноническое ученіе, приписывается не-земное происхожденіе *), а именно — прямое откровеніе свыше, данное смертнымъ учредителямъ. Масса писаній, которыя индусы подводятъ подъ эту рубрику, необыкновенно велика, такъ какъ вмѣщаетъ не только *мантры*, или подлинныя тексты самихъ Ведъ, но и всѣ Брах-

*) См. «Ист. Мидіи» и пр., стр. 19—21.

маны, включая приложенія философскаго содержанія—Упанишады. Совокупность всѣхъ этихъ писаній они называютъ Шрути, т. е. «слышанное»,—въ противоположность тому, что «запомнено»—Смрити. Разница слѣдующая: то, что человѣкъ «*услышалъ*» отъ божества, есть откровеніе, безусловная истина, святая и неприкосновенная, то же, что только «*запоминается*» человѣкомъ, подлежитъ ошибкамъ, поэтому облечено святостью, такъ сказать, второстепенною, допускающей сомнѣнія и споры. Всѣ сборники законовъ, въ томъ числѣ Уложеніе Ману, считаются за *Смрити*, точно также и Итихасы (см. стр. 101), и Пураны (стр. 102), и еще одинъ разрядъ писаній *Сутры*, о которомъ рѣчь впереди. Здравому уму, свободному отъ предвзятыхъ взглядовъ, сдается, что, въ сущности, одинъ Риг-Веда, являясь краеугольнымъ камнемъ и живымъ источникомъ всей духовной жизни Індіи, имѣетъ право называться «откровеніемъ»,—*Шрути*, пересказаннымъ вдохновенными Риши со «слышаннаго» ими отъ божества, въ качествѣ «избранныхъ сосудовъ» и возвѣщателей слова Божія человѣкамъ. Это было бы согласно съ логикой, но брахманамъ не логика была нужна. Это властолюбивѣйшее и хитрѣйшее духовенство предъявляло такія невозможныя требованія, полагаясь на легковѣріе, уступчивость и щедрость народа, надъ которымъ оно установило неограниченное владычество, духовное и свѣтское. Такимъ требованіямъ не покорилось бы даже такое созерцательное, измѣнившееся, физически разслабленное племя, въ какое долготѣнее пре-

бываніе въ тропическихъ низинахъ восточнаго Индостана превратило нѣкогда бодрыхъ, могучихъ духомъ и тѣломъ арійцевъ, если бы этому племени не было внушено, что оно повинуется велѣнію свыше. Нужно замѣтить, что въ Риг-Ведѣ не найти ничего изъ всего того, чего брахманы требовали себѣ, какъ неотъемлемаго права. Начать съ того, что тамъ нѣтъ рѣчи о мнимомъ откровеніи; сочинители гимновъ, древніе Риши, напротивъ того, неоднократно положительно хвалятся тѣмъ, что «сдѣлали» ту или другую новую пѣснь, «подобно тому, какъ плотникъ сооружаетъ телѣгу». Надо было все это вывести изъ разныхъ зачаточныхъ намѣковъ, разбросанныхъ въ текстѣ тамъ и сямъ, перетолковывать изъ нихъ то, что требовалось, поддирать, подтасовывать. Выходило, что не въ текстѣ суть, а въ толкованіи,—т. е. въ комментаріяхъ, въ Брахманахъ. Такимъ образомъ, случилась такая чудовищная вещь: что вся эта громадная масса литературы (какая громадная, мы даже не можемъ себѣ представить, такъ какъ многое пропало или еще не найдено) есть сочиненіе цѣлой арміи писателей, принадлежащихъ дюжинѣ разныхъ богословскихъ школъ, жившихъ въ разное время на протяженіи чуть не тысячи лѣтъ. Вся эта литература, окруженная ореоломъ святости и таинственности, попала въ единую рубрику Шрути,—«Откровеніе». Такая самовластная беззастѣнчивость не могла, конечно, не подать повода къ безчисленнымъ несообразностямъ и противорѣчіямъ. Такъ, напримѣръ, Брахманы постоянно обозначаются именами ихъ

авторовъ или, по крайней мѣрѣ, школъ, и называются древними и «новыми»,—а это, въ сущности, ересь, потому что то, что признается за абсолютную истину, не можетъ быть ни древнимъ, ни новымъ, не можетъ быть дѣломъ того или другого человѣка, той или другой школы: истина цѣльна, неизмѣнна, предвѣчна. Но богословская казуистика умѣла выпутаться и не изъ такихъ еще несообразностей.

15.—Названіе Смирти,—можно довольно вѣрно перевести: «почтенное преданіе»,—этотъ отдѣлъ обнимаетъ, какъ уже замѣчено, множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ и вопросовъ, въ томъ числѣ одинъ разрядъ литературныхъ произведеній, который специально принадлежитъ къ Ведамъ и служитъ дополненіемъ Брахманамъ и Упанишадямъ. Это — руководства по нѣкоторымъ отраслямъ знанія, неизбежно входящимъ въ учебный курсъ, который обязанъ пройти каждый брахманъ. Этихъ матерій числомъ шесть, и по нимъ можно судить о щепетильности изученія, которому споконъ вѣка подвергались Веды,—въ особенности, конечно, Риг-Веда. Онѣ дѣлятся на слѣдующія рубрики:

„Смрити“,
т. е. „преданіе“ —
„Веданги“.

- 1) Фонетика (произношеніе, удареніе),—Сикша;
- 2) Стихосложеніе,—Чхандасъ.
- 3) Грамматика,—Віакарана;
- 4) Разборъ словъ (этимологія, омонимы, синонимы и пр.),—Нирукта;
- 5) Астрономія,—Джйотима;
- 6) Обрядность,—Калпа.

Основательное знаніе этихъ шести предметовъ считается до такой степени необходимымъ для

полнаго пониманія Ведъ и должнаго представленія о безконечно сложной ритуалистикѣ, которую жрецы выработали изъ Риг-Веды, что они какъ бы органически связаны съ Ведами, въ родѣ того, какъ члены связаны съ тѣломъ, и потому такъ и называются «членами Ведъ»—Веданги.

„Сутры“.

16.—Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что, когда говорится о «шести Ведангахъ», имѣются въ виду не шесть отдѣльных книгъ или сочиненій, а шесть матерій или предметовъ, составляющихъ часть самой сути ведійской науки и отдѣленныхъ отъ нея подъ особыми рубриками для удобнѣйшаго изученія. Мы постоянно примѣняемъ ту же систему къ Шекспиру или Гомеру. Не говоримъ ли мы о гомеровскомъ стихѣ, гомеровской грамматикѣ, гомеровской мифологiи, гомеровской астрономiи, гомеровскомъ богопочитанiи, гомеровскомъ общественномъ строѣ, и не могли ли бы мы назвать эти шесть предметовъ «столпами изученія Гомера»? Далѣе слѣдуетъ, что, если предметовъ,—Веданга,—всего шесть, зато книгъ или руководствъ, учебниковъ по этимъ предметамъ могло расплодиться безчисленное множество,—что именно и случилось. Но во всѣхъ этихъ учебникахъ есть одна общая черта: такъ какъ назначенiемъ ихъ собственно было собрать въ сжатой, сокращенной формѣ свѣдѣнiя, безсвязно разбросанныя по всѣмъ Брахманамъ, то они и составлены въ коротенькихъ параграфахъ или афоризмахъ, напоминающихъ слогъ нашихъ телеграммъ или замѣтокъ для памяти; сжатость же эта часто затемняетъ смыслъ и переходитъ въ какой-то едва понятный

діалектъ, обѣщающій немало затрудненій, надъ которыми еще нѣсколько поколѣній специалістовъ немало поломають себѣ голову. Такіе сборники называются Сутрами; слово это буквально значить «*шитое*», отъ корня *сив* или *сю*—«шить».

17.—Учащіеся, очевидно, находили этотъ сокращенный слогъ особенно удобнымъ для запоминанія, потому что они примѣняли его и ко многимъ другимъ предметамъ, не имѣющимъ прямой связи съ Ведами, какъ-то—законовѣдѣнію, философіи, медицинѣ, разнымъ мастерствамъ. Эти предметы принадлежатъ къ «запоминаемому» или «традиціонному» отдѣлу классической литературы,—*Смрити*, и Сутры, къ нимъ относящіеся, получили названіе Смарта-Сутра, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя поясняютъ (яко бы) предметы, относящіеся къ «откровенію» къ «слышанному»—*Шрути*, и потому называются Шраута-Сутра. Последнихъ на каждую Веду приходится по нѣсколько, такъ же, какъ и Брахманъ, и онѣ обнимаютъ великое множество предметовъ,—вѣрнѣе, мельчайшія подраздѣленія предметовъ, составляющихъ рубрики дополнительныхъ наукъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Веданга»; наконецъ существуетъ сборникъ Сутръ объ искусствѣ прилаживать слова священныхъ гимновъ къ музыкѣ! Можно положительно сказать, что Индія—единственная въ мірѣ страна, гдѣ грамматика, стихосложеніе, слогоудареніе, причисляются къ *священной* литературѣ, мало того,—къ писаніямъ богооткровеннымъ, такъ какъ основной матеріалъ, разработанный соста-

„Шраута-
Сутры“ и
„Смарта-
Сутры“.

вителями Сутръ, на самомъ дѣлѣ находится въ Брахманахъ, и отчасти даже въ одномъ изъ Ведъ, а именно: въ упомянутыхъ уже вставкахъ прозой, встрѣчаемыхъ въ Яджур-Ведѣ. На первый взглядъ и безъ объясненій, это кажется прямо нелѣпостью, но становится логически понятно, если отношеніе прослѣдить до основанія.

Важное зна-
чение изуче-
нія языка и
стиха.

18.—Святостью, приписываемою этимъ отраслямъ науки, обыкновенно почитаемой чисто мірскою, объясняется чрезвычайная тщательность, съ которою онѣ разрабатывались съ самыхъ древнихъ временъ, вслѣдствіе чего филологическія изслѣдованія достигли въ Индіи такой тонкости и глубины, какъ ни у одного народа въ мірѣ. Въдъ изъ шести четыре Веданги исключительно состоятъ изъ такихъ вопросовъ, а именно: стихосложеніе (включающее и слогаудареніе), фонетика или произношеніе словъ, этимологія или происхожденіе ихъ (включая разборъ омонимовъ и синонимовъ) и собственно грамматика. Въ сложной системѣ жертвенной обрядности, въ которую выродилось нѣкогда прекрасное, простое арійское богослуженіе, одно невѣрное удареніе, одно невѣрно произнесенное слово, невѣрный размѣръ въ стихѣ, и, — по словамъ жрецовъ, — благодѣтельное дѣйствіе жертвоприношенія не только терялось, но обращалось во вредъ жертвователя. А какъ легко было впасть въ такую ошибку, употребляя лишь наполовину понятныя слова и формулы на языкѣ всегда болѣе или менѣе искусственно-литературномъ, не обиходномъ, и съ теченіемъ времени быстро обращавшемся въ

языкъ мертвый! Удивляться ли послѣ этого, если грамматическія и фонетическія тонкости принимали капитальную важность, и надъ ними вѣками неустанно изошрялись отборнѣйшіе умы. Каждая богословская школа свирѣпо отстаивала свое толкованіе даннаго мѣста писаній, даже свое произношеніе, удареніе того или другого слога, выпускался въ свѣтъ длинный рядъ ученѣйшихъ трактатовъ (Сутры), большинство которыхъ, очевидно, пропало, судя по цитатамъ, встрѣчающимся въ уцѣлѣвшихъ: понятно, что въ неписьменной словесности, по закону естественнаго подбора, выживаетъ только то, что жизнеспособно по внутреннему содержанію или совершенству формъ, или отвѣчаетъ какой-нибудь существенной потребности народнаго духа.

19. — Мы пришли къ концу по необходимости краткаго, но содержательнаго обзора того, что можетъ, въ строжайшемъ смыслѣ, назваться «ведійской литературой». Въ болѣе широкомъ смыслѣ, теоретически, всю литературу Индіи можно подвести подъ названіе Ведъ, такъ какъ Веды,—въ особенности Риг-Веда,—царятъ надъ ея духовной жизнью, какъ Гималай надъ всѣми условіями ея матеріальнаго существованія. Но ведійская литература въ строго специальномъ смыслѣ, это та, которая истекаетъ прямо изъ Ведъ и вращается вокругъ нихъ, трактуя исключительно о такихъ матеріяхъ, которыя въ нихъ содержатся или косвенно къ нимъ относятся. Она сама собою распадается на три ясно отличающіеся другъ отъ друга отдѣла: 1) періодъ

Періоды
ведійской
литературы.

Мантръ,—т. е. собиранія пѣсенъ, съ единствен-
ной цѣлью сохраненія ихъ;—2) періодъ Брах-
манъ,—т. е. толкованія и экзегетики, съ явной
цѣлью установить верховенство брахманской
касты;—3) періодъ Сутръ,—т. е. краткихъ спе-
ціальныхъ учебниковъ и практическихъ руко-
водствъ для употребленія въ школахъ и при
жертвоприношеніяхъ. Хронологически, эти пе-
риоды не слѣдуютъ строго одинъ за другимъ,
одинъ отъ другого рѣзко не отдѣляются,—равно
какъ и такъ-называемыя культурныя эпохи: вѣка
каменный, бронзовый и желѣзный,—а съ обоихъ
концовъ одинъ въ другой переходятъ. Такъ, если
второй періодъ соотвѣтствуетъ опредѣленной
стадіи въ завоеваніи аріицами индійскаго мате-
рика, а именно: ихъ слѣдованію къ востоку и
Заселенію ими бассейновъ Ганга и Ямуны,—то о
третьемъ можно сказать, что онъ тянется чуть
не до новѣйшихъ временъ, такъ какъ монумент-
альный комментарий къ Риг-Ведѣ, на авторитетъ
котораго опираются брахманы, написанъ ученымъ
Саяна въ XIV-мъ вѣкѣ по Р. Х. *).

*) Знаменитый филологъ Панини писалъ свою не ме-
нѣ монументальную грамматику цѣлымъ тысячелѣтіемъ
ранѣе (въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х.); но трудъ этотъ, хотя по
предмету принадлежитъ къ Ведангамъ, однако едва ли мо-
жетъ быть причисленъ собственно къ ведійской литературѣ,
потому что языкъ, который онъ всталъ и разобралъ съ
анатомической тонкостью и остроуміемъ, съ какими не
могли бы соперничать даже греческіе грамотѣи, совсѣмъ не
языкъ Ведъ, и авторъ изучаетъ ведійскія формы рѣчи какъ
любопытныя филологическіе пережитки.

V.

Риг-Веда: Старшіе Боги.

1.—Готовясь изслѣдовать любую изъ великихъ религій, мы прежде, чѣмъ приступить къ анализу деталей, естественно хотѣли бы имѣть твердую почву подъ ногами и ищемъ отвѣта на предварительные вопросы: какой у этой религіи основной характеръ? Къ какой категоріи ее отнести? Къ какому подраздѣленію духовнаго міра она принадлежитъ? Политеизмъ? Пантеизмъ? Анимизмъ? или др.? Когда же мы собираемся погрузиться въ Риг-Веду, мы вдвойнѣ ощущаемъ потребность въ какой-нибудь путеводной нити, какомъ-нибудь надежномъ якорѣ, потому что эти 1.028 пѣсень, съ ихъ безчисленными незнакомыми именами и намеками на столь же незнакомыя условія, событія, отношенія, съ перваго раза представляются какимъ-то лабиринтомъ, хаосомъ, безвыходнымъ, ошеломляющимъ. Но, — увы, — прямой отвѣтъ на подобные вопросы рѣдко возможенъ, даже почти никогда, а въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе. То, что выросло долгимъ рядомъ вѣковъ, выработалось въ неустоимыхъ, до тонкости

Общая характеристика Риг-Веды.

изощренныхъ мозгахъ многихъ поколѣній и содержитъ духовную пищу цѣлаго народа еще на много грядущихъ вѣковъ, а также матеріалъ къ безконечнымъ превращеніямъ,—не поддается опредѣленію какимъ-нибудь однимъ обобщающимъ словомъ. На Зенд-Авестѣ мы имѣли возможность убѣдиться, сколько много различныхъ элементовъ въ какихъ сложныхъ наслоеніяхъ входятъ въ одну великую національную религію. Въ Риг-Ведѣ мы натолкнемся на такую же бессознательную работу времени и всякихъ внѣшнихъ вліяній, только еще несравненно болѣе многостороннюю и сложную, вслѣдствіе несравненно болѣе созерцательнаго, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ характера, который аріицы выработали себѣ въ Индіи, въ противоположность ихъ болѣе суровымъ, закаленнымъ, простымъ и дѣятельнымъ иранскимъ братьямъ.

Общій характеръ
Риг-Веды.

2.—Попробуемъ, однако, отвѣтить на вопросъ, которымъ начинается настоящая глава, хотя бы для того, чтобы отмѣтить, куда онъ насъ приведетъ. Самое бѣглое чтеніе текста установитъ слѣдующіе пункты: въ Риг-Ведѣ называется и призывается множество боговъ; стало-быть, религія, для которой сборникъ этотъ служить выраженіемъ ея, положительно многобожная; — дѣхамъ усопшихъ и предковъ воздается богоподобное почитаніе, значитъ анимизмъ можно считать яркой чертой ея; на зарѣ ея возникновенія проявляется склонность смотрѣть на божество какъ на нѣчто, чѣмъ проникнута вселенная какъ въ цѣломъ, такъ и въ мельчайшихъ своихъ частяхъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, — взглядъ ясно выраженный

напримѣръ, такими словами: «Тотъ, Чьи чресла суть моря... также содержитсяъ въ сей каплѣ воды»,—а это составляетъ рѣшительный шагъ въ сторону пантеизма; и опять-таки есть много мѣстъ, въ которыхъ какъ нельзя яснѣе излагается, что разные боги суть только разные имена «Того, что Едино», — а это уже болѣе чѣмъ намекъ на смутно сознаваемое единобожіе. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе чистыя и отвлеченныя понятія оказались бы плодомъ позднѣйшихъ изъ тѣхъ многихъ вѣковъ, которые потребовались на установленіе Риг-Веды въ его окончательномъ видѣ, если бы только мы имѣли вѣрный ключъ къ его хронологіи; но единственные данныя къ тому почерпаются, какъ и при изученіи Авесты, изъ содержанія самаго текста; такое внутреннее свидѣтельство, правда, въ рукахъ искусной критики придаетъ большой вѣсъ впечатлѣніямъ и догадкамъ. Но все же только *догадкамъ*. Одно, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію: религія основанная на Ведахъ, никогда не впадала въ идолопоклонство, до тѣхъ поръ, пока она не подверглась грубымъ чужероднымъ вліяніямъ. Въ этомъ отношеніи аріи въ Индіи ничуть не отстали отъ своихъ братьевъ въ Иранѣ: у обоихъ храмомъ была природа. Ни тѣ, ни другіе не приглашали божество поселиться въ рукотворныхъ жилищахъ, и если, въ пылу поэтическаго увлеченія, они давали имъ человѣческій обликъ, разные фантастическіе и аллегорическіе атрибуты, тѣмъ неизбежно впадая въ антропоморфизмъ, они, повидимому, не переносили эту черту въ

видимую, осязаемую форму,—въ *эйдолонъ* (по-гречески «подобіе»), твореніе живописца ваятеля, или скудельника, которое со временемъ превращалось въ *идола*, въ кумирь.

Натура-
лизмъ—
главная
черта Риг-
Ведь.

3.—Наконецъ, если въ Риг-Ведѣ легко различить зачатки почти всѣхъ религій и даже философскихъ системъ, въ послѣдствіи покрывшихъ духовную почву Индіи такой густой, роскошной порослью, основной характеръ этой изумительной книги, или, во всякомъ случаѣ, доброй половины ея, весьма простъ и опредѣлить его совсѣмъ не трудно. Въ своемъ первородномъ, еще ничѣмъ не затемненномъ видѣ, религія, отражающаяся въ этихъ текстахъ, является чистѣйшимъ *натурализмомъ*, т. е. почитаніемъ Силъ природы, какъ живыхъ, вообще благодѣтельныхъ существъ, за весьма немногими исключеніями, каковы безусловно злыя Силы, — Тьма и Засуха; приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что послѣднихъ не почитаютъ, имъ не поклоняются, даже не ублажаютъ ихъ; люди ихъ ненавидятъ, а добрыя Силы неустанно сражаются противъ нихъ и непремѣнно ихъ побѣждаютъ. Въ этомъ прозрачномъ натурализмѣ мы можемъ уловить самое зарожденіе міеовъ; стоить лишь переводить на наши современные языки имена каждаго бога или полубога, по мѣрѣ того, какъ они встрѣчаются въ воззваніяхъ или коротенькихъ, отрывочныхъ разсказахъ. (Длинные и въ особенности связные, логически составленные повѣствованія получаютъ уже въ болѣе позднюю, собирающую, разрабатывающую эпоху). Этотъ немудреный процессъ показываетъ

до очевидности, что это вовсе не собственные имена, а либо простые, имена нарицательныя, прямо обозначающія предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, либо какое-нибудь имя, составленное изъ глагола и выражающее какое-нибудь дѣйствіе, характеризующее этотъ предметъ, какъ, напримеръ, «Крикуны», «Толкуны», и пр. (имена Бурныхъ Вѣтровъ) — либо, наконецъ, прилагательное, болѣе или менѣе красивый эпитетъ, описывающій то или другое характерное свойство. Такъ что одною замѣною большой прописной буквы маленькою, мы обращаемъ зачаточный мифъ, содержащій всѣ зародыши будущаго поэтического и легендарнаго развитія, въ красивое описаніе явленія природы, какъ-то: разныхъ моментовъ хода солнца, или грозы, или жестокихъ бѣдствій засухи. Отдѣльные примѣры едва ли есть надобность здѣсь приводить, такъ какъ слѣдующія главы будутъ преимущественно состоять изъ таковыхъ. Но прежде, чѣмъ знакомиться съ пантеономъ Риг-Веды, не лишнее будетъ повторить данное въ первомъ томѣ опредѣленіе слова *мифъ* *), потому что это опредѣленіе надлежитъ имѣть въ виду на каждомъ шагѣ по предстоящему пути, и оно окажется примѣнимо къ каждому отдѣльному случаю. Тамъ сказано:—*«Мифъ означаетъ просто явленіе природы, представленное не какъ результатъ закона, а какъ дѣйствіе божественныхъ, или, по крайней мѣрѣ, сверхчеловѣческихъ существъ, добрыхъ*

*) См. *Исторію Халдеи*, стр. 353 и главу XI (о мифахъ вообще), которую хорошо бы внимательно перечестъ.

или змытъ Силь. Чтеніе и практика покажутъ, что есть многихъ родовъ миѡы, но нѣтъ такого, который, если разобрать какъ слѣдуетъ и прослѣдить его, не подходилъ бы подъ это опредѣленіе». — Въ ведійскихъ миѡахъ прелестно то, что ихъ и разбирать-то не нужно, такъ какъ они по большей части зачаточные и, при первомъ разборѣ, распадаются на свои первоначальныя стихійныя составныя части, не успѣвъ еще облечься въ плоть и кровь, въ реализмъ, какимъ дышитъ біографія хотя бы любого греческаго бога.

Проехо-
жденіе Риг-
Веды.

4.—Намъ никогда въ точности не узнать, какое именно наслѣдство арійцы Седьмирѣчія (Сапта-Синдхава) получили отъ такъ-называемаго индо-иранскаго періода, предшествовавшаго раздѣленію ихъ на двѣ народности, другими словами—изъ какого именно первобытнаго матеріала выросъ Риг-Веда. Но есть нѣкоторыя широкія первичныя понятія, которыя явственнo выступаютъ и въ Авестѣ, и эти понятія мы въ правѣ приписать первобытнымъ арійцамъ, прародителямъ и тѣхъ и другихъ. Можно съ большою увѣренностью сказать, что тѣ изъ этихъ первичныхъ понятій, которыя встрѣчаются въ Риг-Ведѣ безъ примѣси, избобличающей мѣстныя индійскія условія и вліянія, представляютъ самую раннюю стадию религіи, въ послѣдствіи столь сложной и многообразной. Освободить эти болѣе простыя очертанія отъ позднѣйшей путаницы всякихъ потороннихъ наслосній—не особенно трудно, и тогда передъ нами предстаеъ чистѣйшій натурализмъ,

одухотворенный нравственнымъ сознаниѣмъ и религиознымъ чувствомъ, которыя не могутъ вполнѣ отсутствовать въ духовной жизни высоко даровитой расы.

5.—Поэтовъ, мыслителей, созерцателей всѣхъ народностей всегда влекло къ тому, что чувствуется за предѣлами собственнаго опыта и свидѣтельства собственныхъ матеріальныхъ чувствъ, и вселенная имъ представлялась раздѣленной на нѣсколько «міровъ», зримыхъ и незримыхъ. Ясно, что древнѣйшее изъ этихъ представлений, то, изъ котораго проистекли всѣ остальные, есть представление объ «обоихъ мірахъ»,—Небѣ и Землѣ. Тому и другой въ Риг-Ведѣ дается много именъ; но въ ихъ взаимной связи какъ божественной четы, своимъ союзомъ родившей всякую тварь и неустанно снабжающей ее средствами къ поддержанію жизни, Небо и Землю призываютъ подъ купнымъ и нераздѣльнымъ именемъ Дьяусъ и Притхиви. Последнее названіе замѣчательно прозаично и просто; оно означаетъ, буквально: «Широкая». Интересно оно, пожалуй, въ томъ смыслѣ, что указываетъ на большую древность, такъ какъ едва ли бы люди выбрали именно *эту* характеристику въ странѣ высокихъ горъ и крутыхъ склоновъ, и потому не безъ вѣроятія можно предположить, что, какъ самое представление, такъ и названіе зародились еще до сошествія арійцевъ въ Пенджабъ, въ такую эпоху (не индоиранскую ли?), когда они жили на необозримыхъ, широкихъ равнинахъ и степяхъ.

Дьяусъ и
Притхиви
(Небо и
Земля).

Корень
дьяу.
Асура.

6.—Гораздо болѣе широкое значеніе имѣетъ названіе другого божественнаго супруга,—Неба: Дьяусъ. Слово это значить просто «Небо». Но за этимъ значеніемъ кроется другое, настоящее, первоначальное, и оно-то для насъ важно. Названіе оказывается просто описательнымъ. Происходитъ оно отъ корня див,—«сіять, блестятъ»,—а чѣмъ можетъ тропическое или полутропическое небо характернѣе поразить поэтическій и художественный глазъ, какъ именно своимъ сіяніемъ, своимъ блескомъ? Придадимъ родъ, да большую прописную букву, назовемъ: «Сіяющій», «Блестящій»,—и дѣло сдѣлано. Волшебный жезлъ коснулся безжизненнаго предмета, и онъ обратился въ *существо*, въ *личность*, въ *силу*,—говоря классическимъ языкомъ, въ бога. И что это за богъ! Первоначальный, всемірный богъ всѣхъ арійскихъ народностей и тѣхъ, которыя, въ позднѣйшіе вѣка, усвоили себѣ арійскую рѣчь и, заодно, арійскую культуру, арійскія традиціи. Ибо Дьяусъ, и еще болѣе, по незапамятному сочетанію идей и словъ, Дьяушпитаръ,—«Небо-Отецъ»,—есть не кто иной, какъ греческій Зевсъ, Зевсъ-Патеръ, латинскій Діевсъ-питеръ («DIESPITER») Юпитеръ (JUPITER), затѣмъ DEUS, «божество, богъ», а съ переходомъ въ христіанство—Deus, «Богъ, Единый Богъ», на нашихъ языкахъ Dio, Dios, Dieu, со всѣми родственными производными словами отъ того же санскритскаго,—и, вѣроятно, пра-арійскаго,—корня: «DIVUS, DIVIN, и пр.—Имя Дьяуса чаще всѣхъ соединяется съ эпитетомъ Асура, и это одно указываетъ на не-

помѣрную древность этого, по всей вѣроятности, первобытнѣйшаго арійскаго культа, такъ какъ слово «Асура», первоначально обозначавшее всѣ добрыя Силы, со временемъ перемѣнило свое значеніе какъ разъ на противоположное и стало обозначать Силы злыя, бѣсовскія, враждебность и, нерѣдко, открытая борьба которыхъ противъ Силъ свѣта и добра составляетъ неизмѣнное содержаніе позднѣйшей мифологіи. Когда именно совершилось это превращеніе, опредѣлить, конечно, нельзя; но возможно доказать, что это случилось въ тѣ вѣка, которые захватываетъ Риг-Веда, потому что слово это тамъ встрѣчается и съ тѣмъ, и съ другимъ значеніемъ,—съ благопріятнымъ, нужно замѣтить, въ завѣдомо болѣе раннихъ частяхъ сборника. Съ той поры, какъ «Асура» начинаетъ принимать дурное значеніе, является необходимость пріискать другое общее названіе для добрыхъ Силъ,—и берется слово Дэва, отъ того же корня, отъ котораго произошло имя старѣйшаго арійскаго бога. Такимъ образомъ арійцы въ Индіи сначала въ общемъ смыслѣ говорили о своихъ Дэвахъ, т. е. «сіяющихъ, свѣтлыхъ существахъ», потомъ и понятіе, и слово затвердѣли и, такъ сказать, кристаллизовались въ томъ специальномъ значеніи, которое мы нынѣ придаемъ слову «боги». Иранцы, между тѣмъ, сохранили слово «Ахура» въ его первоначальномъ значеніи, еще усиленнымъ и освященномъ Заратуштрой, включившимъ его въ собственное наименованіе самого Пресвятаго верховнаго и единого Господа, Ахура-Мазды. Слово же «Дэва» иранцы,—вѣроятно, въ знакъ

своего отвращенія къ языческимъ наклонностямъ своихъ прежнихъ братьевъ по вѣрѣ, разжаловали въ обозначеніе бѣсовъ, въ Авестѣ («Дивовъ» позднѣйшихъ персидскихъ сказокъ),—слугъ Злого Духа, Ангра-Майнью. И совпаденіе и разногласіе тутъ слишкомъ явны и систематичны, чтобы можно было приписывать ихъ случаю, и придаютъ большой вѣсъ предположенію, что религіозная рознь не была чужда раздѣленію (вѣроятно, до-вольно позднему), индо-иранской семьи.

Какъ икона
превра-
щается въ
боговъ:
вотомъ и
пашетъ.

7.—Въ природѣ каждый предметъ играетъ болѣе одной роли, исполняетъ болѣе одной должности въ мировомъ хозяйствѣ, дѣйствуетъ на наблюда-теля не одной стороною; и это разнообразіе въ рѣчи выражается множествомъ прилагательныхъ, глаголовъ и дѣепричастій, употребляемыхъ въ видѣ прилагательныхъ. Если же у наблюдателя натура поэтическая и потому склонная предаваться на-строєніямъ, то онъ едва ли станетъ хладнокровно исчислять всѣ эти свойства и дѣйствія, изъ чего вышло бы сухое описаніе; его, смотря по настроєнію даннаго момента, исключительно поразить то или другое свойство наблюдаемаго предмета; фантазія его начнетъ работать въ этомъ направленіи, онъ весь отдастся созерцанію именно этого свойства; оно отразится въ его пѣснѣ, за исключеніемъ всѣхъ другихъ, и отраженіе это въ его творческой душѣ приметъ образъ, видимый другимъ людямъ и сдѣлается, хотя и не веще-ственнымъ, но закругленнымъ, совершеннымъ твореніемъ. И что же такое это твореніе, впервые узрѣнное духовнымъ окомъ поэта и лишь его вѣ-

щимъ словомъ облеченное въ форму, видимую для всѣхъ? впервые слышанное его духовнымъ ухомъ и опять-таки вѣщей его пѣсней вылитое во всѣхъ улаждающей музыкѣ? Что такое это твореніе, носившееся передъ нимъ въ томъ полузабытій внутренняго откровенія, когда душа поэта возносится въ міръ, не похожій на обыденный, гдѣ ему слышатся голоса, неизвѣстно откуда, являются видѣнія, неизвѣстно изъ чего создавшіяся? Пѣсня это, или картина? Да; и пѣсня, и картина, и больше того: божество. То, что онъ видѣлъ, слышалъ и передалъ, такъ полно, такъ реально, что самъ поэтъ забываетъ, что вѣдь началось-то это собственнo съ впечатлѣнія, произведеннаго на особенно чутко настроенную душу, однимъ изъ многихъ видовъ или свойствъ даннаго, знакомаго уже божества (обоготвореннаго предмета или силы природы). И вотъ,—волшебное жезло рѣчи, окрыленной фантазіей, совершило свое чудо: *нарицательное имя, эпитетъ претворились въ имя собственное, свойство или дѣйствіе, выражающее ея—въ личность, и тамъ, гдѣ было одно божество, ихъ стало два*, и эти двое отнынѣ почитаются и призываются порознь, съ полнымъ забвеніемъ ихъ исконнаго тождества. И то, что было поэтическимъ описаніемъ извѣстныхъ качествъ, свойствъ и дѣйствій, обращается въ *жизнеописаніе* бога, въ повѣсть о его рожденіяхъ и приключеніяхъ. Таковъ процессъ зарожденія боговъ и мифовъ; такъ *потен* (имя) превращается въ *пипен* (бога).

8. —Нигдѣ процессъ этотъ нельзя уловить, такъ сказать, на мѣстѣ, какъ въ Риг-Ведѣ, гдѣ

Варуна
(Ишо).

поэтическое творчество нерѣдко носитъ такъ близко надъ пограничной чертой между дѣйствительностью и миеомъ, что трудно бываетъ рѣшить, на какую сторону оно окончательно склонится. Особенно ярко выступаетъ этотъ процессъ въ личности другого бога Неба, Вѣруны, который изъ простого эпитета поднялся на высоту чуть ли не самаго благороднаго, святаго лица въ пантеонѣ Риг-Веды. Всѣ древніе народы говаривали, что «небеса покрываютъ или облакаютъ землю» иногда прибавляя «подобно шатру» или «подобно кровлѣ»,—и говорили это буквально, не иносказательно, потому что для ихъ научно невоспитанныхъ умовъ, которые не вѣдали ничего про оптическіе обманы, а принимали, не оспаривая ихъ, впечатлѣнія, передаваемые чувствами, голубой сводъ былъ именно голубымъ сводомъ, плотнымъ и несокрушимымъ, — мало того: типомъ плотности и несокрушимости, настоящею *твердью* небесною. (Замѣтимъ кстати, по поводу этого выраженія, какъ часто *слова* переживаютъ отжившія *понятія*, нѣкогда выраженные ими,—напримѣръ, *восхождение* и *захождение* солнца,—нерѣдко увѣковѣчивая породившія ихъ ошибочныя представленія). Есть одинъ санскритскій корень, *ври*, «покрывать»; корень необыкновенно плодovitый, который можно прослѣдить во множествѣ словъ, родственныхъ по значенію, и одно изъ самыхъ непосредственныхъ этихъ производствъ имя «Вѣруна». Это все равно, какъ если бы мы назвали небо «укрыватель», «покровъ»; и дѣйствительно, не было бы ничего смѣшного въ томъ, если бы

у современнаго поэта встрѣтилось выраженіе въ родѣ «все-укрывающее, все-облекающее небо». Только мы полюбовались бы картинною образностью выраженія, но оно не превратилось бы въ нашѣмъ умѣ въ имя и личность (не говоря уже о религіозной невозможности); это бывало только въ тѣ отдаленныя времена юности человѣчества, которыя поэтому прозваны «*миоопіическими*», т. е. «*миеотворческими*»; и могло это быть только плодомъ необузданной фантазіи, не сдерживаемой знаніемъ, и потому легковѣрной. Необходимо, однако, твердо запомнить, что такъ было лишь *въ самомъ началѣ*, но что, со временемъ, привычка и рутина стали проявлять свое мертвящее вліяніе, и то, что было вольной игрой поэтической фантазіи, а затѣмъ простодушной вѣрой, превратилось въ условныя формы рѣчи, въ стереотипныя фразы. Къ сожалѣнію, безсознательныя созданія миеотворцевъ доходятъ до насъ большей частью, достигнувъ именно этого мертваго состоянія, притомъ окончательно обезжизненные неизмѣннымъ богослужебнымъ обрядомъ. Вотъ почему нельзя достаточно высоко цѣнить возможность, которую Риг-Веда,—и только Риг-Веда,—еще иногда даетъ, заглянуть въ процессы, какими создавались мнѣ въ самую раннюю пору духовной дѣятельности человѣчества.

9.—Возвратимся же къ Вáрунѣ.—Во всемъ Риг-Ведѣ разбросаны гимны въ его честь, и въ нихъ онъ призывается или одинъ, или вмѣстѣ съ другимъ какимъ-нибудь божествомъ. Такихъ гимновъ всего больше въ книгѣ VII, которая при-

Вáруна-
Царь.

писывается легендарному Риши Вазиштѣ и, во всякомъ случаѣ, хранится и употребляется какъ священное наслѣдство жреческимъ родомъ этого имени. Они изобилуютъ краткими описаніями и вообще мѣстами, изъ которыхъ можно собрать (въ родѣ мозаики) весьма живой обликъ бога, со всѣми его личными и физическими атрибутами и, что еще важнѣе, въ связи съ разными явленіями природы, которыхъ никакъ нельзя отдѣлить отъ представленія о небѣ въ разныхъ видахъ и разные моменты. Основная мысль, выраженная въ самомъ имени Варуны (какъ выше объяснено), нигдѣ такъ ясно не проглядываетъ, какъ въ слѣдующихъ трехъ отрывкахъ, которые какъ будто именно развиваютъ эту мысль: въ одномъ говорится, что Варуна «словно ризою облакаетъ всѣ міры со всею въ нихъ тварью и всѣми обителями» (Кн. VIII, стихъ 41); что онъ «облакаетъ небеса», «измѣряетъ землю и отмѣчаетъ самыя дальнія ея грани» (небосклонъ, на которомъ земля какъ будто кончается и сливается съ небомъ). Та же мысль, — ключъ къ самому существу бога, — кроется и въ слѣдующемъ, истинно поэтическомъ, образно величавомъ стихѣ: «Онъ кругомъ окуталъ ночи; премудростью своею водворилъ зори, все существующее видимо собою окружилъ». (VIII, 41). Въ послѣднемъ отрывкѣ особенно поражаетъ нравственное качество, — премудрость, въ связи съ физическими свойствами бога. Это уже — начало процесса одухотворенія, которому непременно когда-нибудь подвергаются всѣ натуралистскія божества: будучи сначала «богомъ

Небомъ», онъ дѣлается «богомъ неба» и уже только управляетъ всѣми явленіями, которыя происходятъ, повидимому, на небѣ: ему покорны чередованія свѣта и тьмы, и сами небесныя свѣтила, и такъ какъ ничто такъ явно и неизмѣнно не повинуется закону, то Варуна незамѣтно становится верховнымъ блюстителемъ и воплощеніемъ этого закона, а тамъ прямо его учредителемъ, и, наконецъ, совершенно естественно, учредителемъ закона вообще, нравственного и мирового, — космическаго: «Царемъ надъ богами и людьми», говоря языкомъ міа. Титулъ «Царя» специально присвоенъ ему, хотя онъ часто титулуется и Асурю. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, физическое и духовное естество бога то сливаются, то опять раздѣляются, такъ что порою бываетъ очень не легко разобрать, относится ли та или другая описательная фраза къ нему какъ къ самому небу, или какъ къ Силѣ, стоящей внѣ неба и управляющей имъ. Въ посвященныхъ ему гѣсняхъ есть мѣста въ высшей степени поэтическія, и, послѣ всего сказаннаго выше, вполне понятныя, даже прозрачныя. Солнце и мѣсяцъ, это — очи Варуны, но отношеніе его къ солнцу составляетъ предметъ особой живой и разнообразной игры фантазіи. Иногда солнце является его золотымъ конемъ, иногда златокрылой птицей, его вѣстникомъ, посланцемъ, ныряющимъ въ море свѣта; или же, опять, оно — подвѣшенная къ небесному своду золотая качель. Есть одно мѣсто въ родѣ загадки (до чего старыя Риши были большіе охотники): тамъ описывается,

какъ Вѣруна держитъ огромное дерево за корни, вѣтвистымъ концомъ внизъ, въ пространство; это, опять-таки, солнце, а корни—его лучи.

Вѣруна—
правитель
Атмосферы
или Подне-
бесья—(ан-
тарикиша).

10.—Кромѣ «обоихъ міровъ» (*родаси*, Небо и Земля), первой божественной четы во всѣхъ міеологіяхъ, есть еще третій міръ, особенно важный въ глазахъ арійцевъ Индіи, которые относились къ нему со страстнымъ вниманіемъ. Это—«міръ, лежащій между другими двумя»,—*антарикиша*, Атмосфера или Воздушный Міръ, Поднебесье, гдѣ сражаются вѣтры, сходятся и разбѣгаются тучи, собираются облака, образуя исполинскій водоемъ, воздушное или небесное море *), откуда онѣ изливаются на землю, освѣжая и питая ее. По положенію своему, этотъ міръ безъ натяжки можетъ быть причисленъ къ владѣніямъ Вѣруны и отданъ подъ его опеку. Вотъ почему говорится, что онѣ вырылъ пути для рѣкъ, текущихъ по его вѣлѣнію; а на землѣ рѣки Сельмирѣчія однажды названы его «сестрами». Еще въ другомъ, весьма замѣчательномъ мѣстѣ, онѣ уподобляется морю, въ которое текутъ всѣ рѣки, никогда не наполняя его,—поразительный образъ облачного, дождеобильнаго неба. Онѣ же, разумѣется, посылаетъ дождь, который тутъ, какъ и вообще часто во всемъ Риг-Ведѣ, зовется «молокомъ коровъ», т. е. дождевыхъ тучъ, которыя держать въ себѣ воды, какъ корова молоко.

Гимны, по-
священные
Вѣрунѣ.

11.—Если взять изъ разныхъ пѣсенъ мѣста по-
красивѣе и связать ихъ, то эти отрывочныя черты

*) Сравнить море Вурукаша въ Авестѣ. (См. «Исторію Мидіи» и пр. стр. 77).

сольются въ стройный и рельефный образъ этого благодѣйшаго изъ боговъ Риг-Веды.

«Споемъ пѣснь, угодную Вѣрунѣ, царю, разостлавшему землю подобно тому, какъ мясникъ разстилаетъ шкуру быка на солнцѣ.—Онъ послалъ прохладные вѣтры черезъ лѣса, вложилъ рѣзвость въ коня (солнце), молоко въ коровъ (облака), мудрость въ сердца, огонь въ воду (молніа въ тучахъ), помѣстилъ солнце въ небеса, Сому на горахъ *).—Онъ опрокинулъ бочку и излилъ воды на небо, на воздухъ и на землю, наполнилъ почву и злаки.—Онъ поитъ небо и землю, и лишь только пожелаетъ молока отъ тѣхъ коровъ, горы окутываются грозowymi тучами и сильнѣйшіе пѣшеходы утомляются...» (V, 85).

«Вѣруна проложилъ путь солнцу и пустилъ воды бѣжать къ морю (небесному или воздушному водоему—*самудра*); даямъ онъ назначилъ широкія колени и править ими, какъ возница кобылицами.—Дыханіе его есть вѣтеръ, что несетъ по поднебесью... (VII, 87). Онъ выводитъ великаго, священнаго солнечнаго коня, несущаго тысячу даровъ.—Гляжу я на ликъ его,—мнѣ видится онъ какъ пылающій огонь, ибо царь сподобилъ меня лицезрѣть пышность свѣта и тьму на небесахъ... (VII, 88). Звѣзды тамъ въ выси небесной, что видны по ночамъ,—куда прячутся онѣ днемъ? Уставы Вѣруны несокрушимы, и мѣсяцъ ярко свѣтитъ всю ночь... (I, 24). Онъ, иже вѣдаетъ путь птицъ, по которому летаютъ онѣ черезъ широкое пространство, а по морю корабли... Онъ, иже вѣдаетъ слѣдъ вѣтра... Онъ, — Вѣруна, Всемогушій царь, возсѣдаетъ въ своемъ чертогѣ и охраняетъ законъ, и внимательно оттуда смотреть долу на все, что сокрыто, на все, что творилось и еще имѣетъ твориться. Одѣтый въ золотыя латы, онъ облачается сіяніемъ какъ ризою **), а кругомъ сидятъ его соглядаты» (звѣзды ночью, а днемъ солнечные лучи). (I, 25).

*) Растеніе, изъ котораго готовится священный напитокъ,—«хаома» иранцевъ. (См. «Исторію Мидіи» и пр. стр. 37).

**) Сравнить описаніе Ахура-Мазды въ Авестѣ. (См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 73).

Варуна,
блжститель
Риты — миро-
вого по-
рядка и
нравствен-
наго закона.

12.—Законъ, блжстителемъ котораго является Варуна, «несокрушимыя велѣнія» его, за исполненіемъ которыхъ онъ такъ ревниво наблюдаетъ, это—Рита, космическій (мировой) Порядокъ, которымъ управляются движенія солнца, мѣсяца и звѣздъ, чередованіе дня и ночи, время года, собираніе влаги въ облака и изліяніе ихъ дождемъ; словомъ—порядокъ, вызвавшій мировой строй изъ хаоса, и видимое мѣсто котораго—небо. Ясно, что этотъ порядокъ созданъ высшимъ закономъ,—закономъ, котораго сами боги (Солнце, Мѣсяцъ, Вѣтры, и пр.) не могутъ нарушить; не менѣе ясно и то, что это—законъ благодѣтельный. Поэтому Рита есть сила священная, правая, это—«правый путь», сама Правда, абсолютное Добро, которое переносится изъ видимаго, осязаемаго міра вещественнаго, въ міръ невидимый, невещественный, изъ матеріальнаго въ духовный. То, чѣмъ законъ является въ матеріальномъ строѣ, тѣмъ Правда является въ духовномъ, и то и другое равно есть Рита. Поэтому богъ, блжститель физическаго закона, есть также хранитель нравственнаго закона, и мститель за него, каратель грѣха. Аріецъ настолько страстно любилъ свѣтъ,—дневной и солнечный, насколько ненавидѣлъ и боялся ночи, тьмы, съ ея опасностями и западнями, а ложь, лиходѣйство,—однимъ словомъ, грѣхъ,—это была, по его понятіямъ, нравственная ночь, со всѣми ея ужасами. Варуна же былъ подателемъ и свѣта и тьмы; когда онъ гнѣвался на смертныхъ, онъ отворачивалъ отъ нихъ ликъ свой—и нисходила ночь. Въ поэтической, условной рѣчи это назы-

валось такъ: «Варуна вяжетъ грѣшника своими путами», — потому что человѣкъ впотѣмахъ чувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ, словно связаннымъ и отданнымъ беззащитнымъ во власть невидимыхъ враговъ. Къ «путамъ Варуны» причислялась и болѣзнь, и сама смерть. Итакъ, человѣкъ, удрученный сознаніемъ неправоты, грѣховности, вызываетъ къ нему, вопіетъ о прощеніи, о помилованіи. И есть въ Риг-Ведѣ нѣсколько покаянныхъ пѣсенъ, которыя, по красотѣ и глубинѣ чувства, не уступаютъ самымъ лучшимъ произведеніямъ того же рода въ любой словесности. Всѣхъ сильнѣе впечатлѣніе получается отъ пѣсенъ, помѣченныхъ именемъ Вазишты. (Кн. VII).

13.—Пѣвецъ съ восторгомъ воспоминаетъ о порѣ, Варуна, каратель и отпущатель грѣховъ. когда онъ стоялъ высоко въ милости у Варуны; онъ описываетъ бывшее ему дивное видѣніе, когда онъ сподобился узрѣть бога лицомъ къ лицу, и Варуна взялъ его на собственную ладью, и вмѣстѣ они плыли по небеснымъ водамъ, слегка покачиваемые волнами; и тутъ-то, въ этой ладѣ, въ этотъ самый блаженный день, богъ надѣлилъ его чуднымъ даромъ пѣснопѣнія и повелѣлъ ему быть его собственнымъ Риши, пока дни и зори будутъ слѣдовать другъ за другомъ. Но потомъ, почему-то, все измѣнилось; Вазишта, самъ не знаетъ, какъ и чѣмъ прогнѣвилъ божественнаго друга, который съ тѣхъ поръ насыляетъ на него бѣды за бѣдами, недуги и всякія кары, и онъ, пѣвецъ, изъ глубины сокрушеннаго сердца, молить его:

«Что случилось съ нашей дружбой, когда мы такъ свободно бесѣдовали другъ съ другомъ? Когда я допущенъ былъ въ твою обитель стовратую?—Если другъ твой, о Вѣруна, нѣкогда милый тебѣ, если товарищъ твой прогнѣвилъ тебя, не карай его, о Пресвятой, по заслугамъ его, а будь убѣжищемъ пѣвцу». (VII, 88).

«Я такъ говорю про себя: когда-то я соединюсь снова съ Вѣруной? Приметь ли онъ когда-нибудь опять приношеніе мое безъ неудовольствія? Когда, утѣшенный сердцемъ, узрю его снова примиреннымъ? Я спрашиваю, желая узнать свою вину; я иду къ умнымъ людямъ, ихъ спрашиваю. Всѣ говорятъ мнѣ одно: «Царь Вѣруна, вотъ кто гнѣвенъ на тебя».—Какое же, о Вѣруна! было то ужасное преступленіе, за которое ты караешь своего поклонника и друга?... Отпусти намъ грѣхи отцовъ нашихъ, и прости намъ собственныя наши прегрѣшенія. Освободи Вазишту, какъ тельца отъ веревки.—Не наша была на то воля; обольщеніе то было,—опьяняющій напитокъ, страсть, кости, легкомысліе. Кто спяньѣ, тотъ совращаетъ слабѣйшаго; даже сонъ вводитъ въ грѣхъ». (VII, 86).

«Не дай мнѣ еще, о Вѣруна, вступить въ домъ праха! Будь милосердъ, Всемогущій, пощади! Черезъ слабосиліе, о Пречистый, совратился я съ пути: будь же милосердъ, Всемогущій, пощади!—Жажда обуяла молящагося, хотя онъ стоялъ посреди водъ: будь милосердъ, Всемогущій, пощади!—Когда мы, будучи лишь человѣками, о Вѣруна, согрѣшимъ передъ небесной ратью, когда мы нарушаемъ законъ твой отъ легкомыслія, будь милосердъ, Всемогущій, пощади!» (VII, 89).

Эти пѣсни Вазишты образуютъ цѣлый циклъ, болѣе полный, болѣе носящій отпечатокъ личнаго характера, чѣмъ это встрѣчается въ Риг-Ведѣ. Пѣсни эти будутъ еще полнѣе и еще выигрывать, если добавить къ нимъ нѣсколько особенно многозначительныхъ отрывковъ изъ другихъ пѣсенъ, разбросанныхъ въ разныхъ книгахъ, каковы, напримѣръ, слѣдующіе:

«Какъ бы мы ни преступали твой законъ, день за днемъ, какъ водится у людей, о Варуна, не предай насъ смерти, не выдай насъ злодѣямъ, ни гнѣву зложелателей. Мои пѣсни летать къ тебѣ.. какъ птицы къ гнѣзду своему... какъ скоть бѣжить къ пастбищу... (I, 25). Сними съ меня мои прегрѣшенія, да я за чужую вину не дай мнѣ платиться, о Царь... (II, 28). Дабы я могъ жить, сними съ меня верхнюю веревку, развяжи среднюю и нижнюю удали» *). (I, 25).

14. — Замѣчательная особенность почитанія **Митра и Варуна.** Варуны въ Риг-Ведѣ заключается въ томъ, что чаще онъ призывается, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Митрою («Другъ»), который изображаетъ иногда самое солнце, а то Свѣтъ вообще, или, опять-таки, Силу, управляющую солнцемъ и заставляющую его свѣтитъ міру въ данное время. Въ этомъ кроткомъ, безусловно добромъ божествѣ мы узнаемъ иранскаго Миеру, съ которымъ Авеста такъ коротко знакомитъ насъ,—только тутъ онъ немного блѣднѣе, болѣе обезличенъ, хотя надѣленъ всѣми качествами, отличавшими его въ періодъ до раздѣленія двухъ родственныхъ народностей. Въ особенности Митра почитаемъ, какъ всевидящій и правдолюбивый богъ **). Но онъ какъ-то утратилъ свою индивидуальность (только одна единственная пѣснь,— III, 59,—обращена къ нему лично и отдѣльно), во всемъ остальномъ онъ почти совсѣмъ слился съ личностью Варуны, раздѣляя всѣ его свойства,

*) Нужно представить себѣ человѣка, привязаннаго къ столбу, обмотаннаго веревкой вокругъ плечъ, стана и ногъ.

**) См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 75, 80—84.

обязанности и почести. Такъ, солнце называютъ «окомъ Митры и Вáруны» такъ же, какъ и одного Вáруны; Свѣтъ—колесница, на которой оба неразлучные бога несутся черезъ пространство по положенному имъ пути: о колесницѣ говорится, что она на зарѣ золотая, но на закатѣ дышло ея принимаетъ цвѣтъ сѣраго металла *). Они—совмѣстные хранители Риты, карають, но и прощаютъ, грѣхи. Словомъ сказать, нѣтъ того, что говорилось бы о Вáрунѣ и не повторялось бы объ обоихъ, чего просили бы у Вáруны, и не просили бы у обоихъ, только, пожалуй, не такъ энергично, безъ такой богатой образности въ выраженіяхъ. Впрочемъ, Митра имѣетъ и свою особую должность: будить людей, звать ихъ на работу каждаго дня. Вслѣдствіе этого, случилось со временемъ, что свѣтовые явленія стали приписываться специально ему, тогда какъ Вáрунѣ было отдано специально ночное небо, хотя вначалѣ этого раздѣленія вовсе не существовало. Но оно укоренилось и комментаторы заявляютъ о немъ уже положительно. Это послужило началомъ любопытному превращенію, сдѣлавшему изъ Вáруны позднѣйшаго, брахманскаго періода существо, ничего общаго не имѣющее съ высоко-нравственнымъ божествомъ старыхъ Риши, хотя превращеніе это возможно прослѣдить шагъ за шагомъ до образа бога въ Риг-Ведѣ. А именно: въ позднѣйшей мифологіи Вáруна является просто—Водянымъ! Позабыты всѣ его небесныя

*) *Дясъ, вероятно желѣзо; но это—вопросъ еще нерѣшенный.*

особенности, осталась только связь его съ водами,—поднебеснымъ моремъ и дождевыми рѣками,—и это водное царство переносится на землю. Затѣмъ, отъ его нравственного естества остается лишь суровая, непривѣтливая сторона: онъ исключительно каратель, и упорное употребленіе такихъ словъ какъ «путы», «веревки», «оковы», вызываетъ представленіе о нѣкоей какъ бы злостности и жестокости, совершенно чуждой облику величественнаго и правосуднаго, однако и милосерднаго «Царя Небеснаго», о которомъ прямо говорится, что онъ «жалѣетъ и грѣшника» *).

*) Хотя въ Варунѣ древнихъ Риши невозможно отыскать и признака чего-либо низменнаго, однако приходится сознаться, что они, силясь передать различныя свойства бога-Неба, не всегда избѣгали мудрености, доходящей до безобразно смѣшного, что непріятно поражаетъ въ классической поэзіи Индіи и портитъ ея искусство. Счастье еще, что люди первыхъ вѣковъ Ведъ не ухищрялись переводить словесные образы въ пластическую форму, а то индусъ-ваятель, вдохновившись пѣснью, въ которой, явно намекая на четыре страны свѣта, поэтъ называетъ Варуну «четверолицымъ», непременно подарилъ бы насъ изображеніемъ божества о четырехъ ликахъ, или, пожалуй, о четырехъ головахъ на одной шеѣ. Судя по массѣ населяющихъ позднѣйшіе храмы уродливостей, какія могутъ присниться развѣ только въ самомъ тяжеломъ кошмарѣ, легко представить себѣ, что индійское искусство дало бы въ видѣ иллюстраціи къ такимъ, правда, рѣдкимъ стихамъ изваянія, въ которыхъ представляютъ Варуну съ тремя блестящими языками—(солнце, мѣсяцъ, молнія, въ Атхарва-Ведѣ),—или «толкающимъ языкомъ», или, наконецъ, «свалетающимъ на небо и разгоняющимъ злыя чары враговъ своей пламенной ногой» (одной! опять-таки солнце; Риг-Веда, VIII, 41).

Адити: значение имени.

15.—Варуна—Адитья, и Митра тоже. «Адитья» значитъ: «Сынъ Адити». Адити, дѣйствительно, обыкновенно величается «Матерью Боговъ». Она несомнѣнно, сама причастна къ божественному естеству, или, по нашему—богиня. Но богиня чего? Т. е., что именно изображаетъ она въ рядкѣ предметовъ или явленій природы, въ которыхъ первоначально коренятся всѣ миѣическія понятія? Рѣшить вопросъ этотъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ труднѣе, что самое слово *адити* было собственно простымъ прилагательнымъ и употреблялось какъ таковое не менѣе часто, нежели какъ собственное имя, такъ что безпрестанно является сомнѣніе, въ которомъ смыслѣ слѣдуетъ понять его въ данномъ мѣстѣ? Съ другой стороны, какъ обыкновенно бываетъ съ такими двусмысленными выраженіями, буквальное значеніе слова помогаетъ разрѣшенію задачи. «Адити» буквально означаетъ «не связанное», «неограниченное», но трудно опредѣлить, *чѣмъ* означаемое этимъ именемъ существо «не связано», «неограничено». Иногда понятіе о неограниченности явно относится къ пространству, какъ въ слѣдующемъ стихѣ, отчасти уже приведенномъ, изъ гимна Митра. Варунѣ:

«Митра-Варуна, вы восходите на вашу колесницу, которая блеститъ золотомъ, когда засіяетъ заря, а на закатѣ дышло у нея желѣзное; съ нея вы обозрѣваете безпредѣльность (*адити*), и предѣльное (*дити*,—землю),—то, что тамъ, и то, что здѣсь».

Въ иныхъ мѣстахъ общій смыслъ указываетъ на безпредѣльность по времени,—вѣчность, без-

смерти,—и оковы, на освобождение отъ которыхъ намекается, суть не что иное, какъ оковы смерти,—какъ въ слѣдующемъ прекрасномъ стихѣ, гдѣ пѣвецъ задумывается надъ предстоящей собственной смертью:

«Кто возвратитъ меня великой Адити, дабы увидѣть мнѣ снова отца и мать родимыхъ? Агни (огонь), первый изъ безсмертныхъ боговъ... онъ возвратитъ меня великой Адити, и увижу я снова родимыхъ мать и отца». (I, 24).

Тутъ намекъ на обычай сожиганія тѣлъ умершихъ и на религіозное значеніе этого обряда. Огонь, пожирая тѣло, уноситъ духъ въ безпредѣльный, вольный міръ, гдѣ онъ соединяется съ ушедшими до него. Въ другомъ, очень любопытномъ мѣстѣ, говорится о конѣ, котораго готовятся принести въ жертву, что онъ самъ дѣлается *адити*. Это выраженіе становится понятно, если знать, что приносимыя въ жертву животныя, по тогдашнимъ понятіямъ, буквально возносились на небо, къ богамъ, и должны были тамъ по-своему наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ.

16.—Замѣтимъ, что Адити (какъ личность или божество), изображая безпредѣльность пространства или времени, или вообще свободу отъ всякихъ узъ и оковъ, всегда какъ будто означаетъ нѣчто еще больше того, нѣчто такое, что стремится выше и глубже въ чистую отвлеченность, и наконецъ, въ такихъ мѣстахъ, какъ слѣдующее, уже вдается въ широкую, чистую метафизику:

«Адити есть небо. Адити есть срединное пространство»

Что такое
Адити!

(между небомъ и землею, *антарикиша*—атмосфера или под-небесье); «Адити, это—отецъ, и мать, и сынъ; Адити, это—всѣ боги и всѣ пять племенъ; Адити, это все, что нарождается; Адити, это все, что имѣетъ еще народиться». (I, 89).

Эта замѣчательная попытка всесторонняго опредѣленія обнимаетъ не только безпредѣльное пространство, вѣчность, безсмертіе, но и всю природу, всемірную, всерождающую, вездѣсущую, или, восходя до послѣдней, высшей метафизической отвлеченности, олицетворяетъ Безконечность. Таково конечное значеніе, которое процессомъ умственной гонки извлеклось, какъ бы въ видѣ очищеннаго экстракта, изъ имени Адити и при-сущаго ему понятія, и изо всѣхъ мѣстъ, прямо относящихся къ этому созданію глубоко созерцательной индійской мысли. Никто такъ наглядно, убѣдительно, такимъ прекраснымъ языкомъ, не изложилъ этотъ трудный, почти ускользающій отъ нашего грубоватаго западнаго пониманія предметъ, какъ покойный Максъ Мюллеръ. «Адити,—говоритъ онъ:—иногда призывается въ Риг-Ведѣ какъ то, что чуетъ за всѣмъ видимо существующимъ,—за землею, за солнцемъ, за зарею, за самимъ небомъ». Эти немногія слова даютъ самую суть вопроса, которую онъ затѣмъ полнѣе развиваетъ въ одной изъ своихъ самыхъ блестящихъ страницъ:

«Адити, это, въ сущности, древнѣйшее имя, придуманное для выраженія понятія о Безконечности,—не той безконечности, которая является результатомъ долгаго процесса отвлеченнаго мышленія, а Безконечности видимой,—видимой невооруженному глазу, безпредѣльности, что за землею,

за облаками, за небомъ... Откровение Безконечности получилось пробуждающимся умомъ чловѣка отъ Востока и сильно на немъ запечатлѣлось. Невозможно вполне освоиться со всѣми мыслями и чувствами, проходившими черезъ душу древнихъ поэтовъ, когда они измышляли названія для того отдаленнѣйшаго Востока, откуда, казалось, шли ранняя заря, солнце, день; даже собственное ихъ бытіе... «Адити» казалось подходящимъ названіемъ для этой непомѣрной дали, но Адити—не просто заря. Адити тамъ, за зарей; въ одной пѣснѣ заря зовется «лицомъ Адити». Это—нѣчто бессловесно представшее уму, представление о Безконечности, Безсмертіи, Божественности... Адити, какъ божество, не занимаетъ виднаго мѣста въ Ведахъ, однако имя ея встрѣчается часто, и живетъ въ другомъ имени—Адितья, сыны Адити»...

17.—Такъ и Варуна, и Митра оба—дѣти «великой Адити», Адитья. Мы теперь знаемъ, какъ надо понимать такіа выраженія, какъ «Сынъ Адити»; это то же, что: «Сынъ Вѣчности», «Сынъ Безсмертія», — т. е. «Вѣчный», «Безсмертный»; «Сынъ безпредѣльнаго Пространства и Времени»: чистыя метафоры, выраженія поэтически красивыя, мѣткія, отлично подходящія къ этимъ обоготвореннымъ олицетвореніямъ Неба и Свѣта. То же названіе,—Адитья,—дается еще нѣсколькимъ божественнымъ существамъ, которыя кажутся лишь блѣдными отблесками своихъ великихъ братьевъ. Изъ нихъ только одинъ,—Арьяманъ,—часто призывается съ хвалой и благоговѣніемъ, но и то всегда вмѣстѣ съ Митрой и Варуной. Четвертый, Бхага, совсѣмъ уже безличный и лишь изрѣдка поминаемый вмѣстѣ съ другими, для насъ, напротивъ, имѣетъ большое значеніе потому, что имя его, въ нѣсколько

Адити и
Адितья.

измѣненномъ видѣ,—Богъ,—было принято всей славянской вѣтвью индо-европейской семьи народовъ для обозначенія Божества, — Единого христіанскаго Бога. Сыновей Адити,—Адитья,—насчитывается семь; однако, только еще двое изрѣдка поминаются въ гимнахъ; сельмой остается какъ бы во мглѣ неизвѣстности; иногда же упоминается и восьмой; повидимому, это не кто иной, какъ Огонь *). Но все это очень туманно и смутно. Одно, впрочемъ, весьма ясно изъ гимновъ, обращенныхъ ко всѣмъ Адитьямъ совокупно,—а такихъ очень много: это то, что всѣмъ имъ, какъ и самой Адити, присущи свойства и обязанности, характеризующія Митру и Варуну: они всѣ—блюстители безчисленныхъ положеній Риты, хранители правды и чистоты, всѣ караютъ,—но и прощаютъ,—прегрѣшенія, даруютъ здравіе, и часто повторяется молитва «да будемъ безвинны или неопорочены передъ лицомъ Адити и всѣхъ Адитья».

Агни
(Огонь).

18.—Съ этой молитвой часто обращаются къ Агни,—Огню, всеочистителю, самому близкому другу и пріятелю рода людскаго, покровителю, къ которому люди относятся съ тою же почтительной нѣжностью и фамиллярностью, которая такъ

*) Точно такъ, въ Авестѣ, Атаръ является восьмымъ Амеша-Спентой, хотя «Святыхъ Безсмертныхъ» вообще насчитывается лишь семь. Что существуетъ нѣкоторое родство между первоначальными понятіями объ Амеша-Спентахъ и Адитьяхъ всегда подозрѣвалось, и имена не говорятъ противъ этого, такъ какъ «Адитья», въ смыслѣ «Сынъ Безсмертія», довольно близко подходитъ къ «Амеша» — «Безсмертный» (См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 88).

поражаетъ въ отношеніяхъ иранцевъ къ тому же божеству, почитаемому подъ иранскимъ именемъ—Атаръ *).

«О Агни!» (взываетъ Риши въ Риг-Ведѣ), прими благосклонно сіе подѣно, мое приношеніе; восплавай ярко и распусти свой священный дымъ; коснись гривой до небесной выси и соедини съ лучами солнца. О Владыка богатствъ, оттони отъ насъ враговъ, пошли намъ съ неба дождь, подай намъ пищу неистощимую, напои насъ досыта. Ты, младшій изъ боговъ, ихъ вѣстникъ, ты ходишь умнымъ посредникомъ между родомъ людскимъ и богами, и съ обоими дружишь». (II, 6).

Изъ нѣсколькихъ сотенъ гимновъ, посвященныхъ богу Агни, очень мало найдется такихъ, въ которыхъ не было бы *какою-нибудь* намека,—въ видѣ ли описанія или сравненія, или эпитета,—на безусловно буквальное, матеріальное значеніе первобытнаго огнепоклонничества въ Индіи. Санскритистъ докторъ Мьюръ (Muir), въ своемъ монументальномъ сборникѣ санскритскихъ текстовъ всѣхъ эпохъ и школъ, набралъ огромное множество такихъ характеристическихъ выраженій,—иногда одно-два слова, иногда цѣлое описаніе,—которыя, если ихъ размѣстить группами, составили бы самое полное, яркое, живописное изображеніе этой страшной и въ то же время дружеской стихіи, въ разные моменты: благотѣльной, подчиненной человѣку дѣятельности или необузданной, опустошительной ярости: «Деревомъ питаюсь, съ пылающей, рыжей гривой, онъ возсылаетъ дымъ свой къ небу, подобно столбу, или развѣвающимся знамени. Безголовый и безногій, онъ

*) См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 92—94.

стремительно несется черезъ лѣса, подобно быку, предводителю стада коровъ, и реветъ подобно льву или могучимъ водамъ. Онъ облакаетъ собою лѣса, пожираетъ и чернитъ ихъ своимъ языкомъ; своими раскаленными, желѣзными зубами, своими острыми, всепожирающими челюстями, онъ стрижетъ растительность съ земли, подобно тому, какъ брадобрѣй стрижетъ бороду. Когда онъ къ колесницѣ своей запряжетъ гонимыхъ вѣтромъ коней, — красивыхъ, рѣзвыхъ, гнѣдыхъ, измѣнчивыхъ — онъ реветъ словно быкъ, и врывается въ лѣса; птицы пугаются треска, когда летаютъ искры его, поѣдая траву, и колеса его оставляютъ на землѣ черный слѣдъ. Онъ — сокрушитель тьмы и зритель сквозь ночной мракъ. Міръ, поглощенный и облеченный тьмою, и небеса выступаютъ изъ мрака при появленіи его, и боги, земля, звѣзды, злаки, радуются его дружбѣ*).

Агни, другъ
людей, по-
средникъ и
котаръ
(священно-
служитель).

19.—Дружбой бога Агни дорожатъ, прежде и больше всего и всѣхъ — люди. Аріійскій индусъ до смѣлости просто обращается вообще со своими Дэвами, которыхъ онъ то и дѣло величаетъ своими «друзьями», но одинъ Агни настолько къ нему близокъ и милъ, что онъ называетъ его «братомъ»: — «Отче Небо, безхитростная Мать Земля, братъ Агни, помилуйте насъ!»**» молить одинъ

*) Мьюръ, «Санскритскіе тексты», т. V, стр. 211 — 213. Фразы, подчасъ отдѣльные эпитеты или краткія сравненія, вѣдьсвязно сгруппированныя, разбросаны во всемъ сборникѣ гимновъ, и выбраны изъ большого множества отрывковъ, собранныхъ у Мьюра.

**) «Dyaush pitah, Prithivi mâtâr adhrug, Agne bhratar...».
(Дьяушъ пита, Притхиви матаръ адругъ, Агни братаръ).

пѣвецъ. Ибо, «благоволя къ роду людскому, онъ никѣмъ не брезгаетъ: благоволя къ народу, онъ пребываетъ среди каждой семьи» (X, 91,2); онъ людямъ отецъ, мать, братъ, родичъ, другъ, и одно изъ самыхъ частыхъ и любимыхъ прозвищъ его—Агни Ваишванара, т. е. «Агни всенародный». Въ самомъ дѣлѣ, какое другое божество живетъ постоянно съ человѣкомъ, — «бессмертный среди смертныхъ», — какъ гость и неразлучный товарищъ, помощникъ въ смиренныхъ домашнихъ трудахъ, податель свѣта, блюститель семьи? Не даромъ онъ зовется специально покровителемъ домохозяевъ, даже самъ первымъ домохозяиномъ, освѣщающимъ домашній очагъ и всѣ дѣйствія, центромъ и сотрудникомъ которыхъ является очагъ. И однакоже, какъ ни дорогъ Агни въ званіи домашняго друга, онъ еще болѣе почитается, когда—какъ описано въ приведенной выше пѣснѣ (стр. 169), — онъ «ходитъ» взадъ и впередъ, «посланцемъ между обоими мірами», или «обоими родами» («боговъ и людей»), посредникомъ, черезъ котораго единственно сохраняются отношенія между ними. Но эту высокую задачу выполняетъ не тотъ Агни, который блюдетъ святость дома, — не Огонь домашняго очага; — выполняетъ ее Жертвенный Огонь, священное пламя котораго не оскверняется низменными отправленіями, а возжигается на зарѣ, въ полдень, на закатѣ, въ молитвенные часы, называемые агнихотрами. Огонь возжигается нарочно для того, чтобы принять и пламенемъ уничтожить приношенія вѣрныхъ: топленое коровье масло, свѣжій сыръ (творогъ) и разныя

мучныя лепешки. Топленое масло въ особенности обильно лилось на пламя, которое отъ того возгоралось ярко и сильно; отсюда разныя прозвища, въ родѣ: «масловолосый», «маслогривый», «маслодѣланный», «сіяющій масломъ».—Такъ какъ безъ жертвоприношеній,—одного или нѣсколькихъ,—не обходилось ни одно торжество, отъ великихъ, пышныхъ, всенародныхъ церемоній, въ родѣ коронацій, до скромнѣйшаго домашняго обряда, то Агни естественно слылъ знатокомъ всѣхъ тонкостей жертвеннаго ритуала, даже учредителемъ жертвоприношенія, сначала среди боговъ, потомъ среди людей; понятно, что къ нему обращались съ просьбою вести обрядъ въ безукоризненномъ порядкѣ, и сдѣлать его угоднымъ богамъ, и что, въ числѣ многихъ почетныхъ названій, его величали: «божественный Хотарь», т. е. «священнослужитель».

«Агни исправляетъ всѣ ошибки, какія совершаемъ мы, люди, по невѣднію своему, противъ вашихъ предписаній. О боги премудрые! Все относящееся къ жертвоприношенію, чего мы смертные, съ немощнымъ умомъ нашимъ и неполнымъ разумніемъ, не понимаемъ, да уладитъ Агни, благоговѣнно почитаемый священнослужитель (*хотарь*), который все это вѣдаетъ, и да научитъ насъ въ должное время поклоняться богамъ». (X, 2, 4—5).

Рожденіе
Агни.

20.—Возжиганіе пламени на алтарѣ само уже было священнѣйшимъ обрядомъ, притомъ весьма сложнымъ, требовавшимъ много времени и старанія. Ибо въ старину огонь не зажигали отъ другого пламени и не раздували отъ тлѣющихъ углей, а каждый разъ добывали новый, треніемъ двухъ кусковъ дерева особаго вида. Этой про-

педурѣ давали таинственное названіе: «Рожденіе Агни». Родителями вѣчно вновь рождающагося бога (поэтому называемаго «вѣчно юнымъ» или «Наимладшимъ» — Явишта), были эти самыя деревяжки,—Арани,—изъ которыхъ треніе вызывало искру. Этотъ простой аппаратъ можно бы называть «огневымъ сверлиломъ» или «огневою мутовкой», потому что огонь добывался быстрымъ сверленіемъ: верхнею деревяжкой (обыкновенно изъ дерева *ашваттхи*, *Ficus Religiosa*, откуда и святость растенія) сверлили нижнюю выдолбленную изъ менѣе твердаго дерева. Несообразность между этой почти до смѣшного простой процедурой съ незатѣйливымъ орудіемъ и таинственной святостью результата, очевидно своей загадочностью поражала людей, у которыхъ вѣра отнюдь не исключала такого анализа; но благоговѣйное чувство мѣшало имъ взглянуть на дѣло съ юмористической стороны, тѣмъ паче отнестись къ нему скептически. Въ безчисленныхъ мѣстахъ весь процессъ описанъ съ поразительнымъ простодушіемъ и реализмомъ, съ выраженіемъ почти дѣтскаго удивленія, что богъ родится такимъ ничтожнымъ, отъ столь невзрачнаго начинанія: — «Начинается знакомый намъ издавно процессъ рожденія: треніемъ вызовемъ Агни, какъ дѣлали это понынѣ. Богъ сей покоится въ двухъ кускахъ дерева. ...Онъ рождается изъ нихъ подобно тому, какъ рождается младенецъ». — Въ одномъ мѣстѣ пѣвецъ удивляется, какъ это живое существо «выскакиваетъ» изъ сухихъ деревяжекъ, въ другомъ, — какимъ образомъ, родившись отъ матери, которая не можетъ

вскормить его, онъ такъ быстро вырастаетъ и тотчасъ же принимается за свои обязанности вѣстника и посланца. «Сіе возвѣщаю, о Небо и Земля!» съ ужасомъ восклицаетъ одинъ поэтъ:— «дитя, едва родившись, пожираетъ своихъ родителей». Впрочемъ,—спѣшитъ онъ оговориться:— «не мнѣ, смертному, судить бога: Агни мудръ, и знаетъ...».

Три
обители
Агни.—
Агни—
Ванатъ
(«Огонь
и Вода»).

21.—Изо всѣхъ этихъ цитатъ видно, что, въ известной области, ничего не можетъ быть яснѣе натуралистскаго значенія бога Агни. Почти незамѣтно даже примѣси антропоморфизма: передъ нами чистая, неприкрашенная огненная стихія. Особенной отвлеченности не замѣтно и тамъ, гдѣ Агни упрасиваютъ разогнать бѣсовъ (тѣмы) своей палицей или описываютъ его глядящимъ на міръ изъ тысячи очей. Все это явно по его части, какъ расточителя тепла и свѣта на землѣ. Но не на одной землѣ обитаютъ тепло и свѣтъ; не на одну землю простирается ихъ вліяніе. И менѣе вдумчивый, наблюдательный народъ, нежели древніе арійцы, не могъ бы не замѣтить связи, существующей между огнемъ и такимъ явленіемъ, какъ молнія, не могъ, созерцая горячее, ослѣпительное сіяніе солнца, — Сурья, — не придти къ заключенію, что земной огонь, — озаряя и грѣя съ домашняго очага, или пылая, напитаннымъ масломъ пламенемъ на жертвенномъ алтарѣ, или, наконецъ, пожирая лѣса или крѣпости враговъ, является только замѣстителемъ небснаго свѣтила, или, еще вѣрнѣе, что оба тождественны, единосущны и суть разныя проявле-

нія чего-то единого. Эта мысль какъ нельзя точнѣе высказана въ слѣдующей одной строкѣ: «Агни утромъ — Сурья; Сурья вечеромъ — Агни». Признается за фактъ и безпрестанно повторяется, что Агни имѣетъ не одно обиталище, а имѣетъ ихъ два, или, еще вѣрнѣе, — даже три: на землѣ онъ обитаетъ въ видѣ огня; на небесахъ — въ видѣ солнца; въ поднебесьѣ — въ видѣ молніи. Отсюда одинъ шагъ до признанія тождества всѣхъ троихъ. Смирненное рожденіе, — отъ «двухъ сухихъ деревьяжекъ», — которымъ богъ довольствовался на землѣ, не объясняло его проявленій въ тѣхъ возвышенныхъ сферахъ. Апамъ-Напатъ («Сынъ Водъ»), — вотъ мистическое, но мѣткое названіе, которое дается Агни-Молніи, когда, долго сокрытый въ нѣдрахъ поднебснаго облачнаго океана (*Самудра*), онъ вспыхнетъ и блеснетъ, поистинѣ «водорожденный»^{*)}. Тотъ же мифъ повторяется въ менѣе ясной формѣ, когда Агни называется «сыномъ семи матерей», или «многихъ матерей», или просто говорится о его «Матеряхъ», потому что тогда облака, подъ именемъ Апасъ, «Воды», выдѣляются изъ массы повисшихъ надъ землею водъ, которыя собраны въ общемъ представленіи о поднебесномъ водоемѣ — морѣ *Самудртъ*.

^{*)} Имя это, навѣрно, древнѣе аріійской колонизаціи; оно должно быть, по меньшей мѣрѣ, индо-иранское, если не древнѣе еще, такъ какъ оно уже въ Авестѣ является привычнымъ прозвищемъ Атаро. (См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 53 и 94).

Сошествіе
бога Агни
въ дождь.

22.—У индусовъ, какъ и у иранцевъ, составилось понятіе, что огонь присутствуетъ не только въ водѣ, но и въ растеніяхъ. На первый взглядъ оба понятія кажутся равно нелѣпыми. Однако, мы видѣли, какъ легко первое оправдывается фактами, и стоить поразмыслить для того, чтобы убѣдиться, что второе прямо изъ перваго вытекаетъ. Дѣйствительно, если стать на извѣстную точку зрѣнія, станетъ ясно, что нельзя бы извлечь огонь изъ растеній (деревья вѣдь тѣ же растенія), если бы онъ въ нихъ не содержался. Огонь,—тепло, скрытое въ растеніи,—приводитъ въ движеніе соки, способствуетъ развитію и росту: это и есть потаенное жизненное начало растенія. Но какъ оно въ нихъ попало? Очень просто: огонь сошелъ прямо съ неба, въ своей родной стихіи—водѣ, въ дождѣ, который, среди громовъ и молній, изливается на истомленную жаждой землю. Но съ дождемъ Огонь сходитъ не *на* землю, а *въ* землю, и оттуда черезъ корни поднимается въ видѣ жизненнаго сока въ самое растеніе. И развѣ мы не говоримъ до сихъ поръ «*искра жизни*»? Въ Риг-Ведѣ немало мѣстъ, болѣе или менѣе прозрачными словами описывающихъ этотъ самый процессъ. Напримѣръ: «Путь его—потоппъ, льющійся черезъ безводное пространство; онъ нисходитъ на землю съ чистыми водами; онъ пожираетъ отжившее сухое (или срубленное) дерево, и проникаетъ въ юныя растенія». (I, 95, 10). И опять:—«Когда онъ нисходитъ отъ Всевышняго Отца (Дьяусъ, Небо), онъ восходитъ въ сочный стебель растенія и возрождается, вѣчно юный».

23.—Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ способо́въ, Какъ най-
доть и до-
быть Агни. придуманныхъ для сошествія Агни на землю. Но это проявленіе совершается крайне окольнымъ путемъ и безпрестанно повторяется. Остается вопросъ, какимъ болѣе прямымъ путемъ онъ впервые появился среди людей въ своемъ болѣе знакомомъ и видимомъ образѣ,—ибо одно вѣрно: *родину* Агни никогда не искали на землѣ. Прямо сказано: «Агни впервые родился на небѣ; вторично—у насъ; третье его рожденіе—въ облакахъ, гдѣ нѣтъ на него смерти»... (X, 45, 1). У арийцевъ, несомнѣнно, былъ не одинъ мифъ, воплощающій ихъ повѣрія и преданія, догадки и воспоминанія по этому плѣнительному вопросу, который не только не утратилъ интереса съ теченіемъ вѣковъ, но скорѣе еще выросъ въ нашихъ глазахъ, во-первыхъ, потому, что мы теперь въ состояніи вѣрнѣе измѣрить все то, чѣмъ родъ людской обязанъ огню, во-вторыхъ, потому, что мы едва ли доискались болѣе положительнаго, или хотя бы правдоподобнаго разрѣшенія его, чѣмъ наши прародичи,—а человѣкъ такъ созданъ, что любопытство въ немъ никогда не унимается до тѣхъ поръ, пока оно не удовлетворено. Но Риг-Веда—не курсъ мифологіи. Старые Риши не *разсказываютъ* мифовъ, а только *намекаютъ* на нихъ, какъ на нѣчто вполне всѣмъ знакомое,—совершенно такъ, какъ въ наше время писателю или проповѣднику нѣтъ надобности каждый разъ подробно излагать всю повѣсть о приключеніи пророка Іоны съ китомъ, или о твердости іудейскихъ юношей въ огненной печи: довольно о нихъ упомя-

нута, намекнуть. Изъ такихъ-то намековъ и отрывковъ составляется у насъ ясное представленіе, что Агни какимъ-то сверхчеловѣческимъ вѣдѣтельствомъ приносится откуда-то издалека; и все-то его надо искать и находить, все-то онъ гдѣ-то спрятанъ,—такъ прочно укоренилось представленіе о потаенномъ присутствіи огня въ водѣ и растеніяхъ! Нашедшимъ его чаще всего оказывается нѣкто Матарिशванъ, загадочное существо, о которомъ говорится, что онъ принесъ Агни «съ неба», «отъ боговъ, очень издалека», и *подарилъ* его роду Бригу, тоже весьма таинственному, впрочемъ, близкому къ роду людскому, такъ какъ они, въ свою очередь, опять спрятавъ его въ лѣсу, выносятъ его оттуда и отдаютъ уже людямъ,—т. е. собственно Ману; повидимому, первому человѣку, потому что этимъ именемъ обозначается все человѣчество. Это слѣдуетъ понимать такъ, что знатный родъ Бригу хвалился тѣмъ, что его предки первые научили людей добывать огонь треніемъ. Такъ какъ Матарिशванъ, внѣ всякаго сомнѣнія, означаетъ Молнію («Агни открывается ему въ первое же мгновеніе рожденія своего въ высшемъ небѣ»),—то рассказъ, вполне связанный, если и не полный, ничего не теряетъ оттого, что самъ Агни неоднократно называется этимъ именемъ. Сбиваетъ скорѣе то, что его иногда, какъ будто, находятъ безъ помощи Матарिशвана. Напримѣръ:—«Мудрые Бригу выслѣдили его, сокровеннаго, какъ люди спѣшатъ выслѣдить заблудившійся скотъ; они нашли его въ водахъ и водворили его въ жилищахъ людей». Но, съ другой

стороны, языковѣдніе тщательнымъ сличеніемъ этого имени съ большимъ множествомъ родственныхъ съ нимъ и производныхъ отъ него словъ въ арійскихъ языкахъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и болѣе позднихъ, доказало, что состояла нѣкая связь между этими миѳическими Бригу и такими предметами или понятіями, какъ «пламя», «пыль», и даже съ самой молніей. Родство это намъ становится еще яснѣе, когда мы читаемъ, что «Атхарванъ треніемъ добылъ Агни изъ голубого лotosоваго цвѣтка», — (общепринятое поэтическое наименованіе небснаго свода), — такъ какъ имя это сразу представляетъ намъ жреца-огнеслужителя, своимъ тождествомъ съ названіемъ иранскихъ служителей Атарата *); да кромѣ того, это, вѣроятно, одно изъ древнѣйшихъ названій самой Молніи, — не говоря уже о санскритскихъ словахъ *атхарэ*, «пламя», и *атхарью*, «пылающій», часто употребляемыхъ какъ эпитеты Агни **). Были особые жрецы, называемые *атхарванами*, — специально приставленные содержать разные огни при большихъ жертвоприношеніяхъ; въ этомъ мы видимъ еще новый примѣръ того, какъ нѣкоторые роды или сословія хвалятся полу-миѳическими родоначальниками. Ангирасы, другой высокопочитаемый родъ наслѣдственныхъ жрецовъ и Риши, тоже упоминаются въ Риг-Ведѣ какъ первые огневозжигатели. А имя «Ангирасъ»,

*) См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 93, 136. Это единственный слѣдъ въ Риг-Ведѣ болѣе древняго иранскаго имени Огня.

**) См. тамъ же, стр. 49.

въ единственномъ числѣ, является то именемъ человѣка, полумиѣческаго предка помянутаго жреческаго рода, то несомнѣнно именемъ самого Агни. Путаница отъ всѣхъ этихъ именъ еще не такъ велика, потому что очень скоро примѣчается лежащее въ основѣ общее понятіе, а именно—родство между Агни и его смертными поклонниками; и это понятіе въ сущности заводитъ еще далѣе: указываетъ прямо на вѣру въ небесное и огненное происхожденіе человѣчества.

Родство
бога Агни
съ родомъ
людей.

24. — Связь между всѣми этими понятіями поистинѣ бьетъ въ глаза. Въ небесномъ рожденіи и сошествіи съ неба Огня (не должно забывать, что это имя обнимаетъ вообще тепло и всѣ проявленія его) не сомнѣвались, нисколько, и если вѣрили въ его присутствіе (въ сокровенномъ видѣ) даже въ водѣ и растеніяхъ, то теплота живого тѣла еще яснѣе указывала на присутствіе въ немъ бога, который могъ сойти въ него тѣмъ же способомъ, какъ и въ растеніе, при чемъ являлась еще другая возможность: онъ могъ перейти въ человѣческій организмъ въ видѣ потребляемой имъ растительной пищи, а затѣмъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ видѣ той «жизненной искры», которая, будучи увѣковѣчена наслѣдственностью, не уничтожается даже смертю. Такъ что и въ этомъ смыслѣ бога можно называть «безсмертнымъ», пребывающимъ среди смертныхъ». Мѣтко также прозванъ онъ «Многорожденнымъ». Во многихъ мѣстахъ прямо, безъ обиняковъ, заявляется объ «общности рода»,—родствѣ человѣка съ богами. Такъ, слѣдующій стихъ:—«Намъ присуще,

о боги, братство съ вами въ лонѣ матери», вполне объясняется другимъ:—«Небо (Дьяусъ)—отецъ мой, родившій меня; мать моя—сія широкая Земля (Притхиви)». Древнѣйшихъ Риши величаютъ «неборожденными», и одинъ пѣвецъ, призывая ихъ всѣхъ (въ томъ числѣ Ангирасовъ и Ману), говоритъ, что «имъ (богамъ) извѣстенъ его (пѣвца) родъ и племя», и что родъ этотъ «восходитъ до боговъ, корень имѣетъ среди нихъ». А если эти заявленія и намеки покажутся еще не довольно опредѣленными для того, чтобы можно было относить ихъ прямо къ Агни, то сомнѣнія уже не допускаетъ положительное заявленіе, что «отъ него идетъ родъ людской», что онъ «нашелъ путь для своего потомства», наконецъ, внушеніе людямъ, чтобы они «взывали къ нему, какъ къ первородителю» *). Крайне увлекательно слѣдить за тѣмъ, какъ это смутное представленіе о конечномъ единствѣ природы, о родствѣ челоѣка со всей вселенной (или, по крайней мѣрѣ, нашей солнечной системой), столь недавно подтвержденное современной наукой, зарождается и силится облечься въ слова въ эту раннюю эпоху, руководимое единственно поэтическимъ чутьемъ.

25.—Мы до сихъ поръ узнали Агни въ четырехъ видахъ: 1) на небѣ — Солнце; 2) въ под-

„Погребальный Агни“.

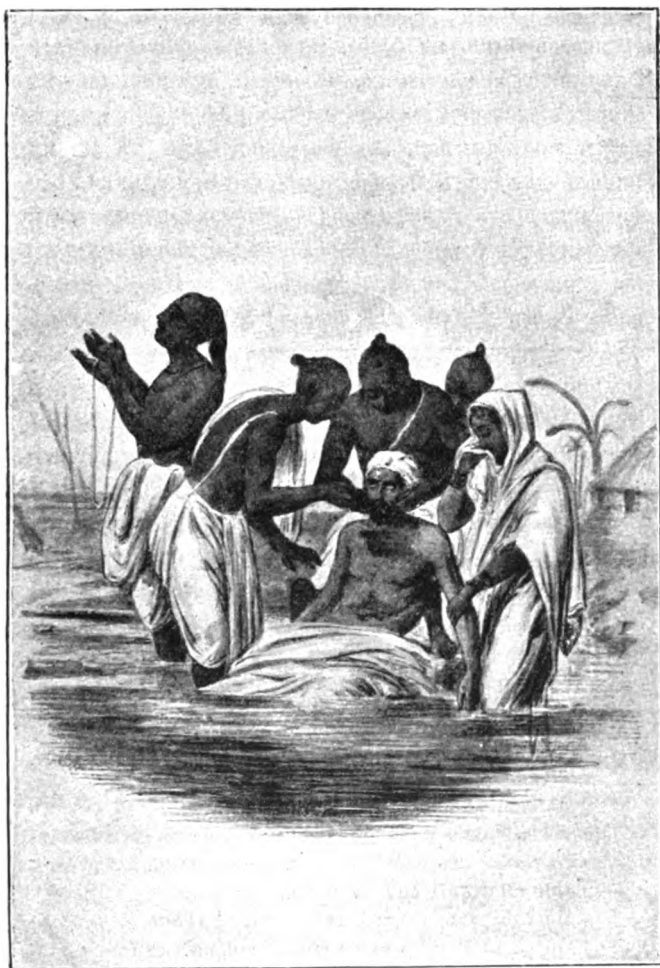
*) Эту тему—небесное и огненное происхожденіе челоѣка, разработалъ съ глубокой эрудиціей и убѣдительнымъ мастерствомъ французскій санскритистъ, Абаль Берганъ (Abel Bergaigne) въ своемъ исполнскомъ трудѣ *«La Religion Védique»*. (Т. I, стр. 31 и слѣд.; глава, озаглавленная: *«Origine Céleste de la Race Humaine»*).

небесья — Молнія; 3) на землѣ — Домашній, и 4) Жертвенный Огонь. Остается познакомиться съ нимъ въ пятомъ видѣ, въ которомъ онъ играетъ крайне важную роль въ быту арійцевъ-индусовъ: роль сожигателя труповъ и проводника отшедшихъ душъ въ обители «Отцовъ». Индусъ, въ прямую противоположность иранцу, не считаетъ, чтобы нечистое прикосновеніе смерти могло осквернить священную стихію, а напротивъ, приписываетъ послѣдней всеочистительную и всеосвящающую силу *). Все же, однако, «погребальный Агни» содержался въ отдѣльности отъ всѣхъ другихъ видовъ огня и не допускался ни на очагъ, ни на жертвенный алтарь.

Сома, иран-
скій Хаома.

26.—Есть въ Риг-Ведѣ цѣлая книга,—девятая,—вся посвященная, не въ примѣръ другимъ, восхваленію одного только божества,—Сомы. Подобно Агни, съ которымъ онъ состоитъ въ самой тѣсной связи, Сомѣ имѣетъ много видовъ и нѣсколько обиталищъ; подобно Агни, мѣсто рожденія его не на землѣ; подобно Агни, первое проявленіе его чисто матеріальное: Агни—огонь, Сомѣ—растеніе. Главная разница въ томъ, что Агни, въ

*) Что бы сказали иранцы на современный брахманскій обычай—спускать трупы по теченію Ганга, чтобы волны священной рѣки уносили ихъ въ океанъ! Этотъ ужасный обычай особенно въ силѣ въ Бенаресѣ, большомъ городѣ у слиянія Ганга и Джумны, самомъ священномъ мѣстѣ во всей Индіи по брахманской вѣрѣ. Тамъ даже умирающихъ приносятъ къ рѣкѣ, иногда цѣлыми толпами, и погружаютъ въ нее, чтобы они испустили духъ въ ея священныхъ водахъ. Конечно, всѣ подобныя обычаи въ глазахъ парсовъ прямо безбожіе. (См. «Ист. Индіи» и пр.).



Умирающий индусъ, принесенный родными въ рѣку
Гангъ.

его земномъ видѣ, употреблялся на многія разнообразныя надобности, тогда какъ растение сома годилось лишь на одно: изъ него приготовлялся опьяняющій напитокъ, который приносился на жертвоприношеніяхъ, при чемъ онъ отчасти испивался молящимися, отчасти изливался въ пламя на алтарѣ. Какъ и огнепоклонство, культъ Сомы уноситъ насъ далеко назадъ, въ такъ-называемый индо-иранскій періодъ, время до раздѣленія двухъ арійскихъ народностей, такъ какъ Сомы, называемый въ Иранѣ Хаома, игралъ совершенно ту же роль между послѣдователями Авесты. Весьма вѣроятно даже, что мы тутъ имѣемъ одинъ изъ крайне рѣдкихъ пережитковъ еще болѣе отдаленной эпохи, до-раздѣльной, или, какъ ее называютъ,—«перво-арійской» *). Ибо, какъ было въ свое время замѣчено, Авеста носитъ явные слѣды того, что разрѣшеніе употреблять Хаому при жертвоприношеніяхъ было уступкой Заратуштры исконному обычаю, хотя и этого обычая его коснулась духовная реформа **).

Сомы—ра-
стеніе.

27.—Въ Индіи, какъ и въ Иранѣ, растение сома родится въ горахъ ***). Въ Риг-Ведѣ сказано, что царь Вѣруна, водворившій солнце въ небѣ и огонь

*) Таково мнѣніе большинства изслѣдователей обѣихъ священныхъ книгъ, убѣдительно изложенное въ двухъ монографіяхъ глубокимъ знатокомъ, Виндипманомъ.

**) См. «Исторію Мидіи» и пр., стр. 137.

**) Не слѣдуетъ, однако, забывать, что растение едва ли одно и то же въ обѣихъ странахъ. По общему мнѣнію ученыхъ, арійскій жертвенный напитокъ, сохраняя одно названіе, приготовлялся изъ разныхъ растений, въ каждой изъ разныхъ земель, гдѣ селились арійцы.

въ водѣ, помѣстилъ сому на горныхъ высяхъ. Подобно огню, и сома принесенъ людямъ сверхчеловѣческимъ образомъ. Въ одномъ приведенномъ уже гимнѣ говорится:—«Одного принесъ съ неба Матарिशванъ, другого—соколъ съ горы». Растеніе, употребляемое въ Индіи, росло въ горахъ, по всей вѣроятности, на склонахъ Гималая, гдѣ-нибудь въ Кашмирѣ. Вѣрно то, что въ этой странѣ высокихъ хребтовъ и глубокихъ долинъ съ очень раннихъ временъ жили арійскія племена, и вѣроятно раньше, чѣмъ были собраны и приведены въ порядокъ пѣсни Риг-Веды и былъ установленъ строгій и уже очень сложный, официальный ритуаль. Изъ множества указаній, разбѣянныхъ въ гимнахъ, можно заключить, что именно тамъ былъ древнѣйшій, извѣстный арийцамъ-индусамъ, центръ культа сомы, который оттуда уже распространился вмѣстѣ съ самой народностью, а такъ какъ растеніе не процвѣтало въ болѣе низменныхъ и жаркихъ полосахъ, въ безводныхъ мѣстностяхъ, равно какъ и въ душныхъ, насыщенныхъ парами влажной атмосферы, то продолжали возить съ горъ громадныя количества его, требовавшіяся для все расширяющихся и вновь возникавшихъ арійскихъ поселеній. Установилась настоящая торговля, а такъ какъ продавцы, привозившіе растенія, принадлежали къ не-арійскимъ горнымъ племенамъ, то они обращались со священнымъ товаромъ, какъ со всякимъ другимъ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, торговались и наживались. Вотъ, вѣроятно, почему торговцы растеніемъ сомы считались презрѣннымъ клас-

сомъ людей, и, когда обычаи и традиціи обратились въ законы, ихъ, вмѣстѣ со всякаго рода преступниками, нарушителями кастовыхъ и другихъ общественныхъ законовъ, и послѣдователями низкихъ профессій, какъ-то: ростовщиками, актерами и пр., включили въ число тѣхъ лицъ, кому воспрещалось осквернять жертвоприношенія своимъ присутствіемъ. Въ глазахъ аріица-индуса только отверженецъ могъ, имѣя у себя священное растеніе, не дѣлать изъ него предписаннаго употребленія. Аріицы подраздѣляли родъ людской на «прессующихъ» и «не-прессующихъ», и послѣднее прозвище было равносильно «врагамъ» и «безбожнымъ варварамъ». То были, вѣроятно, странствующие торговцы, и покупка совершалась по строго предписанному церемоніалу, подробности котораго кажутся до-нельзя нелѣпыми и смѣшными, если не знать ихъ символическаго значенія. Платою (должно-быть, за извѣстное количество, хотя это не упоминается) была рыжая корова со свѣтло-карими глазами, въ чемъ заключался намекъ на золотистый цвѣтъ растенія,—котораго «не должно вязать, ни за ухо дергать»,—т. е. не должно обращаться съ нимъ непочтительно.

Приготовленіе священнаго напитка изъ растенія „сома“.

28.—Употребляемое въ Индіи растеніе сома,—*Asclepia acida* или *Sarcostemma viminalis*,—принадлежитъ къ семьѣ молочайниковъ. По описанію, у него длинныя, висячія вѣтки, безъ листьевъ вдоль стебля, свѣтлаго, золотистаго цвѣта, съ узловатыми суставами, и въ волокнистой, камышевидной внѣшней оболочкѣ ихъ содержится обильный сокъ, молочный, кислый, слегка вязущій

на вкусъ. Вотъ этотъ-то сокъ, выжатый прессомъ,
смѣшанный еще кое съ какими снадобьями, и



Растеніе „сома“.

(*Asclepias acida* или *Sarcostemma viminalis*).

выбродившій, составляетъ опьяняющій, жертвен-
ный напитокъ. Процессъ приготовленія,—самый

священный и мистическій актъ брахманской литургии,—упоминается въ безчисленныхъ гимнахъ Риг-Веды, но въ такихъ фантастическихъ и часто загадочныхъ выраженіяхъ, что довольно трудно было бы по этому одному представить себѣ, какъ это дѣлалось, если бы не имѣлись въ нѣкоторыхъ Брахманахъ подробнѣйшія наставленія, равняющіяся полному описанію всей операціи. Хотя было бы легко писать по этому поводу цѣлыя страницы, однако удовольствуемся слѣдующей выдержкой изъ монографіи Виндишмана: въ ней все наглядно и ничего существеннаго не пропущено:

«... Растеніе собираютъ въ горахъ, въ лунную ночь, и вырываютъ съ корнемъ. Оно доставляется на мѣсто жертвоприношенія на повозкѣ, запряженной двумя козами, и тамъ, на предварительно приготовленномъ мѣстѣ, покрытомъ травой и мелкими прутьями *) жрецы прессуютъ его между двухъ камней **), потомъ бросаютъ всю массу, сбрызнувъ водой, въ сито изъ рѣдкой шерстяной ткани, въ которомъ она протирается уже рукою; послѣ чего сокъ капаетъ въ подставленный сосудъ или котелъ ***). Жидкость тогда смѣшивается съ молокомъ, свѣжимъ и кислымъ, или свѣжимъ творогомъ, да

*) Это мѣсто зовется *сэди*, или «сидѣніемъ боговъ», и покрывается травой *куша*. Полагалось, что боги самолично, невидимо возсѣдали на немъ, явившись по формальному приглашенію на предложенное имъ пиршество. Поэтому Сомъ вполне приличествовало покониться на этомъ мѣстѣ до начала обряда.

**) Въ Ригъ-Ведѣ упоминается также ступка, но рѣдко. Ступка употреблялась у иранцевъ при изготовленіи хаоки, (См. «Ист. Индіи» и пр., стр. 139). Весьма вѣроятно, что этотъ способъ былъ древнѣе, пережитокъ забытаго индоиранскаго періода.

***) Эти сосуды дѣлались изъ священнаго дерева ашваттха (*Ficus Religiosa*).

съ пшеничной или другой какой-нибудь мукой, и приводится въ броженіе; готовый напитокъ подносится богамъ три раза въ день и испивается брахманами... Это было безспорно самое священное и многознаменательное приношеніе древняго богослуженія... Боги выпиваютъ подносимый имъ напитокъ; они его жаждутъ; онъ ихъ питаетъ и повергаетъ въ радостное опьяненіе... Напитокъ этотъ божественный; онъ очищаетъ, животворитъ, даетъ здравіе и безсмертіе, уготовляетъ путь на небо, губитъ недруговъ, и пр.

29.—Особенно много пѣвцы распространяются объ огненности напитка, о производимомъ имъ весельѣ и подъемѣ духа. Испивать его дозволялось, кромѣ священнослужителей, лишь весьма немногимъ, а именно такимъ лицамъ, которые могли доказать, что у нихъ припасена пища на цѣлыхъ три года,—и эти счастливыя въ самыхъ яркихъ краскахъ описываютъ то восторженное состояніе усиленной жизненной энергіи, въ которое повергаетъ человѣка блаженный, волшебный напитокъ, поднимающій избранника выше уровня нормальнаго человѣчества. Попадаются описанія, отдающія уже прямо пьянымъ хвастовствомъ и напоминающія старую русскую поговорку, что «пьяному море по колѣно». Чѣмъ иначе объяснить такой диэирамбъ, какъ слѣдующій?

Душевно-
интеллигентное
дѣйствіе
сопик.

«1) Я думаю про себя: пойду я, куплю корову; лошадь куплю; ужъ не напился ли я сомы? *(Этотъ припевъ повторяется послѣ каждого стиха)*. 2) Питье несетъ меня по воздуху, словно буйные вѣтры... 3) Несетъ меня, какъ быстрые кони везутъ повозку... 4) Пѣснь пришла ко мнѣ сама, какъ къ коровѣ идетъ ея возлюбленный теленокъ... 5) Я пѣснь мою ворочаю въ сердцѣ моемъ, какъ плотникъ сооружаетъ телѣгу... 6—7) Всѣ пять племенъ мнѣ ни по чѣмъ... 8) Половина меня — больше обоихъ мировъ... 9) Величіе

мое идти за предѣлы и неба, и обширной сей земли... 10) Понести, что ли, землю туда-сюда?.. 11) Или разбить землю вдребезги?.. 12) Одна моя половина на небесахъ, другую я погрузилъ глубоко-глубоко... 13) Я великъ, паче всякихъ словъ; я достаю до облаковъ...» и пр. и пр.

Долгое время эту пѣснь толковали такъ, будто она вложена въ уста самого грозовика и воеителя Индры, который, будто бы, поетъ ее въ ликующемъ настроеніи, вдоволь напившись сомы на жертвоприношеніи. Но А. Бергъ доказываетъ, что ее гораздо правдоподобнѣе приписать просто расхитившемуся навеселѣ смертному. «Мы напились сомы, — восклицаетъ другой: — мы стали безсмертны, мы вступили въ міръ свѣта, мы познали боговъ. Что можетъ сдѣлать намъ недругъ теперь, и какое дѣйствіе можетъ возымѣть злоба смертнаго?» Не всегда, однако, дѣйствіе душевеселительнаго напитка описывается въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ. Въ слѣдующихъ отдѣльныхъ строкахъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ, изображается такое тѣлесное и душевное состояніе, которое не можетъ назваться ненормальнымъ, а указываетъ скорѣе на умѣренное употребленіе крѣпкаго, но не зловреднаго спиртнаго напитка:

«Онъ, мудрый, вошелъ въ меня, простяка... Зажги меня своимъ огнемъ, о Сомы!.. продли жизнь нашу, какъ солнце каждое утро обновляетъ день... Ты возбуждаешь наши способности... Ты сошелъ во всѣ наши члены... Недугъ, безсильный, бѣжалъ... Могущественный Сомы сошелъ въ насъ и продлилъ наши дни».

Небесный
Сомы-Анг-
рита (питіе
бессмертія).

30.—Во всемъ этомъ чувствуется сознаніе присутствія чего-то божественнаго въ чудодѣйственномъ напиткѣ. И въ самомъ дѣлѣ, на-

питокъ этотъ есть просто земной видъ небеснаго Сомы, или вѣрнѣе,—символъ его, бога Сомы. Когда жертвующій, изливъ небольшое количество священнаго напитка въ пламя, описываетъ, какъ боги,—въ особенности Индра, вонитель,—выпиваютъ его ведрами, бочками, и тогда только ощущаютъ въ себѣ силы для ежедневной борьбы противъ силъ зла, это конечно нужно понимать не буквально. Между тѣмъ, дѣйствительно существуетъ божественный напитокъ, который даетъ богамъ (Силамъ Природы) мощь и безсмертіе, безъ котораго они утратили бы и эту мощь, и вѣчную свою юность, даже самую жизнь,—безъ котораго міръ (*нашъ міръ*), опустѣлъ бы и вымеръ, сталъ бы неудообообитаемъ. Этотъ небесный напитокъ, настоящій Амрита, т. е. «питье безсмертія», есть не что иное, какъ дождь, роса, словомъ Влага, насыщающая всю природу; влажное начало, веселящее, животворящее, вызывающее и лелѣющее жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Жертвоприношеніе въ честь Сомы на землѣ изображаетъ символически собираніе и распредѣленіе этихъ жизненныхъ водъ,—небеснаго Сомы. Шкура, на которой расположены камни для прессованія, это—туча, а самые камни—громовыя стрѣлы; сито—небо; жидкость, капающая изъ него болѣе или менѣе обильно,—дождь, а чанъ или котелъ, въ который она падаетъ—*Самудра*, водоемъ поднебесныхъ водъ, небесное море. Этотъ символизмъ никогда не теряется изъ вида. Ничто не можетъ быть яснѣе, напр., такого воззванія: «Пей бодрость въ небесномъ

Сомѣ, о Индра! пей ее и въ томъ сомѣ, который люди выжимаютъ на землѣ». Это отождествленіе Сомы съ водами и растеніями сильно подчеркиваетъ родство его съ Агни, давно уже замѣченное, и можно прямо сказать, что Соматутъ является особымъ видомъ того же Агни, однимъ словомъ, это—*жидкій огонь* *). Неудивительно, поэтому, если ихъ обоихъ поминаютъ вмѣстѣ въ множествѣ гимновъ, специально для обоихъ сочиненныхъ.

Сома—
Исцацъ.

31.—Но даже небесный Сома, напитокъ, дающій богамъ несокрушимую бодрость и вѣчную юность,—словомъ, *амрита*,—еще не могъ по настоящему считаться *богомъ*. Изъ воды, влаги, никогда, ни въ какомъ случаѣ, не могли сдѣлать *личность*. Эту воду, эту влагу, должна производить, или хотя держать въ запасѣ, потомъ раздавать, нѣкая Сила, а эту Силу уже можно было представлять себѣ личностью, и только найдя эту Силу—мы нашли бога. Параллель между Сомой и Агни, приводитъ къ апріорному заключенію, что, такъ какъ Агни и Солнце—одно, то Сома долженъ быть Мѣсяцемъ, и немедленно припоминается тотъ знаменательный фактъ, что, въ мифологіи позднѣйшаго, такъ-называемаго «эпическаго» или

*) Мы видѣли, что огненное или жизненное начало продвигается въ сердцевину растений и въ человѣческій организмъ водою. Основательно изслѣдовали это священнѣйшее основное таинство арійской вѣры А. Кунъ въ своемъ «*Сошествіи Огня и Небеснаго Напитка*», А. Бергенъ въ своемъ трудѣ «*Религія Ведъ*», въ главахъ объ Агни и Сомѣ, да Гиллебрандтъ въ «*Vedische Mythologie*», т. I.

«классическаго» періода, и до самаго нашего времени, Сомѣ всегда былъ и нынѣ остается—Мѣсяцемъ. Весьма своеобразно и логично развиваются брахманскія теоріи о мѣсяцѣ въ Пуранахъ и всегда вращаются вокругъ того основнаго, капитальнаго факта, что *мѣсяцъ есть резервуаръ амриты, напитка боговъ*, и какъ въ Пуранахъ, такъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ, ему дается множество прозвищъ и эпитетовъ, указывающихъ на это. Во всю свѣтлую половину мѣсяца (т. е. пока мѣсяцъ прибываетъ), боги отъ него пьютъ, и чѣмъ больше они пьютъ сладкой *амриты*, дающей безсмертіе, тѣмъ ея больше и мѣсяцъ постепенно округляется. Въ темную половину (т. е. когда мѣсяцъ убываетъ), пьютъ отъ него Питри (души умершихъ), и онъ постепенно становится меньше и исчезаетъ. Лучи его сотканы изъ прохладныхъ водянистыхъ частицъ (атомовъ), которыя проникаютъ въ растенія, освѣжая и оживотворяя ихъ. Въ другой Пуранѣ—наоборотъ: боги тогда приступаютъ къ мѣсяцу, когда онъ полонъ, а души умершихъ въ ту ночь, когда онъ впервые виденъ. То же самое говорится въ Упанишадахъ, которые древнѣе Пуранъ. Тамъ прямо сказано: «Мѣсяцъ есть Царь Сомѣ, пища боговъ». То же самое, только еще чаще, еще настоятельнѣе, повторяется въ Шатапата-Брахманѣ, самой замѣчательной, авторитетной изъ всѣхъ:—«Сей Царь Сомѣ, пища боговъ, есть Мѣсяцъ... Когда онъ убываетъ, тогда они имъ кормятся».—«Времена года, это—царственные братья Царя Сомы, все равно какъ

Сомы и
мѣсячно-
поклонство.—
Мисти-
цизмъ.

у человека братья бываютъ».—Чьими же, какъ не Мѣсяца, времена года могутъ быть братьями? 31.—Итакъ, выходитъ, что въ арійской вѣрѣ очень важное мѣсто занимаетъ мѣсяцепоклонство, и что девятая книга сборника, исключительно и цѣликомъ, посвящена этому культу, полный ритуаль котораго содержится въ специально для этого составленномъ Соме-Ведѣ. Эта книга, какъ и многочисленные гимны къ Сомѣ, разсѣянные во всемъ Риг-Ведѣ, полны настолько ясными намеками, что не нуждаются въ объясненіяхъ. Но все это тогда только становится такъ понятно, если вполне уяснить себѣ связь прославляемаго божества съ мѣсяцемъ; если же видѣть въ Сомѣ *только* священный напитокъ арійскаго богослуженія и небесный напитокъ боговъ,—т. е. живительную влагу, распределенную во всей вселенной,—трудно найти какой-нибудь смыслъ во всѣхъ этихъ намекахъ, даже принимая во вниманіе устарѣлость мыслей и образовъ. Встрѣчаются сравненія очень красивыя и поэтичныя, но опять-таки понятныя только въ указанномъ смыслѣ; напримѣръ: Сому называютъ «кладеземъ сладости посреди неба»; «каплей золота, повисшей на небесахъ»; «чашей *амриты*, или цѣлымъ моремъ (*самудра*) небеснаго напитка». Сомы—мудрый богъ, ибо не онъ ли знаетъ времена года, не онъ ли приводитъ въ свое время мѣсяцы, назначая дни и часы для обрядовъ, и молитвъ, и для жертвоприношеній, подобающихъ богамъ? Сомы также и воитель, сильный и хорошо снаряженный для сраженія съ бѣсами и чудови-

щами, населяющими «темный боръ» (ночь), которыхъ онъ разгоняетъ, и для защиты драгоцѣннаго источника жизни, отданнаго ему на храненіе, противъ враждебныхъ, злыхъ существъ, Асуровъ, всегда стерегущихъ случай выкрасть его. Къ кому, какъ не къ мѣсяцу, примѣнны такія строки, какъ слѣдующія: «Сома стоитъ надъ всѣми мірами, подобно божественному Сурьѣ», или: «Онъ одѣлся въ сіяніе солнца и, полный мудрости, держитъ дозоръ надъ всѣми племенами». Наконецъ, существуетъ мифъ, по которому Сомѣ женится на Сурьѣ, дочери Солнца, и гимнъ, рассказывающій о томъ необыкновенно обстоятельно и подробно (X, 85), начинается слѣдующими строками, не оставляющими, кажется, уже никакого сомнѣнія; можно съ увѣренностью сказать, что въ нихъ высказано то, до чего ученые доискивались путемъ долгаго труда:

«Закономъ (Рита) земля стоитъ твердо, небеса и солнце держатся, и Адити. Закономъ и Сомѣ стоитъ на небѣ... Сомѣ помѣщенъ посреди звѣздъ.

«Когда растеніе прессуютъ, пьющій считаетъ питье то за Сому. *Того, кою жрецы считаютъ за Сому, никто не пьетъ.*

«Защищаемый пріотившими тебя, оберегаемый твоими хравителями, ты, Сомѣ, внемлешь стукъ прессовальныхъ камней; *но ни одинъ земной житель тебя не вкушаетъ.*

«Когда боги пьютъ тебя, о богъ, ты вновь прибываешь»...

Невозможно нагляднѣе, полнѣе представить символизмъ жертвоприношеній въ честь Сомы. Впрочемъ, нѣтъ недостатка въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ высказано и то понятіе, будто богъ самолично нисходитъ въ растеніе и отдаетъ свое

собственное тѣло, свои собственные члены на истязаніе для блага боговъ и людей, такъ что устанавливается таинственное общеніе между богомъ и вкусившимъ священный напитокъ, и послѣдній дѣлается частью божественнаго естества. Эта мистическая жила пробѣгаетъ черезъ весь Риг-Веда: мы вкусили Сому,—Сома сошелъ въ насъ,—мы уподобились богамъ, мы стяжали безсмертную жизнь. Слѣдующую прекрасную молитву, истинный поэтический самородокъ, можно считать вѣнцомъ словеснаго выраженія культа арійскаго Сомы, въ самомъ возвышенномъ, одухотворенномъ его видѣ (IX, 113):

«Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ, въ тотъ міръ, гдѣ пребываетъ солнце, въ тотъ безсмертный, нетлѣнный міръ помѣсти меня, о Сома!

«Тамъ, гдѣ сынъ Вивасвата властвуетъ царемъ, тамъ, гдѣ самый тайникъ небесъ, гдѣ могучія воды, тамъ сдѣлай меня безсмертнымъ!

«Тамъ, гдѣ вольная жизнь, въ третьемъ небѣ небесъ, гдѣ міры лучезарно сіяютъ, тамъ сдѣлай меня безсмертнымъ!

«Тамъ, гдѣ исполняются желанія и вожелѣнія, гдѣ чаша сіяющаго Сомы, гдѣ пища и ликованіе, тамъ сдѣлай меня безсмертнымъ!

«Тамъ, гдѣ счастье и радость, и всякое наслажденіе, тамъ, гдѣ достигается все желанное, тамъ сдѣлай меня безсмертнымъ!»

Тутъ нѣтъ ни единой строки, ни единого образа, толкованіе которыхъ представляло бы малѣйшее затрудненіе, *если* за основаніе принять тождество Сомы съ Мѣсяцемъ, и, наоборотъ, не представляло бы неодолимыхъ трудности на основаніи всякаго другого предположенія. «Чаша сіяющаго Сомы» «лучезарные міры» (звѣзды),

міръ «вѣчнаго свѣта», «могучихъ водъ»,—какъ все это красиво и наглядно, когда знать, что Мѣсяцъ есть обитель умершихъ, которые вкушаютъ его «медовую сладость», подобно богамъ, и, подобно имъ же, получаютъ отъ того долгоденствіе.

32.—Есть, однако, въ этой пѣснѣ одна строка, ^{Вивасватъ и сынъ его, Яма.} которая вводитъ двѣ новыя мифическія личности: Вивасвата и его сына. Сынъ этотъ—Яма, котораго мы узнали въ Авестѣ подъ именемъ Йимы, сына Виванхванта *), но въ какомъ измѣненномъ видѣ! Риг-Веда о Вивасватѣ знаетъ весьма мало, за исключеніемъ того, что онъ—отецъ Ямы; однако, Вивасватъ въ свое время былъ богомъ, и о могуществѣ его свидѣлствуютъ молитвы, въ родѣ слѣдующихъ:—«Да не сразитъ насъ до старости стрѣла Вивасвата!»; «Вивасватъ да даруетъ намъ безсмертіе. Смерть да идетъ мимо, и да придетъ безсмертіе! Да хранить онъ народъ нашъ до старости!» Но это еще только блѣдный слѣдъ, полустертое воспоминаніе о томъ положеніи, которое Вивасватъ, должно-быть, занималъ въ далекомъ индо-иранскомъ прошломъ, потому что въ Авестѣ, согласно положенію,занятому Заратуштрой противъ многобожія, Виванхвантъ является простымъ смертнымъ, святымъ человѣкомъ, первымъ принесшимъ жертвоприношеніе въ честь Хаомы **), и сынъ его Йима—тоже

*) См. «Ист. Мидін» и пр., стр. 113.

**) Имя «Виванхвантъ»,—«Свѣтоварный»—означаетъ по общему мнѣнію солнечное божество, что подтверждается всей брахманской литературой. См., однако, главу VII.

смертный, первый царь, правитель золотого вѣка. Но, если отецъ въ Индіи забыть, или почти забыть, зато сынъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ и поэтическихъ мѣстъ въ Пантеонѣ, какъ Царь Мертваго Царства, кроткій властелинъ надъ райской обителью, гдѣ тѣни умершихъ предковъ (Питри, соотвѣтствующіе извѣстнымъ намъ изъ Авесты, Фраваши *), ведутъ блаженное, скорѣе, мечтательное существованіе.

Яма, Царь
Мертваго
Царства.—
Песн Сара-
нам.

33.—Факты, безъ прикрасъ, слѣдующіе: Яма «умеръ первымъ изъ смертныхъ», и мы всѣ слѣдуемъ за нимъ въ тотъ міръ, куда онъ первымъ вступилъ и, въ роли хозяина, сталъ принимать всѣхъ приходившихъ послѣ него, по мѣрѣ того, какъ они являлись, и само собою слѣдался ихъ повелителемъ. У него есть, такъ сказать, агенты, которые скитаются по всему свѣту, выискивая тѣхъ, кому пришла пора умирать, и загоняютъ или провожаютъ ихъ въ Мертвое Царство. Такихъ ищеекъ у него двѣ, въ видѣ псовъ страшной наружности; въ сущности они, по всей вѣроятности,—олицетвореніе утренняго и вечерняго сумрака,—мѣткая и поэтическая фантазія, такъ какъ, несомнѣнно, что каждое утро и каждый вечеръ имъ приходится загонять извѣстное число душъ изъ міра живыхъ въ Мертвое Царство. Замѣчательно, что самый положительный, ясный текстъ о личности Ямы находится не въ Риг-Ведѣ, а въ Атхарва-Ведѣ:

«Того, кто первымъ изъ смертныхъ умеръ, кто первымъ

*) См. «Ист. Мидіи» в пр., стр. 98—99.

ушелъ на тотъ свѣтъ, собирателя людей, царя Яму, сына Вивасвата, почтите приношеніемъ».

«Смерть—мудрый посланецъ Ямы». Прекрасная мысль, прекрасно выраженная, тоже въ Атхарва-Ведѣ. Въ Риг-Ведѣ еще упоминаются какія-то зловѣщія птицы — посланницы Ямы, и пѣвецъ молить, чтобы не сбылось пророчество, которое выкрикиваетъ мрачная птица. Собакъ называютъ Сарамѣями, т. е. дѣтьми нѣкоей Сарамѣ; у нихъ шкура въ пятнахъ, широкая морда, четыре глаза, и Яму молятъ, чтобы онъ приказалъ имъ защищать его гостей отъ бѣсовъ и напастей по пути въ его царство *).

34.—Царство это не имѣетъ ничего страшнаго, Позднѣй-
шее превра-
щеніе Ямы. мрачнаго или отталкивающаго. Оно помѣщается, на самомъ высшемъ небѣ, въ сферѣ самого солнца, посреди лучезарныхъ міровъ, и съ нимъ не связано представленіе о судѣ или наказаніи. Въ Риг-Ведѣ Яма еще не является судьей и карателемъ умершихъ, а только ихъ повелителемъ. Но въ позднѣйшей литературѣ, въ Брахманахъ, онъ утрачиваетъ свой милостивый обликъ и облекается во всѣ дешевые ужасы пошлаго чорта. Какая разница съ кроткимъ, благосклоннымъ божествомъ, попеченіямъ котораго древнѣйшіе индусы безбоязненно, любовно довѣряли своихъ отошедшихъ милыхъ! **).

*) См. «Ист. Мидіи» и пр., стр. 100 (Са'идъ) и стражи на мостѣ Чинвата.

**) Дальнѣйшія подробности и подходящіе тексты найдутся въ гл. IX, «Древнѣйшая культура», по поводу погребальныхъ обрядовъ въ Риг-Ведѣ.

Яна—
первоначаль-
но то же Мѣ-
сяцъ.—
Братъ его,
Нану,—пра-
родитель
человѣче-
ства.

35.—Естественно возникаетъ вопросъ: какое явленіе природы первоначально скрывается за мифомъ о Ямѣ и Вивасватѣ? Такъ же естественно является отвѣтъ: заходъ солнца, ибо въ великой жизни природы нѣтъ явленія, болѣе интенсивно наводящаго на мысль о будущей жизни и дающаго надежду на загробное возрожденіе. На поэтическомъ иносказательномъ языкѣ творцовъ первыхъ мифовъ, заходящее солнце отлично могло быть сыномъ утренняго или полуденнаго солнца (Вивасвата). Изъ того, что мы увидимъ дальше (въ гл. VII), еще совсѣмъ не безспорно доказано, что Вивасватъ неизмѣнно изображалъ солнце: еще недавно возникла школа толкователей, которая въ Ямѣ, какъ и въ Сомѣ, видитъ олицетвореніе Мѣсяца*). Притомъ, если Мѣсяцъ иногда является зятемъ Солнца (см. стр. 195), то почему бы ему не быть и сыномъ? Нельзя отказать доводамъ, приводимымъ въ пользу этого взгляда, въ большой вѣрности. Указывается, между прочимъ, на то, что обиталище Ямы помѣщается въ «третьемъ небѣ», въ «самомъ тайникѣ его», т. е. въ отдаленнѣйшей части его, что никакъ не примѣнимо къ *заходящему* солнцу. Мѣсяцъ ненаучному глазу весьма легко могъ показаться какъ бы меньшимъ, *младшимъ* солнцемъ, которое умираетъ (исчезаетъ), пройдя положенный ему путь. Наконецъ, оба свѣтила

*) А. Гиллебрандтъ проводитъ этотъ взглядъ въ первой части своей «*Vedische Mythologie*», исчерпывая всѣ доводы въ пользу его съ замѣчательными дѣловитостью и остроуміемъ

могли такъ же легко предстать воображенію въ видѣ *близнецовъ*, благодаря свойствамъ миеовъ, которые то и дѣло представляютъ одни и тѣ же божественныя существа въ разныхъ видахъ, ставя ихъ въ различныя взаимныя отношенія. Солнце и луна дѣйствительно считаются близнецами у большинства древнихъ народовъ, такъ какъ самое слово «Яма» означаетъ именно «близнецъ». О Ямѣ часто говорится какъ о первомъ человѣкѣ, прародителѣ людского рода. Но эта честь, въ сущности, принадлежитъ другому сыну Вивасвата, а именно — Ману (т. е. «Человѣкъ»), и была ошибочно перенесена на Яму, въ силу невѣрнаго разсужденія: что тотъ, кто первый умеръ, непремѣнно и жилъ первый. Но Яму нигдѣ не называютъ «первымъ *человѣкомъ*», а только «первымъ *смертнымъ*». Правда, словомъ «смертный» (*мартья*) очень часто означаютъ «человѣка» вообще; но для этого совершенно такъ же часто употребляются еще два слова: *манушья* и *джана* *), однако, ни тѣмъ, ни другимъ никогда Яма не назывался. По понятіямъ древнихъ народовъ—творцовъ миеовъ, человѣкъ не одинъ смертенъ: боги умирали бы также, если бы не обновляли постоянно свою жизнь и силу, вкушая божественный напитокъ Сома, вѣчную

*) Нельзя не полюбоваться остроумными и иѣткими словами, которыми народъ, говорившій по-санскритски, обозначалъ челоѣчество: *мартья*, «смертный»; *манушья*, «мыслящій» (на германскихъ языкахъ *тани*, отъ того же корня, какъ латинское *тенис*, «умъ», «мыслительный аппаратъ»); *джана*, «рожденный» (отъ того же корня, какъ латинскій *генс*, «людь», «племя»).

воду юности и безсмертія; солнце умираетъ, когда оно заходитъ, или слабѣетъ отъ прикосновенія зими; точно также умираетъ, и мѣсяцъ, когда, медленно убывая передъ глазами нашими, онъ, наконецъ, исчезаетъ. За смертью, правда, слѣдуетъ возрожденіе къ новой жизни, но этому не здѣсь мѣсто. Достаточно будетъ установить тотъ фактъ, что о Ямѣ постоянно говорится, что онъ умеръ «первымъ изъ смертныхъ», но не «изъ смертныхъ людей».

Ваю или
Вата—
Вѣтеръ.

36.—Есть въ Риг-Ведѣ еще одно божество, которое можно безостановочно прослѣдить до глубокаго до-иранскаго, или перво-арійскаго прошлаго: это—Ваю, или Вата—Вѣтеръ. Не бѣшеный, бурный, а тихій, прохладный, оздоравлиющій, тотъ вѣтеръ, который очищаетъ и проясняетъ атмосферу, приноситъ исцѣленіе и оживленіе истомленнымъ отъ зноя людямъ и животнымъ. Ваю въ Риг-Ведѣ занимаетъ скромное мѣсто. Немного пѣсенъ посвящено ему одному, но онъ часто призывается вмѣстѣ съ другими богами и всегда поминается съ уваженіемъ и благодарностью. Онъ—«Сынъ Неба» (Дьяуса), и не только приглашается на возліянія Сомы, но явившись съ другими богами, по присущему ему праву, первымъ допускается испить его *). Изъ слѣдующаго

*) Въ одной Брахманѣ есть разсказъ, яко-бы, объясняющій это право. Нѣсколько боговъ, будто бы, однажды выпустили бѣжали напиться Сомы,—и Ваю, понятно, побѣдилъ. Такихъ-то уловокъ брахманы въ своихъ комментаріяхъ распоряжаются со всѣми темными, или загадочными вопросами: сочиняютъ, въ объясненіе какіе-нибудь нелѣпыя разсказки. Въ результатъ обыкновенно получается совсѣмъ

короткаго гимна (X, 168), видно, какимъ уваженіемъ пользовалось это скромное божество, и какъ чутки были эти древніе поэты ко всему художественному въ природѣ.

«Я славлю дивную колесницу Ваты: ѣдетъ она, разрывая воздухъ громовымъ трескомъ. Она на ходу касается неба и зажигаетъ на немъ зарево, и вихрями поднимаетъ пыль съ земли... Летитъ Вата по воздушному пространству и никогда онъ отдыха не знаетъ.... Въ какомъ мѣстѣ родился онъ? Откуда онъ, дыханіе боговъ?... Куда онъ хочетъ, туда онъ, богъ, несется. Мы слышимъ шумъ стремительнаго полета его, но самого его никто никогда не видалъ...»

Этимъ богомъ мы закончимъ циклъ тѣхъ боговъ Риг-Веды,—Дьяусъ, Варуна, Митра, Агни, Сома, Ваю,—которыхъ можно съ достовѣрностію прослѣдить до временъ индо-иранскихъ и признать въ соотвѣтствующихъ имъ божествахъ Авесты. Дальнѣйшія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, выведутъ на свѣтъ еще новыя общія черты. Но ни догадкамъ, ни теоріямъ не можетъ быть мѣста въ книгѣ, назначенной не для специалистовъ, а для массы читающей публики, которой требуется представлять болѣе или менѣе окончательные результаты. Въ слѣдующей главѣ мы вступимъ въ кругъ боговъ, несомнѣнно выросшихъ на почвѣ Индіи, носящихъ легко узнаваемую печать, наложенную мѣстными климатическими и бытовыми условіями, въ которыхъ очутились прикочевавшіе арійцы по сю сторону Инда и Гималая.

уже безвыходная путаница, окончательно затемняющая вопросъ, подчасъ встрѣчаются негѣпости, доходящія до полнаго абсурда, но зато иногда получаютъ перлы философіи и поэзіи.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ V.

Паханіе Амриты.

Прилагаемая иллюстрація изображаетъ одну изъ знаменитѣйшихъ легендъ, рассказанныхъ въ Махабхаратѣ и нѣсколькихъ Пуранахъ, и можетъ служить образчикомъ реализма, съ которымъ индусъ-художникъ приступаетъ къ буквальному воспроизведенію всѣхъ подробностей мифическаго разсказа; сама же легенда—такой же образчикъ того, что ученый брахманъ эпического или классическаго періода умѣлъ создать изъ простыхъ, прозрачныхъ мифовъ временъ Ведъ. Мы только что изучили основательно прекрасный мифъ объ *Амритѣ*, пищѣ боговъ, подобіемъ котораго на землѣ является напитокъ, приготовляемый изъ растенія сомы. Поэты-брахманы переработали этотъ мифъ въ сложную легенду, съ разными варіаціями, на слѣдующемъ неизмѣнномъ основаніи. Дэвы (боги) воевали съ Асурами (злыми бѣсами). Побѣда неоднократно оставалась за послѣдними, такъ что боги стали унывать и, наконецъ, просили помощи у Вишну, своего всегдашняго совѣтника и спасителя въ особенно критическія минуты. Вишну обѣщалъ возстановить ихъ



Пахтаніе Амриты.

Третій *асатаръ* или воплощеніе бога Вишну—Черепахой (*Курма*)

силы, если они согласятся слушаться его безпре-
кословно. Онъ велѣлъ имъ сначала набрать со всего

міра образцы всѣхъ растеній и травъ и бросить ихъ въ Молочное Море, затѣмъ пахтать или сбивать это море, совершенно такъ, какъ сбиваютъ коровье масло, обѣщая имъ, что они такимъ образомъ получаютъ *Амриту*, пищу, дарующую непобѣдимую силу и безсмертіе. При этомъ онъ предупредилъ ихъ, что работа будетъ очень тяжелая, и потому совѣтовалъ заключить перемиріе съ Асурами и пригласить ихъ участвовать въ трудѣ. «Я ужъ позабочусь,—успокаивалъ онъ боговъ:—чтобы враги наши дѣлили съ вами труды, но не плоды этихъ трудовъ». Глупые Асуры съ готовностью пошли на удочку: они согласились и работали изо всей мочи. Когда травы были брошены въ Молочное Море, взяли гору Мандара вмѣсто болтушки или толкача (*праманта*), и Змѣиный Царь Васуки,—а по другимъ Шешъ или Шешна,—разрѣшилъ пользоваться его божествомъ и имъ, вмѣсто веревки, вертѣтъ болтушкой. Всѣ и давай тянуть, что есть мочи: Дѣвы въ одну сторону, Асуры въ другую; самъ же Вишну обернулся въ черепаху и взялъ себѣ на спину гору, чтобы она отъ сотрясенія не повалилась. Поднялась суматоха неописанная. Молочныя волны высоко плескали пѣной и брызгами и такъ бушевали, словно ихъ съ самаго дна срывала страшная буря. И вдругъ, изъ таинственнаго лона волшебной пучины начали подниматься всякія удивительнѣйшія диковины: первую всплыла и вышла на берегъ священная корова; за нею послѣдовали, одни за другими, волшебный конь о многихъ головахъ, слонъ, нѣсколько Апсаръ (водяныя дѣвы), явилась богиня красоты, Лакшми,

возсѣдая на лотосовомъ цвѣткѣ. Изъ Молочнаго Моря было сбито и нѣсколько смертельныхъ ядовъ; ихъ Васуки потребовалъ себѣ въ награду и роздалъ своимъ змѣямъ. По нѣкоторымъ преданіямъ, даже всѣ четыре Веды получились отъ этого достопамятнаго пахтанья. На нашемъ рисункѣ Веды изображены въ одномъ изъ лицъ, участвующихъ въ работѣ, въ видѣ старца о четырехъ головахъ и столькихъ же рукахъ, въ одной изъ нихъ онъ держитъ книгу. Последнимъ возсталъ лѣкарь боговъ, радостный, торжествующій, высоко вздымая чашу съ драгоцѣннымъ напиткомъ. И Дэвы и Асуры накинулись на него, и тутъ же произошла жестокая свалка. Но Дэвы ухитрились первые хлебнуть волшебнаго питья и тотчасъ же, ощутивъ приливъ силы, безъ особеннаго труда отбили своихъ недавнихъ помощниковъ и свергли ихъ въ преисподнюю.

VI.

Риг-Веда: Грозовой мифъ и Свѣтовой мифъ.

Атмосферическая драма.

1.—Извѣстно, что главный центральный фактъ въ физическомъ бытѣ Индіи тотъ, вокругъ котораго вращается ея благо или бѣдствіе — своевременное прибытіе юго-западнаго муссона, или, говоря ненаучнымъ языкомъ, весеннихъ грозъ. Это то, что можно бы, выражаясь картинно и поэтически, назвать великой атмосферической драмой, со всѣми полагающимися явленіями, воинственными и мирными, съ ея героями и злодѣями. Тутъ воображеніе древнихъ, арійцевъ Седьмирѣчья разыгрывалось во всю, безъ всякихъ стѣсненій. Въ этомъ Среднемъ мірѣ, между небомъ и землею, — *антарикша*, — въ Облачномъ царствѣ, на которое съ надеждой и страхомъ постоянно были обращены взоры людей, годъ за годомъ, день за днемъ возобновлялись знакомыя, но никогда не наскучавшія сцены: Грозовикъ Индра свирѣпствовалъ со своими друзьями и помощниками — Марутами, буйными вѣтрами; облака и тучи являлись то дѣйствующими лицами, то декорацией; тамъ паслись дра-

годѣнныя коровы, изъ-за которыхъ шла вѣчная война, благодаря живительному молоку, которымъ утолялись голодь и жажда спаленной, истомленной земли.

2. — Въ самомъ дѣлѣ, мы сразу и прежде всего наталкиваемся на самый корень извѣстнаго, на нашъ взглядъ страннаго и, повидимому, неискоренимаго вѣрованія арійцевъ Индіи—почитанія Коровы. Объясняется оно отчасти тѣмъ, что корова составляетъ неотъемлемую принадлежность арійскаго быта вообще. Она отъ природы совершенно не приспособлена переносить ни невзгоды дальнихъ кочеваній, ни страшнаго зноя открытыхъ степей. Она нуждается въ прикрытіи лѣсныхъ, тѣнистыхъ лужаекъ и прогалинъ, въ прохладѣ рѣкъ, въ покоѣ душистыхъ луговъ, короче сказать, во всѣхъ условіяхъ сельскохозяйственнаго быта, той стадіи культуры, которая немедленно слѣдуетъ за кочевой и звѣроловной и предшествуетъ градостроительной, но уживается отчасти и съ послѣдней; однимъ словомъ, удовлетвореніе нуждъ коровы и уходъ за нею возможны единственно при благопріятной обстановкѣ оскѣдлой жизни. А на этой ступени культурнаго развитія,—именно той, на которой арійцы впервые появляются на историческомъ небосклонѣ,—мы едва въ состояніи представить себѣ, какимъ дивнымъ, богоданнымъ, всестороннимъ сокровищемъ этотъ смиренный, покорный, добрый товарищъ—корова, долженъ былъ явиться народу, раздробленному на семьи или небольшія племена, изъ которыхъ благосостояніе каждаго было нераз-

Святость
коровы.

рывно связано съ собственнымъ, пахотнымъ, луговымъ угодіемъ и собственнымъ молочнымъ хозяйствомъ. Самой вкусной, здоровой пищей обильно снабждало всю семью ея неистощимое, словно неизсякаемый источникъ жизни, вымя коровы, и отъ ея же молока получалось масло, которое, въ растопленномъ и очищенномъ видѣ, питало священное пламя на домашнемъ алтарѣ. Свирѣпый быкъ, поставлялъ мясо на всесожженіе, а, прирученный и обученный, превращался въ терпѣливаго, послушнаго помощника въ трудахъ. Границъ не было признательности, благоговѣнію и попеченіямъ, которыми народъ платилъ этому видимому, живому воплощенію благодѣтельнаго Промысла; въ силу этого на корову стали смотрѣть, какъ на созданіе полубожественное, священное. Она стала для индійскихъ аріидцевъ самымъ заветнымъ символомъ, чуть не предметомъ поклоненія, имъ и осталась она у потомковъ до сего дня.

Облачные
коровы.—
Вѣки ва-
стухи.

3.—Къ такому почитанію, основанному на такихъ положительныхъ, можно сказать практическихъ данныхъ, присоединилась игра живой поэтической фантазіи, населявшей міръ настолько богатыми мифическими твореніями, что съ ними не могли въ послѣдствіи соперничать никакіе вѣка и народы. На небесахъ, или, вѣрнѣе, въ поднебесьи (*антарикиша*), бродятъ стада темныхъ, свѣтлыхъ, пестрыхъ облачныхъ коровъ, вымя которыхъ изливаетъ молоко, — чистый, живительный дождь, на утоленіе людямъ, животнымъ и растеніямъ. И, какъ бы для того, чтобы нагляднѣе

показать тѣсную связь между обѣими коровами,—облачной и земною, — у обѣихъ одно названіе: Го—корень, выражающій *движеніе*, ходьбу. Облака, двигаясь по небесному простору, легко могли напомнить о стадѣ, двигающемся по земному пастбищу; немного требовалось наблюдательности, чтобы дополнить сравненіе. Небесныя пастбища и стада, и, слѣдовательно, боги въ видѣ небесныхъ пастуховъ, равно какъ небесное море съ облачными кораблями и богами-корабельщиками, это—незапамятныя мионическія темы, на которыя поэзія всѣхъ вѣковъ и народовъ разыгрывала безконечныя варіаціи. Риг-Веда, при самомъ бѣгломъ обзорѣ, изображаетъ намъ поднебесный міръ въ видѣ какъ бы зеркала, въ точности отражающаго нашъ земной міръ, со всѣмъ, что въ немъ творится, только въ увеличенныхъ размѣрахъ, въ неземномъ сіяніи и блескѣ. Тамъ, какъ и здѣсь на землѣ, вѣчно воюютъ изъ-за стадъ или изъ-за похищаемыхъ женщинъ и дѣвъ: другихъ поводовъ къ междуплеменной враждѣ почти не бывало, за другой добычей почти-что не гнались. Жажда золота, условныхъ богатствъ, это—дѣло позднѣйшаго времени, болѣе искусственной культуры.

«Гроза, съ громомъ и молніей,—говоритъ Мьюръ въ своей главѣ о богѣ Индрѣ,—почти неотразимо вызываетъ представленіе о борьбѣ, о столкновеніи враждебныхъ силъ; мы и сами, въ нашъ сравнительно прозаическій вѣкъ, часто говоримъ о «войнѣ» или «борьбѣ стихій». Да и всѣ вообще небесныя явленія подають обильный матерьялъ для поэтическихъ образовъ. Набожный наблюдатель легко могъ то превращать фантастической формы облака въ колесницы и коней,

то въ нагроможденныхъ тучахъ видѣтъ города и замки, на которые боги шли съ побѣдоносной своей ратью» *).

Горы **). Плотная, темная масса тучъ, рисующаяся ломанной линіей надъ небосклономъ, ни на что такъ не походить, какъ именно на горы, и не одинъ мореплаватель, съ тоской высматривающій землю, былъ обманутъ такимъ ложнымъ подобіемъ того, чего онъ искалъ. Эти замки, эти горы, съ глубокими мрачными пещерами,—тѣ самые притоны, куда злые разбойники прячутъ похищенныхъ коровъ или дѣвъ, которыхъ сторожатъ лютой тучевой змѣй Ахи, любящій растянуться на горныхъ вершинахъ, да лохматое чудище Вритра, Укрыватель, сторожить до тѣхъ поръ, пока молнія—копье Грозовика, не пронзитъ и не разорветъ ихъ, а стѣны замка или склоны горъ не обрушатся и не разверзнутся подъ звонкими ударами его огненной палицы, и не выпустятъ плѣнницъ. Потому что, какъ было замѣчено въ

*) Мьюръ, «Санскритскіе тексты» т. V, стр. 98.

**) *Парвата* (отъ корня, означающаго «вадуться», «пукнуть»), значить и «туча» и «гора»; такъ *пур* значить и «крѣпость», «острогъ» и «туча». Въ языкѣ Ведъ есть много такихъ омонимовъ (словъ, имѣющихъ нѣсколько значеній), которые, уясняя намъ близость къ природѣ древнихъ пѣвцовъ и чуткость ихъ къ живописнымъ сходствамъ, существующимъ между землей и облачнымъ міромъ, представляютъ для насъ, новѣйшихъ людей, то неудобство, что такіе омонимы нерѣдко затираютъ предѣльную черту сравненій и ставятъ почти въ невозможность опредѣлить, должно ли извѣстный инцидентъ, какъ-то: взятіе крѣпости, низверженіе враговъ съ горъ и т. п., понимать въ мнѣческомъ или въ буквальномъ, историческомъ смыслѣ. Иногда кажется, словно эти люди жили въ обоихъ мірахъ, и сами едва могли разобраться въ нихъ.

предыдущемъ томѣ, облака и тучи бываютъ разные, и «далеко не всѣ предрекаютъ дождь, не всѣ его приносятъ. Если есть тучи, которыя щедро изливаютъ чистую, живительную влагу, утоляющую жажду изнывающей, раскаленной земли, зато есть и такія, которыя удерживаютъ ее, скрываютъ въ своихъ нѣдрахъ и не выпускаютъ, пока ихъ не пронзятъ, не расторгнутъ огненное копье грознаго молніеносца» *). И всякій, кому досталась незавидная доля пережить въ полутропическомъ краѣ настоящую засуху, пойметъ, какое глубокое уныніе овладѣваетъ человѣкомъ, когда все, что растеть и дышитъ, даже неодушевленная почва, со своей сѣрой, пыльной, расщеленной поверхностью, всё пылаетъ и пышетъ, прося влаги и прохлады, а облака день за днемъ плывутъ себѣ по небу, не изливая, уносятъ далеко эту спасительную влагу, о которой все молить и томится **).

А теперь, ознакомившись основательно съ

*) См. «Ист. Миди» и пр., стр. 51—55.

**) См. Мьюръ, т. V, стр. 98. Собственные воспоминанія автора включают не одно сухое лѣто въ Средней Италіи, и настоящую, свирѣпую двухлѣтнюю засуху, въ Техасѣ, какой не видывали тамъ въ теченіе 59-ти лѣтъ. Въ Италіи, бывало, бѣсила безжалостная, возмутительно прекрасная и ясная синева неба; но это—ничто въ сравненіи съ чувствомъ озабоченія, близкимъ къ отчаянію, съ которымъ въ Техасѣ приходилось день за днемъ глядѣть на облачное, иногда даже заволоченное небо, зная впередъ, что ни одной каплей воды оно не подаритъ! Брала положительная злость, словно на какую-то живую, умышленно коварную, злобствующую силу.

тѣмъ, что можно бы назвать фабулой драмы, очень несложной и, въ существенныхъ чертахъ, неизмѣнной, можно вывести на сцену дѣйствующія лица и дать развернуться дѣйствию, придерживаясь, какъ и въ предыдущей главѣ, единственного практическаго и эффектнаго способа: предоставлять говорить самимъ древнимъ поэтамъ, т.-е. приводить мѣста изъ Риг-Веда вездѣ, гдѣ это возможно.

Атмосферическія битвы.

4.—Извѣстно, что ведійскій періодъ не зналъ храмовъ, ни изображеній боговъ, и это, конечно, относится и къ Индрѣ, властелину Средняго Мира или Поднебесья, богу - воителю арійской Индіи *). А между тѣмъ, невольно почти является сомнѣніе, когда рѣчь идетъ о немъ и его вѣрныхъ товарищахъ **), Марутахъ,—(Бури),—и ихъ буйная дружина устремляется въ битву вслѣдъ за нимъ,—такъ подробно и такимъ реализмомъ дышатъ описанія ихъ наружности, силы и боевой экипировки, до малѣйшихъ мелочей. Индру намъ показываютъ ѣдущимъ на блестящей колесницѣ, съ золотымъ бичомъ въ одной рукѣ, съ молніей въ другой, въ золотомъ шлемѣ, и

*) Имя «Индра» служило поводомъ ко многимъ ожесточеннымъ препирательствамъ между языковедами. Убѣдительно въсѣхъ, потому что проще и прямѣе къ дѣлу идущіе, доводы тѣхъ, которые производятъ его отъ корня Инд,—«капля», «власть», того самаго, отъ котораго идетъ названіе рѣки Индъ. Индія, очевидно, есть «земля Индры и Инда».

**) Буквально «Крушители», «Разбиватели», такъ какъ и это значеніе, въ числѣ многихъ, присуще крайне плодотворному корню *мар* (Максъ Мюллеръ «Наука о языкахъ», т. II).

не только упоминаются его сильные, длинные руки, красота его носа и румяныхъ щекъ, но описывается, какъ золотая борода его развѣвается отъ быстрого бѣга его ретивыхъ коней и какъ онъ кидаетъ кругомъ себя молніи. А Маруты! Немного предоставляется дополнить воображенію, когда ихъ представляютъ скачущими во весь опоръ на колесницахъ, уносимыхъ буйными вѣтрами и запряженныхъ рѣзвыми рыжими конями или темными въ яблокахъ оленями; напимѣрь:

«На плечѣ у васъ копье, на ногахъ запястье, на груди и въ ушахъ золотыя украшенія, огненная молнія въ рукахъ, а на головѣ золотой шлемъ».

Ихъ вмѣстѣ съ Индрой приглашаетъ на жертвенный пиръ Агни, божественный посланецъ и священнослужитель; вмѣстѣ съ нимъ осушаютъ они громадное количество веселящаго, воодушевляющаго напитка и вмѣстѣ скачутъ въ бой противъ Вритры, осилить котораго они помогаютъ Индрѣ, пронзая злодѣя насквозь и рубя его на части, пока останками его не усьется скать горы, и не побѣгутъ изъ него долго задерживаемая имъ воды и не польются обильными, веселыми потоками на оба міра. Кистями съ красками едва ли возможно написать живѣе картину; это—прямо портреты, навѣрно писанные съ князей и ихъ ратниковъ въ роскошныхъ, блестящихъ доспѣхахъ. Тутъ антропоморфизмъ расходился во всю.

5.—Но антропоморфизмъ рѣдко долго остается въ такихъ скромныхъ предѣлахъ, особенно въ Индіи. Стремленіе сдѣлать сверхчеловѣческое нагляднымъ и понятнымъ для ума, слишкомъ легко

Антропо-
морфизмъ.

поддается преувеличенію, и, чтобы возвеличить предмет поклоненія, ему придаются исполинскіе размѣры, и тогда духовное *величіе* выражается матерьяльной *величиной*. Рѣдкій изъ гимновъ, посвященныхъ Индрѣ (а ихъ у него больше, чѣмъ у любого другого божества), свободенъ отъ этихъ гиперболъ, благодаря которымъ получаютъ иногда до смѣшного грубыя изображенія, на ряду съ другими образами, рѣдкой красоты.

Индра—бо-
гъ и лю-
битель
Сомы.

6.—Ничто такъ часто и настоятельно не внушается поклонникамъ Индры, какъ представленіе его физической громадности. Онъ «настолько превосходитъ ростомъ людей, что неба и земли мало, чтобы его опоясать», и «оба безпредѣльные міра для него—одна пригоршня». «Онъ въ себѣ содержитъ все существующее, какъ ободъ колеса содержитъ въ себѣ его спицы»; «какъ ось проходитъ черезъ оба колеса, такъ его величіе превосходитъ оба міра», но «ста небесамъ и ста землямъ, съ придачею ста солнцевъ, его не содержать». На самыя безумныя нелѣпости вдохновляетъ поэтовъ приписываемая Индрѣ способность поглощать невѣроятное количество священнаго напитка; испиваетъ онъ его ведрами, ушатами, по тридцати озеръ за одинъ присѣстъ; его приглашаютъ пить вволю, не стѣсняясь, подобно оленю, истомленному жаждой, или быку, бродящему въ безводной пустынѣ. Нелѣпость доходитъ до окончательнаго безобразія, когда ему даютъ два желудка, которые уподобляютъ двумъ озерамъ, приглашая его наполнить оба Сомой; что онъ и совершаетъ съ величайшей готовностью.

Если вѣрно понять переводчикомъ нѣкій стихъ, то Индра доходитъ будто бы до того, что не можетъ дожидаться, чтобъ ему нацѣдили питья, а глотаетъ его вмѣстѣ съ бочкой, съ краномъ, со всѣмъ, какъ есть; вѣроятно, совершивъ такого рода подвигъ, онъ, по одному описанію, шатаясь, расхаживаетъ послѣ жертвеннаго пира, покачиваясь, словно лодка на водѣ,—«въ брюхѣ у него Сома, сила великая во всемъ тѣлѣ, мудрость въ головѣ, а въ рукѣ—молнія». Въ такомъ-то «воодушевленномъ» состояніи богъ-борецъ совершаетъ наиболѣе славные свои подвиги и самымъ блестящимъ образомъ заслуживаетъ славнѣйшій изъ всѣхъ своихъ титуловъ,—Вритаханъ, «Убійца Вритры», тучевого бѣса Засухи. Та же идея, но въ одухотворенной формѣ, является и въ тѣхъ гимнахъ, въ которыхъ Индра призывается вмѣстѣ съ Сомой, и обоихъ молятъ о помощи противъ бѣсовъ и земныхъ враговъ, воздавая имъ и равную мѣру хвалы и благодаренія. Въ одномъ мѣстѣ Сома прозывается *«душою Индры»*.

7.—Какъ богъ войны на землѣ между людьми, Индра не просто борецъ и пособникъ арійцевъ въ отдѣльных битвахъ,—онъ вождь арійскаго движенія вообще: это онъ ведетъ ихъ отъ Инда къ Ямунѣ, онъ открываетъ имъ побѣдный путь: «Смотри впередъ, Индра, какъ подобаетъ вождю, и насъ веди впередъ; туда, гдѣ насъ ожидаютъ великія богатства. Веди насъ мудро, въ цѣлости и сохранности». Можно ли было яснѣе говорить: «веди насъ на востокъ, черезъ рѣки, помоги намъ разогнать туземцевъ—*дасью*».

Индра—
боевой
вождь арій-
цевъ, богъ
войны.

Индра—
благотворитель.

8.—Надо признаться, что блага, за которыми гнались арийцы и о которыхъ они молили Индру, были самого практическаго, матеріальнаго свойства. Если не дожда они просятъ, или свѣта, то коровъ, коней, побольше сыновей, здоровыхъ и рослыхъ, золота и всякихъ богатствъ, побѣды надъ врагами и обильной добычи. Индра—продуктъ настоящей «Sturm und Drang Periode». («бурнаго, стремительнаго времени»), и его личность совершенно лишена той духовной прелести, которою дышать такіа творенія созерцательнаго ума, каковы Варуна и Адити, того обаянія, которымъ полны поэтическіе и въ то же время глубоко философскіе, истинно божественные облики Агни и Сомы. Съ другой стороны, есть нѣчто трогательное и сердечное въ дружеской довѣрчивости, съ которою пѣвцы мѣстами обращаются къ Индрѣ; напримѣръ:

«Прійди, о Индра, братъ!... Здѣсь жили друзья твои съ древнѣйшихъ временъ; взгляни теперь и на позднѣйшихъ своихъ друзей, и на младшихъ... Ибо ты искони былъ другомъ нашихъ отцовъ и охотно исполнялъ желанія ихъ... Къ тебѣ взываемъ и мы, къ тебѣ, который къ намъ не глухъ, а слышишь насъ издалика... Ибо ты, о Милостивецъ, всегда былъ намъ и отцомъ и матерью, отцомъ повстинѣ роднымъ.

«Старыя пѣсни все сызнова стремятся къ тебѣ... какъ въ упряжи кони, какъ коровы, лижущія своихъ телятчекъ, какъ жены ласкаются и льнутъ къ своимъ статнымъ мужьямъ... О, побудь съ нами, не уходи далеко отъ насъ, Могучій, когда мы подносимъ тебѣ тщательнаго надѣженнаго сома. Пѣсню свою я хватаюся за твою ризу, какъ сынъ хватается за одежду отцову».

Если вѣрить его поклонникамъ, Индра далеко не равнодушенъ къ такой любви и вѣрѣ въ него.

Въ гимнахъ часто пересчитывается все, что онъ дѣлаеть для нихъ и даетъ имъ: онъ бьетъ враговъ ихъ, какъ молотильщикъ бьетъ зерно на токъ; онъ идетъ къ друзьямъ съ обѣими руками, наполненными дарами, и благодѣянiя изъ него исходятъ, какъ вѣтви изъ дерева; его просятъ, чтобы онъ сыпалъ дары на молящихся, какъ потрясенное дерево сыплетъ зрѣлые плоды свои... Онъ бѣднякамъ помощникъ, избавитель и утѣшитель; онъ имъ каменная стѣна; его дружба несокрушима; не пустую фразу говоритъ пѣвецъ, восклицающій: — «Мы — твои, а ты — наши!»... Далѣе: — «День счастливо занимается для того, кто говоритъ: «Идемъ! будемъ цѣдить Сому для Индры»... Никогда не пошатнется могущество того царя, въ домѣ котораго Индра пьетъ крѣпкій Сомъ, смѣшанный съ молокомъ: онъ въ мирѣ процвѣтаетъ, на войнѣ побѣждаетъ, и въ безопасности проживаетъ у себя дома, пользуясь громкой славой». Справедливость требуетъ замѣтить, что Индра весьма разборчивъ на друзей и не хочетъ знаться съ негодяемъ, который не цѣдитъ ему Сомы», т. е. съ туземными народами, не захотѣвшими обратиться въ арийскую вѣру. Что къ богу, надѣляющему такими цѣнными милостями, притомъ расточающему ихъ такъ щедро, часто обращались съ корыстными и завистливыми ходатайствами, насколько неудивительно. Индру часто заботливо предостерегаютъ пѣвцы, чтобы онъ не поддавался на коварные подвохи его соперниковъ, и это, по наивной прямолинейности, иногда выходитъ очень забавно. Напримѣръ:

«Вирагу я гнѣдыхъ въ колесницу Индры и привлеку его долу новой пѣснью.—Не дозволю другимъ, распѣвающимъ гимны,—а такихъ много,—совратить тебя съ твоего пути» (II, 18, 3).

«Спѣши сюда, о Индра, съ ретивыми твоими гнѣдыми, не попусти никого изловить тебя, какъ птицу въ сѣти, а бати все прямо, какъ по ровному полю» (III, 45, 1).

Не менѣе забавны укоры, прямо-таки выговоры, съ которыми то тотъ, то другой не стѣсняется приставать къ своему любимому богу, если считаетъ себя обойденнымъ или недостаточно пожалованнымъ.

«Милостивы руки твои, о Индра, и благи, когда расточаютъ дары пѣвцу. Гдѣ же замѣшкался ты? Почему не спѣшишь на попойку? Или скупнѣшься?» (IV, 29, 9).

«Почему, богачъ, люди называютъ тебя щедрымъ? Ты на подаянія таровать, такъ слышу отъ всѣхъ: такъ дари же и мнѣ. За пѣснь мою воздай казной, о всемогущій» (X, 42, 3).

Нѣтъ недостатка и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бога прямо называютъ «скарднымъ», «мѣшкотнымъ», «скупымъ»:

«Будь у меня, о Индра, такія богатства, какими обладаешь ты, я, не жалѣючи, дарилъ бы моего поклонника; я не оставилъ бы его въ бѣдности. Я бы каждый день осыпалъ его дарами, гдѣ бы онъ ни былъ; ибо никто намъ не дороже тебя,—ни родные, ни даже отецъ» (VII, 41, 18—19).

И еще:

«Будь всѣ богатства мои, о Индра, которыми обладаешь ты, пѣвецъ мой былъ бы богатъ. Я помогать бы ему, осчастливилъ бы его моими дарами, о всемогущій, будь я Владыкою Коровъ... Ибо никто—ни богъ, ни смертный,—не можетъ стѣснять твою щедрость, о Индра, разъ воля твоя—дарить» (VIII, 14, 2, 41).

Соперничество
нежду
Индрой и
Варуной.

9.—Что Индра принадлежитъ къ другой и болѣе поздней эпохѣ, нежели древнѣйшіе боги неба, Дьяусъ и Варуна, и что притомъ онъ созданъ на почвѣ

самой Индіи (вѣрнѣе даже — Пенджаба), это далеко не одно только основанное лишь на разнѣхъ побочныхъ обстоятельствахъ предположеніе. Въ самомъ Риг-Ведѣ достаточно доказательствъ, что буйный богъ бури и войны замѣстилъ въ значительной мѣрѣ двухъ великихъ Асуръ, и что совершилось это далеко не мирно, не безъ разлада и столкновений между послѣдователями старины и новизны, пока первые не были увлечены теченіемъ и духомъ времени. Если толкованіе отдѣльныхъ, разбросанныхъ строкъ еще оставляетъ мѣсто сомнѣніямъ, то слѣдующая цѣлая пѣснь уже никакъ не допускаетъ ихъ (IV, 42). Яснѣе, убѣдительнѣе ничего быть не можетъ. Составлена эта пѣснь въ разговорной формѣ. Каждый богъ говоритъ за себя, а жрецъ рѣшаетъ споръ ихъ. Вотъ эта часть пѣсни:

«(Вѣруна говоритъ): Я—царь; владычество—мое. Всѣ боги подвластны мнѣ, всемірному жизнедѣлю, и повинуются моимъ уставамъ; я правлю въ наивысшемъ святилищѣ.— Я—Царь Вѣруна; мои—всѣ эти первобытныя небесныя силы... Я, о Индра,—Вѣруна, и мнѣ принадлежать оба обширные, глубокіе, благодатные міра. Я, мудрый созидатель, сотворилъ всѣ существа; мною держатся Небо и Земля. По моему велѣнію воды прибываютъ и льются; я небеса утвердилъ на ихъ священныхъ устояхъ; я, святой Адитья, разостлалъ тройной міръ» (небо, землю и поднебесье).

«(Индра говоритъ): Ко мнѣ взываютъ люди, владѣльцы коней, въ тяжелой боевой нуждѣ. Я—тотъ могучій, который подстрекаетъ къ ратному дѣлу и вихремъ вздымаетъ пыль, въ своей всесокрушающей силѣ. Все это я совершилъ, и не можешь мощь всѣхъ боговъ сдержать меня, неодолимаго; когда я духомъ восприму отъ возліаній и моленій, тогда содрогаются оба безпредѣльные міра».

«*Жрецъ говоритъ*): Что ты все это совершилъ, про то всѣ живущіе знаютъ; и нынѣ ты возвѣстилъ о томъ Варунъ, о Властелинъ! Тебя, Индра, славятъ люди, какъ убійцу Вритры; и заточенныя воды ты же освободилъ».

Есть еще пѣснь (X, 124), гораздо позднѣйшаго времени, какъ видно изъ несравненно болѣе высокопарнаго тона и болѣе тонкой отдѣлки, въ которой излагается то же самое, только еще рѣшительнѣе. Пѣвецъ вызываетъ Агни изъ мрака, прося его руководить жертвоприношеніемъ. Божественный *хотаръ* на это заявляетъ, что неохотно покидаетъ стараго друга, чтобы идти къ чужимъ, но что онъ «давно наблюдалъ за гостемъ другого стана», странствовалъ по многимъ мѣстамъ, и въ заключеніе изъясняетъ согласіе въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ:

«Я нынѣ прощаюсь съ отцомъ, Асурой; *перехожу отъ того, кому жертвы люди не приносятъ, къ тому, кому ихъ приносятъ*.—Избирая Индру, я отрекаюсь отъ Отца, хотя много лѣтъ жилъ съ Нимъ въ дружбѣ. Агни, Варуна и Сома должны уступать; *власть отходитъ къ друтому; вижу—быть тому*».

Бурное дѣтство Индры.

10.—Именно въ такомъ богѣ, какъ Индра, нуждался народъ воинственный, беззащитный, неудержимо стремящійся впередъ; онъ къ такому народу подходилъ несравненно болѣе, нежели величавый Адитя, спокойный, невозмутимый, справедливый. Какимъ именно образомъ верховенство официально, такъ сказать, перешло къ нему—не видно нигдѣ. Есть множество стиховъ, даже пѣлыхъ гимновъ, полныхъ намековъ на рожденіе Индры, на его дѣтство, ранніе подвиги, и т. п. Но сказано это все въ такихъ темныхъ

выраженіяхъ, и то, о чемъ говорится, по большей части, такъ чуждо намъ, что изъ всѣхъ этихъ текстовъ нѣтъ возможности извлечь что-либо связанное или удовлетворительное. Небо и земля сотрясаются при его рожденіи, убоясь его гнѣва; мать его (кто она? неизвѣстно), какъ будто, умираетъ тотчасъ по его появленіи на свѣтъ; затѣмъ онъ, по преданіямъ схватываетъ отца своего за ногу и сбрасываетъ его «внизъ». Есть намеки на заговоры и козни, съ цѣлю убить его во снѣ или во время его странствій, и ему самому приписываютъ такіа слова:—«Гонимый голодомъ, я варилъ себѣ въ пищу собачьи внутренности; ни одинъ богъ не нашелся, который бы сжалился надо мною. Я видѣлъ жену мою, удрученную горемъ; тогда орелъ принесъ мнѣ сладкаго Сомы»^{*)}). Тщетнымъ было бы всякое стараніе составить нѣчто цѣльное изъ подобныхъ отрывковъ; тѣмъ болѣе, что есть немало стиховъ, даже въ томъ же самомъ гимнѣ, которые указываютъ на другія версіи тѣхъ же событій. Все, что можно съ достовѣрностью вывести изъ всего приведеннаго выше и другихъ мѣстъ, это то, что (говоря миѣическимъ языкомъ) Индра подвергался враждѣ и преслѣдованіямъ со стороны другихъ боговъ, т. е. что (говоря простымъ языкомъ) водворенію культа новаго бога противились приверженцы старшихъ боговъ.

11.—Не знаемъ мы и того, когда и какъ уладилась распря «между богами». Ясно одно, что настало время полного примиренія, такъ какъ есть

^{*)} Больше на эту тему будетъ сказано въ гл. VII.

множество гимновъ, обращенныхъ купно къ Индрѣ и Варунѣ; кончилось тѣмъ, что они мирно подѣлились міровымъ владычествомъ, и каждый остался доволенъ своей частью. Что можетъ быть яснѣе такого стиха: «Одинъ (Индра) съ наслажденіемъ избиваетъ враговъ, другой (Варуна) вѣчно блюдетъ свои уставы». Индру часто также призываютъ вмѣстѣ и съ другими «великими» богами, каковы: Агни, Сомы, Ваю, и пр. Агни и Сомы даже со временемъ соединились съ нимъ самыми тѣсными узами, такъ что, въ позднѣйшій періодъ расцвѣта брахманскаго богословія, эти трое: Дождь, Огонь и Вѣтеръ, составили нѣчто въ родѣ особой мистической троицы.

Принимая
име. Пард-
жанья,
грозовій
грозовикъ.

12.—Личность Индры, хотя и достаточно прозрачная, однако еще настолько сложна благодаря своей двойственности (богъ бури и богъ войны), что какъ бы предполагаетъ развитіе изъ болѣе простаго матерьяла, болѣе непосредственно натуралистическаго понятія. Едва ли ошибемся, если станемъ искать таковое въ простомъ олицетвореніи грозы, какимъ является Парджанья, бывшій въ началѣ ни болѣе ни менѣе какъ сама дождевая и грозовая Туча. Слово *парджанья* часто употребляется въ Риг-Ведѣ для обозначенія именно «тучи» *). Это положительно доказывается раз-

*) Слово это производятъ отъ того же корня, какъ и *пárvata*, «гора» и «облако, туча». Самый же богъ для насъ тѣмъ особенно интересенъ, что онъ остался верховнымъ божествомъ у всего славяно-литовскаго міра, который поклонялся ему еще долго по введеніи христіанства подъ незначительно измѣненными именами: *Пержунасъ*, *Перконсъ*, а у насъ, *Перунъ*.

ными текстами, въ особенности слѣдующимъ: «Даже посреди дня Маруты наводятъ мракъ посредствомъ водоноснаго *парджанья*». Что же, какъ не туча, можетъ навести мракъ среди бѣлаго дня, и притомъ называться «*водоноснымъ*»? А то, просятъ Агни «привести дожденосный *парджанья*», употребляется это слово и во множественномъ. Но все это—рѣдкіе пережитки. Богъ бури и грозы (въ Индіи почти неизвѣстны наши тихіе, спокойные дожди) почти всегда отдѣляется отъ тучи, которая является иногда его же колесницей или конями, а иногда мѣхами или бочкой, изъ которыхъ онъ льетъ воду на всѣ три міра; самъ онъ—«Сынъ Неба», «изрекающій сопровождаемое блескомъ, зычное, освѣжающее слово».

13.—Парджанья отличается одной особой чертой: онъ вмѣстѣ съ дождемъ льетъ на землю сѣмена, которыя входятъ въ растенія и тамъ превращаются въ зародыши. Онъ почти никогда не упоминается безъ намека на эту его важную должность, вслѣдствіе чего онъ прямо возводится въ охранители растительности вообще; напр.: «Парджанья, приносящій намъ пищу черезъ растенія». Это сильно напоминаетъ любопытное древне-иранское повѣріе, будто сѣмена всѣхъ растений приносятся на землю дождями *).

14.—Изо всего этого видно, что Парджанья, Индра и Парджанья—разные. пожалуй, уноситъ насъ и въ древнѣйшій, еще пра-арійскій періодъ; стало-быть, имѣетъ полное право на мѣсто среди «древнѣйшихъ боговъ Индіи».

*) См. «Ист. Миди» и пр. стр. 78.

Однако, несмотря на все, что говоритъ въ пользу этого положенія *), не имѣется *прямыхъ* доказательствъ; цѣпь послѣдовательности порвана, такъ какъ соответствующаго имени не найдено пока въ индо-иранской древности. Одно вѣрно: что Индра и Парджанья—двѣ отдѣльныя мифическія личности, которыхъ смѣшивать никакъ нельзя. Въ одномъ текстѣ прямо сказано: «*Великій Индра, силою равный Парджанья*». Крайне вѣроятно, что они были, такъ-сказать, параллельными богами, т. е. что два какія-нибудь племена поклонялись грозовому богу подъ этими двумя именами, причемъ могла быть нѣкоторая разница въ ихъ проявленіяхъ и что Индра какъ-нибудь сдѣлался богомъ наиболѣе воинственныхъ, предприимчивыхъ племенъ и такимъ образомъ рано вошелъ въ роль борца арійскаго завоевательнаго движенія и быстро затмилъ старшаго брата все возрастающею популярностью и славою.

Гимнъ
Парджанья.

15.—Въ числѣ пяти-шести пѣсенъ, посвященныхъ Парджанья, есть одна (V, 83), которую можно признать за одну изъ весьма немногихъ, выполнѣ образцовыхъ въ литературномъ отноше-

*) См. въ особенности двѣ подробныя статьи Бюлера въ «*Zusammenhänge der Londoner Philologischen Gesellschaft*» («*Transactions of the London Philological Society*»), за 1859 г., стр. 154 и слѣд. и въ «*Orient und Occident*», Бенфея, т. I, стр. 214 и сл. Съ другой стороны, одинъ изъ величайшихъ современныхъ изслѣдователей Ведъ, Лудвигъ, признаетъ въ этомъ богѣ олицетвореніе весенняго муссона. Въ послѣднемъ случаѣ, Параджня могъ бы быть продуктомъ почвы Индіи, но все же древнѣе, чѣмъ Индра.

ніи, по изяществу отдѣлки, тогда какъ въ большей части этихъ поэтическихъ опытовъ рядомъ съ прекрасной мыслью и красивымъ образомъ вдругъ встрѣчается какая-нибудь пошлость, нелѣпость, или неумѣлый оборотъ, которые портятъ все впечатлѣніе. Вотъ эта замѣчательная пѣснь:

«1. Воспоемъ могучаго сими пѣснями, будемъ славить Парджанью, съ хвалою поклонимся ему. Громко реветъ Быкъ; онъ даетъ знакамъ сѣмя и плодъ.—2. Онъ раскалываетъ деревья, избиваетъ злыхъ Ракшаса; всѣ живыя твари страшатся грознаго молніеносца. Безгрѣшный, и тотъ трепещетъ передъ нимъ, подателемъ дождя, ибо Парджанья, гремя, умерщвляетъ лиходѣевъ.—3. Подобно возникъ, погоняющему коней бичомъ, онъ пригоняетъ вѣстниковъ дождя. Издалека раздается ревъ льва, когда Парджанья наполняетъ тучу дождемъ.—4. Бушуютъ вѣтры, молнія разсѣкаетъ воздухъ, всходятъ изъ земли травы, небеса разливаются, освѣжаются всѣ твари, когда Парджанья осчастливить землю дождемъ.—5. Охраняй насъ крѣпко, Парджанья, ты, отъ котораго сотрясается земля, питаются копытныя стада, произрастаютъ всякаго рода злаки.—6. О, приходи къ намъ съ грозовой тучей, лей воды, Асура, отецъ нашъ.—7. Реви, греми, оплодотворяй, облетай насъ на твоей нагруженной водой колесницѣ. Сильнѣе натяни наклоненные напередъ, плотно укрѣпленные мѣхи съ водой; пусть сравняются горы и долины.—8. Подними бочку, лей! пусти воды, пусть стремительно побѣгутъ рѣками. Залей небо и землю, напои коровъ, не скупясь.—10. Теперь ты вдоволь полилъ дождь—довольно! Ты вызвалъ изъ земли злаки намъ на пищу, къ тебѣ вознеслась хвала отъ всякой твари».

Въ первой четверти прошлаго столѣтія Риг-Веда, даже по имени, не былъ извѣстенъ въ Европѣ, развѣ только нѣсколькимъ ученымъ специалистамъ въ Англіи и Германіи, и ужъ, конечно, никому въ Россіи. И, однако, есть у нашего Пушкина одно коротенькое стихотвореніе, «Туча», которое

могло бы прямо назваться гимномъ въ честь бога Парджанья. Помѣщаемъ его здѣсь для сравненія:

Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.
 Ты небо недавно кругомъ облегла,
 И молнія грозно тебя обвивала,
 И ты издавала таинственный громъ,
 И алчную землю поила дождемъ.
 Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освѣжилась, и буря промчалась,
 И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,
 Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Рудра.

16.—Еще нѣсколько словъ о товарищахъ и соратникахъ Индры, воинственныхъ Марутахъ, Бурныхъ Вѣтрахъ. Они—сыновья тучевой коровы, Пришни *), и Рудры, божества, занимающаго довольно второстепенное мѣсто въ Ведахъ, но несомнѣнно весьма древняго; въ позднѣйшемъ же брахманизмѣ Рудра, напротивъ, вознесся на самое высокое мѣсто. Новѣйшіе изслѣдователи почи-таютъ его за олицетвореніе бурнаго неба, въ противоположность ясному небу—Варунѣ. Лудвигъ полагаетъ, что наидревнѣйшій единый образъ Дьяуса—Неба во всѣхъ его видахъ,—раздвоился на образы Варуны и Рудры, яснаго и бурнаго неба, причемъ, вдобавокъ, послѣдній представлялъ

*) Пришни, «въ пятнахъ», или вѣрнѣе «въ крапинахъ», отъ корня *приш*, означающаго также «прыскать, сыпрыснуть». Тутъ, стало-быть, игра словъ, во вкусъ древнихъ мифовъ всѣхъ народовъ,—богатый источникъ загадокъ, присказокъ, сказокъ.

собой по преимуществу стихійную, а первый—духовную и нравственную сторону первоначального понятія*); этотъ процессъ раздвоенія произошелъ сравнительно поздно, тѣмъ не менѣе, все же онъ древнѣе Индры. Рудра, несомнѣнно,—громовержецъ; молнія—его смертоносная стрѣла, которою его упрасиваютъ не разить своего поклонника, ни дѣтей его, ни скотъ, но натягивать свой страшный лукъ, если нужно, противъ «кого-нибудь другого». Самое имя—*Рудра*,—значить «грозный»; онъ дѣйствительно грозный; и если ему всячески льстить, превознося его красоту, блескъ, цѣлебную силу, то больше изъ страха, въ видѣ задабриванія. Пусть онъ только щадить: большаго отъ него и не ждуть. Разница между этимъ божествомъ и Индрой—бросается въ глаза.

17.—Марутовъ тоже часто называютъ «Рудра-Маруты». Они появляются всегда всей дружиной; ихъ то двадцать семь, то шестьдесятъ шесть; а то ихъ считаютъ тысячами; это просто значить, что ихъ «очень много». На видъ они всѣ одинаковы; между ними не дѣлаютъ различія, ни относительно возраста, ни относительно наружности; они всегда дѣйствуютъ всѣ вмѣстѣ, между ними «полное единомысліе». Иногда они ѣдутъ въ золотыхъ развѣвающихся плащахъ, иногда въ «дождевомъ облаченіи», а въ одной пѣснѣ ихъ описываютъ «одѣтыми въ мягкорунную тучу», когда они «мошнымъ ударомъ разверзаютъ скалу». Колесницы ихъ везутъ «самозапрягающіяся» пѣгія кобылицы

*) «Риг-Веда», переводъ Лудвига, т. III, стр. 320.

или олени, рѣзвые, что птицы; они вооружены то молніями, то бочками и ведрами съ водою, которую они на всемъ бѣгу изливаютъ, громко распѣвая. Самый потъ ихъ—дождь; весело слушать шелканіе ихъ бичей (свистъ и визгъ вѣтра передъ бурей). Они—народъ буйный и шумный. Пѣсни прямо неистощимы на эту тему и нерѣдко поражаютъ поэтической красотой описаній: ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ врага способнаго устоять противъ Марутовъ; они потрясаютъ горы, рвутъ и треплютъ деревья, какъ дикіе слоны; земля передъ ними колеблется и дрожитъ отъ страха, «подобно престарѣлому царю». Само собой разумѣется, что у нихъ просятъ всѣхъ благъ, какія обыкновенно раздаетъ Индра, и ихъ не меньше, чѣмъ Индру, бранятъ, когда они медлятъ отвѣтомъ на просьбы. Напримѣръ:

«Будь вы смертны, о сыны Пришни, а вашъ поклонникъ безсмертенъ, вы не были бы оставлены безъ вниманія, какъ какое-нибудь насѣкомое (?) въ травѣ, и вы не шли бы по дорогѣ къ Ямѣ (не умирали бы); не подвергались бы безпрестанно опасностямъ и всякимъ напастьмъ».

Индра и
Маруты въ
ссорѣ.

18.—При всей великой и тѣсной дружбѣ между Индрой и Марутами, въ гимнахъ найдутся-таки слѣды ссоры, со взаимными укорами и самохвальствомъ. Извѣстно, что ссора между богами всегда означаетъ ссору между ихъ поклонниками, и можно полагать, что стихи, въ родѣ слѣдующихъ, указываютъ на какую-нибудь старинную распрю между жрецами Индры и жрецами Марутовъ, вѣроятно изъ-за правъ на большую власть и почетъ. Индра упрекаетъ Марутовъ въ томъ, что

они, будто бы, оставили его справляться одному со змѣемъ Ахи, прибавляя, впрочемъ, что онъ достаточно силенъ, чтобы одолѣть враговъ одной своей мощью. Маруты ему возражаютъ:

«Ты поистинѣ совершилъ великіе подвиги, о могучій, съ нашей помощью, нашей доблестью, равною твоей. Но мы, Маруты, о сильный Индра, въ состояніи совершать великія дѣла и нашей собственной мощью, когда мы того пожелаемъ».

«*Индра*.—Моею собственной, врожденной мощью, о Маруты, я умертвилъ Вритру. Собственный гнѣвъ мой далъ мнѣ къ тому силы. Никто какъ я молніей раскрылъ путь, по которому блестящія воды побѣжали на благо людямъ».

«*Маруты*.—Поистинѣ, о витязь, нѣтъ того, чего бы ты не могъ преодолѣть. Ты не имѣешь равнаго между богами»...

«*Индра*.—Если такъ, то мнѣ и подобаетъ верховная власть. За чтó я принялся, то я премудро довершаю. Ибо, о Маруты, меня знаютъ за Всесильнаго»...

Въ заключеніе, Индра объявляетъ, что съ удовольствіемъ принимаетъ ихъ хвалу и поклоненіе, и старая дружба восстанавливается, съ тѣмъ, однако, неперемѣннымъ условіемъ, что за Индрой признается превосходство. Итакъ, онъ и тутъ торжествуетъ, какъ и въ спорѣ съ Варуной.

19.—Мы на предыдущихъ страницахъ довольно подробно изучили тѣ мрачныя сцены поднебесной драмы, которыя на миѳическомъ языкѣ извѣстны подъ названіемъ Грозового Миѳа. Но въ томъ же поднебесѣ разыгрывается еще другая драма, впрочемъ, не столько въ поднебесѣ, сколько въ самомъ высшемъ небѣ. Тамъ главными дѣйствующими лицами являются не буйныя, воинственныя существа, а Силы красоты и свѣта: благотѣльное, животворящее Солнце и прелестнѣйшая изъ дочерей Неба—Заря. По-

Свѣтовой
миѳъ.

этому драма, въ которой эти двое играютъ первенствующую роль получила общее названіе Свѣтового Миѳа. Роли эти, — какъ и подобаетъ ролямъ настоящихъ первыхъ актеровъ, — раздѣляются на любовь и войну: любовь другъ къ другу (потому что, такъ или иначе, Солнце и Заря всегда состоятъ въ тѣсной связи), и войну противъ Силъ враждебныхъ имъ по самому существу своему — Тьмы во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, слѣдовательно и противъ нѣкоторыхъ враговъ Индры и Марутовъ: заслоняющихъ свѣтъ тучъ и слѣпыхъ тумановъ.

Утренняя
Заря и
Вечерняя
Заря.

20.—Свѣтовая драма отличается большимъ разнообразіемъ, нежели грозовая, по той причинѣ, что эти двѣ миѳическія личности представляютъ болѣе богатый поэтическій матерьялъ живому воображенію, которое, смотря по минутному настроенію или впечатлѣніямъ, ставитъ ихъ въ разныя отношенія другъ къ другу и къ другимъ, второстепеннымъ лицамъ, дополняющимъ дѣйствующій персоналъ. Такъ Заря, положимъ, по существу своему и врагъ Тьмы, разгонять которую составляетъ ея единственную обязанность; но, если взглянуть иначе, она — родная сестра Ночи, такъ какъ обѣ, очевидно, дочери Дьяуса (Неба), и обѣ работаютъ дружно, въ положенное каждой время, согласно вѣчнымъ уставамъ Риты и божественныхъ Адитья (см. стр. 154, 164). Затѣмъ у Утренней Зари есть еще сестра, болѣе пышная, но и старше, не столь радостная, а задумчивая, скорѣе даже грустная; это — Вечерняя Заря, обреченная на трагическій конецъ: ее по-

жираетъ чудище — Тьма, лохматый звѣрь, котораго младшая сестра утромъ побѣдила. Или, опять-таки: Заря, и Утренняя и Вечерняя,—одна: дѣва ослѣпительной красоты въ свѣтотканнхъ ризахъ, цвѣта шафрана и розы, выѣзжаетъ на золотой колесницѣ черезъ врата Восхода, а вслѣдъ за ней ѣдетъ любовникъ ея, юное Солнце, ласки котораго она застѣнчиво принимаетъ; но нѣжная, воздушная, она не выноситъ его болѣе и болѣе жаркихъ лобзаній, бѣжитъ отъ него на другой конецъ неба и исчезаетъ, теряется въ пространствѣ; онъ же не воленъ мѣшкать, чтобы ее отыскать, не воленъ свернуть съ пути, начертаннаго ему Ритой; онъ встрѣчаетъ на немъ враговъ, — разныхъ тучевыхъ бѣсовъ всѣхъ видовъ, ползучихъ туманныхъ змѣевъ и драконовъ, которыхъ онъ разгоняетъ или пронзаетъ своимъ золотымъ конемъ; встрѣчаетъ и другихъ красавицъ, особенно опасныхъ обольстительницъ, водяныхъ дѣвъ, Апсаръ, что плывутъ по небу на своихъ легкихъ ладьяхъ, бѣлыхъ облачкахъ; наконецъ, утомленный, обезсиленный, но все еще великолѣпный и божественный, склоняется ниже и ниже, иногда спокойный послѣ побѣды, иногда отбиваясь до конца отъ толпы мрачныхъ, напирających на него враговъ, которыхъ онъ поражаетъ послѣднимъ, могучимъ усиленіемъ умирающаго героя; и тутъ старому царю еще разъ, и въ послѣдній, является его первая возлюбленная, — уже не лучезарная, жизнерадостная, полная свѣтлой надежды Утренняя Заря, а все еще прекрасная въ пурпурѣ и золотѣ, но глубоко-

ко задумчивая, торжественно грустная Вечерняя Заря. На нѣсколько краткихъ мгновений, любящіе вновь соединены; на одинъ мигъ радость ихъ свиданія заливаєтъ закатъ роскошнымъ сіяніемъ, и, въ послѣднемъ объятіи, вѣчный врагъ—Тьма поглощаетъ ихъ: приговоръ неумолимаго Рока свершился надъ ними! Но завтра возстанетъ дитя ихъ—новое, юное Солнце, и для него начнется новый чередъ побѣдъ или злоключений,—если народная фантазія тѣшитъ себя продолженіемъ сегодняшней драмы. Но поэтическому складу древней Индіи не свойственъ такой оборотъ міога. Пѣвецъ предпочитаетъ возрожденіе одряхлѣвшаго Солнца, его исцѣленіе, избавленіе, и герой на утро воскресаетъ въ полной силѣ и красотѣ.

Куда за-
водитъ инди-
ческій об-
разъ рѣчи.

21.—Ясно, что все это еще только два-три изъ многихъ возможныхъ поэтическихъ толкованій одного и того же явленія природы, и что изъ каждаго такого толкованія должны выработаться образъ, драматическій эпизодъ, повѣсть. Какой неистощимый матерьялъ для любовныхъ идиллій, драмъ, трагедій! Каждая поэтическая фраза сама по себѣ есть прекрасный образъ, инносказательная картина; но если собрать ихъ нѣсколько вмѣстѣ и систематически пригнать другъ къ другу, получатся иногда престранныя и даже возмутительныя сочтанія, возмутительныя, если не имѣть ключа къ миѳической рѣчи, а принимать ее въ буквальномъ смыслѣ, какъ принимаемъ простое повѣствованіе. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: Солнце, какъ извѣстно, вѣ-

ковѣчный врагъ Тьмы. Между тѣмъ, оно на нашихъ глазахъ выплываетъ изъ ночного мрака, и потому весьма возможно назвать его, въ иносказательномъ смыслѣ, «Сыномъ Мрака»; изъ чего слѣдуетъ для него роковая необходимость убить своего родителя, — совершенно такъ, какъ Агни поставленъ въ необходимость, едва родившись, пожрать своихъ родителей (см. 174 стр.). Опять, мы не согрѣшимъ противъ поэтической истины, если назовемъ Солнце сыномъ или братомъ Зари — а тогда весьма легко можетъ случиться, что богъ будетъ преслѣдовать свою любовью родную мать или сестру, даже женится на ней и, въ концѣ концовъ, убьетъ ее. За такія дѣла и боговъ нельзя похвалить, и самый благочестивый поклонникъ ихъ можетъ, подобно поклоннику Агни, почтительно промолчать, считая себя не въ правѣ осуждать поступки великихъ боговъ (см. тамъ же). Если все это низвести къ намъ, на землю, при неизбѣжномъ превращеніи миѳовъ въ героическій эпосъ, — въ какія невозможныя осложненія запутаются поэты, какіе ужасы имъ придется рассказывать о самыхъ любимыхъ своихъ древнихъ герояхъ и основателяхъ царскихъ родовъ, безъ малѣйшаго сознанія и пониманія истиннаго смысла того, что они рассказываютъ! Къ счастью, въ Риг-Ведѣ мало систематичности или логичности, по крайней мѣрѣ, по части подбора и сопоставленія безчисленныхъ миѳовъ, которыми кишитъ этотъ сборникъ гимновъ. Поэтому, можно поочередно перебрать отдѣльные миѳы, не смущаясь никакими сомнѣніями и со-

ображеніями насчетъ ихъ нравственныхъ достоинствъ.

Сурья —
Солнце.

22.—Сурья — просто нарицательное имя, которое на санскритскомъ языкѣ означаетъ «солнце», и корень, въ немъ заключающійся, выражаетъ понятіе «блеска, сіянія». Въ Риг-Ведѣ Сурья есть не что иное, какъ настоящее, видимое свѣтило, «сотворенное» богами (или какимъ-нибудь однимъ богомъ), и послушное ихъ велѣніямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сурья и не только солнце, — оно также богъ, управляющій солнцемъ, могущественный, независимый, подвластный лишь уставамъ великихъ Адитя, которые сами покорны Ритѣ, верховному міровому и нравственному закону. Этимъ различіемъ, — которое невольно и безотчетно проводится въ изображеніи всѣхъ натуралистическихъ боговъ между ихъ физическимъ естествомъ и духовнымъ, — объясняется и разница въ тонѣ разныхъ гимновъ, даже въ разныхъ частяхъ одного и того же гимна, посвященнаго этому божеству. Въ нихъ много истинной поэзіи, и художественные образы и обороты ихъ совершенно понятны.

Гимны къ
Сурью.

23.—Есть одно свойство, которое приписывалось обоготворенному солнцу во всѣ вѣка и всѣми народами древности; это — всезрѣніе. Это единомушіе, когда дѣло идетъ о подателѣ свѣта и расточителѣ тьмы, такъ естественно, что о взаимномъ заимствованіи не можетъ быть рѣчи, и нѣтъ ничего удивительнаго въ поразительномъ сходствѣ между древне-халдейскими и древне-

арійскими гимнами къ солнцу *). Сурью, сына Неба (Дьяуса), мы уже знаемъ подъ названіемъ «Ока Митры и Варуны» **). На языкахъ Востока, «Очами царскими» зовутся соглядатаи царя, и весьма понятно, что, въ качествѣ такового, Сурья наблюдаетъ за всѣми дѣяніями людей и доноситъ о нихъ великимъ Адитьямъ, блюстителямъ и мстителямъ Закона и Правды. Что выраженіе это понималось именно въ такомъ смыслѣ, доказывается часто повторяемой мольбой Сурьѣ: «представить людей безгрѣшными въ своемъ отчетѣ Адитьямъ»; это забавно напоминаетъ дѣтскую просьбу, «не выдавать», не подводить подъ наказаніе или неудовольствіе старшихъ. Такъ одинъ пѣвецъ изъ рода Вазиншты говоритъ:

«Если ты, о Сурья, при восходѣ твоёмъ представишь насъ безгрѣшными Варунѣ и Митрѣ, мы будемъ пѣть пѣснь, угодную богамъ... О Варуна-Митра, Сурья восходитъ, собираясь обойти оба міра, обращая взоры свои долу на людей, охраняя и путниковъ и домохдвовъ: онъ зрѣть добро и зло среди людей. Онъ выпрягаетъ свои семь Харитъ ***)... и почтительно спѣшить къ вашему престолу, съ котораго вы двое обозрѣваете всѣ существа, какъ пастухъ свое стадо... Сурья выплываетъ изъ моря свѣта на путь, проложенный для него Адитьями»... (VII, 60).

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 407.

**) Въ одномъ мѣстѣ Сурья названъ и «Окомъ Агни».

***) Хариты («блестящія», «пламеннаго цвѣта») — кобылицы, числомъ семь, на которыхъ выѣзжаютъ Солнце и Заря, конечно, не что иное, какъ лучи, какъ прямо доказываетъ гимнъ I, 50 (см. дальше). Впрочемъ, то же названіе дается иногда конямъ и другихъ боговъ, какъ-то — Агни, Индры.

«... Онъ распускаетъ ткань черной ризы, лучи его отбрасываютъ мракъ, скатывая его, какъ шкуру, и опуская въ воду.

«Ни къ чему не прикрѣпленный, ни на чемъ не повиснуть, какимъ образомъ онъ не падаетъ съ такой выси? Чѣмъ путеводствуется? Кто это видѣлъ?» (IV, 13).

Еще восторженнѣе слѣдующій привѣтъ:

«Возсталъ сіяющій ликъ бога, Око Митры, Вѣруны и Агни; Сурья наполняетъ собою небо, землю и поднебесье, онъ вдыхаетъ жизнь во все, что стоитъ и движется... Прекрасныя золотыя Хариты, блестящія, привѣтствуемыя радостными пѣснями, поднимаются на высшее небо и въ одинъ день объѣзжаютъ небо и землю... И когда онъ выпрягаетъ кобылицъ, темный покровъ разстилается надъ мірозданіемъ» (I, 115).

Намъ знакомо Солнце въ видѣ коня и въ видѣ птицы. Эти два образа такъ и остаются символами божества, и даже имѣются два гимна (I, 163 и X, 177), которые, въ довольно темныхъ, мистическихъ выраженіяхъ славятъ его, называя «Птицей, украшенною Асурой» (Вѣруной), и «Конемъ, заржавшимъ едва родился, поднимаясь изъ воды» (туманной мглы), — «Конемъ съ соколиными крыльями и ногами газели». О Зарѣ говорится, что она «предшествуетъ Оку боговъ», «выводитъ бѣлаго красиваго коня». Сурья немного посвящено цѣлыхъ гимновъ, но изъ этихъ немногихъ слѣдующій (I, 50), прославился своей богатой образностью и необыкновенно оконченной литературной формой.

«1.—Богъ, которому вѣдомы всѣ существа, поднимается въ высь, дабы обозрѣвать все мірозданіе *). — 2. Многомъ,

*) Такъ переводить французъ, А. Бергзъ. У другихъ переводчиковъ мы находимъ: «дабы всѣ могли лицезрѣть Сурью». И то и другое уместно и хорошо.

словно вору, звѣзды со своимъ блескомъ прячутся отъ все-зрячаго бога. — 3. Лучи его видны всему роду людскому, полимемъ пылая. — 4. Видимый всѣмъ, ты на быстромъ бѣгу своимъ создаешь свѣтъ, озаряя все небесное пространство. — 5. Ты восходишь для рода боговъ и для рода людского, дабы всѣ могли лицезрѣть твой свѣтъ. — 6. Тѣмъ же взоромъ, какимъ Вáруна, озаритель, обозрѣваетъ хлопотливый родъ людской. — 7. Ты, о Сурья, обыскиваешь небо и широкое пространство, создавая день, выглядывая всѣ твари. — 8. Семь кобылицъ везутъ тебя на твоей колесницѣ, о дальнозоркій Сурья, огненнокудрый богъ. — 9. Сурья запрягъ семь Харитъ... — 10. Глядя изъ мрака вверхъ на высшій свѣтъ, мы настигли Сурью, бога межъ богами».

24.—Отношенія Сурьи къ Индрѣ довольно своеобразны. Суrowый воитель, повидимому, относится къ нему иногда дружелюбно, иногда враждебно. Правда, есть много мѣстъ,—въ гимнахъ къ Индрѣ, надо замѣтить,—гдѣ богъ-Солнце какъ бы ставится въ зависимость отъ Индры, *создавшего*, будто бы, его; но въ такомъ заявленіи слѣдуетъ признать лишь избытокъ усердія и желаніе поэта подслужиться прославляемому имъ богу,—пріемъ, давно подмѣченный и составляющій весьма характерную черту Риг-Веды. Когда же говорится, что Индра «уготовилъ Сурѣ путь», или что «Сурья, благодаря Индрѣ, засіялъ», то это не выходитъ изъ предѣловъ поэтической правды, потому что легко можно себѣ представить свѣтлаго бога настолько удрученнымъ въ борьбѣ съ тучевыми бѣсами — Ахи, Вритрой, и другими,—что ему не высвободиться безъ помощи сильной длани громовержца; въ простой прозѣ: гроза расчищаетъ небо и даетъ солнцу возможность сіять. Въ сущности, это тотъ же миөъ,

Индра и
Сурья.

который мы находимъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ сказано, что «боги взяли Сурью изъ моря (*самудра*), въ которомъ онъ скрывался» (X, 72). Не менѣе прозрачна просьба Индрѣ, чтобы онъ «скрылъ солнце», уподобляемое тутъ колесу, и направилъ свои огненные стрѣлы противъ Сушны или Шушны, бѣса Засухи. Изъ этого коротенькаго стиха видно, какимъ образомъ могло случиться то, что Индра иной разъ смотрѣлъ на Сурью враждебно, какъ на недруга челоуѣчества и природы вообще, котораго надлежало, во что бы то ни стало, устранить, хотя бы только на время. Вѣдь въ борьбѣ противъ злѣйшаго изъ всѣхъ бѣсовъ, огненное колесо солнца едва ли можно считать желательнымъ союзникомъ. Итакъ, не удивительно, если, въ заключеніе, Индру хвалятъ за то, что онъ, съ помощью Сомы, отломилъ колесо у колесницы Сурьи и скатилъ его съ горы, къ досадѣ «великаго чародѣя».

Индра и
Ушасъ *).

25.—На томъ же основаніи понятно будетъ и то, что къ самой Зарѣ,—красавицѣ, милостивой Ушасъ,—Индра могъ при случаѣ отнестись съ крайней строгостью. Въ засуху провозвѣстница еще новаго безоблачнаго дня, предшественница палящаго солнца, должна явиться злой чародѣйкой, врагомъ боговъ и людей, заслуживающей казни отъ руки Громовержца, когда онъ, до опьяненія напившись Сомой, со своей дружи-

*) «Ушасъ» отъ корня, значеніе котораго—«горѣть, пылать».

ной, Марутами, беретъ приступомъ мѣдныя врата неба и выпускаетъ запертыхъ за ними желанныхъ коровъ. Индра въ такихъ случаяхъ не болѣе церемонится съ Зарею, чѣмъ съ Сурьей, хотя въ другое время онъ готовъ помогать ей, «прокладывать ей путь», «засвѣтить ее». Это все тотъ же миоъ, и, къ счастью, онъ сохранился въ весьма полномъ, совершенномъ видѣ. Великій бѣсо-избиватель, повидимому, не отличается избрѣтательностью, и единственная расправа, которая приходитъ ему на умъ, это разбить противнику колесницу, когда онъ разгнѣвается не на шутку:

«И еще великое дѣло, богатырскій подвигъ совершилъ ты, о Индра, сразивъ жену злокозненную, Дочь Неба (Дьяуса). Ушась эту самую, возгордившуюся, ты сразилъ. Ушась въ испугъ упала съ разбитой колесницы, когда могучій ударилъ ее о землю. Тутъ колесница осталась лежать, разбитая вдребезги, сама же Ушась бѣжала» (IV, 30).

Эта грубая выходка разсказывается въ гимнѣ, исчисляющемъ самые блестящіе подвиги бога. Она, очевидно, считается достойной величайшей хвалы и благодарности, потому что упоминается въ разныхъ книгахъ. Въ одномъ мѣстѣ выходитъ, что красавица приняла къ сердцу урокъ и уже сама бѣжитъ отъ грубіяна: бросаетъ колесницу, убоявшись его стрѣлъ, а въ другомъ мѣстѣ сказано, что Индра разбилъ какихъ-то враговъ такъ же, какъ разбилъ колесницу богини.

26.—Что всего болѣе поражаетъ въ этомъ ^{Ушась—Заря.} миоѣ, это ликующій и оскорбительный тонъ, которымъ поэты прославляютъ поражение той, которая всегда, за этимъ однимъ, единствен-

нымъ исключеніемъ, является ихъ любимицей, желанной, ненаглядной. Ей одной посвящено не менѣе двадцати гимновъ, и она, кромѣ того, упоминается во многихъ другихъ; и вездѣ-то поэты изошряются пріискать для нея самые красивые, блестящіе образы, самые восторженные, ласкательные эпитеты. Заря уподобляется красавицѣ-дѣвѣ или женѣ, являющейся во всей прелести собственной красоты и богатыхъ нарядовъ: эти описанія сильно напоминаютъ описанія восточныхъ гаремовъ или *зенанъ* индусскихъ *раджей* (князей и вельможъ) и часто отличаются такимъ реализмомъ, который западному читателю не можетъ прійтись по вкусу. О такихъ описаніяхъ, разбросанныхъ во всемъ сборникѣ, достаточное понятіе даютъ слѣдующія строки, переданныя вѣрно, но въ значительно смягченномъ видѣ, почтеннымъ Дж. Мьюромъ:

«Словно юная красавица, которую наряжаетъ мать,—или богато убранная танцовщица,—или пестро разодѣтая жена, являющаяся передъ супругомъ,—или женщина, во всемъ блескѣ красы своей выступающая изъ купальни, улыбающаяся и увѣренная въ непреодолимой силѣ своихъ прелестей, она обнажаетъ грудь передъ взорами людей».

Нѣсколько характерныхъ стиховъ, взятыхъ наудачу изъ разныхъ гимновъ, будутъ интереснѣе и поучительнѣе всякихъ описаній, независимыхъ отъ текста:

«Показалась сіяющая Ушась; она растворила врата (неба) и будитъ всякую живую тварь,—она раскрываетъ передъ нами сокровища (*золотыя сокровища сѣта, скрытыя было въ ночною мракъ*)... (I, 113, 4)... Она спѣшитъ, поднимая съ ложа твари, что ходить на ногахъ, и побуждая птицъ къ полету (I, 48, 5).—Птицы слетаютъ съ гнѣздъ, а люди выходятъ

изъ домовъ промыслять себѣ пищу (I, 124, 12).—Поднимая одного на вершеніе царскаго дѣла, другого для погони за славой, третьяго для добыванія богатства, а еще другого для служенія, Ушась будить всѣхъ тварей, чтобы всѣ шли разными жизненными путями (I, 113, 5—6). — По тво-
 ему велѣнію Агни возжигается (*для утренняго жертво-
 приношенія*)... и людей ты разбудила, чтобы шли жертво-
 вать, и такъ ты сослужила хорошую службу богамъ (I
 113, 9). — Она коней запрягла на дальнемъ мѣстѣ восхода
 Сурьи; все, одаренное движеніемъ, склоняется передъ ея
 взоромъ; дѣятельная богиня создаетъ свѣтъ; своимъ появле-
 ніемъ великолѣпная Дочь Неба отгоняетъ прочь нашихъ
 ненавистниковъ; Ушась дала отпоръ нашимъ врагамъ... Въ
 тебѣ, когда ты появляешься, жизнь всѣхъ тварей... (I,
 48, 7—10).

«Расточительница враговъ»,—не только Силъ
 Тьмы, но и воровъ и всякихъ лиходѣевъ, укры-
 ваемыхъ ночнымъ мракомъ, злыхъ сновидѣній,
 призраковъ, вредоносныхъ чаръ и вообще всего
 гнуснаго исчадія Тьмы,—Заря-Ушась естественно
 уподобляется вооруженному воину, но объ этомъ
 упоминается довольно рѣдко. Пѣвцы почти исклю-
 чительно распространяются о прелестяхъ и тро-
 гательныхъ чертахъ своей любимицы. И въ са-
 момъ дѣлѣ, какъ много трогательнаго и даже
 трагическаго въ представленіи о существѣ, пре-
 красномъ, милостивомъ, безсмертномъ и вѣчно
 юномъ, хотя и древнемъ, какъ само Время, кото-
 рое невозмутимо и неумолимо, повинуюсь высшему
 закону (Ушась «рождена въ Ритѣ», «блюститель-
 ница Риты»), поддержиываетъ и сокращаетъ жизнь.
 Каждый новый день есть, съ одной стороны, по-
 дарокъ Зари-Ушась людямъ, съ другой — дань,
 взимаемая ею отъ нихъ изъ всей суммы уже

прожитых дней. Еще трогательнѣе становится образъ прекрасной подательницы пищи и радости, жизни и смерти, если представить себѣ каждый день, имѣющимъ свою особую Зарю, если она сама смертна, созданіе быстропреходящее, среди многихъ такихъ же недолговѣчныхъ, какъ и она. Въ гимнахъ почти одновременно называютъ Ушасъ единой, вѣчно возрождающейся и скоропреходящей единицей въ безконечномъ количествѣ своихъ сестеръ:

«...Какъ зывали къ тебѣ пѣвцы издревле... награди и наше хваленіе, о Ушасъ, дарами и блескомъ свѣта! (I, 48, 14).

«Храня уставы боговъ, но изводя жизнь людей, Ушасъ возсіяла послѣдняя изъ многихъ прошедшихъ, первая изъ многихъ грядущихъ (I, 124, 2).

«Свѣти намъ лучшими своими лучами, о божественная Ушасъ; подай намъ долгую жизнь (VII, 77, 5).

«Вновь и вновь рождаясь, хотя и древняя, блистая вѣчно одинаковыми красками, она изводитъ жизнь смертныхъ, какъ умѣлый игрокъ уничтожаетъ ставки (I, 92, 10).

«Ушасъ слѣдуетъ по стопамъ зарей прошедшихъ и первая изъ несчетныхъ зарей грядущихъ... Какъ далеко отъ зарей, уже взошедшихъ, до зарей, еще имѣющихъ взойти? Ушасъ тоскуетъ по бывшимъ зарямъ и радостно идетъ навстрѣчу грядущимъ. Тѣхъ смертныхъ уже нѣтъ, которые видѣли первую зарю; мы глядимъ на зарю нынѣ; а тѣ люди еще не родились, которые будутъ глядѣть на нее въ грядущія утра... Въ былые дни божественная Ушасъ неустанно сіяла; а вотъ сегодня лучезарная богиня свѣтитъ міру, нелѣнная, безсмертная» (I, 113, 8—13).

Гимнъ, изъ котораго взяты послѣднія выдержки, самый длинный и самый равномерно выдержанный изъ всѣхъ, посвященныхъ желанной «богинѣ всѣхъ людей»; онъ кончается великолѣпными строфами, признанными за верхъ достигнутаго въ Риг-Ведѣ лирическаго совершенства.

«Восприняте! Жизнь наша, радость наша вернулась! Разсѣянь мракъ, близится день! Ушась открыла путь для Сурья; она принесла намъ долгоденствіе. Жрецъ, пѣвецъ, прославляя все ярче сіяющую Ушась, возстаетъ отъ сна и навиваетъ основу своей пѣсни. Сіяй же, великолѣпная Ушась, изливай свѣтъ свой на славящаго тебя... Матерь боговъ! откровеніе Адити! *) о знамя жертвоприношенія! могучая Ушась, иди, сіяй! Возстань! Внемли благосклонно нашей молебъ, пода-тельница всѣхъ благъ!» (I, 113, 16—20).

Мы воочію видимъ воздѣтныя руки, молитвенно поднятыя къ небу взоры среди великолѣпія пробуждающейся райской природы, и душа проситъ еще только одного: музыки, созвучія! Воззваніе къ Солнцу и природѣ проснувшейся Бринхильды у Вагнера можетъ, пожалуй, достойно сравниться по величію, простотѣ и переполняющему душу обожанію, которыми дышитъ гимнъ, съ этой древнѣйшей изъ одъ **).

27.—Есть въ этомъ же гимнѣ нѣсколько сти- Дѣй Сестры.
ховъ, наглядно и прекрасно описывающихъ отношенія Зари къ своей сестрѣ; сестра же эта, конечно—Ночь:

«Прибыла Свѣтлая, румяная, со своимъ свѣтлымъ Тельцомъ ***» (*Солнце*); ей Темная уступила свои обители; родныя другъ другу, безсмертныя обѣ, чередуясь, Ночь и Заря мѣняють цвѣтъ. Одинъ у обѣихъ сестеръ нескончаемый путь, по которому онѣ шествуютъ по велѣнію боговъ. Онѣ не спѣшатъ и не отдыхаютъ никогда, величественныя, Ночь и Заря, единомысленныя, хотя и разнородныя» (I, 113, 2—3).

*) См. стр. 166—167.

**) Сравненіе вовсе не преувеличенное, потому что Зигфридъ и Бринхильда, полубожественные любовники германскаго мифическаго героическаго эпоса, первоначально—тѣ же Солнце и Заря.

***) Это странное названіе будетъ объяснено дальше.

Кое-гдѣ говорится, что Свѣтлая родилась отъ Темной (Заря—дочь Ночи); но чаще всего онѣ являются родными сестрами, прекрасными Дочерьми Неба (Дьяуса); равно благодѣтельные, равно желанныя, но вѣчно чередуясь, онѣ одинаково приносятъ бодрость и свѣжесть всему живущему: «какъ сегодня, такъ и завтра исполняя неизблемые уставы Варуны», никогда не нарушая ихъ; никогда не забывая въ положенное время являться на положенномъ мѣстѣ. Ночь тутъ, очевидно, не представляется воображенію злымъ врагомъ людей, пожирающимъ Звѣремъ, Темной Рѣкой или Моремъ, а напротивъ,—тихимъ другомъ, обновительницей силъ, приносящей отдыхъ и прохладу. Обѣ сестры—большія охотницы ткать. Онѣ безпрестанно ткутъ ризы и покрывала, золотыя, свѣтлыя, черныя, каждая по своей части; но одна распускаетъ работу другой. Ушасъ, сіяющая, показывается на краю неба, сбросивъ темное покрывало, на своей прекрасной колесницѣ съ самозапряженными рыжими конями (I, 113, 14). Сурья свертываетъ это покрывало, какъ шкуру (VII, 63, 1), или распускаетъ его и прячетъ (IV, 13, 4). Но и тутъ сестры работаютъ дружно: «вмѣстѣ ткутъ онѣ широко раскинутую завѣсу» (II, 4, 6). Связь между ними самая тѣсная, хотя одна уходитъ, какъ только приходитъ другая, (Ушасъ «далеко отгоняетъ сестру»), и такъ согласо работаютъ онѣ, что пѣвецъ, наконецъ, изумленно вопрошаетъ: «Которая изъ нихъ старшая, которая младшая? Кому то вѣдомо, о мудрецы? Онѣ уносятъ съ собой все суще-

ствующее, вращаясь какъ на одномъ колесѣ» (I, 185, 1).

28.—Отношенія Ушасъ къ Солнцу такъ же Ушасъ и Сурья. естественны, но болѣе разнообразны. Она «сіяетъ свѣтомъ своего любовника», Сурьи, который «гонится за нею, какъ любовникъ за дѣвой». Но она бѣжитъ отъ него, и ему никогда не изловить ея; и худо бы было ей, если бы это ему удалось, потому что никогда такому нѣжному существу не вынести бы полного его зноя. Одинъ пѣвецъ даже совѣтуетъ ей,—не особенно вѣжливо,—убираться поскорѣе, а то какъ бы Сурья не обжегъ ее, какъ врага или вора (V, 79, 9). Иногда же она является женой Сурьи (хотя онъ ей приходится и братомъ, такъ какъ оба они—дѣти Дьяуса), а иногда и матерью. Таковою она представляется въ той любовной строфѣ, гдѣ она является со своимъ свѣтымъ Тельцомъ. Потому что, въ роли матери, Ушасъ, прелестная, великолѣпная Ушасъ, оказывается—Коровой!

29.—Любопытна эта небесная зоологія въ Ведахъ, и сбивчива, если не имѣть терпѣнія изучить Ушасъ Мать Коровъ. ея основныя черты и символическую подкладку; а тогда она совершенно понятна. Явленій въ природѣ много, общеизвѣстныхъ животныхъ мало, такъ что на долю каждаго выпадаетъ разнаго рода дѣятельность. Они, въ своемъ родѣ, то же, что *омонимы* въ рѣчи. Такъ Конь, общепризнанный символъ Солнца, изрѣдка изображаетъ и Небо; такъ въ одномъ гимнѣ говорится, что Питри убрали Чернаго Коня жемчугомъ (безлунное, звѣздное небо). Змѣи не всегда изображаютъ тучи засухи; есть и Змѣи

Тьмы. Не всегда и Коровы представляют дождевые тучи; есть свѣтлыя коровы и черныя коровы. Можно и такъ смотрѣть на Ночь, что она представляетъ темную пещеру или хлѣвъ, въ который заперты свѣтлыя коровы; Ушасъ растворяетъ двери, и коровы радостно выбѣгаютъ и «разсыпаются, какъ стадо»; это, конечно, свѣтлые лучи, которые Заря разсылаетъ во всѣ стороны, и Ушасъ мигомъ является въ роли пастушки! Воображеніе поэтовъ Риг-Веды на этомъ еще не останавливается. Изъ «предводительницы коровъ» она превращается въ «матерь коровъ», стало-быть уже сама—корова, и вотъ, сынъ ея, Солнце—золотой или свѣтлый Телецъ! Но и въ этомъ видѣ связь ея съ сестрой, Ночью, еще не порвана; онѣ—«двѣ коровы, дающія молоко разнаго цвѣта, хотя вымя у обѣихъ одинаковое». Этимъ вполне объясняется непонятное иначе мѣсто, гдѣ говорится, что Индра вложилъ темное молоко въ черныхъ коровъ и свѣтлое въ рыжихъ.

Ушасъ, по-
дательница
богатства.

30.—Не слѣдуетъ забывать еще одну черту прекрасной Ушасъ—не послѣднюю въ глазахъ ея далеко не безкорыстныхъ почитателей, а именно—ея великое богатство. Не только она появленіемъ своимъ раскрываетъ сокровища золотого свѣта, въ видѣ свѣтлыхъ коровъ, спрятанныхъ сестрою ея, Ночью: она, хотя и косвенно, раздаетъ гораздо болѣе существенныя богатства. Идя отъ дома къ дому, поднимая спящихъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, на дневную работу, она поощряетъ къ честному труду, который награждается заработкомъ, болѣе или менѣе бога-

тымъ *). Но это—путь къ богатству слишкомъ обремененный и медленный для жадныхъ жрецовъ, вѣчно вопіющихъ къ богамъ, отъ имени молящихся, о богатствахъ неисчислимыхъ,—о стадахъ, табунахъ, добычѣ отъ враговъ, женахъ (въ сущности рабыняхъ), о сыновьяхъ, «сильныхъ, дюжихъ и многочисленныхъ», а отъ собственного имени—о «великихъ подающихъ», о «щедрости», т. е. наивысшей платѣ за ихъ услуги отъ царей, князей и, вообще, богатыхъ вельможъ. Эти крупныя подачки боги берегутъ для благочестивыхъ жертвователей, усердныхъ уготовителей Сомы, исполнителей всѣхъ обрядовъ, неутомимо распѣвающихъ гимны. Но, для того, чтобы имѣть желаемое дѣйствіе, все это—пѣніе, обряды, жертвоприношенія,—должны совершаться въ положенное время, всего лучше въ утреннее, именно въ первый часъ по восхожденіи солнца. Поэтому Ушасъ, которая «печется о возжиганіи Агни» на домашнемъ алтарѣ, появленіемъ своимъ указываетъ время для радостнаго пѣснопѣнія, и, вмѣстѣ съ вѣстникомъ боговъ Агни, зоветъ и ихъ и приводитъ къ жертвоприношенію, даетъ людямъ возможность заслужить все, чего жаждетъ душа ихъ, и тѣмъ самымъ она можетъ назваться подательницей богатствъ. Такимъ образомъ вполне понятно, что къ ней обращаются съ воззваніями, въ родѣ слѣдующаго, которому много подобныхъ найдется во всемъ Риг-Ведѣ:

«Неси намъ благоденствіе, о Ушасъ, Дочь Неба, и славу

*) «Morgenstunde hat Gold im Munde», т. е. утро богато; кто рано встаетъ, тотъ трудолюбивъ и потому разбогатеетъ; эта извѣстная нѣмецкая поговорка развиваетъ ту же мысль.

великую, о свѣтозарная, милостивая богиня, богатства! — Много разъ онѣ (*прежнія зарі*), являлись, сіяющія, со всевозможными дарами,—конями, скотомъ. Удѣли же и мнѣ богатства, о Ушасъ, склоняй князей на подаянія... Тѣхъ князей, которые, при появленіи твоемъ, о Ушасъ, мысленно склоняются къ щедрости, Канва, старшій въ родѣ *), симъ прославляетъ (I, 48, 1—4).

«Да выпроситъ уготовитель Сомы такіа Зарі, какія восходятъ для щедраго смертнаго, богато надѣляя его коровами, сыновьями, все здоровыми, дюжими, и конями»... (I, 113, 18).

Вѣчно одно и то же: попрошайничество; торгъ между молящимся и божествомъ. «Щедрому смертному», не жалѣющему ни Сомы, ни огня, ни гимновъ, ни жертвенныхъ лепешекъ, ни подаяній жрецамъ, боги *обязаны* воздать сторицей. Надо замѣтить, что, при всемъ разнообразіи миѣческаго (т. е. поэтического), словаря у арійцевъ періода Ведъ, попрошайничество ихъ замѣчательно однообразно. У каждаго божества они просятъ неизмѣнно одного и того же, только какъ можно большее количествомъ, и неизмѣнно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Ашвинам.

31.—Много у Неба дѣтей. Заклучимъ обзоръ этой блестящей семьи знаменитыми близнецами,—Ашвинами, т. е. «Всадниками», братьями Солнца и Зарі. Они почти такъ же любимы, какъ и сама Заря. Имъ особо посвящено много гимновъ; упоминаются же они или призываются еще во множествѣ другихъ, обращенныхъ къ разнымъ богамъ. Едва ли даже самъ Индра является ге-

*) Этотъ гимнъ находится въ сборникѣ, приписываемомъ роду Канва.

роемъ столькихъ приключеній и разсказовъ въ видѣ миеовъ. Счета нѣтъ всему, чего у нихъ просили, что о нихъ разсказывали, такъ что, когда Риг-Веда утратилъ жизненное значеніе, связь съ дѣйствительностью и сдѣлался добычей толкователей, комментаторовъ, послѣдніе терялись, не зная, какъ опредѣлить ихъ первоначальное существо, т. е. ту именно силу или явленіе природы, которыя они изображали. Они вѣдь не только «всадники» (вѣрнѣе «потомки Коня», потому что сами они верхомъ никогда не ѣздятъ, а въ колесницѣ, такъ же, какъ и прочіе боги); они, кромѣ того, лѣкари боговъ и людей, чудотворцы, спасители въ буряхъ, сваты на свадьбахъ, покровители любви и брачной жизни. Все это сбивчиво. Не менѣе сбивчивы и отвѣты разныхъ комментаторовъ на вопросъ—кто такіе, или вѣрнѣе, что такое Ашвины? Кое-какія полезныя указанія, впрочемъ, нашлись у нихъ; но лучшимъ, наиболѣе надежнымъ руководителемъ, по обыкновенію, оказалось тщательное, подробное изученіе самихъ текстовъ Риг-Веды, и вопросъ въ настоящее время можно уже считать разрѣшеннымъ.

32.—Связь Ашвиновъ съ Конемъ (*ашва*) указываетъ на несомнѣнно небесное и свѣтовое естество, и это подтверждается множествомъ эпитетовъ, имъ присвоенныхъ. Подобно сестрѣ своей, Ушасѣ, они прекрасны, милостивы, быстры, безсмертны, вѣчно юны, несмотря на свою древность. Послѣдняя черта одна уже указывала бы на правильно повторяющееся явленіе утренней поры. Затѣмъ, они всѣхъ раньше поднима- Кто они!

ются и первыми являются къ утреннему жертвоприношенію, *раньше* Зари, которая, какъ совершенно ясно сказано, является *послѣ* нихъ. Чтобы не опоздать своей хвалебной пѣснью, надо встать *до* зари; ихъ приглашаютъ пріѣхать на колесницѣ, «*запряженной сумерками*», такъ какъ жертва приносится «на самомъ разсвѣтѣ». Они являются еще того ранѣе: колесница ихъ называется «въ концѣ ночи»; ихъ призываютъ «въ послѣднюю ночную вахту», а также «на разсвѣтѣ»—два момента, очень другъ другу близкіе, но все же съ разницей: въ первый еще темно, а въ послѣдній еще не совсѣмъ свѣтло. Они—«расточители мрака» и «избавители Ракшасовъ» (бѣсовъ), подобно всѣмъ свѣтовымъ существамъ. Они «разверзаютъ двери плотно запертыхъ стойлъ, наполненныхъ коровами» (коровы, тутъ — Зари, или лучи Зари). Все это говорится и повторяется многократно *), не оставляя никакого сомнѣнія на счетъ мѣста, первоначально занимаемаго Ашвинами въ строѣ явленій природы: они изображаютъ сумеречный часъ, предшествующій зарѣ, когда свѣтаетъ, но еще не свѣтло; эта черта очень тонко выражается тѣмъ, что колесница ихъ запряжена парой *сырыхъ осликовъ*, т. е. животными, которыя не совсѣмъ похожи на лошадь и цвѣта неопредѣленнаго. Впрочемъ въ Риг-Ведѣ нѣтъ ничего установленнаго неизмѣнно: Ашвиновъ нерѣдко берутъ и кони. Одному поэту

*) Большую коллекцію убѣдительныхъ текстовъ собрали Миріантеусъ въ своей прекрасной монографіи «*Ашвины*» (*Myriantheus, «Die Aqwins»*).

приходить на мысль какая-нибудь тонкая, характерная черта; другой принимает ее, или бросает, какъ случится, какъ вздумается, а то и самъ бросаетъ свою же фантазію; и въ объясненіяхъ миөовъ все—дѣло настроенія, а не дѣланнаго вымысла.

33.—Рѣшительнѣе всѣхъ текстовъ за тождество Ашвиновъ съ утренними сумерками говорить загадка, составленная въ чистѣйшемъ духѣ Риг-Веды:—«Когда темная корова (*Ночь*) сидитъ между рыжими коровами (лучами *Зари*), тогда я взываю къ вамъ, о Ашвины, Сыны Неба (*Дьяуса*)», — т. е. когда ночь не совсѣмъ еще ушла, а утро только-что брезжитъ. Весьма возможно, что именно этотъ текстъ окончательно разрѣшилъ сомнѣнія великаго комментатора Яски, когда онъ въ своемъ критическомъ словарѣ боговъ Риг-Веды (подъ заглавіемъ Нирукта), приведа сначала мнѣнія другихъ извѣстныхъ ученыхъ, въ слѣдующихъ словахъ изложилъ собственное свое мнѣніе:

Время появления Ашвиновъ и склоненія ихъ.

«Время ихъ — послѣ (*послѣдней*) половины ночи, когда зарождающемуся свѣту еще противится (*мла*); ибо средній Ашвинъ (*тотъ, что между мракомъ и свѣтомъ*) причастенъ къ мраку, тогда какъ (*другой*), сродни солнцу, адить, — причастенъ къ свѣту».

Этимъ же объясняется, почему Ашвиновъ двое, — близнецы. Сумракъ, по существу своему явленіе сложное, двойственное: начинается во мракѣ, теряется въ свѣтѣ. Поэтому между братьями есть разнища. Яска далѣе говоритъ, что «одинъ» (конечно, старшій) все пропитываетъ влагой, дру-

гой—свѣтомъ». Затѣмъ: одинъ—«витязь и завоеватель» (тотъ, который первый начинаетъ борьбу противъ мрака); другой же—«счастливый, богатый Сынъ Неба» (является тогда, когда побѣда одержана и несетъ людямъ добрую вѣсть, раскрывая передъ ними сокровища вновь засіявшаго свѣта). Между тѣмъ, оба момента такъ близко сходятся, что близнецы считаются неразлучными, и уподобляются всевозможнымъ *парнымъ* предметамъ: двумъ глазамъ, ушамъ, грудямъ, птичьей четѣ, парѣ колесъ, и пр., и пр. Со временемъ все болѣе вкрадывается симметричность, потому въ ритуалѣ постановляется: Ашвиновъ чествовать дважды: утромъ и вечеромъ, такъ что они уже олицетворяютъ сумерки до восхода и послѣ заката, хотя противъ этого формально говоритъ слѣдующій текстъ (V, 77, 2): «Призывайте Ашвиновъ утромъ; вечерняя пора не пристала къ богамъ, они ее не любятъ». (Понятно: на то они *дэвы*, т. е. «блестящіе, свѣтлые»). Изъ этого ясно видно, какимъ образомъ случилось, что одному близнецу дали утреннія сумерки, а другому — вечернія; ихъ даже неоднократно принимали за День и Ночь, т. е. противъ самой сути мѣся, по которому они неизмѣнно появляются *неразлучно вмѣстѣ*, а не порознь, не *поочередно*. Кончилось тѣмъ, что ритуализмъ, окончательно восторжествовавъ, ввелъ Ашвиновъ еще въ полуденную молитву, что уже совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразно. Эта путаница даетъ намъ возможность заглянуть въ наложеніе разныхъ эпохъ въ Риг-Ведъ и уразумѣть, какимъ образомъ

затираются, какъ и въ Авестѣ, первоначальныя понятія.

34.—Разъ намъ удалось установить стихійное ^{Ашвины-чудо-творцы.} значеніе радостныхъ близнецовъ, у насъ въ рукахъ очутился и ключъ къ разнымъ ихъ свойствамъ и дѣяніямъ, всегда милостивымъ и благотворнымъ, въ чемъ они сильно разнятся отъ большинства прочихъ боговъ. Они неизмѣнно добры, милосерды, готовы помочь. Они — цѣлители, излѣчиваютъ больныхъ, возвращаютъ зрѣніе слѣпымъ, движеніе разслабленнымъ и калѣкамъ. Но всѣ ихъ пациенты сводятся къ одному: это — старецъ Солнце, къ концу пути своего изнемогающій, смертельно усталый, когда врагъ, столько разъ имъ побѣжденный, злой Мракъ, наконецъ, одолеваетъ его, лишаетъ зрѣнія, послѣднихъ силъ; Ашвины же — утренній Разсвѣтъ, — приносятъ ему обновленіе, исцѣленіе, возвращаютъ ему молодость и богатырскую силу. Или же, пациентъ ихъ — престарѣлая Заря, вечерняя, прошедшая тѣ же опасности, одержимая тѣми же немощами, пока не являются ея вѣчно юные братья и тоже исцѣляютъ ее, возвращаютъ ей прежнюю красоту и бодрость. Сваты они на свадьбахъ, покровители любви и брака, потому что они приводятъ Зарю-невесту къ Солнцу-жениху, или же снова соединяютъ разлученныхъ любовниковъ. Однажды Ушасъ, будто бы, взошла на колесницу Ашвиновъ (ужъ не въ то ли достопамятное утро, когда Индра такъ нелюбезно разбилъ вдребезги ея собственный экипажъ?) и «избрала ихъ своими супругами». — Спасаютъ

они отъ бурь на морѣ, потому что ночь, это—мрачная водная пучина, преисполненная всякихъ чудовищъ и опасностей, въ которую Солнце роковымъ образомъ погружается, и въ которой оно погибло бы, если бы не подоспѣли на выручку свѣтлые вѣстники Небесныхъ Силъ и не взяли бы его на свой быстрый корабль, чтобы вынести его на другой, свѣтлый берегъ, откуда оно поднимается опять въ полной, обновленной силѣ и блескѣ. И развѣ тѣ, которые творятъ такіа чудеса для боговъ, откажутъ въ томъ же молящимъ ихъ людямъ? Извѣстно, что исторія каждаго міа кончается тѣмъ, что дѣйствующія въ немъ лица переходятъ на землю и изъ боговъ обращаются въ людей. Для множества разныхъ сказаній и легендъ этотъ милый и поэтическій міа объ Ашвинахъ послужилъ интереснымъ матерьяломъ.

Пушанъ.

35.—Нельзя закрыть галерею старшихъ свѣтлыхъ боговъ Риг-Веды, не посвятить нѣсколько строкъ одному изъ нихъ, который, несмотря на то, что онъ занимаетъ сравнительно скромное мѣсто между другими богами, всегда поминается добрымъ словомъ, благодарно и съ любовью. Это—Пушанъ, близкій другъ людей, кругъ полезной дѣятельности котораго—почти домашній. Глубокій знатокъ Ведъ, французъ А. Бергэнъ, посвящаетъ ему симпатичную страничку, вполне характеризующую дѣятельность этого божества.

«Пушанъ, прежде всего, божество сельское и земледѣльческое. Его просятъ прямо направить борозду въ полѣ; рука его вооружена воловымъ бодиломъ; онъ преимущественно

хранитель скота, которому не даетъ забрести далеко отъ стада; находить заплутавшихся. Его, поэтому, просятъ ходить съ коровами, смотрѣть за ними, охранять ихъ отъ бѣдъ, загонять домой цѣлыми и невредимыми. Заботливость его простирается на всякаго рода имущество, которое онъ охраняетъ, или потерянное находить. Онъ находить и клады,—первымъ дѣломъ всегда коровъ. Наконецъ, Пушанъ руководить людьми, не только въ ихъ поискахъ за потерянными или упрытаннымъ добромъ, но и вообще на всѣхъ ихъ путяхъ. Однимъ словомъ, онъ—богъ путешественниковъ столько же, сколько и землепашцевъ, и пастуховъ. Его называютъ «Владыкой Пути», молятъ «прокладывать дороги», держатъ ихъ свободными отъ враговъ и препятствій, водить своихъ поклонниковъ наиболее безопасными путями, какъ знающій всѣ обители...»

Тутъ цѣлая картина сельской жизни. Но, послѣ всего сказаннаго на предыдущихъ страницахъ, всякому будетъ ясно, что эта земная идиллія есть отраженіе извѣстной, небесной, которая въ свою очередь, конечно, списана съ земного образца. Намъ теперь уже достаточно знакомы воздушныя пастбища и дороги, по которымъ бродить и плутаетъ небесный скотъ,—свѣтовые или тучевыя коровы, загоняемыя разбойниками и затѣмъ освобождаемыя. Точно такъ же извѣстно намъ, кто этотъ скотъ пасетъ, выслѣживаетъ, отбиваетъ у воровъ и приводитъ обратно домой. Но скотъ этотъ—не одинъ «упрытанный на небѣ кладъ». Агни тоже сокрытъ, и его находятъ точно такъ же, какъ и Сому, котораго Пушанъ въ одномъ гимнѣ, ведетъ домой, «какъ заплутавшагося вола», а затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ такой стихъ: «Пушанъ, лучеобильный, нашелъ царя лежащимъ сокрытымъ, а теперь сіяющимъ на подостланной жерт-

венной травѣ». Этотъ гимнъ разомъ опредѣляетъ право Пушана на мѣсто въ высшемъ небѣ, у самаго источника свѣта. Тамъ онъ возлюбилъ сестру свою, Солнце-дѣву Сурью, тамъ онъ плыветъ на золотыхъ корабляхъ по поднебесному океану.

Такова натуралистическая сторона этого кроткаго божества. Болѣе возвышенное символическое значеніе Пушана уяснится въ связи съ понятіями другого, и болѣе поздняго, порядка.

VII.

Риг-Веда: Меньшіе и младшіе боги.— Сказочные мифы.

1.—Классификація, какъ научный приѣмъ, въ концѣ концовъ, неудовлетворительна. Тутъ не совсѣмъ подходитъ, тамъ не хватаетъ. И однако, когда имѣется налицо подавляющая масса матеріала, притомъ съ обязательствомъ ограничиться весьма небольшимъ выборомъ, можно совсѣмъ потеряться безъ такого руководства, какъ оно ни неполно и, до извѣстной степени, даже обманчиво. Это чувствуется каждый разъ, когда приходится разрабатывать обширный предметъ. А какой же можетъ быть предметъ обширнѣе и сложнѣе Риг-Веды, который, при основательномъ изученіи его все растетъ и расширяется ошеломляющимъ образомъ, притомъ крайне трудно поддается именно классификаціи и тому, что довольно неопредѣленно зовется «популяризацией». Настоящее, законное значеніе этого слова есть возможность представить результаты трудовъ специалистовъ въ нетехнической, привлекательной формѣ, доступной пониманію обще-образованной, читающей публики. А какъ представлять «результаты трудовъ», когда ихъ еще такъ немного

Выгоды и
недостатки
классифи-
каціи.

въ той области науки, въ которой постоянно съ лихорадочнымъ жаромъ производятся развѣдки, изслѣдованія, открытія, сличаются теоріи, исправляются ошибки или чересчуръ спѣшныя выводы? Тѣмъ не менѣе, въ методичности и въ тщательной сортировкѣ и пересортировкѣ, словомъ, въ классификаціи, съ частыми оговорками, лежить единственная возможность разобраться въ данномъ предметѣ.

Какъ
понимать
выраженіе
„младшіе
боги“.

2.—Начать съ заглавія настоящей главы. Надо прежде всего оговориться, что слова «меньшіе и младшіе» не всегда примѣняются къ однимъ и тѣмъ же божествамъ. Чѣмъ глубже и отвлеченнѣе божественная личность, чѣмъ она болѣе удаляется отъ первоначально ея изображаемаго явленія природы, или чѣмъ болѣе напираетъ на нѣкоторыя детали этого явленія, тѣмъ, вообще, болѣе позднему времени можно ее приписать. Такъ, возвышенная нравственная идея, которую олицетворяетъ второй богъ-Небо, Варуна, непремѣнно должна была выработаться изъ понятія о первородномъ Дьяусѣ, видимомъ, матеріальномъ небѣ. Далѣе: когда намъ встрѣчаются три богини (рѣдко упоминаемыя въ гимнахъ и весьма второстепеннаго значенія), которыя изображаютъ три фазиса луны,—прибывающій, полный и убывающій,—можно навѣрно сказать, что имъ предшествовало почитаніе луны вообще. Хотя, конечно, никогда не бываетъ возможно даже предположеніе о точномъ времени такого развитія тамъ, гдѣ нѣтъ и намека на хронологію, и единственныя относящіяся къ тому ука-

занія мы находимъ въ разныхъ чертахъ самаго текста Риг-Веды; изъ него мы можемъ приблизительно заключить, что такая-то часть, такіе-то гимны, тѣ или другія божества указываютъ на «древнѣйшее», «древнее», «менѣе древнее», на сравнительно «позднее» время въ предѣлахъ періода, обнимающаго вѣроятно много столѣтій, которыя покрываются всѣмъ сборникомъ. О такихъ положительныхъ выраженіяхъ, какъ «самое древнее» и «самое позднее» не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ предѣловъ не видать ни съ того, ни съ другого конца.

3.—Названіе «меньшіе боги» необходимо говорить еще тщательнѣе. Во-первыхъ, по какой нормѣ мы отличаемъ «меньшихъ» отъ «большихъ»? Норма одна, весьма простая:—мѣсто, занимаемое даннымъ божествомъ въ Риг-Ведѣ, т. е. число посвященныхъ ему гимновъ и число упоминаній его имени въ гимнахъ, посвященныхъ другимъ божествамъ. Мѣрило какъ будто грубоватое, однако, въ цѣломъ, довольно вѣрное. При его помощи, Индра, Агни, Сома разомъ выдвигаются верховной троицей ведійскаго пантеона, какъ они и есть на самомъ дѣлѣ. Можно бы подумать, что *тонъ* гимновъ имѣетъ тутъ большое значеніе, какъ-то: болѣе или менѣе горячее чувство, выраженное въ моленіяхъ и воззваніяхъ, качества и могущество, приписываемыя разнымъ божествамъ; на самомъ же дѣлѣ это обманчиво, потому что у древнихъ Риши, какъ уже замѣчено, вошло въ обычай восхвалять и превозносить надъ всѣми то божество, къ которому они съ данной пѣснью

Неопредѣленность
иерархін
боговъ.

обращались, такъ что они всѣмъ поочередно приписывали однѣ и тѣ же почетныя должности въ міровомъ хозяйствѣ, каковы разстиланіе небесъ, подпираніе вселенной, содержаніе на должномъ разстояніи другъ отъ друга земли и неба и пр. и пр., даже до сотворенія другихъ боговъ, или, по меньшей мѣрѣ, первенства между ними. Поэтому, первое мѣрило вѣриѣ. Но оно годится лишь для того времени, когда состоялся выборъ гимновъ для сборника, когда былъ установленъ канонъ Риг-Веды и когда много было позаимствовано словъ отъ другихъ богословскихъ системъ. Этому времени предшествовало прошлое, котораго измѣрить мы не имѣемъ никакихъ средствъ, и за нимъ послѣдовало не болѣе поддающийся опредѣленію періодъ, въ теченіе котораго религіи Риг-Веды предстояло пройти черезъ всѣ фазисы развитія Брахманизма и Индуизма. Вотъ почему иные боги ведійскаго пантеона очень древни, иные же какъ будто только еще начинаютъ обрисовываться. Къ первому разряду, по всей вѣроятности, должно причислить грозовиковъ, Парджанья и Рудру. Рудра въ Риг-Ведѣ отчасти утратилъ свое значеніе, но ему суждено было впослѣдствіи возродиться, подняться на небывалую еще высоту, превратившись въ страшнаго Шиву, — Истребителя, — третье лицо великой брахманской троицы.

Вишну.

4.—Ко второму разряду боговъ безспорно принадлежитъ, на первомъ планѣ, Вишну, впослѣдствіи второе лицо той же троицы. Солнечное божество, занимающее весьма скромное

мѣсто въ Риг-Ведѣ, какъ другъ и товарищъ Индры, не отходить отъ него, когда тотъ сражается противъ Вритры, и помогаетъ ему «растворить двери стойла и выпустить коровъ». За нимъ примѣчается одна неизмѣнная черта, которая непременно упоминается, когда бы къ нему ни обращались или ни говорили о немъ: онъ— «богъ о трехъ шагахъ». Чисто натуралистическіе толкователи объясняютъ это тремя главными стадіями прохожденія Солнца: восходъ, полдень и закатъ. Но, если взглянуть поближе, то окажется, что за этимъ, повидимому простымъ міономъ скрывается гораздо болѣе глубокій смыслъ: своими тремя шагами Вишну обнимаетъ, или, пожалуй, обходитъ всѣ три міра: землю, небо и третій, наивысшій изъ всѣхъ, незримый для смертныхъ, явно обозначенный въ слѣдующемъ стихѣ:—«Мы съ земли можемъ познать два твоихъ пространства; тебѣ одному, о Вишну, вѣдома твоя наивысшая обитель» (VII, 99, 1). При всемъ томъ, ничто въ Риг-Ведѣ еще не предвѣщаетъ грядущее величіе бога, будущее второе лицо,—Охранителя—верховой брахманской троицы, соперника Шивы въ почитаніи милліоновъ поклонниковъ. Въ этомъ почитаніи вся брахманская Индія наконецъ, распалась на двѣ громадныя, до фанатизма враждебныя другъ другу секты:—шивитовъ и вишнуитовъ. Есть, однако, указанія, по которымъ слабыя слѣды самага отдаленнаго начала распадения этихъ сектъ можно подмѣтить уже въ Риг-Ведѣ, а именно въ одномъ изъ такъ называемыхъ «историческихъ гимновъ»,

описывающихъ самыя первыя войны и распри аріійцевъ въ Пенджабѣ*).

Савитаръ.

5.—Богу Савитару собственно не мѣсто среди «меньшихъ» боговъ, хотя ему поется гимнъ Гятри, самый священный во всемъ Риг-Ведѣ, до сихъ поръ ежедневно поминаемый въ молитвахъ многихъ миллионовъ людей. Что Савитаръ принадлежитъ къ «младшимъ», это доказывается сложностью и нѣкоторой какъ бы сокровенностью его личности. Нечего и говорить, что онъ—божество солнечное. Но очень сбивчиво въ немъ то, что онъ иногда является тождественнымъ съ самимъ Солнцемъ,—Сурьей,—а иногда положительно отдѣляется отъ него. Савитаръ, по словамъ Мьюра, «преимущественно златоносное божество»: златоглазый, златорукій, въ золотыхъ доспѣхахъ, ѣдетъ на золотой колесницѣ по деревниамъ, безпыльнымъ дорогамъ, прекрасно предложеннымъ по небесному простору. Есть и такія мѣста, гдѣ оба имени—Савитаръ и Сурья—смѣшиваются и упоминаются попеременно; на примѣръ:—«Богъ Савитаръ высоко поднялъ свое знамя, дарить свѣтомъ все міросозданіе; Сурья наполнилъ землю и небо и обширное «среднее пространство» (*антарикша*) лучами». Раздѣлены же они несомнѣнно, когда Сурью называютъ «Савитаровой прекрасной птицей» (IV, 14, 2), или когда говорится, что Савитаръ «облеченъ лучами Сурьи», или «привелъ Сурью». Имя «Сурья» въ такихъ случаяхъ, конечно, должно

*) См. дальше, гл. VIII.

принимать буквально, какъ нарицательное, означающее видимое, настоящее солнце, Савитаръ же становится къ нему въ отношеніе высшаго существа, управляющаго его движеніями, распредѣляющаго его свѣтъ.

6.—Другая особенность Савитара заключается Двойственность Савитара. въ томъ, что онъ изображаетъ не только ясное, золотое дневное солнце, но и невидимое, ночное, т. е. солнце, ушедшее въ таинственный и незримый міръ, что лежитъ между Западомъ и Востокомъ (Закатомъ и Восходомъ). Естествомъ своимъ онъ столь же близокъ Тъмѣ, сколько и Свѣту,—но Тъмѣ дружественной, благосклонной, приносящей сонъ и отдыхъ всему живому творенію. Есть, правда, намеки на нѣчто подобное и въ описаніяхъ Сурьи, и того, какъ его кобылицы, «Хариты, везутъ безъ конца то ясный свѣтъ, то темный» (I, 115, 5); и у него, кромѣ того, какъ будто есть ночной конь, который везетъ обратно его колесницу*); но такіе намеки рѣдки и темны, тогда какъ полуденное и полуночное естество Савитара очерчено характерно и ясно. Простертыя руки его, изливающія свѣтъ на всѣ міры, также «твердо правятъ звѣздными полчищами»; разбудивъ всякую тварь утромъ, «двуногую и четвероногую», онѣ вечеромъ ведутъ ихъ на покой. Всѣ гимны этому богу отличаются возвышеннымъ благородствомъ, и во всѣхъ съ благодарностью упоминается его вечерняя дѣятельность.

*) См. главу Эташа (имя этого коня) у Бергэна, «La Religion Védique» т. II, стр. 330—333.

«Спѣша сюда черезъ омраченное небесное пространство, призывая на покой всякую смертную тварь, богъ Савитаръ ѣдетъ къ намъ на золотой колесницѣ, обозрѣвая все твореніе» (I, 35, 2).

«Гдѣ теперь Сурья? Кто знаетъ? Надъ какимъ небомъ простираются лучи его?» (I, 35, 7).

«Златорукій богъ Савитаръ спѣшитъ къ намъ, усердно совершая свою работу въ пространствахъ между небомъ и землей; онъ отгоняетъ угнетателей, выводитъ Сурью, черезъ мрачное пространство спѣшитъ на небо» (I, 35, 9).

Тутъ мы видимъ, что съ приходомъ Савитара вечеромъ солнце исчезаетъ и свѣтитъ какому-то другому міру; появляясь утромъ, онъ опять «выводитъ» солнце. Рознь между обоими божествами обрисована очень ясно; это становится особенно замѣтно, если мы попытаемся замѣнить собственныя имена «Сурья» и «Савитаръ» нарицательнымъ, «солнце»; окажется, что первое имя замѣнить имъ всегда можно, послѣдняго же нельзя.

Вечерній гимнъ Савитару—одинъ изъ лучшихъ во всемъ сборникѣ.

«... 2. Богъ на небѣ вверху простираетъ свои могучія руки, и все здѣсь повинуется ему; его велѣніямъ внимаютъ воды, даже буйный вѣтеръ утихаетъ передъ нимъ.—3. Прогнавъ коней, онъ снимаетъ съ нихъ сбрую и путнику велитъ отдохнуть отъ дороги; онъ унимаетъ свирѣпый порывъ «змѣобійца»^{*)}; по велѣнію Савитара нисходитъ кроткая ночь.—4. Ткачиха скатываетъ возрастающую работу; рабочій останавливаетъ трудъ свой наполовину оконченнымъ; богъ воспрянулъ и раздѣляетъ время (*на день и ночь*). Является богъ Савитаръ, не знающій покоя.—5. Вездѣ, гдѣ селятся смертные, огонь на домашнемъ очагѣ далеко бросаетъ свой свѣтъ, мать даетъ сыну лучшую долю, потому что богъ внушилъ

^{*)} Хищная птица, извѣстная подъ этимъ названіемъ.

ему желаніе поѣсть.—6. Возвращается всякій, кто ходилъ за наживой; домой тянетъ путника тоскующее сердце, и каждый направляеть стопы свои домой, наполовину окончивъ свое дѣло; таковъ уставъ небеснаго «Побудителя».—8. Безпокойная, стрѣлой скользящая рыба, лишь вечерѣть, ищетъ убѣжища въ водахъ; птица ищетъ гнѣзда, скотина — стойло, каждый свое мѣсто; богъ раздѣляетъ всѣ твари»^{*)}.

7.—До сихъ поръ, гимнъ могъ бы быть посвященъ настоящему видимому солнцу, тому, «кто облачается во всѣ краски» (восхода и заката). Но Савитаръ положительно является *невидимымъ* ночнымъ солнцемъ, когда поэтъ въ заключение говоритъ: — «Ты путешествуешь ночью отъ запада къ востоку». Но всѣмъ этимъ прозрачнымъ натурализмомъ еще далеко не исчерпывается сложная и нѣсколько мистическая личность этого бога. У него есть и высоко нравственная сторона; такъ, въ то время, какъ Сурью только просятъ «объявить людей безгрѣшными» передъ великими Адитьями, Савитара кающійся грѣшникъ молить въ выраженіяхъ совершенно тождественныхъ съ тѣми, въ которыхъ обращаются къ самому верховному Адитьѣ, Вáрунѣ:

Мисти-
ческое
значеніе
Савитара.

«Чѣмъ бы мы ни согрѣшили противъ рода боговъ, по

^{*)} Съ нѣмецкаго перевода въ сборникѣ Кэги и Гельднера «*Siebenzig Lieder des Rig-Veda*». Многихъ читателей, вѣроятно, поразитъ сходство, не только по духу, но и въ самыхъ образахъ, между этимъ гимномъ и чуднымъ древне-греческимъ стихотвореніемъ, начинающимся словами «Ἐσπερε, πάντα φέρεις», столь удачно перифразированнымъ Байрономъ въ знаменитой строфѣ изъ «Донъ-Жуана» (Пѣснь III, 107).

слабомыслію ли, или по необузданности, какъ водится у людей,—противъ боговъ и также противъ человѣковъ,—не взирая ни на что, о Савитарь! сними съ насъ грѣхъ тотъ» (IV, 54, 3).

Если взять все вмѣстѣ, принимая во вниманіе и этимологию имени, т. е. значеніе корня, отъ котораго оно происходитъ, и на который постоянно намекають характеристическіе эпитеты. «Побудитель», «Живитель» и т. п., даваемые богу, то можно прійти къ заключенію, что Савитарь, прежде всего, есть, главнымъ образомъ, представитель животворной, производительной силы природы, но не ограничивающійся исключительно дѣятельностью солнца. Эти свойства легко перенести въ духовный міръ; тогда Савитарь естественно обращается въ Просвѣтителя, Живителя духа, который будитъ всякую тварь къ жизни и труду, пробуждая душу и мысль въ человѣкѣ. Такой взглядъ вполне оправдываетъ эпитеты и опредѣленія, въ родѣ слѣдующаго: «Праджапати» (Владыка всѣхъ тварей), «Вишварупа» *) (принимающій, а можетъ-быть, и дающій всѣ виды или образы); ясно, что эпитеты эти не могутъ быть примѣнимы къ простому солнечному божеству. Такъ какъ въ основѣ всей ведійской религіи лежитъ въ сущности одно:—поклоненіе Огню во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, видимыхъ и невидимыхъ, и самое солнце, въ сущности, является лишь однимъ изъ такихъ видовъ, то дѣло не могло обойтись безъ болѣе или

*) Даже золотую колесницу Савитара называютъ «*Вишварупа*».

менѣе полнаго отождествленія и этого бога съ огнемъ, въ видѣ Солнца или Молніи. Во многихъ мѣстахъ указывается на это болѣе отвлеченное, мистическое ученіе, и Савитару неоднократно дается прозвище «Апамъ Напатъ» (Дитя Водъ), въ общемъ, исключительно присвоенное богу Агни. Не подлежитъ сомнѣнію также связь его съ Сомою и жертвоприношеніями въ честь послѣдняго; и о немъ тоже говорится, что онъ «даровалъ безсмертіе богамъ». Такъ какъ небесный Сомъ есть не что иное, какъ *амрита* или напитокъ безсмертія, то это прекрасно согласуется съ понятіемъ о Животворителѣ и Создателѣ.

8.—Не безъ удивленія мы встрѣчаемъ въ одномъ гимнѣ (III, 55, 19) слѣдующее замѣчательное сопоставленіе:

Тваштаръ,
творецъ и
художникъ.

«Тваштаръ-Савитаръ, многообразный богъ (*Вишварупа*), произвелъ и наплатъ всѣ твари, и существа эти всѣ—его созданія... Онъ создалъ обѣ міровыя чаши (небо и землю) и все, чѣмъ онѣ наполнены; все—его».

Въ этомъ стихѣ (и еще въ одномъ, въ которомъ повторяется это сопоставленіе) одно изъ двухъ соединенныхъ именъ какъ будто является эпитетомъ къ другому («Творецъ - Савитаръ»), или же оба имени означаютъ одно и то же лицо. Между тѣмъ Тваштаръ вездѣ, за этими двумя исключеніями, является одинъ, самостоятельнымъ, хотя не особенно ярко обрисованнымъ божествомъ. Его иногда называютъ «художникомъ между богами», и этимъ несомнѣнно опредѣляется одна сторона его существа, именно та, на

которую указываетъ его имя, происходящее, съ небольшимъ измѣненіемъ, отъ корня, означающаго «творить, создавать». Имя его рѣдко встрѣчается безъ какого-нибудь эпитета, восхваляющаго его искусство. Тваштаръ сковалъ громъ для Индры, имѣющій тысячу лезвievъ и столько же острievъ; онъ же отточилъ топоръ для другого бога, Брахманаспати («Владыка молитвы»); онъ же, «многообразный», всѣмъ живымъ существамъ даетъ обликъ и форму, даже неродившимся еще младенцамъ и животнымъ въ лонѣ матери; онъ тоже умѣетъ дѣлать прекраснѣйшія чаши, изъ которыхъ боги пьютъ сому; особенно отличился онъ однимъ произведеніемъ: чудотворной жертвенной чашей, удивительной работы, съ которой произошелъ слѣдующій необыкновенный случай.

**Братья
Рибхава.**

9.—Были три брата Рибху, во множественномъ Рибхава, ученики Тваштара, его соперники по искусству. Они смастерили для Индры колесницу и коней, а также трехколесную колесницу для Ашвиновъ; они возродили къ молодости чудотворную корову, производящую по желанію все, что угодно; мало того, они возвратили молодость «Старикамъ», своимъ родителямъ. Но эти братья были не боги, а только благочестивые мужи, усердные жертвователи. Однажды Агни, посланецъ боговъ, пришелъ къ нимъ съ такою вѣстью: — «Вамъ приказъ: сдѣлать изъ этой одной чаши четыре чаши; за тѣмъ я и пришелъ сюда. Если вы это исполните, то вамъ будутъ воздаваться почести на-

равнѣ съ богами». Они исполнили невозможную на видъ задачу, послѣ чего смѣло поѣхали на небо на своей колесницѣ, въ «жилище милостиваго Савитара», который даровалъ имъ безсмертіе, а слѣдовательно и право вкушать небесный сома и быть приглашаемыми на жертвоприношенія съ сомою у людей. Но Тваштаръ разгнѣвался на такое, по его мнѣнію, святотатственное покушеніе противъ лучшаго его творенія и даже хотѣлъ отправиться къ богамъ, «убить этихъ людей» (не зная, конечно, что они уже вкусили *амриту*), и былъ до того огорченъ невозможностью сорвать свою злобу, что, крадучись, удалился и спрятался «среди женъ боговъ» (I, 110, 161).—«Изъ чего была сдѣлана та одна чаша, изъ которой такъ искусно сдѣлали четыре?»—спрашиваетъ одинъ изъ пѣвцовъ (IV, 35, 4). То же самое спрашиваютъ и наши ученые; но отвѣтить не такъ легко, потому что личность Тваштара очень слабо очертена, туманна и какъ бы расплывается. Это, очевидно, очень старый богъ, болѣе чѣмъ полузабытый, вмѣстѣ съ цѣлымъ цикломъ мифовъ, отъ которыхъ остались только исковерканные, неузнаваемые отрывки. Однако говорятъ, что отъ столкновенія разныхъ мнѣній вспыхиваетъ свѣтъ, и сличеніе множества толкованій, сходящихся по нѣкоторымъ пунктамъ, по другимъ расходящихся, приводитъ къ выводамъ близкимъ истинѣ, а именно: благодаря разносторонней трактовкѣ ученыхъ, мифъ о Тваштарѣ и трехъ Рибхава представляетъ сравнительно вѣрное возстановленіе замѣчательнаго мифа, не противо-

рѣчащее тому, что о нихъ сохранилось въ разныхъ мѣстахъ Риг-Веды.

Тваштаръ и
Савитаръ
перво-
начально,
вѣроятно, —
одно лицо.

10. — Тваштаръ-Савитаръ-Вишварупа, — «Многообразный *) Творецъ и Живитель», — первоначально былъ однимъ нераздѣльнымъ божественнымъ лицомъ. Затѣмъ, согласно исконному и всеобщему процессу миеологическаго умноженія, или, пожалуй, раздвоенія, троякое имя распалось на три лица. Стали призывать то Тваштара, то Савитара, и первоначальное единство ихъ почти забылось; даже названіе «Вишварупа», — «многообразный», — хотя давалось нерѣдко разнымъ божествамъ, какъ-то обратилось въ отдѣльную личность, а именно въ сына Тваштара, пасущаго скотъ, одного изъ ненавистнѣйшихъ враговъ Индры. Вотъ все, что мы находимъ въ Риг-Ведѣ, и то только судя по двумъ мѣстамъ, гдѣ сопоставленіе всѣхъ трехъ именъ наводитъ на этотъ древній, полузатерянный миеъ **). Весьма вѣроятно, что Тваштаръ-Савитаръ былъ собственно богомъ Неба и что, по раздвоеніи его, за Савитаромъ остались всѣ добрыя, милостивыя свойства небеснаго божества, тѣсно связаннаго съ благотворительнымъ солнцемъ, тогда какъ

*) «Многообразный» не потому, чтобы онъ самъ принимать всякіе облики, а потому, что онъ *даетъ* ихъ; Мьюръ называетъ его «первообразомъ всего существующаго».

**) Гиллебрандтъ (*Vedische Mythologie*, т. I, стр. 514) замѣчаетъ: «Все, что говорится о Тваштарѣ, подтверждаетъ предположеніе, что намъ остались только развалины большого цикла миеовъ, зародившихся внѣ тѣхъ племенъ, которымъ принадлежитъ Риг-Веда, и потому не возбуждавшихъ въ нихъ большого интереса».

Тваштаръ изобразилъ собою суровую, грозную, недобрую сторону Неба, относясь къ Савитару, приблизительно, какъ Рудра относится къ Вáрунѣ *) (см. стр. 228). Тогда становится понятно и то, почему Тваштара сдѣлали сторожемъ,—скупымъ, сердитымъ,—небеснаго Сомы. Жертвенная чаша, сдѣланная имъ для боговъ, въ такомъ случаѣ, есть не что иное, какъ Мѣсяцъ, «блестящая чаша съ сомою» (см. стр. 190, 192).

11.—Братья Рибхава олицетворяютъ собой времена года. Весьма возможно, что первоначально имѣлся всего одинъ Рибху,—Годъ, который затѣмъ легко распался на троихъ братьевъ,—Времена Года, потому, что арійцы время Веда раздѣляли годъ не на четыре, а всего на три части: дождливое время (зиму), жаркое (лѣто) и осень. Фокусъ же, совершенный братьями, заключался въ дѣленіи одной чаши на четыре, т. е. мѣсяца на лунныя четверти: прибывающую, полную, убывающую и темную **). Это толкованіе окончательно подтверждается сказаніемъ о томъ, какъ братья двѣ-

Объясненіе
имеетъ отъ
братьевъ
Рибхава.

*) Интересно бы поднять вопросъ: нѣтъ ли возможности предположить, что ужъ въ незапамятныя времена эти три имени вишъ составляли эпитетъ первороднаго бога — Неба Дьяуса?..

**) Это объясненіе принадлежитъ Гиллебрандту; только у него Тваштаръ выходитъ—самъ Мѣсяцъ. Лудвигъ, опять, согласенъ съ нимъ въ томъ, что Рибхава представляютъ времена года, но Тваштаръ у него—Солнце, а чаша—годъ, который дѣлать по нашему на четыре четверти. Ни та, ни другая теорія не прилаживаются, въ цѣломъ и въ деталяхъ, такъ удовлетворительно къ мнѣю, какъ изложенная выше, въ текстѣ.

надцать дней отдыхали «въ домѣ Савитара». Это просто означаетъ вставочные двѣнадцать дней, которые древніе астрономы прибавляли къ 354 днямъ луннаго года, въ пору зимняго солнцестоянія *), когда солнце и самъ годъ словно отдыхали, прекращая свою дѣятельность въ ожиданіи новаго года, когда они опять принимались за работу, «пуская въ ходъ растительность на горахъ и воды въ долинахъ». Другія волшебныя дѣянія братьевъ такъ же легко объясняются: колесница, и кони, и громы Индры изготовляются временами года, потому что большія бури и грозы бывають только въ извѣстную пору; они же возрождаютъ юность своихъ престарѣлыхъ родителей, — Неба и Земли, — равно и всепроизводительной Коровы, — Земли. Что же касается Вишварупы, трехглаваго чудовища, всѣ три головы котораго отсѣкаетъ Индра, ясно, что онъ изображаетъ «многообразныя» облака, которыя отлично годятся въ сыновья Небу, если смотрѣть на него, какъ на злое существо, на вреднаго волшебника.

Тваштаръ —
отецъ
Индры.

12. — Но Тваштаръ не только въ лицѣ сына испытываетъ вражду Индры, а и лично на самомъ себѣ, главнымъ образомъ, за то, что онъ стережетъ небесный Сомъ и никому не даетъ его, тогда какъ Индра, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи не терпитъ стѣсненія. Изъ отрывочныхъ и неясныхъ намековъ и разсказовъ о дѣтствѣ бога и его юношескихъ поступкахъ видно, что онъ силою овладѣлъ любимымъ напиткомъ, за-

*) Солнечный годъ въ 365 дней былъ введенъ гораздо позже, вѣроятно, въ связи съ культомъ Вишну.

тѣмъ сорвалъ гнѣвъ свой и испробовалъ свою зарождающуюся силу на сердитомъ сторожѣ, котораго онъ одолѣлъ, схватилъ за одну ногу и сбросилъ съ неба внизъ (см. стр. 223).

Что Тваштаръ — отецъ Индры, имѣются два текста, не оставляющіе въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія:

1) «*Тваштаръ* изготовилъ для него громы для метанія въ бою» (I, 61, 6).

2) «Громы, изготовленные для него *его отцомъ* нѣскольکو времени назадъ, ему какъ разъ по рукѣ» (II, 17, 6).

Индра, едва родившись, пьетъ сому *въ высшемъ небѣ* (III, 32, 10). Мать, родившая его, поитъ его имъ «*въ домъ его великаго отца*» (III, 48, 2). Едва младенецъ отвѣдалъ живительнаго напитка, сила его начала расти: — «Мощный, побѣдный, силы всепревышающей, онъ приучилъ тѣло свое повиноваться его волѣ; едва родившись, онъ *одолѣлъ Тваштара*, выкралъ сому и пилъ его въ чанахъ» (III, 48, 4). — «Кто сдѣлалъ мать твою вдовицей?» вопрошаетъ поэтъ (IV, 18, 12). Очевидно, самъ Индра, убивъ отца. — «Кто хотѣлъ убить тебя на отдыхѣ или по пути?» Вѣроятно, Тваштаръ, взбѣшенный кражею Сомы. — «Какой богъ пришелъ къ тебѣ на помощь, когда ты схватилъ отца за ногу и сбросилъ его съ неба?» — Вотъ и весь мнѣ налицо, ясный, безъ пробѣловъ. Только, какъ водится въ Риг-Ведѣ, не въ связной формѣ, а по кусочкамъ, въ текстахъ, разбросанныхъ по разнымъ книгамъ. Тутъ нѣтъ ни одной черты, которая не согласовалась бы съ представленіемъ о Тваштарѣ, какъ о небесномъ богѣ

мрачнаго, злобнаго характера, котораго въ поклоненіи аріицевъ замѣстилъ болѣе симпатичный имъ и болѣе полезный богъ-воитель. Можно бы набрать еще немало коротенькихъ текстовъ въ подтвержденіе этого замѣчательнаго міѳа, но они не прибавили бы ничего къ уже сказанному. Богъ-Громовержецъ—въ сущности вѣдь Молнія—сынъ хмураго, сердитаго Неба: что можетъ быть естественнѣе?

Міѳъ о
рожденіи
Ашвиновъ.

13.—Но мы еще не покончили съ Тваштаромъ. Онъ является еще въ другомъ міѳѣ, не менѣе замѣчательномъ, чѣмъ сказка о чашѣ, и послужившемъ не меньшимъ поводомъ къ разнымъ спорнымъ толкованіямъ не только между современными европейскими учеными, но и между индусами-комментаторами. Это — міѳъ о рожденіи Ашвиновъ. Сказка рассказана цѣликомъ, хотя, по обыкновенію, темно и загадочно, въ слѣдующемъ, черезчуръ уже знаменитомъ отрывкѣ, на которомъ набили себѣ оскомину всѣ безъ исключенія санскритисты, отъ новичка до ветерана.

«Тваштаръ задаетъ свадебный пиръ для своей дочери, и весь міръ на него стекается. Мать Ямы, законная жена великаго Вивасвата, исчезла. Они (боги) скрыли безсмертную отъ смертныхъ и, создавъ другую, совершенно ей подобную, дали послѣднюю Вивасвату. Тогда Саранью родила обоихъ Ашвиновъ и тотчасъ же бросила обоихъ близнецовъ»^{*)}.

^{*)} Или «обѣ пары близнецовъ». Это включало бы и Ями, сестру-близнеца Ямы, которая не упоминается въ текстѣ. Она, однако, является однажды въ Риг-Ведѣ, гдѣ ведетъ съ братомъ чрезвычайно странный разговоръ. Но невозможно опредѣлить, къ какому времени принадлежитъ вся эта пѣснь; вѣрно только то, что она носитъ печать очень поздняго

Мы уже знаемъ, что у Вивасвата былъ сынъ, Яма. Теперь же оказывается, что и Ашвины его дѣти, притомъ внуки Тваштара, и что мать ихъ— дочь нелюдимаго бога. Значить, совершенно ясно, **кто** такая Саранью. Но **что** она такое, это— вопросъ, на который всѣ школы ученыхъ миеологовъ даютъ различный отвѣтъ. «Заря», говорятъ тѣ, которымъ Солнце и Заря мерещутся во всѣхъ небесныхъ четахъ. «Грозовая Туча», говорятъ тѣ, которые полагаютъ, что поднебесная грозовая драма по преимуществу поглощала вниманіе арійцевъ въ Пенджабѣ*). И то и другое толкованіе болѣе или менѣ туманны. Заря, даже при всей нелогичности, характеризующей Веды вообще, наврядъ ли можетъ быть матерью разсвѣта, который вѣдь *предшествуетъ ей*, но ничто не мѣшаетъ ей быть сестрой Ашвиновъ, или даже невѣстой ихъ, однажды забравшейся къ нимъ на колесницу. Съ другой стороны, Грозовая Туча уже ровно ничего общаго не имѣетъ со свѣтовыми явленіями; она принадлежитъ къ міру *поднебесному*, а они къ *небесному*. Но имя «Саранью» въ переводѣ означаетъ «быстрая», «бѣглая»; это и подсказало однимъ изслѣдователямъ Зарю, а другимъ Грозовую Тучу. Однако, одинъ

брахманизма. Такъ что весьма возможно, что Ями впоследствии приплетена ради симметріи и потому, что «Яма» буквально значить «близнецъ».

*) Во главѣ первой школы можно признать Макса Мюллера и Анджело де-Губернатисъ; во главѣ послѣдней стоитъ не менѣ знаменитый и авторитетный Адальбертъ Кюнъ.

изъ младшихъ санскритистовъ предлагаетъ гораздо болѣе правдоподобное толкованіе:

«Когда намъ говорятъ, — пишетъ онъ, — что Ашвины являются въ концѣ ночи или въ послѣднюю ночную вахту и постепенно застилаютъ весь небосклонъ, разгоняя или одолевая мракъ, и приносятъ дневной свѣтъ живой твари, нѣтъ возможности признать за мать ихъ ни Зарю, ни Грозовую Тучу; приходится, въ естественномъ порядкѣ вещей, искать другое явленіе, предшествующее и Зарѣ, и даже разсвѣту, изображаемому Ашвинами, а это ничто иное быть не можетъ, какъ только Ночь. Прилагательное «Саранью» надо дополнить существительнымъ «нактэ», и получится «быстро-течная ночь» (быстро приходящая и быстро уходящая, такъ какъ извѣстно, что въ тропическихъ странахъ почти нѣтъ сумерекъ) *).

Вивасватъ.

14.—Толкованіе, что Ночь—дочь не-добраго Неба (Тваштара) и мать Разсвѣтныхъ Близнецовъ—вполнѣ удовлетворительно; что она же еще прежде была матерью Ямы (если Яма, какъ остроумно доказываетъ Гиллебрандтъ, изображаетъ Мѣсяцъ)—и подавно. Что же касается ея супруга, «великаго Вивасвата», то въ немъ въ періодъ поведійскій всегда признавали Солнце; въ періодъ же Риг-Веды—не всегда. «Вивасватъ» хотя и собственное имя, но въ сущности просто прилагательное, и значить буквально «сіяющій, свѣтящій». Въ природѣ же многое, помимо солнца, сіяетъ и свѣтитъ, что именно,—въ каждомъ отдѣльномъ

*) Л. Мириантеусъ, «*Die Aṣvins oder Arischen Dioskuren*» (1876, стр. 57) указываетъ на выраженіе «быстрая ночь» у Гомера и на то, что Леду, мать греческихъ Diosкуровъ (т. е. «Сыновей Зевса»), названіе, равносильное арійскому «сыновья Дьяуса» (Неба) *napata-diva* «Сыновья Неба»), давно признали за Ночь.

случаѣ надо усмотрѣть изъ смысла. А смыслъ во многихъ гимнахъ въ Риг-Ведѣ несомнѣнно такой, что Вивасватъ можетъ иной разъ изображать и сіяющее, свѣтящееся Небо. Напримѣръ:

«Матарिशванъ, вѣстникъ (боговъ), принесть Агни издалека отъ *Вивасвата*» (*Неба*) (VI, 8, 4).

«На своей колесницѣ, быстрѣ мысли, которую соорудили Рибхава, приѣзжайте, о Ашвины,—колесницѣ, при запряжкѣ которой родится Дочь Неба (Заря), также Ночь и День, оба великолѣпные, отъ Вивасвата, свѣтлаго, блестящаго Неба» (X, 39, 12)*).

И особенно:

«Переночевавъ у Вивасвата, о Ашвины, привлеченные нашими пѣснями, приѣзжайте сюда, напиться сомы» (X, 46 13).

Такъ какъ Вивасватъ имъ отецъ, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они у него ночуютъ, другими словами, разсвѣтъ отлично можетъ дожидаться на небѣ минуты, положенной для его появленія**).

15.—Итакъ, миѣ сводится къ слѣдующему: Неразга-
данная
Саранью.
Саранью, быстротечная Ночь, дочь Тваштара, хмураго, сердитаго Неба, выдана имъ замужъ за

*) Тутъ намекается на позднѣйшее, уже извращенное, представление о двоекратномъ приходѣ Ашвиновъ, утромъ и вечеромъ.

**) См. Миріантеусъ, «*Die Aśvins*», стр. 4—13.—Упомянемъ здѣсь кстати любопытный обычай, изъ вѣжливости называть «*вивасватомъ*» набожнаго жертвователя. Полагается, что онъ тѣмъ самымъ, т. е. принесеніемъ жертвы, вступаетъ въ общеніе съ богами, какъ бы становится самъ богомъ на это время. Такъ, въ Египтѣ каждого покойника изъ вѣжливости величали «*Олирисомъ*», выражая тѣмъ надежду, что онъ сподобился посмертнаго блаженства въ лонѣ бога.

Вивасвата, — свѣтлое Небо, и дѣлается матерью Ямы, — Мѣсяца. Тогда боги ее, безсмертную, скрываютъ отъ смертныхъ. Ночь исчезаетъ, но прежде еще рождаетъ близнецовъ, Ашвиновъ — утренніе Сумерки и Разсвѣтъ, и принуждена бросить и ихъ такъ же, какъ своего первенца. Миоѣ простъ и прозраченъ до-нельзя; не объясненной остается только вторая, подставная жена. Но комментаторы увѣряютъ, будто она рождаетъ Ману, миоическаго мудреца и угодника, прародителя рода человѣческаго, подтверждая тѣмъ древнее вѣрованіе въ небесное происхожденіе человѣка *). Кто она такая, т. е. что именно въ природѣ она изображаетъ, такъ и не было разгадано никогда. Чрезмѣрнымъ усердіемъ и желаніемъ въ конецъ разъяснить весь миоѣ, комментаторы только въ конецъ затемнили его, всячески выворачивая, коверкая, разукрашивая его собственными измышленіями, такъ что только, откинувъ всѣ эти бредни и возвратившись къ простымъ, неподдѣльнымъ текстамъ Риг-Веды, возможно возстановить смыслъ его въ строѣ обыденныхъ явленій природы.

Миоѣ о
Сараѣ и
Нами.

16.—Есть еще одно таинственное существо, тоже мать пары близнецовъ, имя которой, Сарамѣ, указываетъ на нѣкоторое родство съ той

*) Название «Мані» часто употребляется въ смыслъ просто «человѣкъ». Оно означаетъ буквально: «мыслящій». Другое обычное названіе нашего рода — «мартыя», «смертный» — противопоставляется названію боговъ «амартыя», «безсмертные». Стало-быть, древніе аріицы отличительными чертами человѣка подмѣтили «мышленіе» и «смертность». Опредѣленія штъкія и глубокія.

же Саранью; она тоже «быстрая», «бѣгунья». Съ ея дѣтьми, псами-близнецами, по имени Сарамэя, посланцами Ямы, мы уже знакомы (см. стр. 198—199)*). Сама она, повидимому, состояла на посылкахъ у Индры, который давалъ ей разныя дипломатическія и развѣдочныя порученія. Въ Риг-Ведѣ сохранился необыкновенно подробный разсказъ объ одной такой экспедиціи. Нѣкая шайка разбойниковъ-торгашей, хитрыхъ и жадныхъ, называемыхъ Пани, украла коровъ, молоко которыхъ составляетъ главную пищу рода людскаго. Индра собрался самъ выступить противъ нихъ съ надежнымъ помощникомъ своимъ Брихаспати (Владыка Молитвы), въ сопровожденіи девяти Ангирасовъ, небесныхъ пѣвцовъ и жрецовъ. Но онъ сначала послалъ Сараму на развѣдки. Она отправилась «по правому пути» и нашла обращенную въ стойло пещеру въ скалѣ и даже слышала черезъ скважину въ скалѣ мычаніе коровъ. Она шла, пока не напала на шайку Пани; тогда между ними и ею завязался слѣдующій разговоръ, замѣчательнѣе котораго нѣтъ ничего во всемъ Риг-Ведѣ (X, 108). Пани задорно подтруниваютъ надъ нею:

Пани.—Съ какимъ умысломъ Сарамъ сюда пришла? Ибо путь далекъ и извилистъ. Чего ты отъ насъ желаешь? Благополучно ли шла? (*а можетъ-быть: «какова была ночь?»*). Какъ переправилась ты черезъ рѣку Раса?**)

*) Вѣроятно, вслѣдствіе своего родства съ этими псами, Сарамъ вполнѣдствіи сама была превращена въ собаку. Въ Риг-Ведѣ на это нѣтъ намека.

**) Раса—мифическая рѣка, глубокая и опасная, изображаетъ Тьму или Смерть.

Сарамд.—Пришла я посланницей отъ Индры; желаю же отъ васъ, о Пани, получить ваши великія сокровища. Это меня и охранило отъ страха при переправѣ; такъ я и переправилась черезъ рѣку Раса.

Пани.— Кто-бъ это былъ? На чтó похожъ этотъ Индра, отъ котораго ты изъ такой дали прибѣжала посланницей? Самъ бы шелъ, мы бы съ нимъ подружились; пожалуй, пастухомъ бы приставили къ нашимъ коровамъ.

Сарамд.— Вы не можете ему повредить, а онъ вамъ можетъ,—тотъ, чьей посланницей я прибѣжала издалека. Глубокія рѣки его не утратить. А васъ, о Пани, Индра всѣхъ перерубитъ.

Пани.— Коровы тѣ, о Сарамд, за которыми ты пришла, гуляютъ по всѣмъ концамъ неба. О милочка, кто же уступить ихъ тебѣ безъ боя. Ибо, повистинѣ, и у насъ оружіе острое.

Сарамд.— Безвредны ваши рѣчи, о Пани, и хотя бы ваши поддья тѣла были неуязвимы для стрѣлъ, хотя дорога къ вамъ и тяжела, Брихаспати не очень-то этимъ смутится.

Пани.— А складъ-то, о Сарамд, крѣпко задѣланъ въ скалѣ, и весь полонъ лошадьми, коровами, всякимъ добромъ; и стерегутъ его добрые сторожа изъ нашихъ же Пани. Ты напрасно пришла.

Сарамд.— Риши сюда придутъ, воспламененные сомою, также всѣ девять Ангирасовъ. Они подѣлятъ между собою запертыхъ въ томъ стойлѣ коровъ. Тогда Пани выплюютъ свои рѣчи (*возьмутъ ихъ назадъ, принесутъ повинную*).

Пани.— Тебя, о Сарамд, боги навѣрно силой погнали сюда; давай, лучше мы сдѣлаемъ тебя своей сестрой; не уходи назадъ. Мы, о милая, подаримъ тебѣ часть коровъ.

Сарамд.—Знать не хочу братства, ни сестринства; Индра все знаетъ, и грозные Ангирасы. Когда я уходила, они, сдавалось мнѣ, сильно желали вернуть своихъ коровъ; потому уходите отсюда, о Пани, уходите подальше.

Развѣдка Сарамдъ вышла удачнѣе, чѣмъ ея дипломатія. Она вернулась къ пославшимъ ее, вполне

готовая служить имъ проводницей. Быстро шла она впереди и ни разу не сбилась съ дороги, той широкой, древней дороги, что искони ведетъ къ одной неизмѣнной цѣли. Она же первая и дошла до скалы, и вдругъ на громкое пѣніе Ангирасовъ откликнулось мычаніе запертыхъ въ пещерѣ коровъ. Индра подоспѣлъ вмѣстѣ съ Брихаспати, и скала съ трескомъ разверзлась подъ ударами его палицы; Брихаспати выпустилъ коровъ и погналъ ихъ, какъ вѣтеръ гонитъ грозовыя тучи. Пани пришли въ полное уныніе, а Вала, пещерный сторожъ, горевалъ о ввѣренныхъ ему коровахъ, какъ оголенное морозомъ дерево горюетъ о своей роскошной листвѣ*).

17.—Этотъ прекрасный, драматически обставленный мифъ самъ за себя говоритъ, и одна Объясненіе
илю. только личность героини его даетъ поводъ къ обычному разногласію въ толкованіяхъ. И въ ней тоже одни видятъ Зарю, другіе—Грозовую Тучу; но она такъ явно предшествуетъ сильной грозѣ, что всего естественнѣе, съ натуралистической точки зрѣнія, признать въ ней бурный, порывистый вѣтеръ, который обыкновенно проносится по небу передъ самымъ тѣмъ, какъ грянетъ грозовой ливень. Только вѣтру прилично названіе «небеснаго

*) Разсказъ этотъ весь составленъ изъ словъ, взятыхъ изъ Риг-Веды. Только они тамъ находятся въ такихъ коротенькихъ, разбросанныхъ отрывкахъ, что невозможно каждый разъ привести самое мѣсто. Этотъ мифъ, съ играющимъ въ немъ видную роль Брихаспати, былъ очень любимъ, какъ видно изъ частыхъ намековъ на него, хотя Сарамъ упоминается не больше шести разъ.

развѣдчика», только о вѣтрѣ можно сказать, что онъ старается выгнать «коровъ» изъ мрачной твердыни горы, запирающей собою небосклонъ, но не въ силахъ этого исполнить, пока самъ Грозовикъ со своей дружиной не подоспѣтъ по расчищенному «широкому слѣду» и своими ударами не разобьетъ преграду. Это толкованіе подтверждается еще тѣмъ, что Сарамъ своимъ дѣтямъ, «псамъ Сарамэямъ», несомнѣнно олицетворяющимъ вечернія сумерки (вѣроятно, въ противоположность свѣтлымъ утреннимъ близнецамъ, Ашвинамъ), передала свой талантъ; съ тою лишь разницей, что они высматриваютъ и сгоняютъ не «коровъ», а людей (см. стр. 198—199); вечернія же сумерки неразлучны отъ легкаго вечерняго вѣтерка, который, на югѣ, неизмѣнно поднимается немедленно по захожденіи солнца*). Что этихъ близнецовъ такъ же, какъ Ашвиновъ, впоследствии раздѣлили, присвоивъ одному утреннія, другому вечернія сумерки,—болѣе чѣмъ вѣроятно,—не только ради симметріи, а ради того, что дѣйствительно и утро и вечеръ неумолимо сгоняютъ людей по роковому пути въ Мертвое Царство. Невольно припоминается, изъ одной Брахманы, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ поэтическихъ перловъ, («рѣдкихъ» во всѣхъ отношеніяхъ), которые воз-

*) Филологическое изслѣдованіе установило внѣ всякаго сомнѣнія тождество имени *Сарамэя* съ именемъ эллинскаго бога *Хермеса*, вѣстника боговъ, музыканта и искуснаго свистуна, который воровски угналъ коровъ и провожаетъ въ преисподнюю души умершихъ. А Хермесъ, навѣрно,—вѣтеръ.

награждают за долгіе, терпѣливые поиски,—коротенькій стихъ, въ которомъ День и Ночь названы «простертыми объятіями Смерти».

18.—Таковъ этотъ красивый, прозрачный натуралистическій миѳъ. Но такіе миѳы имѣютъ то свойство, что со временемъ подвергаются разнымъ превращеніямъ и если и не сходятъ на землю, принявъ видъ біографій древнихъ царей и мудрецовъ, то все же прилаживаются къ развитію племенного духа и къ послѣдующимъ вѣкамъ, не покидая своего небеснаго мѣсторожденія. Нѣчто такое, повидимому, случилось и съ миѳомъ о Сарамѣ, даже еще прежде, чѣмъ онъ окончательно оформился въ канонически утвержденные гимны*), въ каковомъ видѣ онъ, на опытный глазъ новѣйшихъ изслѣдователей, представляетъ сочетаніе натуралистическихъ и духовныхъ,—или, вѣрнѣе, обрядовыхъ,—элементовъ, введенное тѣмъ всепроникающимъ жреческимъ вліяніемъ, которое, въ недалекомъ уже будущемъ, должно было привести къ полному деспотизму брахманизма. Въ этомъ превращенномъ миѳѣ Сарамъ изображаетъ уже силу не природы, а молитвы,—вѣрнѣе, буквы священнаго слова, *мантры*; ибо очень давно, уже въ ведійскій періодъ, молитва болѣе не была свободнымъ изліяніемъ сердца, какимъ она является, если и не всегда, то и нѣрѣдко, у первыхъ пѣснопѣвцевъ, древнихъ Риши, а строго предписаннымъ отчитываніемъ текстовъ,

Превраще-
ніе натура-
листическаго
миѳа.

*) См. Бергсъ, «*La Religion Védique*», томъ II, стр. 311—321.

считавшихся священными сами по себѣ, обладающими какою-то волшебной, понудительной силой надъ самими богами, т. е. стихіями. Если представить себѣ Сараму олицетвореніемъ такой молитвы, то отлично можно представить ее и совершающею всѣ приписываемыя ей въ миѣ дѣйствія: молитва «идетъ по правому пути» («по пути Риты», изображаемому на землѣ жертвеннымъ обрядомъ), силой молитвы «находятся коровы», запугиваются вору, молитва же бога приводитъ къ пещерѣ въ горѣ и побуждаетъ его разбить твердыню и освободить плѣнницъ. При такомъ оборотѣ миѣ и дружина Индры уже не та: съ нимъ на врага идутъ не Маруты, а Ангирасы, — племя жрецовъ-полубоговъ, преданіемъ выдаваемыхъ за древнихъ, обоготворенныхъ учредителей жертвоприношенія, въ сущности же — олицетворенныхъ священныхъ гимновъ, которые они вѣчно распѣваютъ на своемъ воздушномъ пути. Должно замѣтить, что небесный видъ священнаго пѣснопѣнія есть не что иное, какъ голосъ грома. Когда къ мычанію плѣнныхъ коровъ присоединяется громкое пѣніе Ангирасовъ, ясно, что тутъ разумѣются продолжительные грозные раскаты тропической грозы съ отвѣтнымъ глухимъ рокотаніемъ изъ далекихъ горъ, тогда какъ «страшный трескъ», съ которымъ сокрушается твердыня, изображаетъ короткій, оглушительный громъ ударившей молніи. Надо помнить разъ навсегда, что небесная музыка, это — либо громъ, либо вѣтеръ, либо дождь. Кромѣ того, громъ есть само Священное Слово, священный Гимнъ,

первообразъ рѣчи вообще, языкъ боговъ, непонятный для людей*).

19.—Обратимъ затѣмъ вниманіе на товарища Индры. Съ нимъ не Вишну, не Сомы, даже не Агни въ его нормальномъ видѣ; съ нимъ—Брихаспати или Брахманаспати, Огонь въ самомъ священномъ, жертвенномъ видѣ, «Владыка Молитвы» и пѣснопѣнія, учредитель обрядовъ и священнослуженія, словомъ—самъ божественный *хотарь* и *пурохита*, священнодѣйствующій для людей и боговъ, вождь «девяти Ангирасовъ», самъ Ангирасъ, божественное олицетвореніе святости и могущества *брахмы***), молитвы, выражаемой въ гимнахъ, *саманъ*, или священныхъ текстахъ, *мантрахъ*. Поэтому совершенно понятно и другое его названіе, «*патикритъ*»,—т. е. «уготовитель пути». Путь этотъ—тотъ же, который «уготовили древніе Риши», по которому Сарамъ вела боговъ, широкій, исконный небесный путь, ведущій все къ той же цѣли, а именно—жертвоприношеніе***). Въ гимнахъ, посвященныхъ божественному жрецу, ему приписываются всѣ дѣянія и подвиги, за которые обыкновенно восхва-

Брихаспати
или Брах-
манаспати
(«Владыка
Молитвы»).

*) См. стр. 297.

**) *Брахма*, отъ корня, означающаго «проникновеніе»; имя «Брихаспати» содержитъ тотъ же корень.

***) Слово *патикритъ* точь-въ-точь соответствуетъ высшему титулу латинскаго священства—*pontifex*, буквально «мостостроитель». *Pons, pontis* первоначально означало не мостъ, а именно *путь*; а вѣдь мостъ, это—путь черезъ рѣку. Тевтонскіе и славянскіе языки сохранили исконное значеніе слова.

ляютъ Индру и другихъ великихъ натуралистическихъ боговъ, верховенство которыхъ, такимъ образомъ, на время переносится на него, и множество коротенькихъ позднѣйшихъ вставокъ вводятъ его въ древнѣйшія пѣсни, гдѣ ему, очевидно, не мѣсто. Можно прямо сказать, что Брихаспати составляетъ связующее звено между чистымъ ведизмомъ и возникающимъ брахманизмомъ, потому что не только брахманы объявляютъ себя единственными хранителями молитвенной силы, но отвлеченное мышленіе, которому предается жреческое сословіе (вскорѣ обратившееся въ *касту*), постепенно замѣняетъ собою древнее жизнерадостное, здоровое натуралистическое богопочитаніе и, въ концѣ концовъ, производитъ *брахма* (средняго рода),—всепроницающее, всеприсутствующее, но сокровенное естество, и конечное проявленіе его въ лицѣ верховнаго бога и творца Брахмы (мужского рода), перваго лица великой брахманской троицы.

Обоготвореніи
отвлеченности.—
Праджапати; Вишвакарманъ;
Хиракьягарбха и др.

20.—Давно замѣчено, что «всѣ божества, имена которыхъ кончаются на *пати* («владыка»), должно причислять къ позднѣйшимъ твореніямъ: они созданы размышленіемъ» *). Въ то же время, однако, не слѣдуетъ никогда забывать, что такіа второразрядная миѣическія личности (отвлеченности) по необходимости должны образоваться изъ перворазрядныхъ (натуралистическихъ боговъ),

*) Ротъ, «Брахма и Брахманы», въ «Журналѣ Нѣмецкаго Общества Востоковѣднiя» (*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*), т. I, стр. 66 и сл.

и въ Риг-Ведѣ можно наблюдать, какъ именно это дѣлалось. «Брахманаспати» неоднократно встрѣчается въ гимнахъ въ видѣ прилагательнаго, какъ эпитетъ бога Агни. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы послѣ того, какъ эпитетъ отдѣлился отъ личности и сталъ особымъ, самостоятельнымъ лицомъ, всегда сохранялось тождество этого лица съ прежнимъ; обыкновенно, такое имя получаетъ самостоятельную жизнь и совершаетъ свой собственный ходъ развитія; но первоначальная связь всегда остается замѣтной, какъ и связь Брихаспати съ жертвеннымъ огнемъ. Такъ, далѣе, Савитаръ, Сомъ, Индра поочередно величаются почетнымъ титуломъ Праджапати, — «владыка потомства», или, какъ обыкновенно переводятъ это названіе, «владыка всякой твари». Въ позднѣйшей стадіи ведійскаго богословія, когда начинаютъ входить въ моду отвлеченности, Праджапати уже призывается какъ отдѣльное божество. Но только въ по-ведійскомъ брахманизмѣ Праджапати удостоивается такой высокой чести, что признается его тождество съ самимъ верховнымъ Брахмою: опять связующее звено; опять продуктъ переходнаго періода. Точно также и Вишвакарманъ, «Соорудитель Вселенной» (вѣрнѣе — «Всего», *tō pān*) — присваиваетъ себѣ всѣ свойства, должности, почести, подобающія всѣмъ другимъ богамъ, тогда какъ первоначально имя это было просто титуломъ, который давался Индрѣ, Сурѣ и другимъ великимъ богамъ. Вашвакарману посвящены два гимна (X, 81 и 82), въ которыхъ онъ описывается такъ:

«...единный богъ, имѣющій со всѣхъ сторонъ очи, со всѣхъ сторонъ ликъ, руки, ноги; который, создавая небо и землю, даетъ имъ форму своими руками и крыльями... онъ же нашъ отецъ, творецъ, создатель,—вѣдаетъ всякое мѣсто и всякую тварь,—одинъ давалъ богамъ ихъ названія,—къ нему всѣ твари идутъ, вопрошаютъ его»...

Въ числѣ этихъ боговъ, такъ сказать, второй формациі, весьма замѣчательнъ Хираньягарьха,—«Золотой Зародышъ» или «Золотое Дитя» (очевидно, встарину одно изъ именъ солнца),—который тѣмъ же путемъ отвлеченности достигаетъ до верховнаго мѣста. Посвященный ему чудный гимнъ (X, 121), равно какъ и гимны въ честь Вишвакармана, слѣдуетъ причислить къ тѣмъ, въ которыхъ всего яснѣе отражается начало метафизической философіи въ Риг-Ведѣ *).

21.—Этихъ боговъ такъ — называемой второй формациі, связь которыхъ съ первоначальными натуралистическими богами можно ясно прослѣдить, не должно смѣшивать съ божествами еще третьяго разряда, чисто аллегорическими, олицетвореніями разныхъ отвлеченностей и свойствъ, вовсе не имѣющихъ натуралистической почвы, каковы: Вѣра (Шраддха), Щедрость (Дакшина, въ смыслѣ щедрости въ подаваніяхъ и жертвованіяхъ брахманамъ), Гнѣвъ (Маньюсь, праведный гнѣвъ борцовъ, сражающихся противъ бѣсовъ и земныхъ враговъ). Это, какъ извѣстно, было излюбленнымъ видомъ мнѳовъ у разсудительныхъ иранцевъ **), но совсѣмъ не свойственно аріямъ

*) См. далѣе, глава XI.

**) См. «Исторію Мидій».

въ первый періодъ ихъ жизнерадостнаго поклоненія природѣ. Поэтому въ Риг-Ведѣ такія аллегорическія олицетворенія встрѣчаются очень рѣдко, зато встрѣчаются во множествѣ въ позднѣйшихъ частяхъ Атхарва-Веды, гдѣ Время, Желаніе, Духъ Жизни, и пр. призываются какъ живыя божества, со всей пышной торжественностью древнихъ гимновъ Индрѣ, Сомѣ, Агни и др. Въ Брахманахъ это направленіе уже прямо беретъ верхъ.

22.—Читатель не могъ не замѣтить, что женскій элементъ почти отсутствуетъ въ предыдущемъ очеркѣ ведійскаго пантеона. Въ Риг-Ведѣ его дѣйствительно почти нѣтъ вовсе. Есть всего одна «великая богиня» съ выдающейся личностью, собственной исторіей, обязанностями, свойствами одной ей и больше никому изъ боговъ; это—Ушасъ, Заря. Сарамъ не богиня; Саранью еще менѣе. О «женахъ боговъ», — Девапатни — говорится мелькомъ, коллективно, и онѣ весьма легко превращаются въ «женъ бѣсовъ» — Дасапатни, потому что, въ сущности, онѣ не болѣе не менѣе какъ «воды» или «коровы», которыхъ вѣчно уводятъ, запираютъ, освобождаютъ. И когда эти «жены» настолько принимаютъ опредѣленный обликъ, что дѣлаются принадлежностью тѣхъ или другихъ боговъ, онѣ просто принимаютъ имена своихъ супруговъ съ женскимъ окончаніемъ: Варунани, Индрани, Агнайи, Ашвини. Это—какія-то блѣдныя, безжизненныя отраженія, безличныя призраки.

23.—Воды и Рѣки тоже не могутъ по справедливости именоваться богинями, хотя имъ ока-

Малочисленность богинь.

Воды и Рѣки.

зывается глубочайшее благоговѣніе и часто возносятся ихъ какъ самыя свѣтыя и чистыя творенія. Когда говорится о Водахъ вообще—Апасъ, то обыкновенно имѣются въ виду небесныя воды, Матери бога Агни, одно изъ обиталищъ бога Сомы; этимъ объясняется ихъ необычайная таинственная святость, которая естественно переносится на земныя воды, хотя бы только оттого, что послѣднія исполняютъ выдающуюся роль при жертвоприношеніяхъ, такъ какъ вода является одной изъ главныхъ составныхъ частей священнаго напитка, сомы. Мистическія, очистительныя свойства водъ несомнѣнно имѣются въ виду въ такихъ текстахъ, какъ, напр., слѣдующій: «...онѣ, божественныя, уносятъ всякую скверну; я выхожу изъ нихъ очищеннымъ и непорочнымъ». Но также несомнѣнно и то, что и физическія свойства воды вполнѣ сознавались и высоко цѣнились: ея чистота, цѣлебность, благотворное вліяніе на растительность, на здоровье скота, и, слѣдовательно, на преуспѣяніе хозяйства и народное богатство. Съ этой точки зрѣнія «Воды» представляются главнымъ образомъ въ видѣ рѣкъ, и ихъ сравниваютъ, часто очень поэтично, со всевозможными общелюбимыми предметами: то съ величавыми дойными коровами, то съ рѣзвыми кобылицами; онѣ — то игривыя сестры, то добрыя матери. Есть цѣлый, знаменитый «Рѣчной Гимнъ»,—*Надистути* (X, 75),—въ которомъ особенно прославляются всѣ рѣки области, первоначально занятой аріями,—неоцѣненный кладъ доисторической географіи. Тамъ мы находимъ

всѣ рѣки Седьмирѣчья (см. стр. 110—114), и еще много такихъ, которыхъ не оказалось возможности безошибочно признать. Последнія, можетъ-быть, принадлежать болѣе восточному и менѣе знакомому району, чѣмъ древній «Сапта-Синдхава», т. е. области, куда арійцы еще только вступали въ своемъ медленномъ слѣдованіи на востокъ, въ поискахъ за новыми пастбищами и большимъ просторомъ для расселенія, какъ видно изъ многихъ текстовъ, въ родѣ слѣдующаго: «Мы пришли въ безтравный край»... (пустынная песочная полоса, тотчасъ на востокъ отъ рѣки Джумны). «...Земля, хотя и обширная, для насъ тѣсна: укажи намъ путь въ бою, о Брихаспати!»—«Рѣчной гимнъ»—единственный во всемъ сборникѣ, упоминающій безспорно о «Гангѣ и Ямунѣ» (Джумнѣ), изъ чего видно, что онъ—одинъ изъ самыхъ позднихъ. Но эти двѣ капитальныя рѣки лишь вскользь упоминаются, въ числѣ прочихъ. Зато добрая половина стиховъ посвящена прославленію рѣки Синдху (женскаго рода, Индъ), описанію того, какъ:

«она, сверкая, сіяя, блистая, въ своемъ величїи, недолима, водообильнѣйшая изъ рѣкъ, красивая, какъ чудная пѣгая кобылица, катитъ волны свои по гладкой равнинѣ».

Центръ тяжести арійской духовной жизни, очевидно, еще не былъ перемѣщенъ.

24.—Въ числѣ рѣкъ есть одна, которая, въ виду крайняго къ ней благоговѣнія и приписываемой ей многоводности, всего ближе подходитъ къ званію настоящей богини, божественной личности, принимающей приношенія и приглашаемой

Рѣка
Сарасвати.

вкушать священный напитокъ сому. Рѣка эта Сарасвати. Какъ уже выше замѣчено, имя это и великая святость, съ нимъ сопряженная, принадлежатъ нѣкоей, сравнительно незначительной рѣчкѣ, которая въ настоящее время теряется въ пескахъ пустынной полосы и, даже въ свое прежнее, цвѣтущее время, не имѣла большого значенія,—развѣ только то, что она нѣкогда отмѣчала восточную границу арійскихъ владѣній, черту, за которую еще не проникалъ Агни «Ваишванара» («всенародный»), т. е. — жертвенное пламя, олицетворяющее арійское владычество и пропаганду. И невозможно, чтобы *эту* Сарасвати когда-нибудь описывали въ такихъ преувеличенно восторженныхъ выраженіяхъ, какъ слѣдующія (VII, 95, 1—2):

«Съ великимъ воднымъ шумомъ, неся краю питаніе, Сарасвати устремляется; она намъ крѣпкій оплотъ, что твердыня мѣдная. Подобно воину въ бѣгахъ колесницъ, рѣка (*синдху*) спѣшитъ, оставляя всѣ прочія далеко за собой.

«Сарасвати сбѣгаетъ съ горъ чистѣйшею рѣкой, бѣжитъ къ *самудрѣ* *), она несетъ богатство и благоденствіе обширному міру, течетъ молокомъ и медомъ для всѣхъ, проживающихъ на ея берегахъ».

Въ раннюю ведійскую эпоху (книга же, въ которой находится этотъ гимнъ — очень поздняя), такое описаніе могло относиться къ одной только рѣчкѣ, а именно — къ Инду. Изъ приведенныхъ

*) *Самудра*, — «масса водъ»; въ Риг-Ведѣ это названіе означаетъ не море или океанъ, а широкій рукавъ, образуемый слияніемъ Инда съ пятью рѣками Пенджаба, воды которыхъ приносятъ ему Пантшанада («Пятирѣчье»). (См. стр. 112).

строкъ выведено заключеніе, что *эта* Сарасвати есть именно Индъ. Такъ, несомнѣнно, называлась великая западная рѣка въ самомъ началѣ, прежде чѣмъ обыватели стали звать ее просто «Рѣка» (Синдху). Пройдя довольно далеко на востокъ, причемъ они переходили немало рѣкъ, аріицы дошли до такой рѣки, которая на время пріостановила ихъ. Они стали селиться вдоль ея теченія, и почему-то перенесли на нее имя давно для нихъ святое и дорогое. Почему? По старой памяти. Вѣдь «Сарасвати» есть просто санскритская форма древне-иранскаго «Хараквайти», а въ Авестѣ такъ зовется большая рѣка (нынѣ Хельмендъ) въ восточномъ Иранѣ, — Афганистанѣ и Кабулѣ, — гдѣ нѣкоторыя изъ отдѣлившіхся индо-иранскихъ племенъ навѣрно жили прежде, нежели собрались духомъ удариться въ каменную стѣну Сулимановой цѣпи и забраться въ ея дикія дебри и тѣснины. Не естественно ли было желаніе увѣковѣчить память о сдѣлавшейся родной и оставленной навѣки землѣ? Это прекрасное и отнюдь не натянутое разрѣшеніе вопроса найдено новѣйшими изслѣдователями *), и подтвердилось однимъ коротенькимъ стихомъ въ Атхарва-Ведѣ, упоминающимъ безо всякихъ поясненій о «трехъ Сарасвати», и долго оставшимся одной изъ тѣхъ докучливыхъ загадокъ, которыя на каждомъ шагѣ попадаютъся ученымъ

*) См. въ особенности Гиллебрандтъ, «*Vedische Mythologie*», т. I, стр. 99—100. Надо замѣтить, что Хельмендъ копчается не моремъ, а *большимъ озеромъ*, въ которому вполне примѣнно названіе *самудра*.

санскритистамъ. Когда писался этотъ стихъ, въ поясненіи, вѣроятно, еще не чувствовалось надобности, потому что еще не потерялась живая память объ этихъ дѣлахъ.

Сарасвати,
богиня
красно-
рѣчія и
священной
поэзіи.

25.—Въ по-ведійскія времена Сарасвати является главнымъ образомъ богиней краснорѣчія, не тѣряя, впрочемъ, своего званія и рѣчной богини. Говоримъ же и мы о «потокѣ краснорѣчія», о «свободно льющейся рѣчи»; наконецъ, у обоихъ словъ «рѣка» и «рѣчь» корень одинъ, указывая на сродство понятій; поэтому поэтический образъ, лежащій въ основѣ этого превращенія, не покажется слишкомъ натянутымъ. Въ Риг-Ведѣ рѣкѣ еще не присвоена эта специальность, но она упоминается въ связи съ жертвоприношеніемъ и богослужебнымъ пѣснопѣніемъ, такъ что въ позднѣйшей части сборника она уже несомнѣнно является олицетвореніемъ священной поэзіи, можетъ-быть, даже различныхъ размѣровъ стихотворства, которые въ Брахманахъ изображены воодушевленными божественными личностями.

Вачъ, обоготворенная
Рѣчь.

26.—То же въ еще большей степени можно сказать и о другой богинѣ, по имени Вачъ,—олицетвореніи Рѣчи,—которая уже въ Риг-Ведѣ (конечно, въ послѣдней, десятой, книгѣ) облачается въ пышную велерѣчивость брахманской метафизики и прославляется, какъ «достойная всякаго обожанія», «все-проникающая», «несущая богатства», «обитающая во многихъ жилищахъ», и пр. Впрочемъ, аллегорія не переходитъ границы прекрасной поэтической образности; притомъ никогда не теряется связь ея съ

явленіемъ природы, на которомъ она основана. По поэтической красотѣ и глубинѣ немного представленій сравнятся съ этой мыслью древнѣйшихъ поэтовъ нашей расы, слѣды которой еще до сихъ поръ замѣтны въ миѳической поэзіи иныхъ народовъ: состоитъ она въ томъ, что первообразъ человѣческой рѣчи есть голосъ боговъ, возвышающихъ о себѣ въ буряхъ и громѣ; это и есть Вачъ, Священное Слово, грозное и всемогущее, мудрое и благотѣльное, изреченное въ небесной обители. Но слово это людямъ непонятно. Для нихъ Вачъ претворяется въ людскую рѣчь, раздѣляется на разные языки, и, по словамъ пѣвца:

«1... Люди въ самомъ первомъ стремленіи своемъ—высказаться, дали всему названія, и все, что они хранили въ себѣ самаго заветнаго, самаго лучшаго и непорочнаго, обнаружилось свѣту.—2. Вездѣ, гдѣ умные люди съ разборомъ издавали рѣчь (*вачъ*), просѣвая слова, какъ сквозь сито, тамъ другъ позналъ друга, и отъ словъ ихъ бываетъ толкъ и польза.—3. Жертвоприношеніями они прослѣдили Вачъ, и оказалось, что она поселилась въ древнихъ Риши. Взяли они ее и подѣлили на много частей, и нынѣ всѣ семь Риши воспѣваютъ ее.—4. Одинъ человѣкъ, хотя и съ глазами, не видитъ ея; другой, хотя и съ ушами, ея не слышитъ; третьему же она сама своей волею дается, какъ нарядная, ласковая жена показывается мужу.—5. Одинъ человѣкъ слыветъ ея любимцемъ, — и непобѣдимъ въ поэтическихъ состязаніяхъ; другой всю жизнь тщетно старается: онъ только слышалъ Вачъ, и она для него не даетъ ни цвѣта, ни плодовъ.—6. Тотъ, кто покидаетъ благомыслящаго друга, къ тому Вачъ не благоволяетъ, и если онъ что и слышитъ, то слышитъ все: ему невѣдомъ путь къ добродѣтели.—7. И даже въ тѣхъ, которые наслаждаются ею понимающимъ окомъ и ухомъ, духъ дѣйствуетъ неодинаково: иной — что

озеро, доходящій до плеча и до устъ; иной — мелкая вода, въ которой въ пору развѣ помыться.—8. Когда жрецы вступаютъ другъ съ другомъ въ состязаніе, кто изречетъ слово вдохновеннѣе; одинъ далеко отстанетъ въ мудрости, а другіе покажутъ себя истинными служителями божества.—9. Одинъ сидитъ, и пѣсни у него распускаются, что цвѣты; другой громко распѣваетъ; этотъ умно бесѣдуетъ о естественъ мірозданіи; тотъ располагаетъ жертвоприношеніе по предписанному обряду.—10. И друзья гордятся другомъ, когда онъ является среди ихъ вождемъ поэтовъ. Онъ исправляетъ ихъ ошибки, поможетъ имъ снискать благополучіе, и воспринять, готовый къ состязанію» (X, 71).

Едва ли возможно болѣе мѣтко и тонко оцѣнить красоту и благородство человѣческой рѣчи, или разницу между тѣмъ, кто, имѣя глаза, не видитъ и, имѣя уши, не слышитъ, и тѣмъ, кому данъ вѣщій даръ,—между духомъ, подобнымъ глубокому озеру и умомъ, мелкимъ, какъ лужа,—разницу съ тѣмъ, кто сыплетъ пѣснями, какъ цвѣтами, и тѣмъ, что понапрасну ломаетъ себѣ голову и не видитъ отъ богини ни цвѣта, ни плодовъ. Только нужно быть осторожными и не понимать подобныхъ мѣстъ въ *слишкомъ* современномъ намъ смыслѣ. Надо помнить, что поэзія, о которой тутъ говорится, хотя и богоданная, однако, не есть тотъ свободный, ничѣмъ нестѣсняемый даръ, какимъ она представляется *намъ*: богиню слѣдуетъ искать *черезъ жертвоприношеніе*; значить она пощщаетъ пѣвца, обремененная всѣми окозами ритуала, обряда, предписаннаго стихотворнаго размѣра, и пр. На поэтическихъ состязаніяхъ сочиняются гимны; ошибки, которыя побѣдитель исправляетъ, касаются деталей богослужебной техники; благоденствіе, которое онъ

сулить, добывается отъ боговъ понудительной силой условной молитвы (*брахмы*). Все же можно сказать, что поэтъ, «сочинившій» настоящій гимнъ, создалъ вещь гораздо лучшую, нежели самъ подозрѣвалъ,—такую, которая, если освободить ее отъ всего наноснаго, условнаго, остается истиннымъ перломъ поэзіи и всегда имъ останется.

Нельзя того же сказать о другомъ гимнѣ (X, 125), посвященномъ той же Вачъ. Тамъ богиня является брахманской отвлеченностью—и больше ничего. Нельзя также похвалить крайне характерныхъ строкъ, въ которыхъ она подвергается неизбѣжному превращенію въ корову. Поэтъ недоволенъ. Можетъ-быть, онъ состоитъ *мурохитой* (духовникомъ) при государѣ, не особенно щедромъ на жертвоприношенія (которыя дорого стоятъ), и мощна его туго наполняется. Свою жалобу онъ изливаетъ устами богини Вачъ; она, будто бы, говорить:

«Я, Вачъ, искусная въ витійствѣ, помощница при всѣхъ благочестивыхъ дѣлахъ,—я, божественная корова, пришедшая отъ боговъ,—я въ пренебреженіи у неблагомыслящаго чловѣка».

27.—Закончимъ нашъ подборъ цитатъ коротенькимъ стихотвореніемъ (собственно гимномъ его нельзя назвать), въ честь богини лѣснаго уединенія, Араньяни (*Waldeinsamkeit*); вѣрнѣе—олицетворенной Дубравы лѣсной. Она, положимъ, не имѣетъ большого значенія, какъ божество; скорѣе всего, просто выдумана какимъ-нибудь поэтомъ-отшельникомъ, душа котораго настроилась въ унисонъ съ лѣсною, таинственною прелестью.

Араньяни,
олицетво-
ренная
Дубрава.

По-этому у него и вышла красивая вещица, притомъ наглядно показывающая, что начало лѣснаго отшельничества, въ послѣдствіи сдѣлавшагося такой отличительной чертой брахманизма,—какъ и начало всѣхъ почти явленій духовной жизни аріиской Индіи,—слѣдуетъ искать въ источникѣ этой жизни,—Риг-Ведѣ. Представимъ же себѣ тѣ тысячи загадочныхъ звуковъ и обманчивыхъ впечатлѣній, которые обступаютъ одинокаго лѣснаго жителя въ вечерній часъ, въ постепенно темнѣющемъ густомъ бору:

«1. Араньяни, Араньяни! Ужъ не заблудилась ли ты? Отчего ты не спросишь дорогу въ село? Или тебѣ тутъ не страшно?—2. Когда на рѣзкій крикъ совы отвѣчаетъ попугай, подпрыгивающій словно подъ мѣрный звукъ кимвала, тогда возвеселится Араньяни.—3. Здѣсь—звукъ точно пасущихся коровъ; тамъ—мерещатся дома; далѣе—скрипъ въ сумерки, какъ будто Араньяни разгружаетъ телеги.—4. Тутъ—человѣкъ зоветъ свою корову; тамъ—другой дерево рубить; и вдругъ лѣсному жителю почудилось, что кто-то крикнулъ.—5. Араньяни сама не зла, если никто не нападетъ (тигръ, и пр.), и, поѣвши сладкихъ плодовъ, у нея пріятно отдохнуть.—6. Пою я хвалу Араньяни, матери дикаго звѣря, благоуханной, пряно-душистой, надѣвающей обильной пищей, хотя нѣтъ у нея пахарей».

VIII.

Риг-Веда: Древнѣйшая исторія.

1.—Всякому извѣстно, что такое въ Индіи **Касты**. каста. Каждый имѣетъ болѣе или менѣе ясное понятіе о томъ, подъ какимъ гнетомъ этотъ пагубный общественный строй держитъ чуть не шестую долю всего человѣчества и о его почти что неискоренимыхъ дурныхъ послѣдствіяхъ,—о непреодолимой преградѣ, которую онъ противупоставляетъ самымъ добросовѣстнымъ стараніямъ европейскихъ правителей объ улучшеніи быта населенія. Мы здѣсь не имѣемъ дѣла съ новѣйшимъ развитіемъ кастовой системы, съ ея безконечными раздѣленіями и подраздѣленіями, происшедшими отъ смѣшанныхъ браковъ, нѣкогда безусловно воспрещенныхъ, которою прямо отражается жизнь европейскаго чиновнаго люда въ Индіи. Но намъ необходимо подольше остановиться на первоначальномъ раздѣленіи общества на четыре, рѣзко распадающіяся сословія: 1) Священство—Брахманы, 2) Воинство—Кшатрии или Раджанья, 3) Рабочій людъ — Ваишья (поселяне, ремесленники, торговцы), и 4) Служащее сословіе — Шудра; другими словами: молящіеся, сражающіеся, трудящіеся, служащіе.

**Жреческая
каста.—
Брахманы.
Ихъ чрез-
вычайныя
притязанія
и самосчи-
вость.**

2.—Таково болѣе или менѣе строгое дѣленіе, на которое распадается всякій народъ въ самомъ началѣ своего государственнаго существованія. Въ Индіи оно съ самыхъ раннихъ временъ отличалось необыкновенной суровостью и непреклонностью. Нигдѣ люди такъ неумолимо не обрекались жить и умереть на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ родились, безъ малѣйшаго простора для личнаго выбора, безъ малѣйшей лазейки, черезъ которую бы выбраться въ другое. Этимъ-то кастовый строй и отличается отъ сословности другихъ странъ, гдѣ преграды хотя и высоки, но не окончательно непреодолимы. Наконецъ, нигдѣ священство не заявляло правъ на такое полное верховенство, не требовало такой безусловной покорности, такого почти рабскаго самоуничиженія со стороны всѣхъ другихъ сословій, доходящаго до того, что, если дѣвица изъ брахманскаго рода выходила за воина, бракъ считался унижительнымъ для нея, хотя бы мужъ ея былъ вельможа, князь, даже царь. Гдѣ, кромѣ Индіи, слыхано, чтобы жрецы имѣли нахальство провозгласить прямо, безъ обиняковъ: «существуетъ два разряда боговъ: боги небесные, и боги земные—брахманы?» Вотъ какъ великое брахманское Уложеніе—«Законы Ману», опредѣляетъ обязанности и взаимныя отношенія всѣхъ четырехъ кастъ (I, 88, 91):—

«Брахманамъ онъ (Брахма) указалъ учить Ведамъ и изучать ихъ, совершать жертвоприношенія на пользу свою и другихъ, раздавать и принимать подаянія.

«Кшатріямъ онъ повелѣлъ оборонять народъ, надѣлать дарами (*брахмановъ, конечно*), приносить жертвы, изучать

Веды и воздерживаться отъ привязанности къ чувственнымъ наслажденіямъ.

«Ваншьямъ—ходить за скотомъ, надѣлать дарами, приносить жертвы, изучать Веды, торговать, давать займы деньги и воздѣлывать землю.

«Шудрамъ онъ предписалъ одно единственное занятіе смиренно служить прочимъ тремъ кастамъ».

Еще въ этомъ первомъ опредѣленіи брахманы предъявляютъ сравнительно скромныя, во всякомъ случаѣ не безразсудно дерзкія требованія; но нѣсколькими страницами дальше, законодатель пускается въ подробности, и съ большею ясностью развиваетъ свою мысль.—

«Брахманъ, появляясь на свѣтъ, родится высшимъ существомъ на землѣ, владыкой всего творенія, ради охраны сокровищницы закона.

«Все, что существуетъ на землѣ, есть собственность брахмана; по превосходству своего рожденія, онъ имѣетъ право на все, что есть въ мірѣ.

«Брахманъ можетъ ѣсть только свою пищу, носить только свое платье, раздавать милостыню только изъ своего добра; другіе смертные существуютъ исключительно милостью брахмана...

«... Знай, что десятилѣтній брахманъ и столѣтній кшатрія состоятъ другъ къ другу въ отношеніяхъ отца къ сыну, только отцомъ будетъ брахманъ...

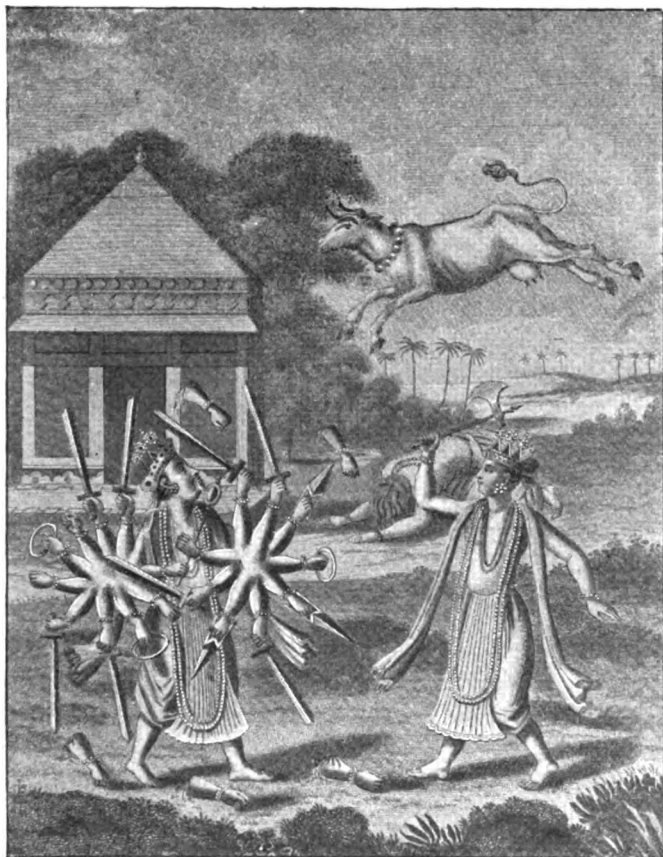
«... Брахманъ, все равно, ученъ ли онъ или невѣжественъ, есть великое божество...

«... Хотя бы брахманы занимались самыми низкими работами, имъ должно всячески оказывать почетъ, ибо каждый изъ нихъ есть превеликое божество...»

Царскія обязанности коротко и ясно излагаются въ трехъ пунктахъ:—«Не отступать въ бою; защищать народъ; почитать брахмановъ». Буквально сказано «*боготворить* брахмановъ»;—это выраженіе часто встрѣчается въ текстѣ.

«Обогащать ихъ» предписывается безпрестанно, и царей предостерегаютъ, чтобы они, отнюдь, ни подъ какимъ видомъ, не вызывали ихъ гнѣва,— «ибо, разгнѣванные, они могутъ мгновенно уничтожить царя, со всѣмъ войскомъ и колесницами». Они пользуются безчисленными преимуществами и льготами. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что матеріальная сила, въ сущности, находилась въ рукахъ воинской касты и что брахманы на дѣлѣ пользовались не совсѣмъ такимъ могуществомъ, какъ было въ теоріи, притомъ брахманы отлично сознавали, что благоразуміе требуетъ уступокъ и примирительной политики. Такъ, въ томъ же Уложеніи, законодатель, нахваставшись вдоволь, вдругъ благоразумно понижаетъ тонъ и изрекаетъ слѣдующее практическое соображеніе, которое всегда и вездѣ лежало въ основѣ взаимныхъ отношеній между священствомъ и государствомъ:— «Кшатріи не могутъ благоденствовать безъ брахмановъ, а брахманы безъ кшатріевъ. Тѣсно же сплотившись, и тѣ и другіе благоденствуютъ и въ семъ мірѣ и въ грядущемъ».—Брахманство по-ведійскаго періода, однако, сохраняетъ живую память объ ожесточенной борьбѣ, происходившей когда-то между обѣими кастами. Борьба эта повѣствуется въ видѣ легенды въ Махабхаратѣ и въ Пуранахъ, и гласитъ слѣдующее: кшатріи такъ вознеслись духомъ и сдѣлались такими тиранами, что потребовалось вмѣшательство самого бога Вишну для усмиренія ихъ. Послѣдній воплотился человѣкомъ и, явившись

на свѣтъ въ священномъ родѣ Бригу, прославился подѣ именемъ богатыря Парашу-Рама



Шестой аватаръ Вишну: воплощеніе въ видѣ богатыря Парашу-Рама, истребителя кшатріевъ *).

*) Вверху—чудотворная корова Вазишты, олицетвореніе брахманской молитвы и жертвоприношенія.

Древнѣйшая исторія Востока. Т. IV. Исторія Индіи.

20

(«Рама съ топоромъ»), который сдѣлался истребителемъ всей воинской касты. «Трижды семь разъ онъ очистилъ землю отъ воинскаго отродія и наполнилъ пять озеръ кровью ихъ»,—послѣ чего онъ *отдалъ землю брахманамъ!*

„Дважды
рожден-
ные“ и
Шудры.

3. — Нужно замѣтить что только тремъ первымъ кастамъ предписывается изучать Веды. Эта обязанность не упоминается въ числѣ обязанностей четвертой, служащей касты; мало того, шудрамъ положительно воспрещалось даже присутствовать при жертвоприношеніяхъ,—другимъ тремъ кастамъ запрещалось читать или распѣвать священныя *мантры* въ такомъ мѣстѣ, гдѣ шудра могъ бы ихъ услышать, и брахманъ, рѣшившійся преподавать шудрѣ ведійскую науку, бралъ на душу ничѣмъ не искупимый грѣхъ. Когда мальчикъ, принадлежащій одной изъ трехъ высшихъ кастъ, достигалъ извѣстнаго возраста, онъ «посвящался», т. е. съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ принимался въ общину вѣрующихъ, послѣ чего поступалъ на обученіе и послушаніе къ какому-нибудь *гуру*, т. е. духовному отцу и руководителю, непременно брахману. Это посвященіе считалось какъ бы вторымъ рожденіемъ отрока,—рожденіемъ въ духовную жизнь; поэтому три высшія касты съ гордостью называли себя «дважды-рожденными» (*divi-ja*). Въ этомъ отличіи шудрамъ, конечно, было отказано, что и объявляется категорически въ «Уложеніи Ману»:—«Брахманъ, кшатрія и ваишья,—это дважды рожденные касты; четвертая, шудры, второго рожденія не имѣетъ. Пятой

касты нѣтъ». Брахманъ посвящался между восьмымъ и шестнадцатымъ годомъ, кшатрія—между одиннадцатымъ и двадцать вторымъ, вайшья—между двѣнадцатымъ и двадцать четвертымъ.

4.—Таковы основныя черты кастовой системы въ ея первоначальномъ видѣ. Но и въ такомъ упрощенномъ видѣ система эта не принадлежитъ собственно ведійскому періоду; иначе непременно нашлось бы на то указаніе, хоть косвенное, въ Риг-Ведѣ, столь вѣрно отражающемъ черты общественнаго строя, существовавшего въ эпоху составленія сборника; между тѣмъ, ничего такого тамъ не упоминается развѣ только въ одной единственной пѣснѣ (X, 90), извѣстной подъ названіемъ Пуруша-Сукта («гимнъ о Пурушѣ»), вообще смысла крайне темнаго, съ мистическимъ отгѣнкомъ. Описывается сотвореніе міра въ видѣ исплинскаго жертвоприношенія, совершаемаго богами. Центральной фигурой и жертвой является первородный великанъ, по имени Пуруша (одно изъ названій «человѣка»),—и человѣчество создается изъ разныхъ частей его тѣла. Пуруша, говорится въ гимнѣ, «есть вся вселенная, все бывшее, сущее и будущее». И боги принимаются извлекать изъ него міры, и животную тварь, и людей. Изъ устъ его созданъ брахманъ, изъ рукъ его кшатрія, вайшья—изъ его бедръ; шудра родится изъ его ногъ. Десятая книга, какъ извѣстно, новѣе другихъ. Въ нее включены разные гимны, сами по себѣ интересные, но не поддающіеся классификаціи, или приписываемые авторамъ, не принадлежащимъ ни одному изъ тѣхъ родовъ, которые

Касты всего
разъ упоми-
наются въ
Риг-Ведѣ.

прославились какимъ-нибудь знаменитымъ пѣвцомъ или цѣлымъ рядомъ пѣвцовъ. Это наблюденіе подтверждается разными особенностями въ языкѣ, духѣ, міровоззрѣніи, и пр., которыми отличается эта книга. Изъ того, что сюда попалъ и Пуруша-Сукта, и, слѣдовательно, начало кастовой системы можно отнести уже къ позднему ведійскому періоду, можно судить, какъ легко долженъ былъ совершиться переходъ отъ этого періода къ такъ-называемому брахманскому или классическому, безо всякаго крутого перелома. Брахманскія писанія всѣ подтверждаютъ мнѣ о Пурушѣ, съ тою только разницей, что на мѣсто этого, древнѣйшаго, имени, они ставятъ имя Брахмы, Творца и высшаго божества по-ведійскаго періода, мистическое же жертвоприношеніе не упоминается вовсе. Вотъ почему брахманы всегда такъ похваляются «превосходствомъ своего происхожденія». Они толкуютъ легенду слѣдующимъ образомъ: тѣ, которые изшли изъ устъ Божества, какъ самой благородной части его тѣла, родились учителями и повелителями: они воплощаютъ его Мысль, его Слово; тѣ, которые произошли отъ рукъ его, родились для воинскаго дѣла; тѣмъ, которые произошли отъ его бедръ, назначено нести на себѣ и поддерживать наиболѣе благородныя части общественнаго строя; на долю же тѣхъ, которые родились отъ божественныхъ ногъ, очевидно остается одно лишь смиренное служеніе*).

*) Лудвигъ видитъ намекъ на касты,—или первый признакъ такого дѣленія,—въ гимнѣ, посвященномъ богинѣ

5.—Если касты съ ихъ названіями упоминаются ^{Арийцы и Дасью.} только одинъ разъ во всемъ Риг-Ведѣ, зато въ немъ безпрестанно встрѣчается другое раздѣленіе, кому бы ни приписывалась та или другая книга, и, согласно этому раздѣленію, обитатели Пенджаба и, впослѣдствіи, болѣе восточной части Индостана, распадаются на два главныхъ разряда, которые всегда противупоставляются одинъ другому, и каждый изъ нихъ вмѣщаетъ множество подраздѣленій, т. е. племенъ и народовъ, названія которыхъ сохранены современными пѣвцами: это—дѣленіе на Арийцевъ и Дасью. Кто были первые, намъ хорошо извѣстно, и само собою представляется, что послѣдніе должны были быть не-арійскіе туземные народы, которыхъ арійскіе пришельцы послѣ многолѣтней, а можетъ-быть, и многовѣковой борьбы, покорили и поработили. Въ этомъ несомнѣнно заключается зародышъ кастъ, и нельзя не замѣтить, какъ близко это древнее широкое дѣленіе подходитъ къ нынѣшнему,—на «дважды-рожденныхъ» и шудровъ. Къ тому же индусы и нынѣ называютъ касты *варна*, а это значитъ буквально, «краска, цвѣтъ», въ Ведахъ же постоянно упоминается о разницѣ въ цвѣтъ кожи у туземцевъ и у арийцевъ-завоевателей. Затѣмъ слово «дасью», со всѣми измѣненіями, черезъ которыя прошло его значеніе,

Ушасъ (I, 113), гдѣ говорится, что она «поднимаетъ одного на вершеніе царскаго дѣла, другого—для погони за славой, третьяго — для добыванія богатства, четвертаго — служить службу, — будить всѣ твари, чтобы шли разными жизненными путями» (См. стр. 243).

тоже очень краснорѣчиво говорить за себя. Это—старинное арійское слово, которое персы продолжали употреблять въ его исконномъ, безобидномъ значеніи: просто «народы». Въ историческихъ надписяхъ царя Дарія, оно встрѣчается часто, и обозначаетъ коренныхъ обывателей провинцій, туземцевъ, въ противоположность арій-



Бенгальскіе брахманы (арійцы).

цамъ. Въ Индіи оно сразу приняло враждебный оттѣнокъ: «непріатели», и естественно перешло въ облачное царство ведійской мифологіи въ смыслъ враждебныхъ силъ, — бѣсовъ, злыхъ демоновъ, силъ тьмы и засухи, противъ которыхъ вѣчно ратуетъ Индра, разбивая ихъ съ помощью Марутовъ, Ангирасовъ, и прочихъ свѣтлыхъ бойцовъ. Какъ ни логиченъ и естественъ этотъ пе-

реходъ, онъ все же значительно увеличилъ трудность толкованія Ведъ, потому что, когда Индру или Агни просятъ отогнать или истребить злыхъ «*дасю*», или, когда говорится о томъ, что они уничтожили ихъ твердыни или крѣпости, бываетъ почти невозможно рѣшить, о *какихъ* врагахъ идетъ рѣчь, о земныхъ ли или небесныхъ. Последняя перемѣна, которой подверглось слово «*дасю*» крайне знаменательна: кончилось тѣмъ, что оно стало означать прямо—«рабовъ» (въ измѣненной слегка формѣ—*даса*), этимъ ясно ука-



Бенгальцы низкой касты (*дасю*).

зывая на окончательное порабощеніе туземныхъ народовъ, и весьма близко подходя, по значенію, къ нынѣшнему названію: шудры. Слѣдовательно можно, не ошибаясь, постановить слѣдующее уравниеніе: Аріецъ — *дасю* = «дважды-рожденный» — шудра. И если потребуется еще болѣе вѣское доказательство того, что низшая каста впала въ положеніе отверженцевъ, благо-

даря военному порабощенію, мы таковое найдемъ въ одномъ мѣстѣ Уложенія Ману, запрещающемъ «дважды-рожденнымъ» водить знакомство съ шудрой, *«хотя бы онъ былъ царемъ»*. Чѣмъ можетъ быть шудра-царь, какъ не туземнымъ государемъ? Нѣтъ предѣловъ презрѣнію и отвращенію, съ какими арійцы относились къ народамъ, у которыхъ они отнимали землю и свободу. Чувство это, первоначально вызванное самымъ неискоренимымъ и неподдающимся разуму изъ инстинктовъ человѣческой натуры, — расовымъ антагонизмомъ, сказывается въ безчисленныхъ текстахъ, весьма цѣнныхъ, какъ дающихъ возможность составить довольно вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ должны были быть эти туземцы, и чѣмъ въ особенности они отличались отъ своихъ покорителей. Прежде всего поражаетъ различіе въ цвѣтѣ кожи, обликъ и чертахъ лица, въ чемъ, какъ выше замѣчено, кроется начало кастоваго отличія. «Истребляя *дасью*, Индра защищаетъ *арійскій цѣптъ*», — съ благодарностью восклицаетъ одинъ поэтъ. «Индра, — говоритъ другой, — въ бою защитилъ арійскаго богомольца, усмирить незаконныхъ, *сокрушилъ чернокожихъ*». «Онъ (Индра), по обыкновенію, разбилъ *дасью*... отбилъ у нихъ землю со своими бѣлыми друзьями»... Еще арійцы называютъ ихъ «козлоносими» или «безносими» (вѣроятно, намекъ на «плоскіе носы»), тогда какъ арійскихъ боговъ хвалятъ за ихъ красивые носы. *Дасью* еще ругаютъ за то, что у нихъ нѣтъ священныхъ огней, что они поклоняются «сумасшедшимъ» богамъ, ѣдятъ сырое мясо; на-

конецъ, ихъ, повидимому, считали за опасныхъ колдуновъ: — «Ты (Индра) сдѣлалъ колдовство



Молодая брахманна.
(Чистокровная, самой высшей касты).

дасью безсильнымъ противъ Риши». Нужно ли упоминать, что различіе языковъ довершало пре-

Дасью—ту
сонные
народы.

граду, которую впоследствии побѣдители всячески изощрялись сдѣлать окончательно непроходимой.

6.—Хотя не подлежит сомнѣнію, притомъ исполнѣ естественно, что арійцу противопоставлялся *дасью* или *даса*, и «дважды-рожденному»—шудра, однако было бы ошибкой принять эти имена за названія какого-нибудь особаго народа: ими обозначались всѣ не-арійцы вообще, въ родѣ того, какъ, въ классической древности, «варварами» называли всѣхъ, кромѣ грековъ и римлянъ. Полагаютъ, что именемъ «*дасью*», въ слегка измѣненной формѣ, *можетъ-быть*, называли нѣкій народъ, съ которымъ иранскіе арійцы встрѣчались и сражались еще до своего вступленія въ Пенджабъ *). Если такъ, то этимъ именемъ съ очень раннихъ поръ стали обозначать вообще «враговъ», потомъ «подданныхъ», вслѣдствіе чего происхожденіе его совершенно забылось и иран-

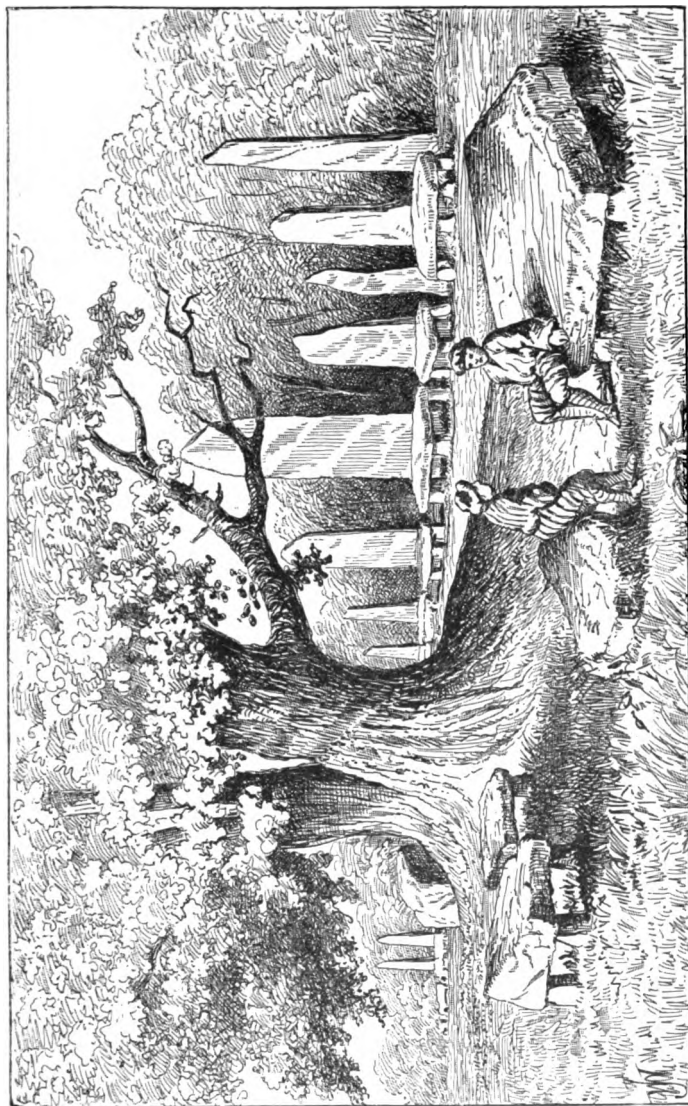
*) Эти «враги» отнюдь не всегда были не-арійскаго происхожденія. *Дахаи* (отъ чего, вѣроятно, произошло впоследствии *дасью*), называлось «племя, родственное иранцамъ», проживавшее «въ киргизъ-туркестанской степи, которая простиралась отъ Каспійскаго моря за Іаксартъ (нынѣ Сыръ-Дарья)». См. Эд. Мейеръ, *Geschichte des Alterthums* т. I, § 425, стр. 525, и Гиллебрандъ, *Vedische Mythologie* т. I стр. 94—116. Въ этой замѣчательной главѣ авторъ предлагаетъ признать въ богатомъ разбойничьемъ племени ииенчеспхъ *Пани*,—древнихъ *Парниевъ*, которыхъ греческій географъ Страбонъ описываетъ кочевниками (нѣчто въ родѣ иранскихъ бедуиновъ), проживающими вдоль рѣки Окса (нынѣ Аму-Дарья); въ племени *Параватомъ* («Горцевъ»), противъ которыхъ арійцы сражались, по свидѣтельству Риг-Веды, онъ узнаетъ *Паруэтомъ*, арійскаго же корня. (Тамъ же, стр. 97, 98).

скими и индійскими аріицами. Дѣло въ томъ, что свѣтлокожіе, свѣтловолосые поклонники Агни, Сомы, Индры, застали племена не одной расы, а *двухъ*, весьма различныхъ между собой, имѣющихъ разныя имена и разныхъ князей, — какъ, впрочемъ, было и у самихъ аріицевъ. Риг-Веда пестритъ именами, въ которыхъ сначала путаешься безвыходно; но упорному, проницательному изслѣдованію удалось уже внести нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ и извлечь изъ него нѣчто похожее на первые проблески исторической осмысленности. При совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было памятниковъ, тутъ больше всего помогаетъ внимательное изученіе нынѣшняго, смѣшаннаго изъ множества элементовъ, населенія Индіи. Хэнтеръ, лучше и основательнѣе кого бы то ни было знающій эту громадную имперію, называетъ Индію «музеемъ всякихъ расъ, въ которомъ мы можемъ изучать человѣка отъ самыхъ низкихъ культурныхъ ступеней до самыхъ высшихъ». А ужъ кому лучше знать, какъ не этому писателю, составившему лексиконъ не-арійскихъ языковъ и нарѣчій Индіи, которыхъ набралось 193. Изъ нихъ весьма немногіе, конечно, имѣютъ литературное значеніе, но есть и такіе, — тамильскій, телугу, канарійскій, — которые хорошо извѣстны филологамъ и имѣютъ свое определенное мѣсто въ списокѣ крупныхъ представителей человѣческой рѣчи. Они образуютъ двѣ группы или семьи, совершенно разныхъ типовъ, отъбчающихъ двумъ главнымъ расамъ, на которыя распадаются не-арійскія народности: *дасью* ведійской древности =

= шудры классическаго брахманизма = «низкія касты» современнаго индуизма.

Колары и
Дравиды и
ихъ потом-
ки.—Абори-
гены.

7.—Эти расы — Колары и Дравиды. Обѣ пришли въ до-историческій періодъ много раньше арійскаго нашествія, съ двухъ противоположныхъ сторонъ: колары съ востока, дравиды съ сѣверо-запада,—можетъ статься, черезъ тѣ же горныя ушелія, черезъ которыя впослѣдствіи прошла арійская волна. Если они,—какъ это и вѣроятно,—застали еще древнѣйшее населеніе, аборигеновъ, то отъ послѣднихъ не осталось никакихъ ровно слѣдовъ; развѣ что имъ можно приписать многочисленныя курганные могильники, да грубые памятники изъ неотесанныхъ камней и стоячихъ плитъ, образующихъ сочетанія, извѣстныя въ западной Европѣ подъ кельтійскими названіями: *долмены* и *менхиры*, кругами и аллеями, какіе мы видимъ въ Англіи,—въ Стонхэнджѣ, и въ Бретани,—въ Карнакѣ. И эта первобытнѣйшая форма монументальнаго искусства покрывается, по всей вѣроятности, нѣсколько вѣковъ, потому что, хотя въ ней нѣтъ ни малѣйшаго признака письма или декоративныхъ мотивовъ, однако она представляетъ двѣ разныя ступени культуры, такъ какъ въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены лишь кремневые орудія и грубѣйшіе образчики гончарнаго искусства, тогда какъ въ другихъ появляются уже желѣзное оружіе и украшенія изъ золота и мѣди. Итакъ, полагають, что колары пришли первые и, распространившись по всему району, нынѣ извѣстному подъ именемъ Ассама и Бенгала. встрѣтили по-



Доисторическіе каменные (мегалитическіе) памятники въ Сѣверной Индіи.
(Менхиры и дольмены).

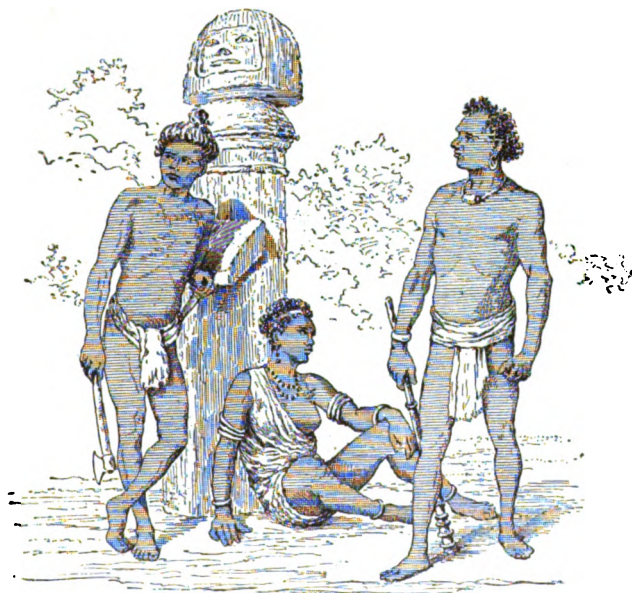
двигавшуюся съ противоположной стороны волну дравидовъ, гдѣ-нибудь въ виндійской нагорной полосѣ, приблизительно въ серединѣ материка, гдѣ, вѣроятно, оба племени столкнулись и разошлись: колары, будучи слабѣе, разбились и разсѣялись по долинамъ и лѣсамъ этой дикой мѣстности, тогда какъ болѣе сильные тѣлосложеніемъ и болѣе выносливые дравиды пробились черезъ дебристыя, но умѣренной вышины горы и наводнили южную часть материка *).

Нравы и
религія
Коларовъ.

8. — Потомковъ этихъ двухъ не-арійскихъ племенъ и понынѣ легко отличать другъ отъ друга по различію въ нравахъ, обычаяхъ, душевныхъ качествахъ и религіи. Колары нрава гораздо болѣе мягкаго. Главнымъ племенемъ ихъ можно считать Санталовъ, которыхъ въ 1872 году еще цѣлый милліонъ проживалъ въ горахъ, упирающихся о рѣку Гангъ и Нижній Бенгалъ. Они—наиболѣе культурные изъ чисто-

*) Въ этой главѣ очень многое позаимствовано изъ крайне цѣнныхъ статей Дж. Ф. Юитта (J. F. Hewitt) о «Древнѣйшей исторіи Сѣверной Индіи» (Journal of the Royal Asiatic Society, 1888 и 1890). Онъ прямо говоритъ слѣдующее: «Вездѣ, гдѣ въ смѣшанное нынѣ населеніе входятъ всѣ три элемента, первыми селились колары, такъ какъ они всегда загнаны въ самыя худшія земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ совмѣстно съ другими. Что они пришли съ востока, доказывается слѣдующими фактами: 1) они всегда сами это говорятъ; 2) самыя сильныя и чистокровныя коларійскія племена встрѣчаются въ восточной части Индіи; 3) языки ихъ сродни языкамъ, на которыхъ говорятъ, на берегахъ Брахмапутры и Иравади, жители Ассамы и Камбоджа».

кровныхъ не-арійскихъ племенъ и не усвоили ровно ничего изъ цивилизаціи своихъ побѣдителей. У нихъ нѣтъ ни кастъ, ни царей, а живутъ они свободными сельскими общинами. Религія ихъ сводится на духо- и бѣсо-поклонство. Кромѣ дѣховъ предковъ, которымъ ко-



Типы Санталовъ (Молары).

лары, подобно дравидамъ, арійцамъ и вообще всѣмъ древнѣйшимъ народамъ, поклонялись больше изъ страха,—у нихъ есть еще дѣхи, обитающіе въ каждой горѣ, рощѣ, рѣкѣ, даже колодцѣ; есть племенной богъ, боги родовые, и просто семейные; эти духи-хранители пребы-

вають въ большихъ, старинныхъ деревьяхъ. Вотъ почему, — такъ какъ новѣйшіе индусы въ свою брахманскую вѣру приняли и это туземное суевѣріе вмѣстѣ со многими другими, не столь невинными, — вотъ почему передъ входомъ въ каждое почти селеніе можно встрѣтить какое-нибудь исполинское дерево, которое представляетъ изъ себя и храмъ, и святыню, и мѣсто сходбищъ, да нерѣдко и единственный постоянный дворъ для пѣшиходовъ. Обширный кругъ тѣни, бросае-мой такимъ деревомъ, дѣлается такимъ образомъ центромъ жизни даннаго селенія, и даже служитъ рынкомъ и ярмарочнымъ помѣщеніемъ, гдѣ разносчики разныхъ товаровъ и странствующие продавцы плодовъ, печеній, сластей, и пр. ставятъ свои шалаши и лотки, да фокусники и укротители змѣй продѣлываютъ свои фиглярства. Обитающему въ деревѣ духу приносятся жертвы: медъ, молоко, печенія, если обыватели — индусы; если же они иноплеменицы, то куры и разныя мелкія животныя; и на вѣтвяхъ весело развѣваются развѣшанныя на нихъ пестрыя ленты и украшенія. Если, какъ это часто бываетъ, случится, что священное дерево — баньянъ, съ его таинственными аллеями и многоярусными тѣнистыми галлереями, то оно представляетъ цѣлое предмѣстье, и получается въ высшей степени эффектное и своеобразное зрѣлище. Эти одиноко стоящія священныя деревья являются, очевидно, пережиткомъ очень древняго обычая, соблюдаемаго колами, когда они впервые стали расчищать мѣшавшіе имъ лѣса, а именно — оставлять хотя

небольшую рощу нетронутую и посвящать ее мѣстнымъ лѣснымъ дѣхамъ *).

9.— Дравидовъ осталось всего нѣсколько пле- Знамено-
клонство у
Дравидовъ.
мень, разсѣянныхъ по всей центральной виндій-
ской полосѣ, тогда какъ они нѣкогда, въ до-
арійскій періодъ и до временъ весьма позд-
нихъ, сплошною массой покрывали весь тре-
угольникъ, нынѣ именуемый «Декханомъ». Ха-
рактеромъ и душевными свойствами они сильно
отличаются отъ коларовъ. Они тоже живутъ
сельскими общинами, но подъ управленіемъ скорѣе
монархическаго типа, и въ нихъ болѣе развитъ
общественный духъ. Они—дѣльные торговцы и
сельскіе хозяева, терпѣливы, трудолюбивы, благо-
надежны; это тотъ матеріалъ, изъ котораго ан-
гличане сумѣли выработать полки сипаевъ, кото-
рые отстояли Кѣлэива и Хэстингса въ годину не-
вѣроятныхъ опасностей и трудовъ, и нѣкото-
рые изъ нихъ, — что крайне удивительно, —
не измѣнили даже въ великое возстаніе 1857
года. Къ сожалѣнію, религія дравидовъ самая
варварская; она имѣла пагубное вліяніе на рели-
гію арійскаго и полу-арійскаго населенія, испо-
вѣдующаго смѣсь ведизма, брахманизма и гру-

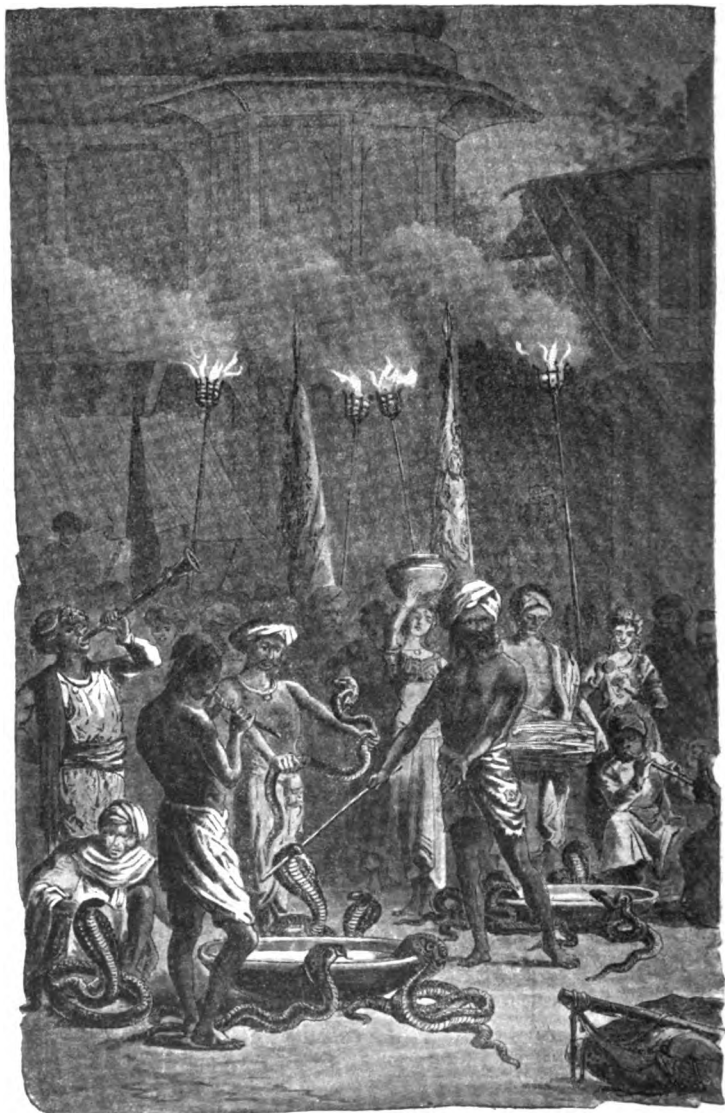
*) Юнтъ положительно утверждаетъ, что колары пер-
вые расчищали лѣса и воздѣлывали почву, онъ даже пола-
гаетъ, что они очень рано познакомились съ употре-
бленіемъ желѣза и рубили деревья желѣзными орудіями;
но изъ великаго множества каменныхъ топоровъ, на-
ходимыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, можно заключить, что
они рубили каменными орудіями, прежде чѣмъ узнали
желѣзо.

бѣйшихъ мѣстныхъ повѣрій, извѣстную подъ названіемъ индуизма. Подобно коларамъ, дравиды вѣрятъ въ духовъ и всякихъ бѣсовъ, и жрецы ихъ — просто колдуны, изощрившіеся во всѣхъ фокусахъ шаманства. Впрочемъ, не въ этомъ главная суть ихъ вѣры, а въ поклоненіи Землѣ, въ видѣ и бога, и богини, какъ подательницы и хранительницы жизни, да еще въ поклоненіи Змѣѣ, какъ особому представителю земного божества. Змѣиный богъ или Змѣиный царь — мудрый исполинскій Змій Швешъ, — и его имя бросаетъ яркій свѣтъ на одну изъ загадокъ, которыхъ Риг-Веда такъ много задаетъ своимъ изслѣдователямъ. Изошряясь въ придумываніи бранныхъ словъ по адресу туземцевъ, *дасью*, пѣвцы неоднократно, съ безконечнымъ презрѣніемъ, называютъ ихъ *Шиши - дэвами*, т. е. «имѣющими богомъ Шишну или Шеша». Выводъ ясенъ, да кромѣ того, заставляетъ подозрѣвать, что многія мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о змѣяхъ и драконахъ слѣдуетъ понимать въ болѣе буквальномъ смыслѣ, нежели сначала полагали. Такъ, относительно вѣчно возобновляемаго боя Индры со Змѣемъ Ахи, неизмѣнно кончающагося побѣдой арійскаго бога, мы невольно спрашиваемъ себя: неужели мы тутъ *всегда* имѣемъ дѣло съ натуралистическимъ міеомъ? неужели этотъ бой представляетъ явленіе *неизмѣнно* атмосферической драмы, и Змій всегда и неизбѣжно — тучевой? Позднѣйшія этнологическія изслѣдованія неотразимо подсказываютъ другое, болѣе простое толкованіе: нельзя ли въ этомъ Змѣѣ хоть иногда при-

знать бога-Змія змѣпоклонниковъ, — *Шина-дэвовъ*, — и не разрѣшается ли тогда во многихъ случаяхъ бой между божественнымъ борцомъ арійцевъ и священнымъ символомъ враждебныхъ *дасью* въ поэтическое олицетвореніе долгой племенной борьбы? Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ пылу восторга по поводу недавняго важнаго открытія, ученые толкователи сначала черезчуръ увлеклись мною. Оказалось же, что слово *дасью*, которымъ сначала хотѣли обозначать исключительно однихъ бѣсовъ (тьмы, засухи, зимы), побѣждаемыхъ свѣтлыми Дэвами, примѣняется не менѣе часто къ земнымъ врагамъ. Точно также и тучевой Змій, навѣрно, весьма часто оказывается аллегорическимъ олицетвореніемъ предмета поклоненія этихъ же враговъ.

10.—По какой бы то ни было причинѣ, а только змѣпоклонство, какъ ни противно оно арійскому духу, произвело глубокое впечатлѣніе на бѣлыхъ пришельцевъ, такъ что съ теченіемъ времени они завели собственнаго бога-змія — Ариака, и слѣды этого нововведенія остались въ позднѣйшей классической поэзіи, въ которой видное мѣсто занимаютъ Наги, змѣнный народъ, наполовину съ человѣческимъ обликомъ, обладающій сверхчеловѣческой мудростью. Эти Наги играютъ большую роль и въ современномъ индуизмѣ, учредившемъ ежегодное празднество въ честь — не мифическихъ, а настоящихъ, живыхъ змѣй, которыя, повидимому, вовсе не внушаютъ этому апатичному народу страха и отвращенія,

Празднество змѣй.



Празднество змѣй

соразмѣрныхъ причиняемой ими ужасающей смертности. Празднество это бываетъ въ концѣ іюля, когда ядовитыя змѣи особенно свирѣпѣютъ, и имѣетъ явно умиротворяющій характеръ. Богомольцы стекаются къ змѣинымъ святынямъ, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень много. Улицы городовъ тогда кишать фиглярами съ флейтами и другими музыкальными инструментами, и, выпущенныя изъ мѣшковъ и корзинъ, змѣи подъ музыку ползаютъ вокругъ разставленныхъ на землѣ мисокъ съ молокомъ,—и это въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, на глазахъ у восхищенной толпы *).

II.—Какъ ни противно и не безсмысленно такое, на нашъ взглядъ, противоестественное суевѣріе, однако оно сравнительно безвредно и, въ концѣ концовъ, съ нимъ можно бы еще помириться. Дѣло другое — вѣнецъ дравидійской вѣры: человѣческія жертвы, бывшія въ постоянномъ и повсемѣстномъ употребленіи у всѣхъ племенъ этого древняго корня, пока, весьма еще недавно, имъ не положили конецъ англійскія

Дравиды въ
арійскомъ
описѣ.

*) Замѣчательно: 1) что храмовъ, посвященныхъ змѣинымъ божествамъ, нѣтъ въ сѣверной Индіи; 2) что жрецами при такихъ храмахъ никогда не бываютъ брахманы, а всегда лица изъ низшихъ кастъ. Въ благородныхъ кастахъ древній арійскій духъ еще настолько силенъ, что онѣ встрѣчу со змѣей считаютъ дурной примѣтой, и брахманы, если съ утра увидятъ змѣю, откажется на тотъ день отъ ямѣвагося въ виду предпріятія или начинанія; точно такъ же и кшатрія, и ваяшья.

власти; и то у Кандовъ и Гондовъ, наиболѣе культурныхъ изъ дравидійскихъ племень, это



Типы Гондовъ (Дравиды).

удалось не ранѣе 1835 года. Жертвы, либо купленные, либо похищенные, приносились Землѣ правильно два раза въ годъ, въ сѣвъ и въ жат-

ву,—а то и въ другое время, въ экстренныхъ случаяхъ, если требовалось искупить какую-нибудь вину или вымолить какую-нибудь особенную милость, или же отомолиться отъ общественной бѣды. Этотъ ужасный обычай глубоко внѣдрился и въ одной изъ двухъ главныхъ сектъ современнаго индуизма, а именно у шивитовъ. Чистый брахманизмъ по-ведійскихъ вѣковъ неповиненъ въ такомъ компромиссѣ. Напротивъ: арійскіе индусы относились къ этимъ аборигенамъ такъ непріязненно, что силой своей всегда чрезмѣрно дѣятельной фантазіи превратили ихъ въ племя великановъ-людодѣдовъ, злыхъ волшебниковъ, обладающихъ сверхъестественными дарами, наprimѣръ способностью летать черезъ пространство и оборачиваться въ какой угодно обликъ,—т. е. перенесли на нихъ свойства старыхъ ведійскихъ тучевыхъ бѣсовъ, мѣсто которыхъ они заняли въ народной мифологіи. И получились страшные съ виду Ракшасы, свирѣпые, кровожадные (первообразъ людодѣдовъ, пожирателей дѣтей нашихъ сказокъ), ставящіе себѣ въ особенное удовольствіе осквернять жертвоприношенія, смущать благочестивыхъ подвижниковъ въ ихъ лѣсныхъ скитахъ или вводить ихъ въ непристойные соблазны, похищать непорочныхъ, святыхъ дѣвъ, и всѣми средствами, силой ли или хитростью, мѣшать движенію впередъ поклоняющихся Огню, прессующихъ сому «друзей Дэвовъ». Вся Рамаяна преисполнена ихъ злодѣяніями; Рама въ Ракшасахъ встрѣчаетъ главное препятствіе своему походу на островъ

Ланку (Шеллонгъ), въ которомъ, въ эпической формѣ, изображается завоеваніе юга арійцами*), которое на самомъ дѣлѣ происходило ни такъ быстро, ни такъ успѣшно, какъ представлено въ поэмѣ. Это было не столько нашествіе, сколько медленное движеніе, и легко можно вообразить, сколько трудностей долженъ былъ встрѣтить отрядъ сравнительно малочисленный, въ непріятельской землѣ, густо населенной храбрымъ, упорнымъ, отлично организованнымъ народомъ. Дравиды остались такими и теперь, когда ихъ насчитывается до 28-ми милліоновъ на югъ отъ Виндійскихъ горъ, и нѣтъ причины сомнѣваться, что такими же они были и въ далекую пору долгой патріотической борьбы.

Ныѣшнія
дѣла
индуса.

12.—Знатоки современной Индіи говорятъ, что, изучая не-арійскіе народы, населяющіе страну, можно составить понятіе о тѣхъ, которыхъ арійцы встрѣтили, вступая въ Седьмирѣчіе. «Многіе изъ аборигеновъ, — пишетъ Хэнтеръ: — и нынѣ остаются на той же ступени культуры, какую описывали ведійскіе поэты 3.000 лѣтъ назадъ». Затѣмъ онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, неопровержимо доказывающихъ, что въ этой удивительной странѣ человѣческій родъ представляетъ не менѣе разнообразія, нежели фауна и флора, и покрываетъ всевозможныя стадіи

*) См. фронтисписъ (въ началѣ книги): Царь острова Ланка, Ракшаса о десяти головахъ и десяти парахъ рукъ, вооруженныхъ каждая другимъ оружіемъ, защищаетъ островъ во главѣ ополченія черныхъ великановъ.

развитія, отъ самой наивысшей культуры и духовности, достигнутыхъ уже много вѣковъ на-



Старинный типъ жилищъ, найденныхъ въ Гималаяхъ у нѣкоторыхъ не-арійскихъ племенъ.

задъ нѣкоторыми изъ его представителей, до самаго глубокаго упадка, до котораго можетъ



Старинный типъ жилищъ, найденныхъ въ Гималаяхъ у нѣкоторыхъ не-арійскихъ племенъ.

спуститься человекъ, не обратившись окончательно въ скота. Какимъ-то дикимъ сномъ пред-

ставляются рассказы* о томъ, какъ люди живутъ, вѣрнѣе ютятся, въ конурахъ въ восемь квадратныхъ футовъ, безъ всякой одежды, кромѣ пучковъ листьевъ, прикрѣпленныхъ къ шнуру изъ нанизанныхъ бусъ, завязанному вокругъ стана, и употребляютъ кремневое оружіе, не имѣя на своихъ языкахъ названія для металловъ, стало быть, представляя собою пережитокъ культуры каменнаго вѣка, и то не высшаго типа. А вѣдь такое племя, носящее характерное названіе: «Листоносцы» (одѣтые въ листья), дѣйствительно существуетъ, да еще не такъ далеко отъ Калькутты, въ горномъ округѣ Орисса. Въ 1872 г. ихъ было 10.000 человекъ. Англіійскія власти уговорили многихъ изъ нихъ облечься кое въ какую одежду, на что имъ были выданы и куски бумажной ткани, но впослѣдствіи, какъ гласятъ мѣстные отчеты, они вернулись-таки къ своему первобытному костюму. Немногимъ выше стоятъ нѣкоторыя разбросанныя племена, кочующія гдѣ-то на югъ отъ Мадраса, въ разныхъ горныхъ ущельяхъ, и только на время устраивающія себѣ маленькіе шалаши изъ листьевъ; питаются они разной мелкой дичью, какую удастся имъ изловить въ джунгляхъ, а молятся злымъ существамъ, въ родѣ чертей, такъ что первымъ ихъ вопросомъ, когда миссіонеры стали говорить имъ о великомъ, всемогущемъ Богѣ, было: «А что, какъ этотъ Великій да съѣстъ насъ?» Нѣкоторыя горныя племена въ Ассамѣ, Хѣнтеръ называетъ «свирѣпыми, черными, малорослыми и недокормленными». До весьма недавняго времени они жили

на изживеніи своихъ болѣе мирныхъ и трудолюбивыхъ сосѣдей, жителей равнинъ; характеристика этихъ племенъ лучше всего видна изъ названій двухъ такихъ колѣнъ, означающихъ въ переводѣ: «Пожиратели Тысячи Очаговъ» и «Воры, притаившіеся въ Хлопчатникахъ».

13.—Таковы, безъ сомнѣнія, были многіе изъ тѣхъ аборигеновъ или *дасю*, которыхъ арійцы нашли на мѣстѣ и принялись гнать и поработать довольно жестокими мѣрами. Было бы большой ошибкой предполагать, что *все* туземное населеніе находилось на такомъ низкомъ культурномъ уровнѣ. Ошибочный взглядъ этотъ преобладалъ одно время среди ученыхъ; его можно приписать лишь недостаточно основательному изученію Риг-Веды, или скуднымъ средствамъ въ изслѣдованіяхъ на недавно открытомъ полѣ или, наконецъ, — и это всего чаще ведетъ къ ошибкамъ, — слѣпымъ слѣпой вѣрѣ въ теоріи, имѣвшія, правда, большое основаніе въ дѣйствительности, такъ что вина не столько въ самихъ этихъ теоріяхъ, сколько въ чрезмѣрномъ увлеченіи ими изслѣдователей. Сравнительная мифологія и теперь еще—наука молодая. Первые ея открытія около полувѣка тому назадъ, въ связи съ открытіями родственнаго ей сравнительнаго языковѣдѣнія, были до того изумительны, что ослѣпили и ввели въ заблужденіе многихъ. Повсемѣстное тождество Свѣтового Мифа и Грозового Мифа, было истиннымъ откровеніемъ, ключомъ къ цѣлому ряду загадокъ и задачъ въ областяхъ этнологіи, филологіи, религіи, поэзи,

Не все въ
Риг-Ведѣ—
мифъ.

которыя дотолѣ нигдѣ не находили отвѣта, и вдругъ пріятнѣйшимъ образомъ разрѣшались при посредствѣ этого волшебнаго ключа, отпиравшаго, какъ тогда казалось, чуть не всѣ замки. За Риг-Веду принялись цѣлыя полчища блистательныхъ умовъ, которые подвергли его, гимнъ за гимномъ, стихъ за стихомъ, толкованію по міѳологической системѣ, имъ же впервые подсказанной, и подъ ихъ искуснымъ анализомъ выросъ цѣлый міръ боговъ и бѣсовъ,—міръ не отъ земли и не отъ человѣчества, съ которыми связаны были лишь его жрецы. Фокусомъ, очень легко перенимаемымъ, *каждый* царь или герой дѣлался олицетвореніемъ Солнца или Грозовика, *каждый* врагъ—бѣсомъ Тьмы или Засухи, *каждая* дѣва превращалась въ Зарю; однимъ словомъ, *всѣ* безъ исключенія собственныя имена, упоминаемыя въ Риг-Ведѣ, получали объясненіе *міѳологическое*, не оставлявшее исторіи ни одного смертнаго героя. Когда за дѣло взялось слѣдующее поколѣніе ученыхъ, отрезвленное временемъ, свободное отъ лихорадки піонера, открывающаго новый міръ, оно, болѣе вдумчивымъ, безстрастнымъ изученіемъ, разоблачило никуда не предвидѣвшійся фактъ, что многіе гимны являются именно неопѣненными *историческими* документами, въ которыхъ говорится о дѣйствительныхъ событіяхъ, увѣковѣчиваются имена живыхъ людей, племенъ, народовъ, такъ что многія мнимыя атмосферическія битвы оказываются настоящими, упорными сраженіями между земными, смертными бойцами.

14.—Приходится сожалѣть, что въ Риг-Ведѣ нѣтъ исторіи въ прямой повѣствовательной формѣ, а только въ косвенной, отрывочной. Причина этому та, что книга эта не есть выраженіе простой, первобытной культуры, какъ то долго ошибочно принималось на вѣру, а напротивъ, отражаетъ культуру весьма мудреную и сложную, до тонкости выработавшую нѣкоторыя общественныя учрежденія, какъ-то: царскую власть, аристократію, священство, въ крайне опредѣленныхъ строго выдержанныхъ формахъ, ярко выдающихся на фонѣ уже долгаго, богатаго событіями національнаго прошлаго. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣ гимны, которые можно назвать въ прямомъ смыслѣ «историческими», преисполнены намековъ на давно минувшія, всѣмъ извѣстныя происшествія, именами тоже всѣмъ извѣстными. А тамъ гдѣ рѣчь шла объ именахъ и происшествіяхъ, принадлежащихъ исключительно міру міѳа, происшествія эти и имена участвовавшихъ въ нихъ лицъ тоже были настолько общеизвѣстны, что къ нимъ не требовалось объясненій. Для насъ же, которымъ не приходитъ на помощь ни народная память, ни преданіе, ядро исторической правды, котораго мы такъ усердно доискиваемся, запрято въ непроницаемой толщины наружную кору, защищенную, вдобавокъ, безчисленными колючками. Но все же терпѣливому, подробному изученію удалось добыть немало весьма важныхъ фактовъ, изъ которыхъ составляется интересная и довольно достовѣрная картина движенія арійцевъ изъ первыхъ ихъ поселеній въ Пенджабѣ по восточному

Историческій элементъ въ Риг-Ведѣ.

направленію въ тотъ обширный край, орошаемый историческими рѣками,—Гангомъ и Джумной, который сталъ центромъ и, такъ сказать, главной квартирой аріицевъ, когда за ведійскимъ періодомъ незамѣтно послѣдовалъ брахманскій. Мы хотя и жалуемся на скудость матеріала, доставляемаго Риг-Ведой для возсозданія временъ настолько отдаленныхъ, что ихъ нельзя еще назвать не только историческими, но даже и эпическими; однако, добытые результаты настолько уже важны, что съ ихъ помощью получается картина непохожая на ту, къ которой мы, до очень недавняго времени, привыкли, и взору открывается прошлое гораздо болѣе отдаленное, нежели какое доселѣ считалось доступнымъ изслѣдованію, причемъ получаются крайне неожиданные выводы и сближенія.

Смѣненіи
древнѣй-
шей Индіи
съ Халдеей.

15.—Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ полвѣка назадъ, никому не пришло бы въ голову искать связи между Индіей (до-арійской) и древнѣйшимъ Вавилономъ. Подчасъ, не въ примѣръ другимъ смѣлый и наблюдательный умъ нападалъ на какой-нибудь фактъ, какъ будто указывавшій на такую гипотезу, но это оставалось безъ вниманія, или упоминалось ради курьеза, и рѣдко кто осмѣливался даже намекнуть на возможные выводы изъ такихъ наблюденій. Покойный Франсуа Ленорманъ не разъ дѣлалъ такіе смѣлые выводы, и онъ придавалъ большое значеніе тому, что въ Риг-Ведѣ употреблялось слово *мана* для обозначенія извѣстнаго количества золота (Риг-Веда VIII, 67 или 68, 2)—«О, несите намъ драгоценности,

скотъ, коней и ману золота»,—это слово разу переносить насъ въ древнюю Халдею, или семитскую Вавилонію: тамъ оно имѣло совершенно то же, что и въ Индіи, значеніе, отсюда оно перешло въ греческую монетную систему,—*мина*, а потомъ и въ латинскую,—*мина*. Этотъ, повидимому, незначительный фактъ, оказывается, представляетъ прямое доказательство существованія торговыхъ сношеній между дравидійской Индіей (колары не доходили до Индійскаго океана) и Вавилоніей или Халдеей. Въ развалинахъ Мугейра, древняго Ура Халдейскаго, гдѣ царь Ур-Эа правилъ не менѣе 3.000 лѣтъ до Р. Х., былъ найденъ кусокъ индійскаго дерева — тика *), растушаго въ южной Индіи (Декханѣ), вплоть до Малабарскаго побережья; дажѣ, на сѣверъ отъ виндійскихъ горъ тикъ уже *нигдѣ болѣе* не встрѣчается. Но это еще не все. Древніе вавилоняне, какъ извѣстно, съ особеннымъ усердіемъ составляли словари и списки всевозможныхъ именъ и предметовъ, и этимъ спискамъ мы обязаны множествомъ неожиданныхъ открытій, и вотъ, въ одномъ изъ таковыхъ безцѣнныхъ документовъ мы находимъ удивительное свѣдѣніе, что въ древнемъ Вавилонѣ ки-сею называли «синдху», именемъ страны, откуда эта ткань получалась. Этимъ косвенно подтверждается нѣсколько весьма важныхъ фактовъ, между прочими тотъ, что арійскіе засель-

*) См. Сэйсъ, „Hibbert Lectures“ за 1887 г., стр. 18, 136, 137.

ники сѣверной Индіи въ изумительно раннюю эпоху уже начинали славиться изготовленіемъ пѣжной ткани, которою до сего дня справедливо гордятся ихъ промышленность,—изъ чего опять слѣдуетъ, что они разводили хлопокъ въ большихъ количествахъ, вѣроятно, уже въ ведійскій періодъ *);—что современные имъ дравиды были предприимчивыми торговцами; — что отношенія между обѣими расами отнюдь не были исключительно враждебныя и воинственныя. Ибо, если названіе «*синдоху*» свидѣтельствуетъ о томъ, что товаръ этотъ былъ арійскимъ продуктомъ, то ужъ, конечно, онъ не вывозился арійцами, такъ какъ они въ то время вывозной торговлей не занимались, не знали даже моря и не строили морскихъ судовъ. Ясно, что тканье тонкихъ матерій было домашнимъ, какъ бы кустарнымъ промысломъ; что торговцы — дравиды (вѣроятно, странствующие, въ родѣ корабейниковъ), скупали, — вѣрнѣе вымѣнивали, что оставалось отъ

*) Известно, что большинство европейскихъ языковъ называетъ тонкую, пнящую ткань, кисею (*mousseline*) по городу Мосулу, на Тигрѣ, который славился этимъ производствомъ во всѣ средніе вѣка, и теперь еще отчасти имъ славится. Но какъ давно, этого никто не скажетъ. Невольно является вопросъ: если бы можно было отыскать и соединить всѣ звенія цѣпи, не удалось ли бы прослѣдить этотъ промыселъ до этихъ самыхъ почти до-историческихъ торговыхъ сношеній между дравидійской Индіей и Халдеей-скимъ Вавилономъ? Научился ли послѣдній промыслу этому въ Индіи и вывозилъ оттуда хлопокъ,—а потомъ ассирійцы ввели его на сѣверъ вмѣстѣ съ прочими искусствами? Какой крупный вопросъ истекаетъ изъ такой мелочи!

домашняго потребленія и свозили въ какой-нибудь торговый центръ на западномъ побережьи, гдѣ грузились большія суда, построенныя нарочно для вывозной и ввозной торговли. Все это подтверждается еще однимъ свѣдѣніемъ, хотя и происходящимъ изъ другого источника, однако какъ разъ подходящимъ ко всему, сказанному выше. Максъ Мюллеръ давно уже показалъ, что названія нѣкоторыхъ рѣдкостныхъ предметовъ, привозимыхъ царю Соломону его торговыми судами, не еврейскаго происхожденія. Таковы, между прочимъ, сандалное дерево (растущее на Малабарскомъ побережьи и нигдѣ болѣе въ Старомъ Свѣтѣ), слоновая кость, обезьяны, павлины; и всѣ эти названія, которые нетрудно было распознать, несмотря на еврейскія исковерканныя формы, такъ и признавались до недавняго времени за санскритскія, на этомъ языкѣ общепотребительныя слова. Но вотъ совсѣмъ недавно, болѣе глубокимъ изученіемъ дравидійскихъ языковъ, доказывается, что названія эти — сплошь дравидійскія и только привились къ санскритскому языку, подобно тому, какъ въ нашихъ языкахъ принимается множество иностранныхъ словъ *).

16.—Историкъ Арріанъ, грекъ поздняго періода, говоритъ о нѣкоемъ портовомъ городѣ, Патала, въ дельтѣ рѣки Инда. Въ этомъ городѣ признали нынѣшній Хайдерабадъ, прославлен-

Дравиды—
гуранцы.

*) См. особенно трудъ специалиста по дравидійской филологіи, д-ра Кольдуэлла (D-r Caldwell)—вступленіе къ его же «Сравнительной грамматикѣ дравидійскихъ языковъ» (*Comparative Grammar of the Dravidian Languages*).

ный въ эпосѣ и былинѣ, столицу царя Зміинаго племени (т. е., конечно, дравидійскаго народа), управлявшаго обширною областю именно въ этой мѣстности. Эта мѣстная династія находится въ тѣсной связи съ мифическими преданіями обѣихъ расъ, черезъ основателя ея, царя Васуки, имя котораго сразу напоминаетъ о великомъ Зміѣ Васуки, сыгравшемъ такую важную, хотя пассивную роль въ достопамятный день добыванія *амриты* (см. стр. 206). Впрочемъ, нѣтъ повода особенно дивиться существованію сношеній дравидовъ сѣверной и западной Индіи съ первымъ вавилонскимъ царствомъ (шумиро-аккадскимъ, до-семитскимъ), если вспомнить, что между ними было и племенное родство: тѣ и другіе принадлежатъ къ одному и тому же отдѣлу челоуѣчества, такъ-называемому «туранскому». Языковѣдѣніе это подтверждаетъ: дравидійскіе языки — агглютинирующіе. Краниологія тоже: довольно одного взгляда на типы Гондовъ на стр. 326 и на голову въ тюрбанѣ, открытую въ Телло, чтобы убѣдиться въ поразительномъ сходствѣ между ними. Убѣдительно же всего—общій обоимъ народамъ священный символъ,—Змія, изображающій поклоненіе Землѣ, ея таинственнымъ силамъ и сокровеннымъ богатствамъ. Верховный богъ шумиро-аккадьянъ, Эа, чествовался въ Эриду, своемъ главномъ святилищѣ, въ образѣ змѣи, а такъ какъ Эриду былъ центромъ, изъ котораго распространилась первая халдейская цивилизація, символъ этотъ сдѣлался общей племенной святыней. Туранскіе прото-мидяне, до покоренія своего

арійцами, послѣдователями Заратуштры, поклонялись силамъ Земли въ образѣ Змѣя, который иранскіе маздаяснїицы впослѣдствїи присвоили



Одна изъ головъ, найденныхъ въ Телло де-Оарзеномъ.

духу лжи и смерти, злему Анграмайню. Этотъ протомидійскій змѣй, подобно своему дравидійскому брату, попалъ въ арійскій миѣическій эпосъ. Зміинный царь (первоначально Зміинный богъ),

Аджи-Дахака («Зубастый Змѣи»), является въ мифическихъ былинахъ, изъ которыхъ составлена иранская «Книга Царей», Шахъ-Намехъ*), въ лицѣ туранскаго царя, злодѣя Афрасиаба, у котораго на плечахъ, отъ лобзанія Злого Духа, выросли двѣ живыя змѣи, которыхъ надо было ежедневно кормить человѣчьими мозгами (что весьма близко подходитъ къ человѣческимъ жертвамъ у дравидовъ), до тѣхъ поръ, пока непобѣдимый иранскій витязь, Джемшидъ, не избавилъ міръ отъ тройнаго чудовища. Но самое замѣчательное наслѣдство, оставленное классической аріійской Индіи отношеніями, бывшими между ея до-аріійскимъ населеніемъ и халдейскими единоплеменниками, это — преданіе о потоцѣ, въ которомъ роль Хасисадры и библейскаго патріарха Ноя дана аріійскому мудрецу и первородителю, Ману. Это преданіе не имѣетъ корней въ аріійскомъ мифѣ и является одиночнымъ, ни съ чѣмъ не связаннымъ отрывкомъ изъ цикла походовъ Гильгамеша. Разсказъ этотъ, во избѣжаніе слишкомъ длиннаго отступленія отъ главнаго содержанія настоящей главы, приберегается для особаго приложенія.

*) Шахъ-Намехъ—иранская эпическая поэма, написанная въ XI-мъ вѣкѣ по Р. Х. персидскимъ поэтомъ Фирдауси, по порученію его покровителя, великаго султана Махмуда. Поэма выдаетъ себя за исторію Персіи съ древнѣйшихъ временъ до самаго Махмуда; на самомъ же дѣлѣ она наполовину составлена изъ былинъ и героическихъ мифовъ иранской старины, изображающихъ исконную, нескончаемую борьбу Ирана противъ Турана.

17.—Во избѣжаніе всякихъ ошибокъ, недочетовъ и несостоятельныхъ теорій, необходимо твердо запомнить слѣдующее положеніе: *Изъ того, что данный народъ говоритъ на данномъ языкѣ, отнюдь не слѣдуетъ, что этотъ народъ принадлежитъ къ той расѣ, для которой языкъ этотъ — природный.* Положеніе это, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ личностямъ, ясно до очевидности: ясно, что можно говорить по-англійски, не будучи англичаниномъ. Но, когда дѣло шло о цѣлыхъ общинахъ, племенахъ, народахъ, особенно въ болѣе или менѣе отдаленной древности, оно почему-то долго игнорировалось. Забывалось какъ-то, что и народъ, подобно отдѣльной личности, можетъ, по той или другой причинѣ, выучиться чужому языку: добровольно, съ сохраненіемъ и собственнаго языка, ради удобства въ торговыхъ и политическихъ международныхъ сношеніяхъ, — или поневоле, вслѣдствіе порабощенія или подчиненія другимъ народамъ. Слѣдуетъ постепенное примиреніе; національности смѣшиваются путемъ бракосочетаній; языкъ, навязанный силою, становится роднымъ и даже нерѣдко, если побѣдившая національность умственно стоитъ выше побѣжденной, вытѣсняетъ первоначальный племенной языкъ. А затѣмъ, — языкъ вѣдь не простой, безжизненный наборъ звуковъ и словъ; это — живой организмъ; въ немъ кроется тонкое духовное начало, которымъ невольно проникаются говорящіе на немъ, и народъ, принявшій тотъ или другой языкъ, по какимъ причинамъ, безразлично, — непремѣнно кончаетъ тѣмъ,

Языкъ — не
всегда вѣр-
ное указа-
ніе на расу.

что усваиваетъ и это присущее ему духовное начало,—душу, которую вдохнулъ въ него тотъ, чужой народъ, воплощенную въ его вѣрѣ, поэзіи, нравахъ, общественныхъ учрежденіяхъ. Это все такія вліянія, которыя, разъ имъ открытъ доступъ, дѣйствуютъ и крадутся всевозможными неуволними путями, такъ что народъ, въ концѣ концовъ, не только говоритъ на чужомъ языкѣ, принимая его за родной, но усваиваетъ первоначально чуждые ему складъ жизни, религію и образъ мыслей. Поэтому, совершенно невѣрно было бы, въ научномъ отношеніи, такое заключеніе: «такой-то народъ говоритъ на арійскомъ языкѣ, значитъ онъ принадлежитъ къ арійской расѣ»; весьма возможно, что этнологія, со своими вспомогательными науками, физиологіей и краніологіей, положительно докажутъ противное: во всякомъ случаѣ, съ этими науками надо считаться и отъ нихъ ждать окончательнаго приговора. Индійскіе аріицы и безъ науки отлично это знали. Въ Уложеніи Ману формально сказано, что «всѣ племена въ мірѣ», не принадлежащія къ тремъ дважды-рожденнымъ кастамъ, должно считать за *дасью, все равно, говорятъ ли они на языкъ млекховъ* (варваровъ), *или на языкъ аріицевъ* (X, 45). Единственное разумное заключеніе въ такомъ случаѣ то, что данный народъ когда-нибудь подвергался сильному, преобразовательному арійскому вліянію. Самое же арійское племя, имѣвшее такое воздѣйствіе на него, могло уйти, исчезнуть, оставивъ по себѣ только свое животворное начало, — духъ свой.

18.—Такого рода явленія встрѣчаются въ исторіи сплошь да рядомъ, во всѣ вѣка и во всемъ мірѣ. Но сравнительно рѣдко случается, чтобы побѣдитель безслѣдно исчезъ изъ страны, на селеніе котораго онъ имѣлъ такое глубокое вліяніе. Въ наше время, когда международныя сношенія и бракосочетанія поколебали и отчасти разрушили всѣ междуплеменные преграды, чистокровныхъ расъ почти уже не существуетъ; смѣшенія же расъ проходятъ безчисленный рядъ степеней и оттѣнковъ, и, согласно тому, какая раса преобладаетъ въ томъ или другомъ народѣ, слажутся и его духовныя особенности. Это самое мы видимъ въ современной Индіи. Громадный материкъ весь пропитанъ арійскими вліяніями. Арійской расѣ онъ обязанъ въ цѣломъ своимъ именемъ, своей культурой, своей національной рѣчью и литературой. И при всемъ томъ—какое разнообразіе! Рядомъ съ санскритскими процвѣтаютъ 150 не-арійскихъ языковъ и нарѣчій, не менѣе насчитывается и физическихъ типовъ, отъ самаго благороднаго арійскаго до полуживотнаго негритянскаго. Официальная національная религія, брахманизмъ, вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько могущественныхъ сектъ, очевидно выросшихъ на совершенно различныхъ духовныхъ почвахъ; и это неудивительно, если вспомнить, что цензъ 1872 г. изъ 200 слишкомъ милліоновъ душъ, тогда составлявшихъ индійскую имперію (не включая подвластныхъ Англіи независимыхъ государствъ), показалъ всего 16 милліоновъ брахмановъ и «раджпутовъ» (каста, встарину называемая «кша-

Въ Индіи
большое не-
арійскихъ
народно-
стей и
языковъ.

трія» или «раджанья»), — сравнительно чистокровныхъ потомковъ арійской расы, говорящихъ на санскритскихъ языкахъ *), да 11 милліоновъ смѣшаннаго населенія, называемаго собственно индусами, происшедшаго изъ арійскихъ и не-арійскихъ элементовъ, — больше не-арійскихъ. Все остальное относится къ завѣдомо не-арійскимъ племенамъ, аборигенамъ.

Арійское
завоеваніе
не все со-
вершилось
силою.

19. — Нельзя не подивиться малочисленности арійскаго населенія въ сравненіи съ массою потомковъ аборигеновъ, владѣвшихъ землей до пришествія арійцевъ. Такая же разница, только еще въ большихъ размѣрахъ, должна была существовать и тогда, въ виду чего приходится признать несостоятельною теорію, будто-бы арійцы установили свое владычество исключительно силой оружія, завоеваніемъ. Конечно, сражались, и грабили, и загоняли туземныя племена въ горныя твердыни, поработали ихъ. Но этимъ объяснилась бы весьма малая доля успѣха арійцевъ; при всей храбрости, законы численнаго превосходства могутъ нарушаться лишь до извѣстной степени. Къ тому же, наша раса всегда съ особенной гордостью хвалилась тѣмъ, что она брала умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ болѣе, нежели физической силой. Распространенію и укрѣпленію духовнаго вліянія арійцевъ и, слѣдовательно, ихъ владычества, содѣйствовали, по преимуществу, три главныхъ фактора: торговые сношенія, междупле-

*) W. Hunter, «*The Indian Empire*» etc.

менная дипломатія, въ соединеніи съ врожденнымъ духомъ приключеній, и религіозная пропаганда. Затѣмъ, конечно, много помогали смѣшанные браки.

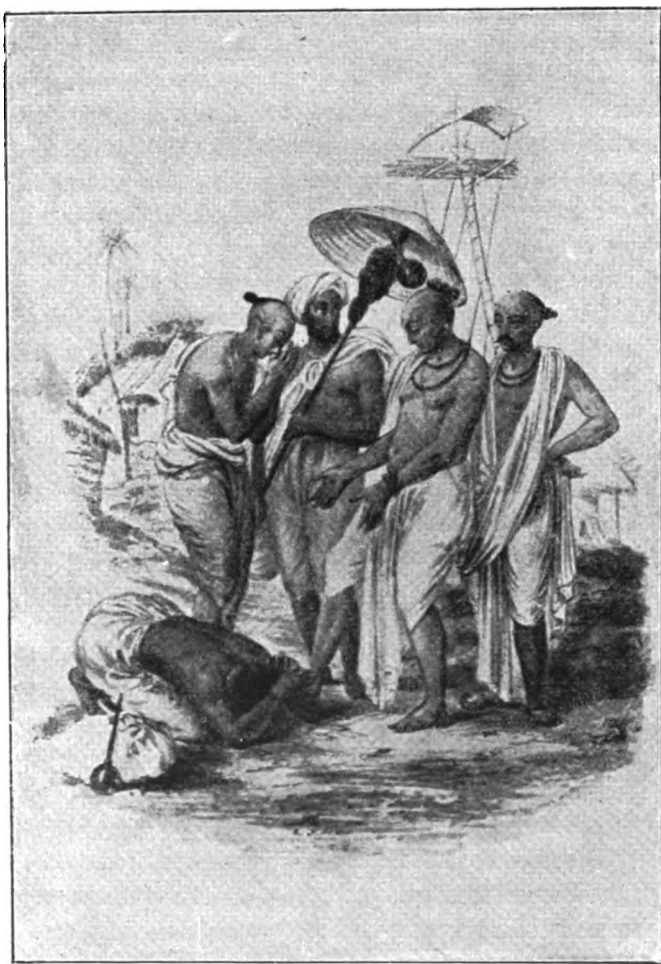
20.—У всѣхъ аріійскихъ народовъ споконъ вѣка водился обычай искать выхода избытку своей воинственной энергіи въ походахъ и приключеніяхъ, большею частью въ видѣ разбойничьихъ экспедицій, сухопутныхъ или морскихъ, смотря по географическимъ условіямъ даннаго племени, но нерѣдко и въ видѣ честнаго служенія какому-нибудь чужому государю, сосѣду болѣе или менѣе близкому или отдаленному, въ одиночку или дружиной. Подобныхъ случаевъ должно было представляться немало. Для Седьмирѣчія, окруженнаго столькими племенами, обычнымъ занятіемъ юнаго племени поневолѣ была война. Это естественно вело къ политическимъ союзамъ, такъ какъ не было недостатка въ свѣтлыхъ головахъ, понимающихъ, что ничѣмъ такъ скоро и прочно не могло установиться и расшириться аріійское вліяніе. Такъ должны были разсуждать духовные руководители народа, тѣ самые жрецы, изъ которыхъ со временемъ выработалась каста брахмановъ. Въ Риг-Ведѣ такими вліятельными личностями являются представители родовъ наследственныхъ пѣвцовъ и священнослужителей, Риши, которымъ приписывается сочиненіе гимновъ. Изъ книгъ, составляющихъ сборникъ, семь приписываются столькимъ же Риши, которые, сверхъ того, судя по многимъ намекамъ и прямымъ заявленіямъ, состояли въ самыхъ близкихъ отно-

Роль
жрецовъ въ
аріійской
пропагандѣ.

шеніяхъ къ царскимъ и княжескимъ родамъ различныхъ племенъ, въ качествѣ не только домашнихъ или придворныхъ жрецовъ,—*пурохита*,—и народныхъ пѣвцовъ, но, очевидно, и довѣренныхъ совѣтниковъ,—такъ сказать, министровъ,—и этотъ древній обычай, освященный временемъ, продержался во весь послѣдующій періодъ классическаго брахманизма. При болѣе близкомъ изученіи оказывается однако, что эти княжескіе и царскіе дома и управляемые ими племена отнюдь не всегда были арійскіе, и какъ-то странно читать, какъ жрецъ-аріецъ съ гордостью похваляется своимъ положеніемъ придворнаго пѣвца и *пурохиты* при какомъ-нибудь царѣ *дасю*, т. е. туземномъ, не-арійцѣ. Тѣмъ не менѣе, именно это, повидимому, столь ненормальное положеніе прокладываетъ путь безконечной арійской пропагандѣ, цѣлому ряду обращеній въ арійскую вѣру, честолюбивыхъ интригъ и, въ концѣ концовъ,—здравой, дальновидной національной политикѣ.

„Галатри“.

21.—Всякій, кто пожилъ въ Индіи, знаетъ—(англичанамъ даже пришлось въ томъ убѣдиться къ великому своему ущербу, въ пору ужаснаго возстанія 1857 года),—какимъ безграничнымъ вліяніемъ пользуются странствующие проповѣдники и подвижники, и не только надъ простымъ народомъ. Когда такой *пуру* (духовный учитель) обходитъ какую-нибудь область, поселяне выходятъ къ нему навстрѣчу и чуть не на рукахъ несутъ его въ свои дома, съ такимъ подобоострастнымъ чтоствованіемъ, больше котораго не могли бы оказывать самому божеству. Случалось въ историче-



Населеніе встрѣчаетъ Гуру,—странствующаго духов-
ника или вѣроучителя.

скія, даже новѣйшія времена, что такія лица достигали самаго высшаго придворнаго положенія при туземныхъ государяхъ, въ качествѣ министровъ или неофициальныхъ, но тѣмъ болѣе вліятельныхъ, частныхъ совѣтниковъ. Именно такими должны были быть арійскіе миссіонеры ведійскихъ временъ, вносившіе поклоненіе Сомѣ и Агни въ земли Змія, вмѣстѣ съ арійскою рѣчью, арійскими нравами. Самый процессъ обращенія представляется весьма несложнымъ. Обрядъ посвященія, знаменательно именуемый «вторымъ рожденіемъ», — простая формула «исповѣданія вѣры», — и нечистое исчадіе Змія превращалось въ «дважды рожденныхъ» чадъ свѣтыхъ Дэвовъ и принималось въ арійскую духовную семью, въ арійскій политическій союзъ. Есть въ Риг-Ведѣ коротенькій стихъ, который, подъ названіемъ Гаятри до сихъ поръ считается священнѣйшимъ изъ всѣхъ текстовъ, обладающимъ чудотворною силой; и стихъ этотъ, вотъ уже тридцать слишкомъ вѣковъ, по меньшей мѣрѣ трижды каждый день, съ горячей вѣрой повторяется милліонами людей. Въ переводѣ онъ гласитъ слѣдующее.

«Да сподобимся мы свѣта Савитара, небеснаго, жала-наго, и самъ онъ да вдохновитъ наши молитвы». (III, 62, 10).

Текстъ этотъ на первый взглядъ кажется такимъ незначительнымъ, что приписываемая ему чрезвычайная святость является прямо загадкою. Дѣло другое, если этотъ коротенькій стихъ предлагалось новообращеннымъ произносить въ видѣ «исповѣданія вѣры»; этимъ вполне объяснялась бы

его святость. Если и не имѣется прямыхъ доказательствъ, что *мантра* употреблялась именно для этой цѣли, то ничто не говоритъ противъ того. По краткости же и простотѣ, текстъ весьма пригоденъ; онъ, кромѣ того, вполне характеризуетъ свѣтлое арійское небо- и солнце-поклонство въ противоположность мрачному земле-поклонству туземцевъ, съ его главнымъ символомъ,—змѣемъ. Еще болѣе подтверждается это предположеніе тѣмъ, что «Гаятри» помѣщена въ книгѣ, приписываемой Вишвамित्रѣ. Замѣчательно, что мы тутъ натываемся, такъ сказать, на тонкій конецъ клина, который вонзился въ духовную жизнь народа и съ теченіемъ времени причинилъ вѣковой расколъ между двумя брахманскими школами или сектами, получившими названіе отъ двухъ древнихъ, глубоко почитаемыхъ ведійскихъ Риши, но непримиримыхъ враговъ,—Вазишты и Вишвамитры.

22.—Строго придерживаясь свѣдѣній, содержащихся въ самомъ Риг-Ведѣ, можно утвердительно сказать, что Вазишта состоялъ народнымъ пѣвцомъ при племени Тритсу, самомъ чистокровномъ и могущественномъ изъ арійскихъ племенъ, Вишвамित्रа же—при зачатомъ врагѣ ихъ, племени Бхаратовъ, самомъ славномъ и сильномъ изъ туземныхъ племенъ. Одно время и Вишвамित्रа былъ у Тритсу, но почему-то ушелъ отъ нихъ, — вѣрнѣе всего, изъ личной мести, и потомъ игралъ видную роль въ союзѣ, задумавшемъ—было остановить арійцевъ и сломить ихъ силу. Въ книгѣ III есть гимнъ (53), очевидно на-

Вазишта и Вишвамित्रа: узнѣ консерватизма и либерализма.

мекающий именно на это; самая же книга приписывается пѣвцамъ рода Вишвамित्रы. Въ первой части гимна сказано, что, когда Вишвамित्रа руководилъ жертвоприношеніями, которыя совершалъ царь Суда, Индра милостиво относился къ послѣднему, ради благочестиваго Риши, и въ гимнѣ произносится торжественное благословеніе надъ царемъ, его боевымъ конемъ и надъ походомъ, въ который онъ отправляется. Затѣмъ, Вишвамित्रа заявляетъ, уже лично отъ себя, что его молитвами спасаются племена Бхаратовъ, и гимнъ кончается ужаснѣйшими проклятіями противъ какихъ-то непоименованныхъ враговъ, въ которыхъ, однако, преданіе столь положительно признало Вазишту и его родъ, что впослѣдствіи жрецы изъ этого рода никогда не произносили этихъ четырехъ стиховъ и старались не слышать ихъ, когда ихъ читали другіе брахманы. Всего вѣроятнѣе, что Вишвамित्रа разгнѣвался за какое-нибудь отличіе, выпавшее на долю рода Вазиштовъ,—можетъ-быть, за назначеніе главы этого рода въ *пурохиты* при царственномъ домѣ племени Тритсу, и, обозленный, перешелъ къ ихъ самому могущественному врагу, племени Бхаратовъ. Въ слѣдующей войнѣ, называемой войной «Десяти Царей», побѣда осталась на сторонѣ Тритсу и ихъ союзниковъ, и оба пѣвца, въ нѣсколькихъ крайне воодушевленныхъ гимнахъ, имѣющихъ полное право назваться историческими, дали описанія этой борьбы и рѣшительной битвы, бывшей на берегахъ рѣки Пурушни. Впослѣдствіи, сторонники Вазишты и

его потомки являются представителями строго правовѣрной брахманской школы, отличавшейся мелочной щепетильностью по части исполненія всякихъ обрядовъ, формальностей, вообще ритуала, узкой нетерпимостью ко всему не-арійскому и непреклоннымъ сепаратизмомъ. Именно эта школа во всѣ эти вѣка и по наше время какъ бы стояла на стражѣ, охраняя кастовые порядки, вѣроятно, ею же учрежденные, и являлась поборницей чрезмѣрныхъ требованій и притязаній брахманскаго священства, — на божественность, на всемірное владычество, на сверхъестественную силу и понудительную власть надъ природой и самими богами посредствомъ жертвоприношеній, аскетическаго подвижничества и т. п. Послѣдователи Вишвамित्रы и его потомки, напротивъ того, являются представителями прогресса и либеральныхъ взглядовъ, поборниками примиренія и смѣшенія расъ; вѣроятно благодаря ихъ усиліямъ арійская рѣчь и вѣра, а слѣдовательно и арійское владычество, распространились между туземными племенами и ихъ государями. Съ другой стороны, благодаря этой же политикѣ уступокъ и примиренія, въ арійскую вѣру вкралось постепенно многое изъ религіознаго міра недавно еще ненавистныхъ *дасью* и пустило прочные корни, подготавливая будущій «индуизмъ» съ его смѣшанными вѣрованіями и богослужебными формами. Правовѣрные противники школы Вишвамित्रы порицали и презирали такія послабленія, видя въ нихъ опасность, которую они силились отвратить удвоеннымъ рвеніемъ въ отстаиваніи

кастовыхъ уставовъ, и, не имѣя возможности отрицать святость или оспаривать авторитетъ угодника, стоящаго въ Риг-Ведѣ не ниже ихъ собственнаго Риши, правовѣрнаго Вазишты, они выразили свою ненависть и досаду въ томъ, что увѣряли, будто Вишвамित्रа по рожденію вовсе не брахманъ, а кшатрія, нечеловѣческимъ подвижничествомъ принудившій боговъ признать за нимъ высшій санъ. Вражда, между обоими пѣвцами и ихъ потомками составляетъ любимую тему позднѣйшей брахманской литературы и расписывается съ обычнымъ изобиліемъ фантастическихъ подробностей. Въ Риг-Ведѣ ничего такого нѣтъ. Какъ началась распря, не рассказывается вовсе, и существованіе ея замѣтно только изъ общихъ чертъ въ такъ-называемыхъ историческихъ гимнахъ. Весьма знаменателенъ стихъ, въ которомъ Вишвамित्रа восхваляетъ своихъ новыхъ друзей, Бхаратовъ, называя ихъ людьми дальнозоркими, противопоставляя ихъ своимъ прежнимъ покровителямъ, правовѣрнымъ и узкоумнымъ Тритсу. Все это выставляетъ учрежденіе кастъ въ самомъ естественномъ видѣ: какъ реакцію, со стороны строго правовѣрныхъ поклонниковъ Агни и Сомы, противъ пугавшихъ ихъ всеуравнивающихъ поползновеній нѣкоторыхъ проповѣдниковъ-энтузіастовъ, соединявшихъ ревностную религіозную пропаганду съ дальнозоркимъ дипломатическимъ геніемъ. Туземцевъ, обращавшихся въ арійскую вѣру, сначала принимали какъ равныхъ, но потомъ,— должно-быть, когда стали писаться первыя Брах-

маны,—стали допускать ихъ лишь съ условіемъ, чтобы они довольствовались подчиненнымъ положеніемъ; такимъ образомъ возникла каста шудровъ. Замѣчательно, однако, что обѣ системы, какъ узко правовѣрная, такъ и либеральная, способствовали осуществленію того, что упомянутый выше писатель Юнттъ (Hewitt) называетъ «великой брахманской идеей управленія многочисленными подвластными племенами весьма незначительнымъ аріійскимъ меньшинствомъ».

23. — Масса собственныхъ именъ, которыми испещренъ Риг-Веда, должна была показаться первымъ изслѣдователямъ безвыходнымъ хаосомъ и погрузить ихъ въ состояніе близкое къ отчаянію. Гдѣ ключъ? гдѣ путеводная нить въ этомъ лабиринтѣ? Какъ разсорттировать эти имена на имена боговъ, бѣсовъ, людей, народностей, мѣстностей? Эта первая сортировка, съ оставленіемъ большого простора для ошибокъ, была гигантскимъ трудомъ. И когда, наконецъ, удалось съ нѣкоторой увѣренностью отдѣлить имена народовъ и племенъ, оставалась еще одна, безнадежная, повидимому, задача: размѣстить ихъ географически и этнологически. Собрано было все, что только могло помочь въ этой работѣ: каждое указаніе, выходящее изъ общаго смысла, добываемое терпѣливымъ сличеніемъ разныхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчались тѣ же имена,—подробнѣйшимъ изученіемъ двухъ великихъ эпопей, собираніемъ малѣйшихъ крохъ, въ видѣ цитатъ или свѣдѣній, хотя бы самыхъ отрывочныхъ, самыхъ искаженныхъ, разбросанныхъ въ

„Пять
племенъ“
или „Пять
народовъ“.

иностранныхъ писанійхъ, греческихъ и аравійскихъ. Всѣ эти лучи, отчасти очень блѣдные и слабые, будучи собраны въ одинъ фокусъ, однако дали свѣтъ настолько яркій, что имъ удалось разсвѣять въ значительной степени мракъ, облекавшій эту обширную, древнюю область и освѣтить немало весьма поучительныхъ чертъ. Если взять нѣсколько именъ и прослѣдить ихъ черезъ весь сборникъ, просто списывая каждую строку или стихъ, въ которыхъ данное имя попадаетъ, то мы удивимся, сколько знанія получится отъ одного этого механическаго процесса, и, если повторить его со многими именами, то чувство растерянности, путаницы въ головѣ скоро замѣнится пріятнымъ, постоянно возрастающимъ чувствомъ ясности и порядка. Выдѣляются крупныя группы, получаютъ цѣлыя родословныя, покрывающія по нѣсколько поколѣній, этимъ еще лишній разъ доказывая, съ какой медленностью Риг-Веда достигъ своей окончательной формы. Изъ этихъ династій двѣ тянутся параллельно, отъ отца къ сыну, и все время состоятъ въ близкой связи, а именно: царскіе дома Тритсу, у которыхъ духовникомъ или *пурохитой* былъ правовѣрный Вазишта, и друзей ихъ и союзниковъ, Пуру. Блескъ этихъ домовъ сосредоточился въ ихъ двухъ племенныхъ герояхъ: Диводасъ, царь племени Тритсу, и Кутсъ или Пурукутсъ, царь племени Пуру. Эти два народа, вмѣстѣ съ тремя другими:—Яду, Турватсу и Ану, часто упоминаются въ Риг-Ведѣ подъ коллективнымъ названіемъ «Пяти племенъ» или «Пяти армновъ».

24.—Тритсу были, вѣтъ всякаго сомнѣнія, главной аріійской народностью ранняго ведійскаго періода, чуть ли не первую, сошедшую въ Пенджабъ. Если употреблялись миролюбивые приемы,

Тритсу и
Пуру.



Крѣпостца или фортъ въ горномъ ущельѣ.

(Каменный, позднѣйшаго времени. Легко себя представить въ такихъ мѣстностяхъ деревянные остроги ведійскаго періода).

то ужъ никакъ не этимъ племенемъ. Тритсу дѣйствовали исключительно оружіемъ и, хотя они имѣли союзниковъ среди туземныхъ *дасью*, многіе изъ послѣднихъ постепенно обратились противъ нихъ и, наконецъ, образовали со-

юзъ, имѣвшій цѣлью остановить ихъ слишкомъ быстрое движеніе на востокъ, по мѣрѣ того, какъ они овладѣвали одной рѣкой за другою. Первый великій вождь Тритсу, Диводаса, непрерывно воевалъ съ свирѣпыми племенами сѣвера, которыя, подъ предводительствомъ лютаго Шамбара, настроили крѣпостцы для защиты ушей, ведущихъ въ наиболѣе дикія и крутыя дебри Гималая. Крѣпостцы эти, конечно, были деревянные, такъ что борьба велась, буквально, огнемъ и мечомъ, преимущественно огнемъ. Вотъ почему, въ многочисленныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ похожденія Диводасы воспѣваются его родовымъ пѣвцомъ Вазиштой и другими, честь побѣды приписывается столько же Агни, сколько Индрѣ. Почему-то этихъ крѣпостей всегда насчитывается «девяносто девять». Это, вѣроятно, значитъ просто «очень много». «О, Молніеносецъ!—воскликаетъ пѣвецъ,—вотъ какіе твои подвиги: въ одинъ день ты уничтожилъ девяносто девять крѣпостей, а сотую въ ночь».—Тритсу, должно-быть, воевали, не покладая рукъ, потому что, не имѣя покоя отъ сѣверныхъ племенъ, они постоянно отбивались и на юго-востокѣ, гдѣ имъ всячески мѣшали переправляться то черезъ одну рѣку, то черезъ другую, и имъ иногда едва удавалось удержатъ свои позиціи. Въ общемъ, однако, движеніе на востокъ шло неукоснительно, съ немногими остановками, и много побѣдъ числится и за Диводасой и его сыномъ (или внукомъ), Судасомъ, надъ разными народами, въ особенности, надъ двумя

племенами, которыя всегда упоминаются вмѣстѣ,— Яду и Турвасу, проживавшими гдѣ-то на югѣ отъ Седьмирѣчія, между Индомъ и Ямуной. А между тѣмъ, эти два племени были по большей части арійской крови, сродни арійцамъ, поселившимся на берегахъ Инда и Сарасвати. Зато, съ другой стороны, Пуру, могущественное племя дравидійскаго происхожденія, проживавшее на западѣ и искони враждовавшее съ Гандхарами, народомъ, славившимся коневодствомъ и населявшимъ долины Кабула, долгое время были съ Тритсу въ крѣпкой дружбѣ и союзѣ, такъ что Агни и Индра покровительствовали одинаково и тѣмъ, и другимъ въ ихъ войнахъ противъ общихъ враговъ. Въ одномъ гимнѣ къ Агни Вазишта говоритъ: «Отъ страха передъ тобой черный народъ бѣжалъ, рассыпался, оставляя за собою свое добро, когда ты, Агни, пылая для пользы Пуру, уничтожилъ его крѣпости» (VII, 6, 3). Въ другомъ гимнѣ той же книги, Индра восхваляется за то, что даровалъ Тритсу побѣду надъ Яду-Турвасу и помогъ Кутсѣ, царю Пуру, въ его войнахъ, предавъ враговъ въ его руку. Дружба эта продолжалась и послѣ смерти Диводасы, какъ видно изъ одного гимна въ другой книгѣ (I, 63, 7), гдѣ упоминаются побѣды Пурукутсы и Судаса, преемника Диводасы: «Ты, о Индра, уничтожилъ семь крѣпостей, сражаясь за Пурукутсу, о Владыка Молніи; ты опрокинулъ ихъ передъ Судасомъ, какъ стогъ соломы, и выручилъ Пуру изъ бѣды». Правда, нѣкоторые ученые читаютъ это мѣсто нѣсколько иначе; у

нихъ выходитъ такъ: «Ты опрокинулъ Судаса, какъ стогъ соломы», такъ что Кутса, якобы, одерживаетъ побѣду *надъ* Судасомъ, а не *вмѣстѣ* съ нимъ. Если подтвердится это чтеніе, имѣющее на своей сторонѣ вѣскій авторитетъ Рота и Лудвига, то это только докажетъ, что общей войнѣ,—извѣстной подъ названіемъ войны «Десяти Царей», отъ числа участвовавшихъ въ ней членовъ союза, во главѣ котораго несомнѣнно стоялъ Пурукутса,—предшествовали частныя столкновенія между нимъ и его прежними союзниками, Тритсу. Въ такомъ случаѣ, можно полагать, что въ его временной побѣдѣ другіе недовольные почерпнули бодрость выступить рѣшительно и образовать союзъ,—одни, какъ Яду и Турвасу, изъ надежды отплатить за давнія обиды, другіе—изъ чувства самосохраненія, изъ желанія задержать слишкомъ быстрое движеніе впередъ этого отважнѣйшаго изъ всѣхъ арійскихъ племенъ. Филологическій вопросъ, можетъ-быть, никогда не будетъ рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону, но это не важно, по отношенію къ общему ходу событій,—на чтѣ историкъ обращаетъ свое главное вниманіе. Много встрѣчается такихъ спорныхъ пунктовъ, которымъ лучше не придавать слишкомъ большого значенія. Специалистъ—другое дѣло.

Арійцы и
Дасью
равно
походятъ
Индра.

25.—«Война Десяти Царей» рассказана обоими враждебными лагерями пѣвцовъ—Вазиштами и Вишвамित्रами, и не трудно возстановить исторію всей кампаніи и рѣшительнаго сраженія по отдѣльнымъ отрывкамъ и цѣлымъ гимнамъ, отно-

сящимся къ этой войнѣ и разнымъ эпизодамъ ея. Вазишта обыкновенно обращается къ Индрѣ, котораго и позднѣйшіе его послѣдователи молятъ помочь ихъ народу, «какъ онъ нѣкогда помогъ Судасу и племени Тритсу». Въ этихъ пѣсняхъ, какъ и въ пѣсняхъ соперниковъ, формально говорится, что имена Индры и Вáруны призывались обѣими сторонами: ихъ молили «разбить враговъ, *все равно, арійцы ли они или дасью*». Такого рода воззванія встрѣчаются очень часто и доказываютъ, съ одной стороны, что и тогда уже бывали вооруженныя столкновенія между арійскими племенами, съ другой,—что арійскіе боги уже признавались многими туземными народами *). Такъ, племя Ану, вѣроятно коларійское, упоминается какъ усердные поклонники

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«... Воины, соединившіеся противъ насъ, все равно, родичи ли намъ или чужіе,—разбей ихъ мощь». (VI, 25, 3).

«Тотъ, къ кому обѣ рати взываютъ въ бою, противники съ одной стороны и съ другой,—тотъ, кого призываютъ стоя на колесницахъ, тотъ, о, люди, есть Индра». (II, 12, 8).

«Ты, о, Индра, разишь обонхъ враговъ, и арійца, и дасью». (VI, 33, 3).

«Они (Индра и Агни) поражаютъ враговъ, и арійцевъ, и дасью». (VI, 60, 6).

«Какіе бы богоненавистники, будь то арійцы, будь то дасью, о, славный Индра, ни ополчились противъ насъ, даруй намъ легкую побѣду надъ ними, твоими врагами». (X, 38, 3).

«Ты (Агни) собралъ добычу съ горъ и равнинъ, и сразилъ враговъ, равно арійцевъ и дасью». (X, 69, 6).

И проч., и проч.

бога Агни, и мы видѣли, что неоднократно говорится о помощи, оказанной племени Пуру Индрою. Не слѣдуетъ забывать и того, что древніе народы еще не знали религіозной нетерпимости и, нисколько не въ ущербъ своимъ собственнымъ богамъ, охотно, при случаѣ, чествовали и чужихъ, если послѣдніе оказывались заслуживающими уваженія, т. е. если поклонники ихъ благоденствовали. Поклонники же Индры были такъ неизмѣнно побѣдоносны въ своихъ войнахъ, что онъ прослылъ всемогущимъ богомъ-воителемъ, и къ нему естественно стали обращаться народы и не-арійскіе, ни по крови, ни по вѣрѣ.

**Коалиція
противъ
Тритсу.**

26. — Въ Риг-Ведѣ сохранились имена и враговъ, и союзниковъ Тритсу, и царя ихъ Судаса. Во главѣ коалиціи, состоявшей изъ десяти могущественныхъ племенъ, первое мѣсто заняли Пуру съ ихъ славнымъ витяземъ, царемъ Кутсою, и Бхараты, которыхъ уже обратилъ въ арійскую вѣру Риши Вишвамित्रа, и которые со временемъ до того пропитались арійскимъ духомъ, что въ классическій періодъ «Землей Бхаратовъ» называли всю «арійскую Индію». Сохранились имена и нѣсколькихъ знаменитыхъ военачальниковъ, погибшихъ въ рѣшительной битвѣ. Тритсу тоже были не безъ союзниковъ, и въ числѣ ихъ мы съ удивленіемъ находимъ два хорошо знакомыя намъ названія: Притху и Парсу (паряне и персы),—хотя, собственно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если части двухъ главныхъ пранскихъ племенъ были, вмѣстѣ

съ другими, заброшены за Гималай. Упоминается также народъ, по имени Вишанинъ, т. е. «последователи Вишну», безъ сомнѣнія, аріійскіе солнцепоклонники; отсюда видно, что «вишнуизмъ», какъ отдѣльная секта, начался гораздо раньше, нежели доселѣ подозревали*). И, какъ бы въ подтвержденіе, въ числѣ союзниковъ Тритсу, тотчасъ за Вишанинами слѣдуютъ Шивы,—а это, какъ полагаютъ, было однимъ изъ именъ могущественнѣйшаго туземнаго дравидійскаго народа, Тугровъ, которымъ аріійцы дали особое прозвище: «Сыны Змія»; они, вѣроятно, были основателями поклоненія Шивѣ, подъ видомъ Змія. Такимъ образомъ мы имѣли бы уже въ Риг-Ведѣ начало обѣихъ соперничающихъ сектъ: вишнуитовъ и шивантовъ,—на которыя до сихъ поръ распадается индусы,—не слѣлавшихся ни магометанами, ни буддистами**). Что всѣ эти народности тогда уже были значительно перемѣшаны, отчасти съ аріійскими элементами, болѣе чѣмъ вѣроятно. Во всякомъ случаѣ при-

*) Вишнуизмъ, вѣроятно, начался въ связи съ переходомъ отъ древнѣйшаго, тринадцати-мѣсячнаго, луннаго календаря къ исправленному, двѣнадцати-мѣсячному, солнечному, подъ покровительствомъ двѣнадцати Адиты. (См. Юнтъ, «Древнѣйшая Исторія Сѣверной Индіи». (*Hewitt, «Early History of Northern India».*)

**) Тамъ же, т. II, стр. 232, 233. (*J. Roy. As. Soc. XXI*, новая серія). Въ русскихъ эпическихъ былинахъ есть одинъ алой витязь, врагъ свѣтлыхъ богатырей,—«Змѣй Тугаринъ». Фольклористовъ очень озадачиваетъ имя это, и возникаетъ вопросъ: откуда оно взялось? Не здѣсь ли ключъ къ разрѣшенію его?

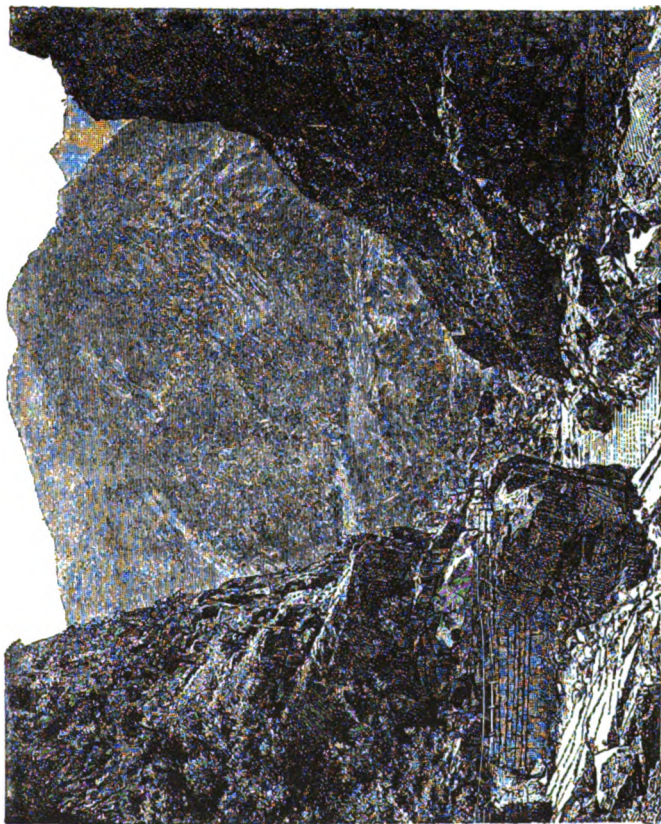
ходится признать, что уже въ Риг-Ведѣ находятся всѣ три составныя части нынѣшняго индуизма: брахманизмъ, вишнуизмъ, шиваизмъ и въ томъ же самомъ порядкѣ и сочетаніи: Тритсу, Вишанинъ, Шива.

Гимнъ Вишванитры
въ Рѣ-
канъ“.

27.—Союзники хорошо придумали планъ кампаніи и были увѣрены въ успѣхѣ. Вазишта нисколько не отрицаетъ опасность; напротивъ, прямо говоритъ, что Судасъ былъ «окруженъ» и взмолился о помощи къ Индрѣ, который и просѣкъ ему дорогу черезъ непріяеля, ради молитвъ друзей его, вознесенныхъ Вазиштой и его «бѣлоризыми» жрецами. Союзники думали напасть врасплохъ на Тритсу, поселенія которыхъ уже достигли до рѣки Сарасвати, сами же вытянулись боевымъ строемъ на сѣверномъ берегу рѣки Пурушни (нынѣ Рави)*). Обѣ рати, стало-быть, отдѣлялись другъ отъ друга двумя рѣками,—Вишашъ (нынѣ Біасъ), и Шатадру или Шутудри (нынѣ Сетлэдждъ). Черезъ эти рѣки союзники думали переправиться, какъ весьма опредѣленно указывается въ одномъ гимнѣ сборника Вишвамитры. Такъ какъ этотъ историческій документъ въ то же время считается однимъ изъ немногихъ поэтическихъ перловъ Риг-Веды, то постараемся дать о немъ понятіе, насколько это возможно достигнуть въ пересказѣ сухою прозою другого языка и вѣка. Гимнъ этотъ—формы безукорыпленной, и, что рѣдкое достоинство въ этихъ

*) Юиттъ обращаетъ вниманіе на названіе этой рѣки, какъ бы указывающее на то, что родина самихъ Пуру находилась на ея берегахъ.

древнихъ пѣсняхъ, гимнъ не впадаетъ ни въ много-
рѣчивость, ни въ отступленія. Онъ написанъ въ ви-



Рѣка Шатадру или Шутудри (Оггледитъ).

дѣ діалога,—разговора между пѣвцомъ и рѣками,
двоестишіями, которыя говорятъ поочередно.
Пѣвецъ начинаетъ, рѣки отвѣчаютъ. Только всту-
пленіе въ повѣствовательной формѣ:—

«1.—Съ горы, другъ друга перегоняя, подобно двумъ кобылицамъ, выпущеннымъ на волю, или двумъ разбѣзвившимся молодымъ тѣлкамъ, весело бѣгутъ Випашъ и Шатадру, несутъ свои млекоподобныя воды.

«2.—Подбодряемая Индрою, словно быстрые возницы, вы спѣшите къ могучему собранію водъ (*самудра*); высоко вздымая свои волны, вы, красавицы, бѣжите рядомъ.

«3.—Я сошелъ къ рѣкѣ-матушкѣ, къ Випашъ, широкой, красивой, — къ двумъ рѣкамъ, которыя подобно коровамъ, ласкающимъ телятъ, спѣшать одной дорогой, чтобы слиться у одной широкой груди.

«4.—Катя обильныя, сладкія воды, мы стремимся къ богосозданному лону, и ничто не въ силахъ остановить наше быстрое теченіе. Чего желаетъ пѣвецъ, что онъ къ намъ, рѣкамъ, взываетъ?

«5.—Внемлите моей набожной пѣсни, о, святые, придержите бѣгъ свой на краткій срокъ; къ вамъ, къ рѣкамъ, взываетъ сердца моего громкая мольба; страстно призываю я васъ,—я, сынъ Кушики.

«6.—Тотъ, чья десница мечетъ молнію, Индра, пробилъ намъ дорогу, умертвивъ Вритру, заправшаго воды; прекрасный богъ Савитаръ указываетъ намъ путь; слѣдую туда, куда онъ ведетъ, мы широко раскинули свои воды.

«7.—Геройскій подвигъ тотъ да будетъ во вѣки восхваляемъ,—когда Индра Змія разсѣкъ на куски. Молніей своею онъ сразилъ разбойника; воды потекли туда, куда ихъ влекло желаніе.

«8.—Никогда не забывай, о, пѣвецъ, сіе слово свое; пусть внемлютъ ему самыя отдаленныя поколѣнія; помини и насъ ласковымъ словомъ въ пѣсняхъ своихъ, о, поэтъ; не попусти насъ быть людьми забытыми, и честь будетъ воздаваться и тебѣ.

«9.—Слушайте же, сестрицы, что говоритъ поэтъ: я пришелъ къ вамъ издалека съ нагруженными возами. Наклонитесь пониже, дайте мнѣ легкій бродъ; пусть воды ваши, о, рѣки, касаются моихъ осей.

«10.—Мы слову твоему покорны, о, Риши, пришедшій къ намъ издалека съ нагруженными возами. Я низко скло-

няюсь передъ тобою, подобно послушной рабынѣ, какъ супругу покоряется новобрачная, юная жена.

«11.—Но лишь только рать Бхаратовъ, воодушевляемая Индрой, пылая рвеніемъ, быстро перейдетъ васъ въ бродъ, тогда пусть воды ваши хлынуть обратно со скоростью стрѣлы; вотъ та милость, о которой молю васъ, о, святые.

«12.—Бхараты, пылая боевымъ рвеніемъ, перешли; рѣки мирволятъ пѣвцу. Теперь же поднимайтесь, скорѣе, выше; завершайте дѣло начатое, спѣшите своею дорогою, съ полными руслами». (III, 33).

28.—Въ этомъ послѣднемъ стихѣ пѣвецъ съ ^{Витта} ^{Десяти} ^{Царей} истинно поэтической вольностью описываетъ, какъ совершившійся уже фактъ, то, чего онъ желаетъ, но чего на самомъ дѣлѣ не случилось. Вышло какъ разъ наоборотъ: Тритсу перешли въ наступленіе и черезъ Випашъ и Шатадру переправились они, а не Бхараты («Индра сдѣлалъ бродъ легкимъ для Судаса»), и удивили непріятеля, появившись на южномъ берегѣ Пурушни въ полномъ боевомъ строѣ. Послѣдовала паника. Союзныя племена, со своими вождями, одно за другимъ попрыгали въ рѣку; «безумцы думали пройти такъ же легко, какъ по сушѣ». Теченіе сильно потрепало коней и колесницы, и выбравшіеся на ту сторону разбѣжались въ беспорядкѣ, словно перепуганное стадо, потерявшее пастуха. Изъ вождей многіе потонули; рѣзня была ужасная: шесть тысячъ слишкомъ воиновъ пали, «сраженные мощью Индры»; добыча, «преданная въ руки Судаса», была неисчислима, и оставшіеся въ живыхъ должны были платить огромную дань. Побѣда была полная, и ничто уже не могло удержать движеніе Тритсу на востокъ, къ Ямунѣ

(VII, 18). О судьбѣ героя Пурукутсы ничего положительно не сказано; но изъ одного намека какъ будто выходитъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ этомъ стихѣ въ неясныхъ словахъ упоминаются его невзгоды, и рожденіе внука, Трасадасью, отъ дочери его, Пурукутси, какъ будто вмѣняется ему въ утѣшеніе, посланное ему богами.

Арийское
владыч-
ство окон-
чательно
утвер-
ждается.

29.—Этотъ Трасадасью впоследствии былъ могущественнымъ государемъ, — первый въ Индіи, носившій высшій изъ всѣхъ царскихъ титуловъ: *самраджъ*, т. е. «царь царей». За бѣдственной битвой на берегахъ Пурушни послѣдовалъ, должно-быть, прочный миръ, такъ какъ Трасадасью съ тѣхъ поръ неизмѣнно является преданнымъ другомъ и надежнымъ союзникомъ арійцевъ. Преемники его, черезъ нѣсколько поколѣній, часто упоминаются, не только въ обѣихъ эпопеяхъ, но и въ самомъ Риг-Ведѣ. Самый народъ же постепенно переименовалъ свое названіе на Куру и, подъ этимъ именемъ, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи и бытѣ страны, описанныхъ въ классической литературѣ. Это измѣненіе имени объясняется, по обыкновенію, родословной басней: Куру, внукъ Кутсы, былъ, будто бы, такимъ великимъ государемъ, что весь народъ его захотѣлъ называться его именемъ. Тритсу тоже исчезаютъ. Однако, упоминается, что они продолжали приобращать земли, и въ связи съ этимъ, названа рѣка Ямуна. Но если исчезаетъ имя этого племени, зато уцѣлѣло имя Вазишты и его фанатической школы, и изъ разныхъ указаній стано-

вится ясно, что земли, которыя Тритсу окончательно заняли и заселили, сдѣлались той твердой брахманскаго изувѣрства, кастовыхъ порядковъ и желѣзнаго жреческаго деспотизма, которая въ Уложеніи Ману, подъ именемъ Брахмаварта, названа единственной землей, гдѣ, по строгому закону, долженъ пребывать истинно правотѣрный брахманъ. Вотъ текстъ, къ этому относящійся:

«Землю, богосозданную, лежащую между двумя божественными рѣками, Сарасвати и Дришадвати, мудрецы называютъ Брахмаварта.

«Обычай, наследственно передаваемый между кастами и смѣшанными родами этой земли, называется правиломъ для добродѣтельныхъ людей.

«Отъ брахмана, рожденнаго на этой землѣ, пусть всѣ въ мірѣ люди научаются привычкамъ и обычаямъ».

Эта область отдѣльна отъ того обширнаго края, простирающагося отъ Гималая до Виндійскихъ горъ и отъ моря до моря, который называется Аріяварта (по нашему — Индостанъ), гдѣ живетъ хорошо, но нѣтъ такой ужъ недосягаемой святости. «Дважды-рожденнымъ» слѣдуетъ стараться не уходить на постоянное жительство за предѣлы Аріяварты, потому что всѣмъ остальнымъ материкомъ обладаютъ Млекхи (варвары, нечестивые), и тамъ только шудра можетъ жить, не нарушая закона; дважды-рожденнымъ же тамъ жить не полагается.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ VIII.

Повѣсть о потопѣ въ Индіи. („Матсія-Аватаръ“,—„Рыбное Воплощеніе“ бога Вишну)*).

Повѣсть о
потопѣ въ
индійской
литературѣ.

1.—Повѣсть о потопѣ въ литературѣ Индіи существуетъ въ разныхъ видахъ, но всегда является эпизодомъ въ какомъ-нибудь болѣе или менѣе обширномъ сочиненіи или сборникѣ, за исключеніемъ одной коротенькой Пураны, всецѣло посвященной этому одному инциденту, такъ и называемой Матсія-Пураной, т. е. «Рыбной». Въ очень сокращенномъ видѣ потопъ разсказанъ еще въ другой изъ малыхъ Пуранъ, Агни-Пуранѣ; но самые длинные и обстоятельные разсказы содержатся въ Бхагавата-Пуранѣ, одной изъ самыхъ пространныхъ, посвященной прославленію бога Вишну, да въ самомъ Махабхаратѣ, гдѣ исторія потопа встрѣчается въ числѣ разныхъ легендъ, разсказываемыхъ тѣмъ или другимъ ученымъ брахманомъ для увеселенія или поученія того или другого царственного героя. Эти раз-

*) Въ связи съ этими страницами необходимо внимательно перечестъ, въ главѣ XI «Исторія Халденъ», стр. 378—382, о потопѣ.

сказы уже гораздо болѣе, чѣмъ полвѣка извѣстны санскритистамъ; но наши ученые, находя ихъ запрятанными въ массѣ такой поздней, почти современной литературы, имѣющей очень мало общаго съ классическимъ брахманизмомъ, естественно приписали ихъ семитскимъ вліяніямъ и международнымъ сношеніямъ, считая ихъ прямыми заимствованіями изъ Библии. Каково же было общее удивленіе, когда, въ Шатапат-Брахманѣ («Стоглавой Брахманѣ»), одной изъ самыхъ чтимыхъ и старинныхъ, попали на неизвѣстный дотолѣ разсказъ о потопѣ, въ видѣ древней легенды, объясняющей происхожденіе рода человѣческаго. Присутствіе легенды въ этомъ сборникѣ указывало на ея почти-что современное самимъ Ведамъ происхожденіе, и разныя подробности изъ позднѣйшихъ разсказовъ, пополняющіе другъ друга, при новомъ освѣщеніи, получили свое настоящее значеніе.

2.—Максъ Мюллеръ первый издалъ переводъ ^{Въ} тогда еще только что найденнаго разсказа *). При- ^{«Шатапата-Брахманѣ»} водимъ здѣсь болѣе поздній и самый авторитетный переводъ, изданный подъ редакціей и съ одобренія того же ветерана науки **):—

«1.—Утромъ принесли Ману воды умыться, такъ точно, какъ и теперь носятъ воду, руки умывать. Когда онъ сталъ умываться, въ руки ему попала рыба.

*) Въ «Исторіи Древней Санскритской Литературы» (1859), стр. 425 и сл.

**) «Шатапата-Брахмана»; переводъ Юлія Эггелинга, въ серіи: «Священные Книги Востока» («Sacred Books of the East»), т. XII, 1882.

«2.—Она повела съ нимъ такую рѣчь:—«Вырости меня. Я тебя спасу».—«Отъ чего спасешь?».—«Великое потопленіе унесетъ всѣ эти твари; отъ него-то я спасу тебя».—«Какъ мнѣ тебя растить?»

«3.—Рыбка сказала: «Пока мы малы, на насъ большое бываетъ истребленіе: рыба рыбу пожираетъ. Ты держи меня сперва въ банкѣ. Когда я изъ нея вырасту, ты вырешь яму, и тамъ будешь меня держать. Когда я и изъ ямы вырасту, ты снесешь меня въ море, потому что тогда мнѣ уже не будетъ грозить опасность».

«4.—Рыбка скоро стала большой рыбой. Тогда она сказала: «Въ такомъ-то году будетъ то великое потопленіе. Тогда ты слушайся меня и выстрой корабль, и когда потопъ поднимется высоко, ты войди въ корабль, и я спасу тебя отъ него».

«5.—Выростивъ рыбу такимъ образомъ, Ману снесъ ее въ море. И въ томъ самомъ году, о которомъ возвѣстила ему рыба, онъ послушался ея совѣта и построилъ корабль; и когда вода высоко поднялась, онъ вошелъ въ корабль. Рыба тогда подплыла къ нему, и онъ къ ея рогу привязалъ канатъ отъ корабля и этимъ способомъ быстро поднялся на высокія сѣверныя горы (Гималай).

«6.—Тогда рыба сказала: «Я спасла тебя. Прикрѣпи корабль къ дереву, но не допусти воду отрѣзать тебя, пока ты будешь на горѣ. По мѣрѣ того, какъ вода станетъ убывать, ты можешь спускаться постепенно». Такъ Ману и сдѣлалъ, и потому этотъ склонъ сѣверной горы названъ «Спускъ Ману». Потопомъ тогда смыло всѣ твари, и Ману остался тамъ одинъ».

«7.—Желая имѣть потомство, онъ погрузился въ молитву и подвижничество...»

Ману принесть въ жертву большое количество кислаго молока и топленого масла (*гхи*), и, по прошествіи года, его накопившіяся молитвы и жертвоприношенія воплотились и предстали передъ нимъ въ образѣ прекрасной женщины, божественной Иды. Она стала его женою, и отъ нихъ пошелъ

новый родъ людской, — «свой родъ Ману», какъ арійскіе индусы сами себя называютъ.

3.—Это самое древнее и простое изложеніе Въ Махабхаратѣ. представляетъ лишь общее очерченіе хорошо знакомаго разсказа, и само по себѣ не даетъ повода къ слишкомъ опредѣленнымъ выводамъ. Не сказано даже, *кто* была рыба, и можно только догадываться, что она была существомъ божественнымъ или небеснымъ посланцемъ. По времени слѣдуетъ Махабхарата. Тамъ изложеніе гораздо полнѣе и представляетъ нѣкоторыя интересныя подробности. Во-первыхъ, не оставляется никакого сомнѣнія насчетъ личности героя, который названъ по имени и отчеству и является тѣмъ самымъ братомъ Ямы, извѣстнымъ уже по другимъ источникамъ. Вотъ этотъ разсказъ, весь безъ пропусковъ.

«Былъ нѣкогда великій Рishi, Ману, сынъ Вивасвата (который въ теченіе многихъ лѣтъ, предавался строжайшему подвижничеству).

«Однажды къ нему приплыла рыба, на берегу рѣки Чирини, и говорила ему такъ: «Господинъ, я — малая рыба; я опасаюсь большихъ, и ты долженъ меня отъ нихъ спасти. Ибо сильныя рыбы пожираютъ слабыя, такъ водится у насъ съ незапамятныхъ временъ, ради нашего пропитанія. Избавь меня отъ страха того, и я тебѣ воздамъ за доброе дѣло».

«Услыхавъ такую рѣчь, Ману, сжалившись, взялъ рыбку въ свою руку и посадилъ ее въ банку, свѣтлую, что лунный лучъ. Тутъ рыба, при превосходномъ уходѣ, подросла, ибо Ману ходилъ за нею какъ за собственнымъ дѣтищемъ. Послѣ долгаго времени она выросла очень большая, и уже не умѣщалась въ банкѣ. Тогда, увидавъ Ману, она опять заговорила: «Чтобы мнѣ жилось хорошо, перемѣсти меня во что-нибудь другое».

«Тогда Ману вынулъ рыбу изъ банки, принесъ ее къ боль-

шому пруду, и пустил туда. Тамъ она продолжала расти еще очень много лѣтъ. Хотя прудъ былъ длиною въ двѣ *юджаны* и шириной въ одну, лотосоглазая рыба уже не находила въ немъ мѣста, гдѣ бы двигаться, и опять сказала Ману: «Неси меня къ Гангѣ, возлюбленный супругъ морскаго царя; у нея я буду жить»^{*)}).

«Ману послушно взялъ рыбу и пустил ее въ рѣку Гангу. И тамъ она росла нѣкоторое время, но опять сказала Ману: «По великому моему росту я не могу двигаться въ Гангѣ. Будь милостивъ, и скорѣе неси меня въ море». Ману взялъ ее изъ Ганги и пустил въ море.

«Попавши въ море, рыба сказала Ману: «Великій владыка! ты всячески меня охранялъ: слушай же теперь отъ меня, что надлежитъ тебѣ дѣлать, когда настанетъ къ тому время. Скоро все, что существуетъ на землѣ, движимое и недвижимое, обратится въ ничто. *Пришло нынѣ время для очищенія міровъ*. Потому я научу тебя тому, что послужитъ тебѣ на благо.

«Насталъ срокъ, страшный для вселенной, движимой и недвижимой. Сооруди себѣ корабль, крѣпкій, съ привязаннымъ къ нему канатомъ. *Сядись въ него вмѣстѣ съ семью Риши и упрячь въ него*, тщательно подобранными и въ сохранности, *всѣ стѣмена*, которыя встарину описали брахманы. Сѣвши на корабль, ищи меня глазами. По рогу моему ты легко меня узнаешь: я къ тебѣ приду. Такъ ты и сдѣлай все. Теперь привѣтствую тебя и ухожу. Этихъ водъ глубокихъ не переплыть тебѣ безъ моей помощи. Въ моемъ словѣ не сомнѣвайся». — Ману отвѣтилъ: «Все сдѣлаю, какъ ты сказала».

«Распростившись другъ съ другомъ, они пошли каждый своей дорогой. Затѣмъ Ману, какъ ему было велѣно, забравъ съ собою стѣмена, поплылъ по волнообильной пучинѣ на прекрасномъ кораблѣ. Тогда онъ вспомнилъ о рыбѣ, и та, зная его желаніе, спѣшно приплыла, выдаваясь изъ воды своимъ рогомъ. Завидя рогатое чудовище, высокое, что гора, Ману прикрѣпилъ канатъ къ рогу, и рыба поволокла корабль

^{*)} Рѣка Гангъ у индусовъ—женскаго рода.

съ великой быстротой черезъ соленое море, которое словно плясало своими волнами и гремѣло своими водами. Корабль, кидаемый бурями, метался, какъ шатается пьяная женщина. Не видать было ни земли, ни концовъ міра; ничего, кромѣ воздуха, воды да неба.

«Въ такомъ-то взбудораженномъ мірѣ, носились Ману, семь Риши да рыба. И такъ много-много лѣтъ, рыба неустанно влекла корабль по водамъ, и наконецъ приволокла его на высшій хребетъ Химавата. Тогда, ласково улыбаясь, она сказала семи Риши: «Привяжите корабль безотлагательно къ этому хребту». Они это исполнили. И этотъ высшій хребетъ Химавата доселѣ извѣстенъ подъ названіемъ Наугандхана («Привязъ корабля»).

«Дружелюбная рыба тогда объявила имъ: «Я—Праджапати («Владыка всѣхъ тварей») Брахма, выше коего нѣтъ никого и ничего на свѣтѣ. Въ образѣ рыбы я избавилъ васъ отъ сей великой опасности. Ману создастъ вновь всякую живую тварь—боговъ, асуровъ, людей, со всѣми мірами и всѣми вещами, движимыми и недвижимыми. Моею милостью и своимъ строгимъ подвижничествомъ онъ достигнетъ полного разumnія своего творческаго дѣла и не растеряется».

«Сказавъ и мигомъ исчезъ. Ману, желая вызвать къ жизни всякую тварь, совершилъ строжайшіе подвиги и принялся видимо создавать все живущее...».

Не распространяясь объ обстоятельности и обыкновенной литературности этого изложенія, замѣтимъ, что въ немъ прибавлены три важныя черты, значительно усиливающія его связь съ халдейскимъ и библейскимъ разсказами: 1) Потопъ посылается потому, что пришло время для очищенія міра,—или наказанія, такъ какъ это выходитъ на одно; 2) Ману спасается не одинъ; ему разрѣшается взять съ собою нѣсколько чело-вѣкъ (не друзей или родныхъ, а семерыхъ свя-тыхъ мудрецовъ), и «сѣмена»; 3) Таинственная рыба открывается Ману и его спутникамъ и



Первый аватаръ Вишну (Матсйя-Аватаръ), воплощеніе въ видъ рыбы, для спасенія священныхъ книгъ, пропавшихъ во время потопа.

оказывается Верховнымъ Божествомъ, самимъ Брахмой, — говоритъ съ ними и приказываетъ

Ману вновь населить міръ; только, съ велерѣчивостью, одолѣвшей индійскихъ арійцевъ со временъ сравнительно простыхъ Ведъ, приказаніе это не ограничивается землею и родомъ человѣческимъ; Ману долженъ *создать* еще и боговъ, асуровъ, и всѣ міры.

4.—Избытокъ воображенія сказывается въ еще большой мѣрѣ въ Пуранѣ «Матсія» («Рыбной») въ которой нужно прежде всего замѣтить то, что спасителемъ отъ потопа является не Брахма, а Вишну, что свидѣтельствуется о происшедшемъ уже расколѣ въ брахманизмѣ и распаденіи его на нѣсколько сектъ. Одна изъ нихъ возвела не особенно важнаго солнечнаго бога въ верховные охранители и спасители всего мірозданія.

Въ „Матсіа-Пуранѣ“.

Въ «Матсіа-Пуранѣ» Ману является «героическимъ царемъ», долготерпѣливымъ сыномъ Солнца, достигшимъ такой высокой степени святости, что онъ отказался отъ вѣнца въ пользу своего сына (не поименованнаго), чтобы всецѣло посвятить себя подвижничеству, которому онъ предавался съ неослабнымъ рвеніемъ «цѣлый миллионъ лѣтъ», «въ нѣкоемъ краѣ въ Малаѣ» (Малабаръ). Однажды, когда Ману приносилъ жертву душамъ предковъ (Питри) въ своемъ скитѣ, въ руки его вмѣстѣ съ водой попала маленькая рыбка. Слѣдуетъ извѣстное уже перемѣщеніе рыбы изъ банки въ большой кувшинъ, въ колодезь, въ озеро, въ Гангъ, наконецъ, въ океанъ.

«Когда рыба наполнила собою весь океанъ, Ману въ страхѣ воскликнулъ: «Ты—какой-нибудь богъ, или самъ Ва-

судэва*). Кто же другой будетъ такимъ? Преклоняюсь передъ тобой, о, Владыка міра».—На слова сія божественный Джанардана*), въ образѣ рыбы, отвѣтилъ: «Вѣрно ты говоришь и вѣрно призналъ меня. Въ скоромъ времени земля, со своими горами, рощами, лѣсами, будетъ потоплена водами. Корабль сей построенъ всѣмъ сонмомъ боговъ для спасенія великаго множества живыхъ тварей. Посади въ него всѣ живыя твари, какъ тѣ, что родятся изъ влаги и яицъ, такъ и тѣ, что родятся живыми, также растенія, и спаси ихъ отъ гибели. Когда корабль понесетъ бурями въ концѣ настоящей юга**), ты прикрѣпишь его къ этому рогу моему. Тогда, послѣ того, какъ свершится мировое истребленіе, ты станешь Праджапати (въ настоящемъ случаѣ «создателемъ») всего міра, движимаго и недвижимаго».

Подъ словами «всѣ живыя твари» разумѣются, конечно, представители каждой породы, такъ какъ нельзя вообразить себѣ корабля такой величины, чтобы вмѣстить всѣхъ существующихъ тварей; подъ растеніями разумѣются тоже образцы или, вѣрнѣе, сѣмена. Что же касается людей, Вишну даетъ въ спутники Ману только одного святого Риши. На дальнѣйшіе разспросы богъ отвѣчаетъ, что великому потопленію будетъ предшествовать мировой пожаръ, который послѣдуетъ за столѣтней засухой и голодомъ, такъ что земля станетъ подобна золѣ, и самый эфиръ сдѣлается жгучимъ, какъ полымя. Даже боги и планеты погибнутъ. Изъ первыхъ уцѣлѣетъ одинъ Брахма, а изъ послѣднихъ солнце и мѣсяцъ. Веды тоже должны спастись въ кораблѣ. Въ одной важной чертѣ разсказъ Пураны разнится отъ халдейскаго подлинника, а именно: страшное раззореніе посы-

*) Одно изъ тысячи именъ Вишну.

**) Юга---цѣль вѣковъ, обнимающій миллионы лѣтъ.

лается не въ видѣ наказанія, а въ концѣ одного *юга*, или мірового періода, передъ наступленіемъ другого; а по брахманскому вѣрованію, конецъ каждаго такого періода знаменуется уничтоженіемъ вселенной, а начало другого—ея обновленіемъ. Разсказъ кончается какъ-то рѣзко:

«Когда настало время, возвѣщенное Васудэвой, потопленіе произошло тѣмъ самымъ порядкомъ. Тогда богъ явился въ образѣ рогатой рыбы; змій Ананта *) пришелъ къ Ману въ видѣ каната... Онъ тогда прикрѣпилъ корабль къ рогу рыбы змѣннымъ канатомъ, стоя на кораблѣ...»

5.—Такимъ же отсутствіемъ нравственнаго начала отличается и гораздо болѣе драматически выработанный разсказъ въ Бхагавата-Пуранѣ **). Тамъ тоже, въ концѣ одного изъ міровыхъ періодовъ происходитъ катаклизмъ, въ которомъ міръ потопляется водами океана. Но еще большее бѣдствіе настигаетъ боговъ и людей: пропадаютъ Веды. Ихъ крадутъ и уносятъ «силачъ Хаягрива», демонъ изъ рода великановъ Дакитя, которые вѣчно воюютъ противъ боговъ и портятъ ихъ благія творенія,—и тутъ только Вишну принимаетъ образъ рыбы. Героемъ является не Ману, а «нѣкій великій царственный Риши» по имени Сатьяврата, праведный *царь дравидійскій*, преданный поклонникъ Вишну, строгій подвижникъ, который, какъ водится, въ слѣдующую новую эру,—*юга*,—вновь рождается сыномъ Вивасвата, Ману.

Въ „Бхагавата-Пуранѣ“.

*) *Ананта*—«Безконечный», символъ вѣчности.

**) *Бхагавата*—«Блаженный»; одно изъ самыхъ священныхъ именъ Вишну. Эта Пурана преимущественно посвящена прославленію бога и его различныхъ воплощеній,—*аватаровъ*.

«Однажды, въ то время, какъ онъ въ рѣкѣ Критамахъ (*земля дравидійской или Малабаръ*) приносилъ душамъ предковъ (*Питри*) возліяніе водой, въ его руки вмѣстѣ съ водой попала рыбка».

Слѣдуютъ извѣстная просьба рыбки, ея переселенія, признаніе ея за перевоплощеннаго бога Вишну. На вопросъ: почему онъ принялъ именно этотъ образъ?—богъ отвѣчаетъ:

«*На седьмой день отъ сего дня всѣ три міра погружаются въ пучину небытія *)*. Когда вселенная исчезнетъ въ этой пучинѣ, къ тебѣ придетъ большой корабль, посланный мною. Забравъ съ собой растенія и разныя сѣмена, окруженный семью Риши и всѣми существами, ты сядешь на тотъ корабль и, безъ боязни, понесешься по темной пучинѣ. Когда бурнымъ вѣтромъ станетъ трясти корабль, прикрѣпи его великимъ змѣемъ къ моему рогу, ибо я буду близко».

Все происходитъ по предсказанію, и когда свершилась міровая гибель, Вишну убиваетъ Хаягриву и отбираетъ у него похищенные Веды, между тѣмъ какъ «царь Сатьяврата, обладающій всякимъ знаніемъ, священнымъ и мірскимъ, слѣлался, милостью Вишну, сыномъ Вивасвата, Ману новой эры (*юга*)».

Это воплощеніе (*аватаръ*) Вишну называется «Рыбнымъ» (*Матсія*), въ отличіе отъ другихъ девяти, подъ которыми онъ въ разные критическіе моменты спасаетъ міръ. Одно воплощеніе еще предстоитъ въ концѣ настоящей эры (*юга*).—Въ Агни-Пуранѣ разсказъ совершенно тотъ же, только короче, такъ что нѣтъ повода повторять его.

6.—Великій французскій санскритистъ, Эженъ Бюрнуфъ, издавшій и переведшій Бхагавата-Пурану, зналъ всѣ эти версіи, кромѣ самой древней, въ Шатапата-Брахманѣ, еще не открытой въ его

Сходство
съ хал-
дейскимъ
разсказомъ.

*) См. Кн. Бытія, VII, 4, 10.



За-Ханъ (Оаниъ).

время, и, даже безъ послѣдней, былъ положительно увѣренъ въ томъ, что суть преданія пришла изъ Вавилона. Единственная ошибка его та, что онъ ставитъ это заимствованіе въ очень позднее историческое время, тогда какъ самый сюжетъ и многія подробности указываютъ на несравненно болѣе раннія сношенія, еще въ доарійскіе вѣка, между родственными народами дравидійской Индіи и до-семитскаго Вавилона. На тожество между божественнымъ покровителемъ Ману и богомъ Эа, покровителемъ Хасисадры, слишкомъ ясно и ужъ никакъ не случайно указываетъ рыбное воплощеніе, сразу напоминающее символическій обликъ, такъ часто встрѣчаемый на памятникахъ, наконецъ, самое имя Э-А-Ханъ, — «Эа-Рыба» — (Оаннъ) полурыбообразнаго божества, насадителя цивилизацій въ Халдеѣ *). Нельзя также оставить безъ вниманія такія совпаденія, какъ сходство между индійскимъ праведникомъ Ману и праведными патріархами Хасисадрой и Ноемъ, и еще болѣе то обстоятельство, что индійскій праведникъ Пуранъ называется *царемъ дравидійскимъ*, и онъ показанъ молящимся въ приморской землѣ Малабаръ; это—прямое указаніе, *какимъ путемъ* важнѣйшая легенда древней эрехской поэмы прибыла въ Индію задолго до того, какъ тамъ стали извѣстны, хотя бы только по имени, будущіе арійскіе завоеватели.

Слѣды
легенды о
потопѣ въ
Фолклорѣ.

7.—Едва ли требуется еще указать на тожество во всѣхъ разсказахъ послѣдняго собы-

*) См. «Исторію Халдеи».

тія,—остановки корабля на высокой горѣ (Низиръ, Араратъ, Химаватъ), со слѣдующей затѣмъ бесѣдой патріарха со спасшимъ его божествомъ, жертвоприношеніями, приказаніемъ вновь населить землю. Но будетъ не безынтересно здѣсь напомнить о милой сказкѣ, знакомой намъ съ дѣтства; врядъ ли кому придетъ въ голову привести эту сказку въ связь съ почтеннымъ древнимъ преданіемъ, хотя она, безо всякаго сомнѣнія, есть крошечный осколокъ отъ той же величественной глыбы: мы разумѣемъ сѣверо-германскую сказку «О рыбацѣ и рыбкѣ», такъ прелестно рассказанную великимъ Гриммомъ, прямо изъ народныхъ устъ, и такъ изящно пересказанную въ поэтической формѣ нашимъ роднымъ Пушкинымъ. Начало, во всякомъ случаѣ, то же, что въ индійской легендѣ. Къ рыбаку въ неводъ попадаетъ малая рыбка, проситъ пощадить ее и отпустить на волю и обѣщаетъ воздать благодѣтелю. Рыбакъ отпускаетъ. Продолженіе, конечно, совсѣмъ другое. Это—исторія того, какъ у человѣка разыгрываются дурныя страсти: жадность и властолюбіе отъ потворства доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ и, наконецъ, наказываются. Но божественность рыбы выступаетъ во всемъ рассказѣ ярко и живо, а подъ конецъ—даже съ грознымъ величіемъ. Сколько нашихъ любимыхъ сказокъ, скромныхъ усладительницъ хаты и дѣтской (если прослѣдить ихъ), дошло до насъ такими же дальними, окольными, давно затоптанными тропами!

ГЛАВА IX.

Риг-Веда: Древнѣйшая культура.

Общая
картина.

1.—Прочитавъ внимательно цѣлыя гимны и отрывки изъ Риг-Веды, приведенные въ предъидущихъ главахъ, нельзя не составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о культурѣ тѣхъ древнихъ временъ, о нравственномъ и умственномъ уровнѣ, достигнутомъ людьми, умѣвшими такъ пѣть и такъ мыслить. Изъ разныхъ мелочей, изъ многого сказаннаго и недосказаннаго, изъ разныхъ образовъ и сравненій, должна была создаться довольно яркая картина, во многомъ похожая на то, чѣмъ является обыденная жизнь и въ наше время;—суть ея одна, разница только во внѣшности. Князья, воины, жрецы,—сраженія и мирное сельское житіе,—хозяйство, домашнее, полевое, лѣсное, и разные промыслы и ремесла,—все это было тогда, все это мы видимъ теперь. Остается дополнить полученный блѣдный набросокъ болѣе опредѣленными чертами, положить гдѣ тѣни, гдѣ свѣтлый бликъ,—все изъ одного и того же неистощимагоклада, первой арійской книги,—Риг-Веды.

Арійскій
погребаль-
ный обрядъ
въ Риг-
Ведѣ.

2.—Пессимисты не разъ говорили, что самый важный моментъ жизни есть смерть, такъ какъ это—цѣль, для которой мы существуемъ въ мірѣ.

Характерно, во всякомъ случаѣ, то, что почти первое, что мы стараемся узнать о какомъ-либо народѣ, это его взгляды на этотъ вѣчно заманчивый, облеченный вѣчной тайной, вопросъ о смерти, и наше сужденіе объ интересующемъ насъ народѣ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ этихъ его взглядовъ, отъ его отношенія къ своимъ покойникамъ, смотря по обрядамъ и почестямъ, которыми онъ ихъ напутствовалъ. Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ повода стыдиться нашихъ праотцевъ. Ибо немного погребальныхъ ритуаловъ по красотѣ и глубокой осмысленности сравнятся съ тѣмъ, который мы легко можемъ возсоздать изъ ихъ священныхъ писаній. Десятая книга Риг-Веды содержитъ нѣсколько гимновъ, которые не могли имѣть иного назначенія, и хотя книга эта относится несомнѣнно къ позднему періоду, однако, основной матеріалъ такихъ частей непремѣнно долженъ быть очень древній, потому что у каждаго народа представленія о смерти и будущей жизни всегда бываютъ въ числѣ самыхъ первыхъ. Достаточно бѣлаго обзора такъ-называемыхъ «погребальныхъ гимновъ», чтобы убѣдиться, что арийцы Седьмирѣчія (конечно, и поздніе потомки ихъ), хотя они любили жизнь со всей искренностью здоровой натуры и усердно молились, чтобы имъ и ихъ милымъ было дано прожить полный, неукороченный человѣческій вѣкъ,—«сто зимъ»,—однако, отнюдь не трусили смерти и, храня благоговѣйную, любящую память объ усопшихъ, скорбили о нихъ небезнадежно. На-

дежда же ихъ состояла въ томъ, что ушедшіе изъ міра первые поведутъ счастливое, просвѣтленное бытіе съ древними праотцами (Питри) и собственными предками до немедленно предшествующаго поколѣнія, въ безмятежномъ ожиданіи пришествія къ нимъ дѣтей и потомковъ, «пирюя съ богами во владѣніяхъ добраго царя Ямы». Туда, на огненныхъ крыльяхъ, уносилъ ихъ посланецъ боговъ, Агни; но его пламенное дыханіе можетъ коснуться лишь грубой земной оболочки ввѣреннаго ему человѣка. Сожиганіе тѣлъ, до сихъ поръ употребительное у индусовъ, впрочемъ, сравнительно позднее нововведеніе, и не трудно отличить тексты, къ нему относящіеся, отъ другихъ, сочиненныхъ, очевидно, въ виду погребенія. Таковъ знаменитый гимнъ 18, кн. X, лучше котораго ничего въ этомъ родѣ не писано. Изъ него ясно, что древнѣйшимъ обычаемъ было погребеніе. Слѣдя за словами, представляешь себѣ все священнодѣйствіе, — оно точно совершается у насъ на глазахъ. Покойника кладутъ на землю, на предварительно освященное мѣсто. Въ рукѣ его лукъ; вдова сидитъ у него въ головахъ; родные и друзья стоятъ широкимъ кругомъ. Священнодѣйствующій ставитъ камень на нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣла внутри круга: это — грань, которую живые не должны перейти, а Смерти, — Мритью, — наказывается не нарушать. При этомъ произносятся слѣдующія слова:

«1.—Уходи, о, Смерть; иди своею дорогою, путемъ, тебѣ присвоеннымъ, далекимъ отъ пути боговъ. Тебѣ я говорю, имѣющей очи и уши: не трогай нашихъ дѣтей, нашихъ мужей».

Затѣмъ священнодѣйствующій обращается къ собранію:

«2.—Вы всѣ, сюда пришедшіе по слѣдамъ Смерти, сами обладая жизнью, прибывающимъ богатствомъ, казной и потомствомъ, будьте духомъ чисты и святы.—3. Живущіе отъ мертваго отдѣлены. Жертвоприношеніе наше въ день сей совершилось благополучно, и мы отсюда уйдемъ плясать и веселиться, ибо жизнь еще наша.—4. Грань сію я ставлю, дабы никто изъ живущихъ не спѣшилъ къ той цѣли; да будетъ имъ дарована полная мѣра жизни, — сто осеней, и камень этотъ да держитъ смерть отъ нихъ далеко.—5. Какъ дни слѣдуютъ за днями и времена года одно за другимъ, и не приходитъ позднее раньше ранняго, такъ направъ жизнь ихъ, Создатель.—6. Живите весь положенный вамъ вѣкъ и доживайте до зрѣлой старости, всѣ вы, здѣсь присутствующіе; совершайте бѣгъ свой положеннымъ вамъ чередомъ, и Тваштаръ, искусный творецъ, да продлитъ ваши дни».

Только по произнесеніи этого благословенія надъ живыми, начинается настоящій обрядъ. Женщины вступаютъ въ освященную ограду и поливаютъ тѣло благовонными елями и топленнымъ коровьимъ масломъ, причемъ священнодѣйствующимъ произносятся слѣдующія слова:

«7. Жены сіи, не вдовы, супруги благородныхъ мужей и матери, пусть первыя подойдутъ съ елями и топленнымъ масломъ; безъ слезъ, безъ скорби, въ праздничномъ убранствѣ, пусть подходятъ къ обители (покойнаго)».

Тутъ братъ усопшаго, въ качествѣ его представителя, а если нѣтъ брата, то пріемный сынъ, или ученикъ, или старый слуга, беретъ вдову за руку, со словами:—

«8. Возстань, о, жена, вернись къ міру живыхъ. Бездыханенъ тотъ, подлѣ котораго ты сидишь,—который нѣкогда

бралъ тебя за руку и сочетался съ тобой бракомъ; брачная жизнь твоя съ нимъ кончена *)».

Затѣмъ то же лицо беретъ лукъ изъ руки усопшаго со словами:—

«9. Лукъ его я беру изъ руки умершаго, дабы онъ послужилъ намъ на помощь, на силу, на славу. Оставайся ты тамъ, мы же, мужи сильные, будемъ въ бою разить недруга».

Начинается настоящее погребеніе. Тѣло опускается въ яму, которая засыпается землей, и надъ нимъ воздвигается курганъ; это — «домъ смерти». Жрецъ каждое дѣйствіе сопровождаетъ соотвѣтствующими словами:—

«10. Иди къ землѣ, къ матери; къ широко-разстилающейся, благословенной землѣ; для благочестиваго мужа объятія ея нѣжны, какъ объятія дѣвы, мягки, какъ тонкое руно: да хранить она тебя отъ лиха.—11. Раскройся широко, о земля; не дави его. Будь къ нему милостива; приюти его ласково, укрой, земля, какъ мать укрываетъ дитя своей ризой. —12. Пусть отнынѣ домъ земляной стоитъ крѣпко и незыблемо, какъ бы покоясь на тысячѣ столпахъ; пусть онъ всегда будетъ кропляемъ топленнымъ масломъ, и будетъ ему приютомъ навѣки.—13. Я нагромоздилъ кругомъ тебя землю, и пусть не тяготить тебя холмъ, который я воздвигъ надъ тобою. Отцы (*Питри*) да охраняютъ домъ сей, и Яма да уготовитъ тебѣ обитель на томъ свѣтѣ».

Переходъ
отъ погребенія
къ
сожиганію
тѣла.

3.—Спокойный, нѣсколько строгій тонъ этого напутствія, далекаго отъ сентиментальности, но и не лишеннаго чувства, и дышащаго простодушной вѣрой, пока еще безъ примѣси мудрствованій,

*) 7 и 8:—Это тѣ самые стихи, которые послужили положительнымъ доказательствомъ, что въ Ведахъ не предписано сжигать вдовъ вмѣстѣ съ тѣлами мужей; совсѣмъ наоборотъ. Смыслъ стиха 7 былъ навращенъ умысленнымъ измѣненіемъ двухъ буквъ въ одномъ словѣ.

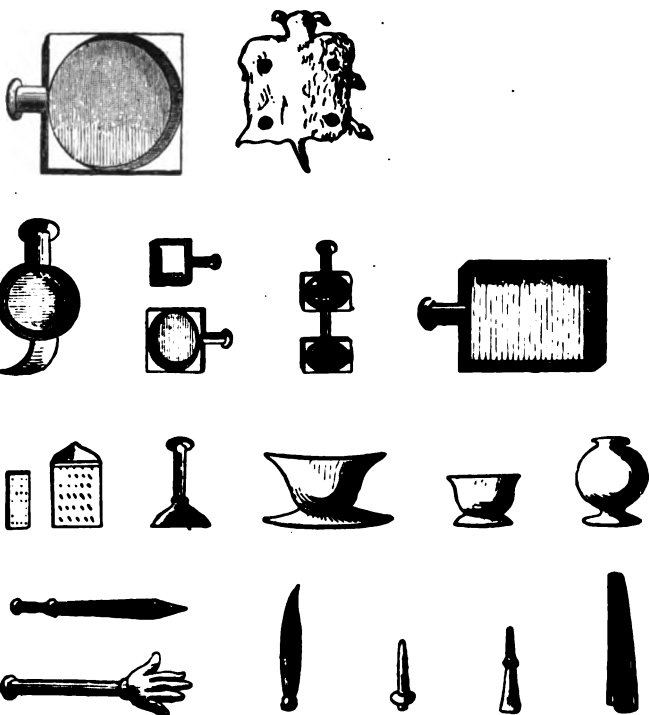
одинъ уже указываетъ на чрезвычайную старину обряда. Когда погребеніе замѣнили сожиганіемъ, пришлось нѣсколько измѣнить обрядъ и приспособить его къ новымъ текстамъ. Тексты эти всѣ найдутся въ кн. X, и такъ ясны, что не требуютъ комментарія. Однако, гимнъ X, 18, по чрезвычайной древности и святости, нельзя было выкинуть. Его только раздѣлили на части; одни стихи читались во время, — или до, — сожженія, другіе, отъ ст. 10, читались потомъ, когда собирались и погребались несторгвшія кости. Обрядъ этотъ подробно описанъ въ «Домашнихъ законахъ» (*Грихья-Сутра*) Ашвалаыны. Такъ какъ этотъ сборникъ входитъ въ комплектъ ведійской литературы, и предписанный въ немъ погребальный обрядъ въ точности приспособленъ къ текстамъ Риг-Веды, то нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ въ употребленіи уже между арійцами поздняго ведійскаго періода, во всякомъ случаѣ, когда они дошли до долинъ Ганга и Ямуны, гдѣ окончательно выработался переходъ отъ чисто ведійской культуры къ сложной брахманской.

4.—Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ всякаго жилья выбирается мѣсто по извѣстнымъ, строго предписаннымъ правиламъ. Туда родные усопшаго несутъ изъ дома священные огни и употребляемая имъ при жизни принадлежности жертвоприношеній, и ведутъ животное, — обыкновенно черную козу. Когда шествіе достигаетъ избраннаго мѣста, жрецы трижды обходятъ его кругомъ, справа налево, кропятъ его освященной

Обрядъ по
Грихья-
Сутрагъ.

водой и приговариваютъ слѣдующій стихъ, отгоняющій злыхъ дѣховъ:—

«Уходите прочь; удалитесь. Пятри уже уготовали для него блаженную обитель. Яма держитъ для него въ готов-

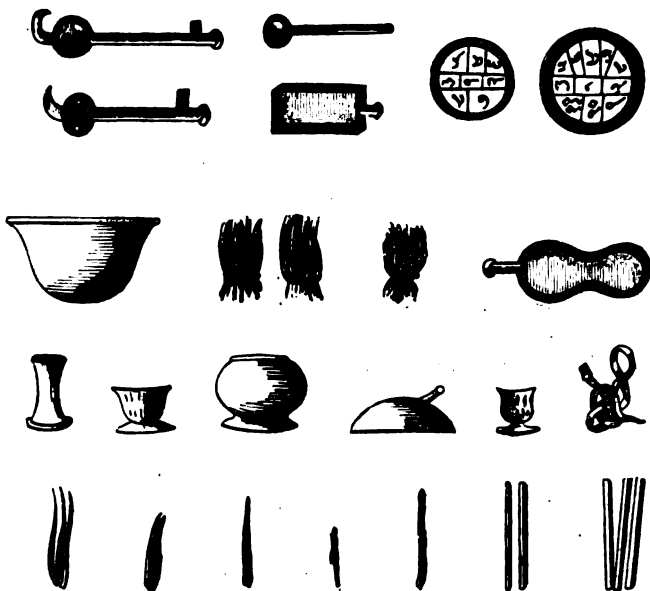


Жертвенныя принадлежности: миски, блюда, чаши, ложки, противень, сѣчка, ночерга (въ видѣ руки), ножъ, скребни и пр.

ности мирную пристань, гдѣ всякія благодати рѣками льются денно и нощно».

Затѣмъ разставляютъ принесенные изъ дома

три огня, и въ срединѣ, между ними, сооружаютъ костеръ. На немъ раскладываютъ шкуру дикой козы и посыпаютъ ее священной травой *нуша*. На это ложе кладутъ тѣло, и вдова садится



Жертвенныя принадлежности: черпалка для топленого масла (гхи), пучки жертвенной травы (нуша), растопокъ, дровъ и пр.

въ головахъ. Обрядъ начинается съ того, что ее уводятъ (причемъ читается ст. 8 гимна X, 18), и берутъ лукъ изъ руки умершаго (при этомъ читается ст. 9). Слѣдуетъ странная церемонія: всѣ жертвенные сосуды и орудія,—которые составляютъ неотъемлемую личную собственность чело-

вѣка и не могутъ быть отняты у него даже по смерти, тогда какъ оружіе есть фамильное наслѣдство, — раскладываютъ по разнымъ частямъ тѣла, въ настрого предписанномъ порядкѣ: такой-то сосудъ, такое-то орудіе—на грудь, на голову, на лицо, на руки, на бедра, на ноги, и пр., и пр. Сосуды, ложки, черпалки,—словомъ все, что возможно,—наполняютъ топленнымъ масломъ. Козу тѣмъ временемъ зарѣзали, и снятую съ нея шкуру кладутъ на тѣло и растягиваютъ такъ, чтобы плотно покрыть его все, для защиты отъ пламени. Во время этой нелегкой операціи читается ст. 10 гимна X, 14:—

«Иди прямой дорогой, мимо двухъ псовъ Сарамэевъ, пятиныхъ, четвероглазыхъ; иди туда, гдѣ Отцы, щедрые на дары, живутъ въ радости у Ямы».

На самомъ тѣлѣ совершаются еще разныя приношенія и возліянія; наконецъ, священнодѣйствующій приказываетъ: «Зажигайте огни разомъ!». Тогда всѣ съ напряженіемъ наблюдаютъ, который изъ трехъ огней первый коснется костра и тѣла, и съ какой быстротой это происходитъ: изъ этого выводятъ заключенія объ участи усопшаго въ другой жизни. Всего лучше ему будетъ, если всѣ три огня одновременно коснутся тѣла. Во время горѣнія священнодѣйствующій читаетъ множество гимновъ, или отрывковъ изъ разныхъ гимновъ,—такіе, которые подходятъ къ обряду. Есть между ними истинно прекрасные. Одинъ изъ лучшихъ—X, 14:—

«Того, кто первый перешелъ великія горы и высмотрѣлъ путь для многихъ, Царя Яму Вайвасвата, собирателя

людей, почтимъ приношеніемъ. Яма первый открылъ дорогу къ тому пристанищу, которое неотъемлемо наше. Нынѣ рождающіеся своими стезями направляются туда, куда ушли наши древніе праотцы...» (*Обращеніе къ умершему*):— «Иди, слѣдуй по древнимъ стезямъ, которыми ушли наши отцы. Обои ихъ царей узришь ты, Варуну и Яму, тамъ, гдѣ они блаженствуютъ. Присоединись къ Ямѣ и Отцамъ, тамъ, гдѣ всякое желаніе исполняется, на высшемъ небѣ; чистымъ и непорочнымъ вступи въ свою обитель тамъ, облечшись въ новое, сіяющее тѣло...» (*Обращеніе къ Ямѣ*):— «Прикажи боимъ псамъ, сторожамъ твоимъ, четвероглазымъ, хранителямъ пути, оберегать этого человѣка; дай ему благоденствіе, избавь его отъ страданія и недуга. Два посланца Ямы, темной масти, ширококордые, ненасытимые, шныряютъ среди людей, лишая ихъ жизни; да оставятъ они насъ еще долго лицезрѣть солнце, а этому человѣку даруй обновленную, счастливую жизнь».

Еще просятъ Агни помягче обращаться со ввѣреннымъ его заботамъ человѣкомъ (X, 16):—

«Не обжигай его, не пожирай, о Агни; не рви на немъ кожу или члены. Давъ ему созрѣть, унеси его къ Отцамъ...» (*Обращеніе къ умершему*):— «Отдай глазъ твой солнцу (Сурья), дыханіе—вѣтру (Вая), землѣ или небу разныя твои части, водамъ или растеніямъ, куда что подобаетъ». (*Обращеніе къ Агни*):— «Коза—твоя, о Агни; ее ты прожигай своимъ жаромъ, ее пожирай своимъ пламенемъ. Нерожденную же часть этого человѣка унеси, принявъ свой самый благосклонный видъ, въ обитель праведныхъ...»

Нерожденная часть! Возможно ли болѣе четко намѣтить естество души!—Усопшему дается еще особый путеводитель, въ лицѣ Пушана, покровителя путниковъ (X, 17):—

«Пушанъ да будетъ тебѣ путеводителемъ, мудрый, всемірный пастырь... Пушанъ знаетъ всѣ обители; онъ ведетъ насъ въ безопасности, заботливо... Пушанъ родился на обо-

ихъ путяхъ, небесномъ и земномъ, ходить взадъ и впередъ по обонмъ, знаетъ дорогу въ блаженнѣйшія обители» *).

«Тотъ, кто сожигается знающимъ все это, уносится въ небесный міръ (*сварга-лока*) вмѣстѣ съ дымомъ. Это вѣрно». Такъ кончаетъ авторъ Грихиа-Сутры, какъ бы подчеркивая утѣшительную надежность данныхъ имъ предписаній для совершенія этого торжественнѣйшаго изъ священныхъ обрядовъ.

Прежде чѣмъ тѣло совсѣмъ сгорить, священнодѣйствующій читаетъ ст. 3 изъ гимна X, 18 (см. выше), послѣ чего всѣ присутствующіе должны уходить, не оглядываясь назадъ. На обратномъ пути всѣ купаются въ чистой проточной водѣ, затѣмъ, облекшись въ чистыя одежды, просиживаютъ на одномъ мѣстѣ до ночи. Тогда они отправляются во-свои и стараются войти въ свои дома, когда еще видна часть солнечнаго диска надъ небосклономъ, или когда только-что загораются звѣзды. Родные умершаго ведутъ тихую, уединенную жизнь, пока полусгорѣвшія кости не собраны и не погребены. Этотъ обрядъ совершается дней десять послѣ сожженія, по предписанію, въ извѣстный, благоприятный день; затѣмъ насы-

*) Эти немногія строки вполне выясняютъ высшій (мистическій) смыслъ титула Пушана, «Владыка Пути», натуралистическое объясненіе котораго не представляетъ затрудненія. (См. стр. 257). «Путь», который онъ «прокладываетъ», это—путь отъ земнаго міра къ другому; «путники», которыхъ онъ охраняетъ, служа имъ путеводителемъ, это—умершіе, на пути къ «блаженнѣйшимъ обителямъ». Онъ съ Агни раздѣляетъ обязанности *Психопомпа* — «проводящаго душъ».

пается и курганъ и ставится надгробный камень; при этомъ читаются ст. 10—13 гимна X, 18. По возвращеніи домой, выкупавшись, родные совершаютъ первую «*шраддху*»—«поминки»,—чѣмъ усопшій окончательно присоединяется къ предкамъ (*Питри*) и получаетъ право на подобающія имъ почести и поклоненіе *).

5.—Часто встрѣчающійся вопросъ: «вѣрили ли аріицы въ загробную жизнь?»—является празднымъ въ виду всего вышесказаннаго. Относительно же того, какія формы должна была, по ихъ понятіямъ, принять эта жизнь, опредѣленнаго ничего не найдется. Но въ этой неопредѣленности есть своего рода поэтическая прелесть. Надежда, вѣра — тверды и вполне сознательны. Смерть, хотя и называется, между прочими именами, «*Кончающей*», однако, кончается только то, что имѣло начало здѣсь, въ этомъ земномъ мірѣ. Въ человѣкѣ же есть такая часть, которая «не родилась», и потому умереть не можетъ. Эта часть, освобожденная очистительнымъ пламенемъ отъ всякаго приставшаго къ ней земного шлама, «возвращается» на свою настоящую родину, чтобы тамъ вести блаженную, безсмертную жизнь съ друзьями, «ушедшими впередъ». Вотъ и все. *Какая* это жизнь? *Какія* условія? *Какія* занятія? На эти вопросы не имѣется опредѣленныхъ отвѣтовъ. Блаженные души будутъ допущены лице-

Вѣра въ
загробную
жизнь.

*) *Шраддха* буквально значитъ: «вѣра». Обрядъ въ честь умершихъ совершается съ *отрою*, что онъ будетъ на пользу и имъ, и себѣ.

зрѣть славу «обоихъ царей», Варуны и Ямы, тамъ, гдѣ они возсѣдаютъ подъ густолиственнымъ деревомъ, пируютъ и пьютъ (сому) (X, 135), и сами будутъ участвовать въ пирѣ. Вѣды и Отцы называются «любителями сомы», а это на миеическомъ языкѣ означаетъ, что они, подобно братьямъ Рибхава, сподобились принять даръ безсмертія. Но яснаго во всемъ этомъ—ничего. Единственная сколько-нибудь матеріалистическая черта, это—вѣра въ воскресеніе плоти, не взирая на то, что тѣло, повидимому, разлагается на свои составныя части. Покойнику хотя говорятъ: «Отдай глазъ солнцу, дыханіе—вѣтру», и пр., однако тутъ же сейчасъ велятъ ему вступить въ небесную обитель, «чистымъ и непорочнымъ, облекшись въ новое, сіяющее тѣло», и продолжаютъ:—

«Отдай, Агни, Отцамъ того, котораго съ приношеніемъ ввѣряемъ тебѣ... *пусть онъ соединится со своимъ тѣломъ.* Какую бы часть его ни укусили: птица, или муравей, или змѣя, или хищный звѣрь, пусть Агни и Сомъ все это исцѣляютъ...» *).

Одно кажется вѣрнымъ: что «новое тѣло», которымъ умершій долженъ «облечься», слѣдуетъ представить себѣ «просвѣтленнымъ», вѣроятно, безплотнымъ... Не предчувствуется ли въ этомъ современное ученіе объ «астральномъ тѣлѣ»? Въ Индіи начало почти всего отыщется въ Ведахъ. Но всего опредѣленнѣе получается впечатлѣніе витанія въ безпредѣльномъ пространствѣ, въ морѣ свѣта,—и это не разъ, не два, а многократно, во всемъ Риг-Ведѣ. Напримѣръ:—

«Сурья гонится за лучезарною Ушасъ, какъ любовникъ

*) Дословно: «сдѣлають цѣлымъ».

гонятся за дѣвой, тамъ, гдѣ богобоязненные живутъ изъ вѣка въ вѣкъ, переходя отъ блаженства къ блаженству» (I, 115).

«Въ срединномъ небѣ они ведутъ блаженное бытіе». (X, 15).

«О, если бы могъ я войти въ блаженную обитель Вишну, гдѣ богобоязненные пребываютъ въ радости! Ибо они составляютъ преданную дружину могучаго «шагателя», а родникъ сладости находится въ наивысшей обители Вишну... сіяющей ослѣпительнымъ свѣтомъ». (I, 154).

А чудная пѣснь надежды, душевнаго подъема, обожанія, IX, 113 («Тамъ, гдѣ вѣчный свѣтъ» и пр., см. стр. 196), не вся ли пропитана свѣтомъ,—тѣмъ свѣтомъ, котораго, по словамъ поэта, «не бывало ни на землѣ, ни на морѣ?»

6.—Все это для «праведныхъ», «богобоязненныхъ». Что же другіе, безбожные? Была ли и для нихъ загробная жизнь, и какъ представляли себѣ эту жизнь аріицы раннихъ ведійскихъ временъ? Во всякомъ случаѣ очень неясно и туманно. Сообразно съ арійскимъ дуализмомъ, если праведники живутъ въ вѣчномъ свѣтѣ, нечестивцамъ слѣдуетъ томиться въ вѣчной тьмѣ, вотъ и все. Варуна и другіе Адитья состоятъ, какъ извѣстно, специально карателями зла, они бросаютъ нераскаяннаго грѣшника «въ яму», которая внушаетъ не меньше страха, чѣмъ ихъ пресловутыя «петли» и «путы»,—т. е. тьма, болѣзнь, смерть. Примѣры:—

Загробная
жизнь без-
божныхъ.

«Блюстителя Риты не обмануть. Премудрый, онъ обозрѣваетъ всѣ твари. Тѣхъ безбожниковъ, которые ему неудобны, онъ свергаетъ въ яму...» (II, 26, 8).

«Снимите съ меня петли ваши, о боги (Адитья); снимите съ меня грѣхъ мой; не захватите меня, какъ птицу въ

гнѣздѣ. Будьте съ нами въ день сей, о многопочтенные; я съ трепетомъ прилгну къ сердцу вашему; охраняйте насъ, о боги, отъ прожорливаго волка, и не дайте намъ впасть въ яму». (III, 29, 6).

«Сбрось недруговъ нашихъ въ яму»,—молить Индру одинъ Ряши.

**Атхарва-
Веда о
загробной
жизни.**

7.—Было нелишнимъ остановиться такъ долго на неопредѣленности, туманности,—такъ сказать, безплотности тѣхъ представленій о будущей жизни, которыя мы находимъ въ Риг-Ведѣ, ради великой разницы между ними и представленіями о томъ же предметѣ болѣе поздняго брахманизма. Уже въ Атхарва-Ведѣ передъ нами вполнѣ матеріалистическіе рай и адъ. Тамъ въ точности исчисляются и описываются радости, ожидающія блаженныя души, и мѣки, приуготовленныя для нечестивыхъ. Тамъ, гдѣ Риг-Веда мелькомъ, нѣсколькими изящными штрихами, показываетъ намъ Отцовъ «блаженствующими» съ Варуной и Ямой «подъ густолиственнымъ деревомъ» (звѣздное небо),—Атхарва-Веда широко и грубо расписываетъ прозаическія райскія радости: къ каждому благочестивому обывателю подходятъ красивыя, кроткія коровы, всегда готовыя доиться и никогда не брыкающіяся; легкіе вѣтерки и тихіе дожди прохлаждаютъ воздухъ; топленое масло стоитъ прудами, льются рѣки меда и молока. Нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, никто не притѣсняетъ и не притѣсняется. Прекрасный стихъ (IX, 113): «Тамъ, гдѣ счастье и радость, и всякое наслажденіе,—тамъ, гдѣ достигается все желанное», толкуется въ смыслѣ самыхъ низменныхъ наслажденій, при содѣйствіи плѣнительныхъ Апсаръ,

этихъ Гурій индійской мифологіи. Короче сказать, перелѣ нами рай Ислама въ полной прелесть. Съ другой стороны, «Яма» съ ея безпроглядной тьмою обратилась въ настоящій адъ, преисподнюю*); гдѣ преступники крупнаго калибра сидятъ въ лужѣ крови, и ѣдятъ человѣческіе волосы вмѣсто пищи, а пить имъ даются только слезы обиженныхъ ими, да вода, служившая для омовенія покойниковъ. Самъ Яма, свѣтозарный, кроткій царь надъ счастливыми душами, котораго боялись лишь потому, что Смерть страшна, какъ ее ни обставляй, даже въ самомъ свѣтломъ видѣ, быстро превращается въ грознаго, жестокаго правителя разныхъ адскихъ міровъ (*тама, нарака*), безжалостнаго судью и истязателя, — попросту сказать, въ пошлаго чорта, облеченнаго во всѣ дешевые ужасы, изображаемые народной фантазіей. Въ Атхарва-Ведѣ онъ, положимъ, еще не такой, но и тамъ уже сынъ Вивасвата является страшнымъ, отталкивающимъ; это уже не богъ, а сама Смерть—«*Яма-Мрityю*».

8.—Отцы (Питри) бываютъ разные: Отцы от-

„Отцы“
(Питри) и
ихъ чество-
ваніе.

*) *Таматала*, изъ чего со временемъ образовалось греческое названіе *тартаросъ*. Любопытно, что отсюда, долгимъ окольнымъ путемъ, произошло ошибочное названіе *Tartare, Tartar*, все еще упорно даваемое татарамъ западными народами: извѣстно, что императоръ германскій, Фридрихъ II, обнародовалъ воззваніе ко всѣмъ европейскимъ королямъ, князьямъ, баронамъ, и пр., приглашая ихъ идти крестовымъ походомъ на помощь русскимъ и дать отпоръ нагрянувшимъ, неизвестно, откуда, дикимъ ордамъ, «исчадію преисподней»—по-латыни *Tartarus*. Такъ съ тѣхъ поръ они и остались «татарами»...

дѣльныхъ родовъ, Отцы племенъ, Отцы всей расы. Такъ водится у всѣхъ народовъ: они изъ своихъ отдаленнѣйшихъ пращуровъ дѣлаютъ себѣ божественныхъ хранителей, къ которымъ обращаются за помощью и защитой. Они обыкновенно идутъ еще далѣе и этихъ своихъ предковъ производятъ прямо отъ боговъ; такимъ образомъ они не только сохраняютъ священные родовые и семейные узы крѣпкими и нерушимыми во всѣ вѣка, прошлые и грядущіе, но еще заявляютъ свою собственную связь съ небесной родиной, свое собственное божественное происхожденіе. Этимъ только высказывается смутное сознаніе своего высшаго и лучшаго я, сознаніе присутствія въ насъ божественнаго начала, самодѣйствующаго, независимаго отъ нашего хотѣнія. Другіе народы возвели въ это достоинство своихъ древнѣйшихъ героевъ, воителей и законодателей, родоначальниковъ и основателей царственныхъ родовъ и государствъ. Индійскіе же арійцы, вѣрные рано развившемуся у нихъ благоговѣнію къ своему священству, производили отъ боговъ своихъ святыхъ угодниковъ—Риши, и черезъ нихъ уже устанавливали собственную свою родовую связь съ небожителями. Такъ возникли цѣлыя небесныя общества: пѣснопѣвцы Ангирасы, Бригу (вѣрнѣе произношеніе: Вригу или Фригу), имя которыхъ указываетъ на ихъ сродство съ жертвеннымъ пламенемъ *), и

*) *Бригу* (Bhrigu) происходитъ отъ корня Bhrj—«жечь, жарить» и, вѣроятно, когда-то было названіемъ самой Молніи. Слово это является въ греческомъ языкѣ въ

много другихъ группъ, также многочисленныя отдѣльныя святыя личности и патріархи, почитаемые какъ родоначальники жреческихъ родовъ или даже самого человѣческаго рода: Вазишта, Вишвамित्रа, Кашьяпа и множество другихъ, позднѣйшихъ, имена которыхъ еще не встрѣчаются въ Риг-Ведѣ. Всѣмъ имъ приписывались не только страшная, сверхчеловѣческая сила, вмѣстѣ съ постояннымъ желаніемъ вмѣшиваться въ людскія дѣла и управлять ими, но и чудотворное вліяніе на ходъ мірозданія, до участія въ творческомъ дѣлѣ и въ охраненіи міровъ. Есть на это указанія уже въ Риг-Ведѣ, несмотря на то, что ему вообще чужды сумасбродства позднѣйшаго брахманизма. Какъ иначе понять дѣятельность Ангирасовъ, выраженную условнымъ ведійскимъ оборотомъ рѣчи, когда они «помогаютъ Индрѣ взломать стойло и выпустить коровъ?» или Отцовъ (Питри), когда они «убираютъ чернаго коня жемчугомъ» (зажигаютъ звѣзды на ночномъ небѣ), или наполняютъ ночь тьмою, а день свѣтомъ, или вмѣстѣ съ Сомою «разстилаютъ небо и землю» (VIII, 48, 13), или, когда ихъ называютъ «сторожами солнца» (X, 154, 5), и говорятъ, что они «вынесли великій свѣтъ»? Не должно, однако, забывать, что они все это дѣлаютъ не въ естественномъ порядкѣ вещей, а духовною силой, добытой ими путемъ

формъ флѣнш, въ латинскомъ—*flagrare, fulgere* и, наконецъ, *fulgur*—молнія (та, что ударяетъ), не говоря о безчисленныхъ производныхъ словахъ въ современныхъ языкахъ, наприм., о французскихъ *flamme, flamber*, и пр., и пр.

безошибочнаго совершенія обрядовъ и жертвоприношеній. Ангирасы «взламываютъ стойло» въ качествѣ олицетворенной, безупречной (согласно ритуалу) молитвы, потому что такая молитва, и *только* такая, имѣетъ понудительную силу надъ природою, приносить дождь, солнечный свѣтъ, содержитъ міръ на своемъ мѣстѣ, и пр. Въ качествѣ представителей той же духовной силы и Питри много содѣйствуютъ произведенію явленій природы. И все же «путь» Отцовъ отличенъ отъ пути боговъ, такъ какъ они идутъ по «пути смерти», по которому всѣ люди должны за ними послѣдовать. (См. X, 18, 1 и 88, 15). Поэтому и приношенія для тѣхъ и другихъ должны быть разныя. Такъ, хотя Отцы большіе охотники до сомы и разъ навсегда приглашены угощаться имъ на жертвоприношеніяхъ вмѣстѣ съ богами, однако, на ихъ особыхъ поминкахъ, *шраддха*, имъ полагаются особенныя приношенія, главнымъ образомъ, пшеничная лепешка или блинъ, называемый *пинда*, по одному на каждого приглашеннаго Отца *). Поминки были разнаго рода, смотря по какому случаю и въ какія годовщины онѣ праздновались. Однѣ совершались въ честь одного родственника, другія—въ честь всѣхъ покойниковъ данной семьи, а то и въ честь всѣхъ благочестивыхъ, блаженныхъ усопшихъ вообще (нѣчто въ родѣ нашей Радоницы или Родительской Субботы, или, еще вѣрнѣе,

*) Отсюда названіе «пинда-питри-яджна» («привошеніе блиновъ Отцамъ»).

католическаго праздника «Всѣхъ Душъ»). Длинный, торжественный гимнъ X, 15, повидимому приспособленъ именно къ такимъ торжествамъ; но изъ послѣдняго стиха видно, что онъ читался и на похоронахъ. Впрочемъ, этотъ стихъ могъ читаться или опускаться, смотря по надобности.

«1. Пусть Отцы возстанутъ, верхніе, нижніе и средніе *), приносители (*при жизни*) сомы, ласковые, свѣдущіе въ жертвенной наукѣ, вступившіе въ духовную жизнь, и да выслушаютъ милостиво наше воззваніе. — 2. Почтимъ сегодня тѣхъ Отцовъ, которые ушли въ давнія времена, и тѣхъ, которые послѣдовали за ними позднѣе, тѣхъ, которые пребываютъ въ воздушномъ пространствѣ, и тѣхъ, которые пребываютъ съ родами, живущими въ прекрасныхъ обителяхъ **)...—4. Вы, Отцы, сидящіе на жертвенной травѣ (*куша*), приходите къ намъ на помощь; угощеніе это мы приготовили для васъ; кушайте, а намъ несите здравіе и всякія блага.—5. Мы приглашаемъ Отцовъ, любителей сомы, угощаться любимой своей пищей, для нихъ поставленной на траву; пусть же они придутъ и выслушаютъ насъ, помогутъ намъ и благословятъ насъ. — 6. ...Не мстите намъ, о Отцы, за какія-либо обиды, которыя мы, какъ водится у людей, могли нанести вамъ. — 7. Сидя на лонѣ зарей, даруйте богатство благочестивымъ смертнымъ, сынамъ своимъ, о Отцы, наградите ихъ обиліемъ и благоденствіемъ.—8. Пусть Яма, веселясь съ нашими древними Отцами, добрыми, милостивыми, приходившими на наши жертвы съ сомой, досыта напивается вмѣстѣ съ пылкими Вазиштамъ.—9. Прійди, о Агни, съ алчущими и жаждущими, воссѣдающими съ богами, свѣдущими въ жертвоприношеніяхъ, восхваляемыми въ гимнахъ пѣвцами (Риши), съ благосклонными Отцами,

*) Намекъ на три міра, три мѣсторожденія Агни.

**) Спорное мѣсто. Нѣкоторые понимаютъ его такъ, будто тутъ разумѣются «роды людскіе»; по другимъ — «роды боговъ». Последнее толкованіе будетъ, пожалуй, вѣрнѣе.

правдивыми, мудрыми, пребывающими въ свѣтѣ.—10. Прийди, о Агни, съ тысячами древнихъ и позднѣйшихъ Отцовъ, которые соединены съ Индрой и богами, и хвалить боговъ въ свѣтлой обители.—11. Приидите, о Отцы, которыхъ вкусилъ огонь (*сожженные по смерти*)...—13. Отцы, здѣсь присутствующіе и отсутствующіе; тѣ, которыхъ мы знаемъ, и тѣ, которыхъ мы не знаемъ, ты, о Агни, знающій все твореніе (*Джатавѣдасъ*), ты знаешь, сколько ихъ... Вмѣстѣ съ отцами, огнемъ сожженными и не сожженными (*поиребенными*), порадованными нашимъ приношеніемъ въ самой серединѣ неба, — съ ними, о Самосіяющій, унеси тѣло сіе въ міръ дѣховъ и поступи съ нимъ согласно нашему желанію».

Аріійскій
бракъ.

9.—Если представленіе, которое данный народъ составляетъ себѣ о загробной жизни съ его отношеніемъ къ своимъ мертвецамъ служить вѣрной нормой, по которой можно судить о степени духовнаго развитія, достигнутой этимъ народомъ, то по понятіямъ его о домашней жизни на землѣ и, особенно, по отношеніямъ его къ женщинамъ, еще лучше можно судить о его нравственной культурности. И тутъ опять, на основаніи показаній все того же Риг-Веды, мы не имѣемъ причины стыдиться своихъ аріійскихъ прашуровъ. Прямыхъ указаній, правда, мало, если измѣрять страницами, такъ какъ они почти всѣ содержатся въ одномъ большомъ свадебномъ гимнѣ X, 85; но и этого совершенно достаточно, чтобы показать, что женщина, у аріійцевъ Пенджаба ведійскаго періода, занимала весьма почетное, даже высокое положеніе, которое впослѣдствіи, благодаря разнымъ обстоятельствамъ и внѣшнимъ вліяніямъ, измѣнилось далеко не къ лучшему, а наоборотъ очень ухудшилось. Это говорится въ виду не одной только

ужасной участи, на которую обрекались вдовы (но не съ почина, какъ мы видѣли, древнихъ арійцевъ), а главнымъ образомъ, имѣется въ виду положеніе жены и матери въ семьѣ. Въ самую глубокую старину, жена, повидимому, пользовалась полной равноправностью съ мужемъ и, въ домѣ его, не была подчинена никому, даже его родителямъ, не говоря уже о братьяхъ его или сестрахъ. И, самое главное, она выходила замужъ добровольно. Обычай, положимъ, требовалъ, чтобы сватовство происходило черезъ третьихъ лицъ, однако болѣе чѣмъ вѣроятно, что предварительно заручались согласіемъ невесты,—мало того, ей часто предоставлялось право выбора изъ нѣсколькихъ жениховъ. Этотъ прекрасный древне-арійскій обычай продержался еще долго въ классическомъ брахманскомъ періодѣ, и въ обѣихъ эпопеяхъ многократно описываются такого рода состязанія за какую-нибудь княжну или благородную дѣвицу. Такое торжество называлось *сваямвара* (т. е. «своемужіе»,—выборъ самой себѣ мужа), и часто впоследствии встрѣчается у другихъ народовъ,—грековъ, германцевъ, кельтовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество преданій. Въ родительскомъ домѣ арійской дѣвушкѣ и подавно жило хорошо и привольно, и братья ея были природными защитниками ея и покровителями. Это видно изъ разныхъ мѣстъ въ Риг-Ведѣ, гдѣ оплакивается горькая доля дѣвушки-сироты, вынужденной самой высматривать себѣ мужа, и всякій, кто обидитъ такую дѣвушку, «съ рожденія обреченъ на ту бездонную бездну», т. е.

ту темную яму, въ которую Вѣруна бросаетъ лиходѣевъ.

Свадебный гимнъ.

10.—Святость брачныхъ узъ и брачнаго обряда внушается истинно ведійскимъ приеѣмомъ: описаніемъ, въ видѣ вступленія къ свадебному гимну, бракосочетанія, совершаемаго на небѣ. Это бракосочетаніе Сурьи,—дѣвы Солнца, съ Сомой,—очевидно представляется первообразомъ, прототипомъ всѣхъ земныхъ брачныхъ союзовъ и свидѣтельствомъ о божественномъ происхожденіи учрежденія брака. Благочестивымъ исполнителямъ обряда, конечно, не приходило въ голову, что и въ этомъ случаѣ небо является лишь отраженіемъ земли. Сурья—дочь Савитара, который выдаетъ ее, «въ душѣ соглашающуюся», за Сому. Ашвины — у жениха сваты и дружки; Агни верхомъ провожаетъ невѣсту въ домъ супруга. Натуралистическое толкованіе міеа объясняется весьма легко: дѣва-Солнце (въ сущности лишь другая форма Зари) отлично можетъ выйти за Сому въ любомъ изъ его видовъ. Въ этомъ случаѣ, самое умѣстное представить его верховнымъ жрецомъ-жертвователемъ, не только въ виду связи Зари съ богослужебными обрядами, но главнымъ образомъ потому, что, съ развитіемъ простаго первичнаго міеа, Сурья, очевидно, подверглась тому же процессу одухотворенія, какъ и большинство первоначально натуралистическихъ миическихъ лицъ, а именно—обратилась въ олицетвореніе Молитвы. Перечень разныхъ частей ея брачнаго облаченія чисто символическое: «Поистинѣ прекрасны были

ея брачныя ризы»; — онѣ были составлены изъ разныхъ священныхъ стихоразмѣровъ. Небо и земля составляли кузовъ ея повозки, самую повозку—ея «задушевные» мечты; гимны были дорогами, на которыхъ она помѣщалась; «оба уха» — колесами; «знаніе» — подушкой сидѣнья; «прозрѣваніе» — ея украшеніями изъ золота и драгоценныхъ камней; священные пѣсни были повязкой на челѣ невесты и украшеніями въ ея волосахъ; Риг-Веда и Сама-Веда были парой воловъ, которые везли ея повозку «по гладкому небесному пути». Тутъ все сложное великолѣпіе ведійскаго жертвоприношенія, и символическое описаніе кончается слѣдующимъ замѣчательнымъ стихомъ: «Два колеса твоей повозки, о Сурья, поистинѣ брахманамъ извѣстны, третье же колесо, сокровенное, вѣдомо лишь глубоко вникающимъ». Намекается на «два міра» видимые и всѣмъ вѣдомые, и на третій міръ, таинственный, незримый, — святилище, въ которомъ начало всего существующаго навѣки сокрыто отъ смертныхъ взоровъ, и къ которому, однако, вѣчно влечетъ страстно любознательную мысль мудрецовъ. При всемъ томъ, народная фантазія, повидимому, рѣшила, что бракомъ сочетаются Солнце (женскаго рода) и Мѣсяцъ. Два стиха (18 и 19) даже не допускаютъ иного толкованія: «Дѣти эти, оба, чудесной своей силой, бѣгутъ другъ за другомъ въ пляскѣ, онъ обходятъ жертвенное мѣсто. Одинъ зрѣтъ все существующее; другой вновь и вновь рождается, измѣряя время». Гармоническое содѣйствованіе двухъ властелиновъ

неба представляется образцомъ согласнаго супружества.

**Свадебный
обрядъ.**

11.—Послѣдній гимнъ, въ сущности, просто—сборникъ относящихся къ браку формулъ и поговорокъ, довольно безсвязно нанизанныхъ, не въ примѣръ прекрасному погребальному гимну X, 18, отличающемуся такой стройной послѣдовательностью. Но дѣйствіе и тутъ нетрудно прослѣдить сквозь текстъ. Легко представить себѣ родителей, благословляющихъ дочь и торжественно разрешающихъ ее отъ ея обязанностей къ родной семьѣ, родному дому, съ тѣмъ, что она обязанности эти переноситъ на новую семью, въ слѣдующихъ стихахъ:—

«Прямую и безъ терній да будетъ стезя, которою наши милые пойдутъ на свою свадьбу. Арьяманъ и Бхага да ведутъ насъ всѣхъ; легко да дастся тебѣ управленіе домашнимъ хозяйствомъ... Разрѣшаю тебя *здѣсь*, но не *тамъ*. Тамъ я вяжу тебя счастливыми узами, и да будутъ эти двое, о Индра, богаты сыновьями и богаты добромъ.—Пушанъ да ведетъ тебя отсель, взявъ тебя за руку; оба Ашвина да везутъ тебя на своей колесницѣ. Иди отсель въ домъ, въ которомъ предстоитъ тебѣ быть полновластной хозяйкой».

Слѣдуютъ разныя благопожеланія; особенно замѣчательно одно, изъ котораго явствуется, что тогда уже были извѣстны коварныя опасности, которыми грозитъ *наслѣдственность*.

«*Болезни, которыя слѣдуютъ за блестящимъ свадебнымъ поѣздомъ изъ рода невесты, благае боги да отогнать ихъ назадъ туда, откуда вышли.* Пусть разбойники не подстерегаютъ на пути брачную чету; да пройдутъ они невредимыми черезъ всѣ опасности по хорошо проложеннымъ дорогамъ; все вредоносное да отлетитъ далеко.— Прекрасенъ свадебный нарядъ невесты; приходите всѣ, по-

любуйтесь на нее; затѣмъ, пожелавъ ей счастья, расходитесь по домамъ».

Самый обрядъ заключался въ томъ, что женихъ бралъ невесту за правую руку и водилъ ее три раза вокругъ домашняго очага, слѣва направо, произнося при этомъ предписанныя священныя слова:—

«Правую твою руку беру на счастье, да проживешь ты до старости со мною, своимъ супругомъ. Арьяманъ, Бхага, Савитаръ, Пурамдхи(?) дали тебя мнѣ, вмѣстѣ править нашимъ домомъ».

«Тебѣ, о Агни, впервые представилась Сурья со своимъ свадебнымъ поѣздомъ; такъ дай же ты невесту сію ея супругу, даруй имъ и потомство».

Тутъ не совсѣмъ ясно, кто читаетъ послѣдній стихъ. Врядъ ли мужъ. При вступленіи ея въ новый домъ, новобрачную привѣтствуютъ слѣдующими стихами:—

«Здѣсь да радуютъ тебя богатство и потомство. Посвяти дому сему свою бдительную заботу. Живи съ мужемъ, и въ старости да будешь ты еще править своимъ хозяйствомъ».

«Отнынѣ здѣсь твое пребываніе, никогда не отлучайся, используй полную мѣру положенныхъ тебѣ лѣтъ; играючи съ сыновьями и внуками, веселися сердцемъ въ своемъ домѣ».

Окончательное благословеніе произносить мужъ. Стихи эти всѣхъ важнѣе, потому что рисуютъ въ широкихъ чертахъ положеніе будущей хозяйки:—

«Дѣтей и внуковъ да даруетъ намъ Праджапати; Арьяманъ да наградить насъ до старости лѣтъ. Войди, въ добрый часъ, въ домъ мужа твоего. Да преуспѣвають въ немъ всѣ домохадцы, и двуногіе, и четвероногіе. Не вноси въ домъ дурного глаза; внеси супружескую любовь; съ легкой руки твоей да благоденствуютъ и животныя. *Кроткая душою, со светлымъ челою, рожай богатырей, почитай боговъ,*

расточай вокруг себя радость... Новобрачную сію, о милостивый Индра, щедро надѣли сыновьями и всѣми благами. Пошли ей десятерыхъ дѣтей, а мужъ да будетъ одиннадцатымъ.— Управляй же и мужскими отцомъ и матерью, его братьями и сестрами.— Всѣ боги да соединять сердца наши».

Вотъ какую полной властью пользовалась древнеарійская жена, съ согласія и благословенія самого мужа! И какимъ страшнымъ паденіемъ съ этой высоты представляется положеніе женщины, какимъ опредѣлилъ его позднѣйшій брахманизмъ, и въ особенности индуизмъ, подъ воздѣйствіемъ всякихъ иноземныхъ вліяній и доморощенныхъ теорій, въ такомъ жалкомъ положеніи несчастная пребываетъ и понынѣ, угнетенная, униженная какъ нигдѣ, въ цѣломъ мірѣ. Даже большинству современныхъ европейскихъ націй далеко до идеала семейной жизни, воздвигнутаго этими древними такъ-называемыми «варварами». Что при такомъ идеалѣ возможно только единоженство, само собою разумѣется. Приводится много текстовъ, доказывающихъ будто бы противное; но текстами этими доказывается только существованіе гаремныхъ нравовъ, отнюдь не многоженства, какъ законнаго учрежденія. При томъ, въ такихъ мѣстахъ всегда говорится о богатыхъ и сильныхъ міра сего,—а таковые вездѣ и всегда разрѣшали себѣ разныя вольности, смотря по своимъ средствамъ.

Заговоры и заклинанія.

12.—Весь брачный обрядъ, конечно, состоялъ не изъ одного гимна X, 85, какъ и вся погребальная служба не состояла изъ одного гимна X, 18. И тотъ, и другой дополняли отдѣльные стихи

изъ другихъ гимновъ Риг-Веды и Атхарва-Веды. Послѣдніе большей частью сводились на тѣ же тексты изъ Риг-Веды, только попространнѣе, и безъ отличавшихъ эти тексты энергической сжатости и простоты. По части любви и брачныхъ обрядовъ гораздо больше наберется свѣдѣній изъ разбросанныхъ стиховъ, даже отдѣльныхъ строкъ—сравненій, намековъ,—какъ, напр., когда поэтъ говоритъ Индрѣ и Агни, подстрекая ихъ къ щедрости: «Слыхалъ я, что вы такъ же щедры на дары, какъ зять или деверь», и т. п. Сохранились и нѣкоторые заговоры (хотя они въ Риг-Ведѣ составляютъ большую рѣдкость), между прочимъ, одинъ, которымъ дѣвушка усыпляетъ домъ, начиная съ старика-дѣда и кончая дворовой собакой, въ ожиданіи посѣщенія своего возлюбленнаго; другимъ заговоромъ накликается гибель на соперницу. Атхарва-Веда изобилуетъ такими заклинаніями и заговорами; но цѣль настоящей книги—возсоздать аріійскій бытъ, какимъ онъ представляется по показаніямъ изъ болѣе чистаго источника, именно—Риг-Веды.

13.—Есть въ числѣ такъ-называемыхъ гимновъ нѣсколько такихъ, которые можно называть просто картинками изъ тогдашняго быта, изображающими хорошія и дурныя черты его,—то, что нѣмцы называютъ *Culturbilder*. Такія пѣсни не имѣютъ ничего общаго собственно съ религіей. Если онѣ попали въ сборникъ, вопреки правилу, по которому каждый гимнъ долженъ былъ посвящаться какому-нибудь богу или богамъ, то это случилось, вѣроятно, изъ уваженія къ ихъ литературнымъ

Бытовые
картинки.—
Милостивыя.

достоинствамъ или бытоописательному значенію и невозможности какимъ-либо инымъ способомъ сохранить ихъ. Нѣкоторые сильно подтверждаютъ общее впечатлѣніе, полученное отъ содержанія и тона всего сборника, что древне-арійская этика, въ немъ отразившаяся, въ цѣломъ отличалась замѣчательной возвышенностью и чистотой. Что можетъ быть благороднѣе по чувству и способу выраженія, чѣмъ слѣдующее наставленіе о милостынѣ, или, вѣрнѣе, объ обязанности вообще помогать, давать? (X, 117).

«1. Боги не повелѣли, чтобы мы гибли отъ голода. Даже сытыхъ настигаетъ, въ разныхъ видахъ, смерть. Дающій отъ того не обѣднѣетъ, но скупой не найдетъ себѣ отрады. 2. Тотъ, кто, будучи самъ обезпеченъ, отталкиваетъ бѣдняка, котораго онъ знавалъ въ лучшія времена, когда тотъ проситъ ѣды и питія, — такой человекъ не найдетъ себѣ утѣшителя (*въ нуждѣ*) *).—3. Милосердый человекъ тотъ, который даетъ исхудалому нищему, пришедшему къ нему просить хлѣба. Жертвоприношеніе такого человека будетъ богоугоднымъ, и онъ уготовитъ себѣ друга въ будущемъ **).—4. Тотъ не другъ, который не подѣлится съ пришедшимъ къ нему за помощью. Пусть каждый сторонится отъ такого человека, — его домъ недоброе мѣсто, — и ищетъ кого-нибудь другого, кто на руку щедръ, хотя и чужой.—5. Пусть всѣ, кому это возможно, помогаютъ нуждающимся; пусть они глядятъ вдаль, по далекой стезѣ (*будущности*): ибо, увы, богатство, — что колесо: вращаясь, оно дается нынѣ одному, завтра другому ***).—6. Безумцу пища не въ прокъ; я правду

*) Этотъ стихъ передать по переводу Рота.

**) По Мьюру. Грассманнъ переводитъ такъ: — «И къ нему также отнесутся, когда онъ станетъ просить помощи»; а Ротъ: «Онъ охотно отзывается на крикъ о помощи».

***) Нужно помнить, что сравненіе съ колесомъ, вѣроятно, еще не было избитымъ 3.000 лѣтъ назадъ. А впрочемъ, — и

говору,—она ему на гибель. Не будетъ у него ни друга, ни товарища. Тотъ, кто пищу бережетъ для себя одного, за нимъ и грѣхъ его останется весь *)).

14.—Главными пороками арійской расы всегда **Игрокъ.** были пьянство и азартная игра. Матеріалистическій символизмъ культа Сомы много способствовалъ укорененію перваго, внушая благоговѣніе къ мнимо-божественному (огненному) началу въ жертвенномъ напитокѣ **). Объ азартной игрѣ въ кости,—тоже много говорится ***). Но едва ли можно было ожидать въ такую глубокую древность столь современное описаніе карьеры игрока, какъ то, которое мы находимъ въ гимнѣ X, 34:

«1. Прыгающія, кровь волнующія кости, приводятъ меня въ упоеніе, когда катятся по столу; онѣ для меня все равно, что чаша сомы, растущаго на высокихъ горахъ.—2. Жена никогда со мной не ссорилась и не раздражала меня. Она была ласкова ко мнѣ и къ моимъ друзьямъ. Но я, ради азартныхъ костей, пренебрегъ преданной супругой.—3. Теща ненавидитъ меня; жена гонитъ прочь; игрокъ не находитъ себѣ утѣшителя. Да я и не вижу, на что годится игрокъ,—но болѣе, чѣмъ конь, одряхлѣвшій отъ старости.—4. Чужіе ухаживаютъ за женой человѣка, состояніе котораго поглощается пылкими костями. Отецъ, мать, братья

то можетъ быть. Очень ужъ часто оно попадаетъ и употребляется какъ-то бойко, точно привычное.

*) Т. е. никто не будетъ за него молиться,—отмаливать его грѣхи.

**) Мы видѣли, что реформа Заратуштры была отчасти направлена противъ этого самаго злоупотребленія. См. «Исторію Мидіи» и пр.

***) См. гимнъ Варунъ, VII, 86, стр. 160; гимнъ Ушашъ, I, 92, 10, стр. 244.

кричать: «Кто этот человек? Уведите его связанного» *).— 5. Какъ я ни рѣшаю про себя: «Не стану больше играть, ибо всѣ друзья мои отъ меня отступаются»,—лишь только услышу бречаніе костей,—спѣшу на зовъ, какъ женщина на свиданіе къ любовнику.—6. Игрокъ съ полной увѣренностью идетъ въ собраніе (*игроковъ*): «Сегодня выиграю». Но кости воспламеняютъ желаніе его, отдавая весь его выигрышъ его противнику.—7. Онѣ, обманщицы, словно удильные крючки, вонзаются въ тѣло его, жгутъ и истязаютъ.—8. Шайка ихъ рѣзвится по правиламъ такимъ же неизмѣннымъ, какъ постановленія Савитара. Онѣ не преклоняются передъ гнѣвомъ даже самыхъ лютыхъ мужей,—самъ царь имъ кланяется.—9. Онѣ катятся внизъ; прыгаютъ вверхъ. Безрукія, побѣждаютъ имѣющихъ руки. Сами холодныя, онѣ, словно упавшіе съ неба угли, лишь только пущены по доскѣ, прожигаютъ сердце.—10. Горюетъ брошенная жена игрока, мать по сыну, который рыщетъ, невѣдомо гдѣ. Обидно ему глядѣть на свою жену, потомъ на счастливыхъ женъ, на счастливые дома другихъ.—11. Въ долгу, озабоченный, жадный до денегъ, онъ ночью прокрадывается въ чужой домъ **). Утромъ онъ запрыгаетъ караковыхъ (*кости*); къ тому времени, когда тушатся огни, онъ жалко съехался.—12. Для предводителя вапей рати, для царя всей вашей шайки (*костей*), я не пожалѣю ничего;—клянусь съ простертыми пальцами.—13. «Брось. Займись хозяйствомъ, наслаждайся своимъ добромъ, живи въ довольствѣ. Вотъ, игрокъ, твой скотъ; вотъ твоя жена». Слова такіа говорилъ мнѣ божественный Савитаръ.—14. Умиротворитесь, сжальтесь надо мной, не заманивайте меня болѣе вашимъ жестокииъ волшебствомъ. О, кости! Дайте остыть вашему гнѣву, вашей враждѣ. Пусть другой томится въ вашихъ оковахъ!»

Шуллержство.—Проклятіе.

15.—Страсть къ игрѣ естественно должна была породить еще худшій порокъ—шуллерство. И дѣйствительно, въ Риг-Ведѣ порокъ этотъ упоминается очень часто, какъ явленіе обыденное, хотя

*) Т. е. послѣдняя степень позора: проигравшаго свою собственную свободу.

**) Занимать, или воровать?

и сильно порицаемое *). Нечестностью въ игрѣ попрекали врага за одно съ обвиненіемъ въ еще болѣе ненавистномъ преступленіи, — колдовствѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ одного любопытнаго мѣста въ такъ-называемомъ гимнѣ «проклятій» Вазишты (VII, 104). Раздражительный старый фанатикъ былъ изобрѣтателемъ на проклятія и, предавая анаѣмъ враговъ своихъ боговъ и народа, кстати не забывалъ и личныхъ своихъ враговъ, повидимому, хулившихъ его и пускавшихъ про него худую славу:

«Тотъ, кто нападаетъ на меня со лживыми, бранными рѣчами, когда я иду своей дорогой, пусть тотъ человѣкъ, о Индра, обратится въ ничто, какъ вода, почерпнутая въ ладонь... Еще, о Агни, если бы я былъ дѣйствительно нечестнымъ игрокомъ, если бы я лицемерно почиталъ боговъ! Но за что ты на меня гнѣваешься? Накажи клеветниковъ! Пусть сегодня же умру, если я когда-либо занимался колдовствомъ, или когда-либо губилъ человѣка злыми чарами. Поэтому, пусть тотъ лишится друзей, кто ложно обозвалъ меня колдуномъ. Кто сказалъ мнѣ: «Ты колдунъ», и, будучи самъ бѣсомъ, хвалился: «Я святъ», — того пусть Индра умертвитъ своимъ грознымъ оружіемъ, пусть тотъ падетъ въ самую преисподнюю».

Первая часть этой пѣсни, неистовствомъ проклятій превосходить все, что отыщется въ Риг-Ведѣ и не оставляетъ сомнѣнія насчетъ способности древнихъ арійцевъ всей душой ненавидѣть враговъ и иновѣрцевъ. Старый Риши молить въ особенности Индру и Сому раздѣлаться съ ними: —

*) На это, очевидно, намекаетъ стихъ, приведенный на стр. 244 (I, 92, 10): — «Ушась крадетъ у людей жизнь, какъ ловкій игрокъ у товарищей ихъ ставку».

«Индра и Сома! жгите чертей! истребите ихъ, сразите, вы, Быки, ихъ, выросшихъ во тьмѣ! Рубите бѣшенныхъ, души- те, бейте! Отбросьте ихъ, обжоръ, и умертвите!—Индра и Сома! вмѣстѣ поднимитесь на бѣсовскаго ругателя. Пусть онъ горитъ и шипитъ, какъ жертва въ огнѣ! Вѣковѣчной ненавистью своей обрушѣтесь на негодая, мясоѣда, безобразнаго ненавистника брахмана *).—Индра и Сома! свергните лиходѣя въ «яму», въ тьму бездонную! Да не ослабнетъ ваша сила, гнѣвъ вашъ да выдержитъ до конца, такъ чтобы ни одинъ не вышелъ оттуда!» **).

Третья часть состоитъ изъ цѣлаго ряда проклятій противъ разныхъ злыхъ духовъ и ночныхъ бѣсовъ, изъ которыхъ иные невидимы, иные же принимаютъ всевозможные виды,—собакъ, совъ, кукушекъ, коршуновъ, птицъ, шныряющихъ въ ночномъ воздухѣ, оскверняющихъ жертвоприношенія, — и кончается молитвой Индрѣ — охранять людей отъ «яро- сти чародѣевъ», хитростей вѣдьмъ и истребить тѣхъ и другихъ «идоловъ кривошейныхъ» ***). Изъ всего этого произведенія можно заключить, что Вазишта и тотъ народъ, при которомъ онъ состоялъ духовнымъ отцомъ (*пурохита*), въ необыкновенной степени терпѣли такого рода напасти. Это не покажется страннымъ, если вспомнить, что Вазишта былъ непримиримымъ врагомъ туземцевъ, лютымъ поборникомъ арийской племенной спѣси, основателемъ

*) «Брахманъ» тутъ значить «правильно молящійся»: разумѣются жрецы какъ *sacerdotes*, еще не *каста*, хотя, очевидно, уже существуетъ то, что можно бы назвать «кастовымъ чувствомъ» — т. е. брезгливое нерасположеніе къ иновѣрнымъ туземцамъ *Дасью*.

**) По Максу Мюллеру.

***) По Грассманну.

брахманскаго фанатизма, узкаго правовѣрія, и жреческаго высокомѣрія въ самомъ наступательномъ его видѣ.

16.—Въ Риг-Ведѣ, какъ уже замѣчено, встрѣчается мало слѣдовъ колдовства или ворожбы, при томъ самаго невиннаго свойства: больше собираніе травъ и употребленіе ихъ даже безъ заклинаній. Исключеніе представляетъ одна пѣснь, въ которой изображается женщина, приготовляющая изъ какого-то растенія любовный напитокъ, чтобы приворожить къ себѣ мужа и отвадить его отъ соперницы (X, 145). Она, видно, восторжествовала, судя по другой пѣсни, въ которой жена ликуетъ и радуется побѣдѣ надъ всякими разлучницами, хвалясь тѣмъ, что успѣшно отстояла свое мѣсто полновластной хозяйки въ домѣ. Въ большинствѣ случаевъ травы употреблялись для законныхъ цѣлебныхъ цѣлей: для врачеванія болѣзней и пораненій, какъ видно изъ такъ-называемой «Пѣсни Лѣкаря»-травовѣда, который странствуетъ по всей землѣ со своимъ коробомъ изъ дерева *aśvattha*. Лѣкарь нисколько не скрываетъ, что онъ лѣчитъ за плату. Эта милая вещица полна черточекъ, бросающихъ свѣтъ именно на то, что намъ всего интереснѣе, и о чемъ мы имѣемъ такія скудныя свѣдѣнія, — на бытовыя характеристики этихъ, почти неуловимыхъ для историка, временъ. Лѣкарь начинаетъ съ заявленія, что онъ намѣренъ воспѣвать «травы зеленыя», древнѣе которыхъ нѣтъ ничего на землѣ.

«...На сто ладовъ вы проявляете себя, на тысячу ладовъ

«Пѣснь
Лѣкаря».

растете-цвѣтете, сотнями свойствъ отличаетесь другъ отъ друга, испѣлите же мнѣ больного... Дайте мнѣ побѣду, какъ кобылѣ, берущей призы на бѣгахъ... Ибо мнѣ нужны скоть, кони, одежда... Вы большую прибыль мнѣ принесете, если испѣлите моего больного. Тотъ, въ чьихъ рукахъ собрано столько растеній, сколько знатныхъ мужей (или князей, «*граджанъ*»), въ собраніи, тотъ почитается искуснымъ врачомъ, укротителемъ бѣсовъ и недуговъ.—Водянистыя, молочныя, питательныя, подкрѣпляющія, вотъ онѣ, всё тутъ вкупѣ, готовы уврачевать то что, съ человѣкомъ неладно.—Благоуханія травъ устремляются (*изъ короба*), словно стадо изъ стойла, заработать мнѣ хорошую плату, а тебѣ, добрый человѣкъ,—жизнь твою... Ихъ не удерживаютъ никакія преграды, она, что воровъ, ломающіе заборы. ...Когда я, о травы, крѣпко сожму васъ въ рукахъ, недугъ бѣжитъ, какъ преступникъ, испугавшійся закона. Переходя отъ члена къ члену, отъ сустава къ суставу, гоните болѣзнь передъ собою такъ же вѣрно, какъ приговоръ строгаго судьи.—Бѣги же, недугъ, улетай, съ сороками и ястребами; улетай на крыльяхъ вѣтровъ, а еще лучше,—вихрей!» *).

Разные
промыслы.

17.—Что нашъ лѣкарь не одинъ заботился о прибыли, явствуетъ изъ слѣдующаго коротенькаго, полнаго юмора, стихотворенія, которое, кромѣ того, важно еще тѣмъ, что свидѣтельствуетъ объ отсутствіи кастъ,—иначе не могло бы быть такого хаоса всякихъ занятій и промысловъ:

«У насъ, у людей, у каждого свои фантазіи и замыслы. Плотникъ ищетъ ломанное (*чтобы починить и тѣмъ заработать*), врачъ — больного, жрецъ — желающаго принести жертву. — Золотыхъ дѣлъ мастеръ, съ сухими дровами, наковальной и вѣромъ изъ перьевъ для раздуванія пламени, ищетъ человѣка, имѣющаго много золота. — Я — поэтъ; отецъ мой — лѣкарь, мать — мукомолка. Съ вашими различными взглядами, въ поискахъ за наживой, мы бѣ-

*) По переводу Рота.

гаемъ (каждый за своимъ дѣломъ), какъ пастухъ за скотомъ».

Изъ гимновъ возможно добыть несравненно больше матеріала, большей частью отрывочнаго, для воссозданія быта ведійскаго періода, нежели дозволяютъ предѣлы, положенные настоящему труду. Основательно это сдѣлано Гейнрихомъ Циммеромъ въ его безцѣнномъ изслѣдованіи: «Бытъ древней Индіи» («*Altindisches Leben*»). Книга эта, отличающаяся оригинальностью и остроумной находчивостью, и разносторонностью свѣдѣній, будетъ интересна не одному специалисту, а и общеобразованному читателю, любителю историко-бытовыхъ изслѣдованій (*Culturbilder*). Нужно только замѣтить, что матеріаломъ для изслѣдованія Циммера служили всѣ четыре *самхиты*; стало-быть, авторъ даетъ картину болѣе поздней аріійской культуры, нежели намѣченный въ настоящей главѣ легкій обзоръ.

Х.

Риг-Веда: Жертвоприношеніе.

Отрѣнное
значеніе
жертвопри-
ношенія.

1.—Съ перваго взгляда могло показаться стран-
нымъ упущеніемъ, что глава о ведійской куль-
турѣ не включаетъ очерка положенія священства
въ общественномъ строѣ и духовномъ сознаніи
древне-арійскихъ общинъ и ихъ служенія,—что
все подходитъ подъ одну рубрику: Яджна,
«жертвоприношеніе». Но именно вслѣдствіе об-
ширности предмета и громаднaго значенія его,
не только въ дѣйствительной, внѣшней и вну-
тренней жизни того времени, но и въ развитіи
религіознаго и философскаго мышленія одной
изъ величайшихъ культурныхъ расъ, этотъ пред-
метъ изслѣдованія настолько серьезень, что упо-
мянуть о немъ въ числѣ другихъ не предста-
вляетъ никакой возможности; по значенію не-
обходимо посвятить ему, — если не отдѣльную
книгу, то хоть отдѣльную главу.

„Дакши-
на“—пода-
нія жре-
цать.

2.—Жрецы, какими они являются въ Риг-Ведѣ,
хотя и образуютъ уже отдѣльное сословіе (не
касту), однако много проще и менѣе притяза-
тельны, чѣмъ пріемники ихъ, брахманы, да и не
представляютъ такой сложной, плотной органи-

заціи. Въмѣсто цѣлаго ополченія жрецовъ разныхъ разрядовъ, специалистовъ по безчисленнымъ мелочамъ ритуала, имѣется одинъ общій типъ жреца, — *хотарь*, да фамильный или племенной пастырь и духовникъ, — *пурохита*. Но что самый ритуаль уже былъ сложный и до крайности щепетилень, — это съ избыткомъ явствуетъ изъ всѣхъ текстовъ Риг-Веды. Вслѣдствіе этого, услуги жрецовъ высоко цѣнились и соотвѣтственно вознаграждались. Есть цѣлый разрядъ текстовъ, — больше прибавленные или вставные, — которые такъ и называются *данастути*, — «пѣсни о даянхъ или подаяніяхъ». Состоятъ они главнымъ образомъ изъ перечней подарковъ, полученныхъ отъ богатыхъ князей и царственныхъ покровителей, до восхваленій и благопожеланій, нерѣдко съ указаніемъ случая, по которому получилось подаяніе: по техническому выраженію, *дакшина*. Въ историческомъ отношеніи такіе тексты, конечно, весьма цѣнны, потому что даютъ возможность заглянуть въ современную жизнь и нравы. Тутъ встрѣчаются знакомыя имена: племень, извѣстныхъ изъ историческихъ пѣсенъ, — знаменитыхъ царей. Такъ, Диводаса, царь Тритсу, упоминается съ двумя другими, подарившими жрецамъ большую долю добычи, привезенной изъ удачнаго набѣга на горца Шамбара: 10 коней, 10 корзинъ съ одеждами и другими предметами, 10 «комовъ золота», 100 головъ скота. Въ другой разъ дарителемъ названъ Судасъ, сынъ Диводасы. Опять, царь племени Турвасу даритъ двумъ знатнымъ жреческимъ родамъ 60.000 головъ скота, а царь племени Яду, приписывая по-

бѣду, одержанную имъ надъ племенемъ Парсу, молитвенному ходатайству жреческаго рода Канва, награждаетъ ихъ *дакшиной*, состоящею изъ 300 коней, 10.000 головъ скота, многихъ паръ рабочихъ воловъ. Тѣмъ же Канвамъ Трасадасью, внукъ могущественнаго Кутсы, царя племени Пуру, посылаетъ въ даръ 50 рабынь. Высоко цѣнятся красивая упряжь и повозки; о лошадяхъ часто говорится, что онѣ «богато убраны жемчугомъ» *). Чѣмъ богаче *дакшина*, тѣмъ больше, конечно, восхваляется даритель. Роду Канва, по видимому, въ этомъ отношеніи особенно везло. Опять-таки одинъ изъ нихъ хвастается *дакшиной*, полученной отъ царя, носившаго знаменательное имя (вѣроятно, прозвище) «Волкъ-на-Дасью» (*Дасьяевврика*), по случаю большой побѣды надъ черными туземными племенами. И было чѣмъ похвастать: счастливцу достались—100 головъ бѣлаго скота, «блестящаго что звѣзды небесныя»,—100 бамбуковыхъ жердей, 100 собакъ, 100 душенныхъ шкуръ, 100 цыновокъ изъ тонкой травы, 400 гнѣдыхъ кобылицъ. Нѣкій царь Читра, отличился, должно-быть, неслыханной щедростью, если судить по расточаемымъ ему похваламъ: «только Индра столько даетъ, или тароватая Сарасвати»,—воскликаетъ жрецъ (опять-таки Канва);—«Читра—настоящій царь (*раджанъ*); остальные—все дрянные царьки (*раджака*), тѣ, что живутъ вдоль Сарасвати. Но онъ—онъ подобенъ

*) Должно-быть, существовалъ обычай такъ убирать узда и сбрую, отсюда сравненіе звѣздной ночи съ чернымъ конемъ, украшеннымъ жемчугомъ. (См. стр. 365).

громо-раскатной дождевой тучѣ; онъ даетъ тысячами тысячей».

3.—Иногда благодарность выражается очень Алчность жрецовъ. холодно, почти снисходительно: «Самый взыскательный смертный, о воины, не могъ бы на васъ пожаловаться». Но когда жрецъ недоволенъ, онъ не стѣсняется это высказать, обыкновенно, въ видѣ издѣвательства и насмѣшекъ. Одинъ царекъ племени Притху (Парояне), какъ-то далъ за побѣду всего двухъ лошадей и двадцать коровъ; за это его дразнятъ и попрекаютъ, что-де съ него взятки гладки; другого уподобляютъ разбойничьему (Пани) вождю, и кончаютъ саркастическимъ замѣчаніемъ: «Вотъ почему наши пѣвцы (жрецы) такъ расхваливаютъ Брибу, этого щедрѣйшаго изъ князей. *Магхаваны* (вельможи, князья) даютъ изъ чванства». Это злое замѣчаніе приписывается Вазиштѣ и, дѣйствительно, похоже на сердитаго старика. Но ни одинъ злѣйшій сатирикъ нашего вѣка не превзойдетъ желчностью двухъ *данаститу*, очевидно, сочиненныхъ съ цѣлью очернить дарителей передъ потомствомъ.

«О друзья,—начинаетъ первая,—какъ намъ воздать достойную хвалу Шарѣ, великодушному, щедрому дарителю?—Многіе изъ пѣвцовъ (жрецовъ), раскладываящихъ священную траву (*куша*) будутъ восхвалять тебя по заслугамъ твоимъ, о Шара, если ты каждому подаришь по теленку, какъ намъ.—Благородный сынъ Шурадэвы, богатый вельможа, привелъ намъ троимъ по теленку, за ухо, какъ держать козу, чтобы она стояла смирно, пока козленокъ сосетъ ее».

Другой негодуетъ, потому что, за старательно сочиненные гимны Ашвинамъ, онъ получилъ

всего повозку, безъ коней и сбруи. Онъ подсмѣивается надъ подаркомъ и сѣтуетъ на божественныхъ Близнецовъ:

«Отъ Ашвиновъ, богатыхъ конями, я получилъ безконную повозку; это очень порадовало меня, право.—Надо будетъ ужъ какъ-нибудь протащиться на прекрасной повозкѣ туда, гдѣ люди пьютъ сому.—Избавьте меня отъ сновидѣній и отъ богатыхъ скрягъ: отъ тѣхъ и другихъ равно мало проку».

На чѣмъ
основыва-
лись при-
званія жре-
цовъ.

4.—Очевидно, не безъ цѣли эти корыстные изліянія сохранены въ священномъ сборникѣ, какъ мухи въ янтарѣ, въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Цѣль заключалась въ томъ, чтобы внушить, словомъ и примѣромъ, похвалой и поруганіемъ, непремѣнную обязанность для всякаго не только почитать и содержать священство, но и засыпать его дарами. По правдѣ сказать, что-то плохо вѣрится во всѣ эти десятки тысячъ коней и скота, всѣ эти «миріады» неизвѣстно чего, и невольно рождается подозрѣніе, что эти удивительные списки нарочно составлялись, чтобы еще возвысить заслуги священства и подобающія ему почести. Но если и посбѣить порядкомъ съ выставленныхъ цифръ, — и то остается довольно, чтобы удивить, озадачить несоразмѣрностью награды съ простымъ исполненіемъ сословнаго долга: на то жрецы и существуютъ, чтобы молиться за народъ и руководить богослуженіемъ, — какая же въ этомъ такая ужъ особенная заслуга? Такъ кажется на первый взглядъ. На самомъ же дѣлѣ тутъ совсѣмъ не то. На жрецовъ не смотрѣли, какъ на лицъ, на обязанности которыхъ лежало бы только руководить обрядами, молиться съ народомъ и вмѣстѣ съ нимъ благода-

рить за одержанную побѣду, за удачную экспедицію, за хорошій урожай, за благополучіе и размноженіе скота, за многочисленное здоровое потомство и возрастающее богатство. Нѣтъ: всѣ эти блага прямо *приписывались* ихъ молитвамъ, обусловливались этими молитвами (*брахма*), отчитываніемъ *мантръ*, жрецами, совершеніемъ ими жертвенныхъ обрядовъ; не совершай всего этого жрецы, или совершай, да не такъ, какъ слѣдуетъ, и благъ бы не было никакихъ. Это, какъ нельзя яснѣе изложено въ одномъ изъ историческихъ гимновъ Вазишты:

«Неотразимо поражая (*вратою*), о Индра и Вáруна, вы держали Судаса, вы услышали громко вопившую къ вамъ молитву (*брахма*): жертва, принесенная *пурохитами* племени Тритсу, увѣчалась успѣхомъ. Обѣ рати въ бою взывали къ вамъ, прося побѣды и добычи, но вы помогли Судасу и племени Тритсу, когда ихъ окружили Десять Царей.—Не жертвующіе десять союзныхъ царей не могли одолѣть Судаса. Успѣшна была молитва жертвователей (*жрецовъ*), боги пришли на ихъ жертвоприношенія.—Судасу, жестоко тѣснимому въ битвѣ противъ Десяти Царей, вы подали помощь, о Индра и Вáруна, когда Тритсу, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, и съ заплетенными волосами, смиренно къ вамъ молились *)».

Эти «десять царей», какъ мы видѣли выше, не всѣ были *дасью*, и, если они въ бою взывали къ арійскимъ богамъ, то, стало-быть, и жертвы имъ приносили. Но они (т. е. дѣйствующие за нихъ жрецы), видно, въ чемъ-нибудь да ошиблись, потому что если жертвоприношеніе совершено безукоризненно, то успѣхъ долженъ послѣдовать *обязательно*. Какія же могутъ быть границы благодарности царя за побѣду, *которую*

*) Т. е. ихъ жрецы, которые такъ одѣвались.

онъ обязанъ своему *пурохитъ* и его помощникамъ? *).

Жертвоприношение — тоже чародейство.

5.—Это представленіе о возможности, силою молитвы и жертвованія, добыть особенныя милости и преимущества еще не такъ чуждо нашимъ понятіямъ, какъ приписываемая имъ сила производить правильно повторяющіяся благодѣтельныя явленія природы, какъ-то: чередованіе дня и ночи, свѣтъ, дождь, восхожденіе зари и солнца, мѣсяца и звѣздъ. Однако, и тутъ нѣтъ ничего нелогичнаго: разъ признано, что боги совершаютъ свои задачи въ отвѣтъ на молитву и жертвованія, то почему же не признать и обратное положеніе: что они ихъ не станутъ совершать, если ихъ не будутъ понуждать къ тому молитвой и жертвованіемъ? Остается доискаться, въ чемъ именно состоитъ эта понудительная сила *брахмы* (безукоризненной, согласно ритуалу, молитвы), и *иджмы* (безукоризненнаго, согласно ритуалу, жертвоприношенія). Это сводится къ вопросу: въ

*) Не всѣ жрецы, однако, были богаты. Попадаются иногда весьма краснорѣчивыя жалобы. Такъ, одинъ плачется, что его со всѣхъ сторонъ тѣснятъ соперники, такъ что онъ изнемогаетъ отъ нужды, и забота гложетъ его, какъ мышь грызетъ собственный хвостъ, — «и это меня, — жалуются онъ: — меня, твоего пѣвца, о Индра могучій!» (X, 33, 2—3). Въ юмористической пѣснѣ IX, 112, мы видимъ, что жрецъ, ищущій желающаго жертвовать, былъ столь же обыденнымъ явленіемъ, какъ плотникъ, ищущій работы или врачъ — пациента. (См. стр. 416). Но можно сказать навѣрно, что подобные неудачники не принадлежали къ такимъ знатымъ древнимъ родамъ, какъ Ваишты, Канвы, Вишвамित्रы, и пр. и пр.

чемъ суть, естество жертвоприношенія у древнихъ арійцевъ?

А. Бергэнь глубже и основательнѣе всѣхъ знатоковъ Ведъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ, ближе всѣхъ добрался до корня его. Выводы, къ которымъ привели его эти изслѣдованія, можно вкратцѣ изложить въ слѣдующемъ положеніи: *Жертвоприношеніе есть подражаніе главнымъ небеснымъ и атмосферическимъ явленіямъ.* А затѣмъ, извѣстно, что, какъ человѣчество себя помнитъ, существовало у него смутное представленіе о томъ, что можно добиться осуществленія пламеннаго желанія, если желаемое изобразить подражаніемъ. Это странное заблужденіе не вымирало до весьма недавняго времени, да и нынѣ еще отнюдь не вымерло окончательно. Въ средніе вѣка оно было какъ нельзя болѣе живо, въ видѣ хорошо извѣстнаго чернокнижникамъ приема: изводить врага сооруженіемъ воскового изображенія этого врага, которое плавилось надъ медленнымъ огнемъ или прокалывалось иглой, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого врагъ зачахнетъ или истоскуется до смерти. Обычай казнить преступниковъ *in effigie* (т. е. изображеніе ихъ), когда ихъ самихъ нельзя достать, очевидно, основанъ на томъ же повѣріи. Если этотъ приемъ дѣйствителенъ, когда требуется нанести вредъ, почему бы ему не быть столь же дѣйствительнымъ и для добрыхъ цѣлей? Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, жертвоприношеніе будетъ нѣчто въ родѣ благотѣльнаго чародѣйства, что совершенно согласно со свѣтлой, доброй арійской натурой, тогда какъ

угрюмый, злой туранскій нравъ сказывается въ томъ, что заклинанія ихъ и всякія чары большею частью имѣютъ цѣлью нанести вредъ и гибель *).

Жертвоприношеніе—подражаніе свѣтовымъ и дождевымъ явленіямъ.

6.—Всего въ мірѣ нужнѣе для людей—свѣтъ и дождь, огонь и влага—Агни и Сома. Производится то и другое на небѣ и въ поднебесьѣ или атмосферѣ. Дэвы (Силы природы) непрерывно этимъ заняты. Агни постоянно «находятъ» въ водѣ: въ видѣ Молніи въ Облачномъ Морѣ (*самудра*), въ видѣ Солнца въ золотыхъ водахъ моря свѣта. Коровъ постоянно находятъ и загоняютъ—доить: тучевыя коровы съ налитымъ дождемъ выедемъ; свѣтовые коровы съ золотымъ молокомъ. Это—положенная богамъ работа, и они исполняютъ ее безостановочно, слѣдуя по «широкому пути, проложенному міровымъ Закономъ» (Рита). Но имъ необходимо пищей подкрѣплять свои силы, чтобы оставаться вѣчно живыми, вѣчно юными. Пища эта—*амрита*, «питье безсмертія», небесный Сома, который они извлекаютъ («прессуютъ») изъ влажныхъ началъ, гдѣ-то на самомъ высшемъ небѣ, въ Святилищѣ Вселенной. Вся эта работа, это вѣковѣчное наблюденіе за исправнымъ дѣйствіемъ мірового механизма, имѣетъ одну цѣль: благо рода человѣче-

*) Бергъ къ слову приводитъ въ примѣръ обычай, доселѣ существующій, какъ его увѣрили, на островѣ Цейлонѣ, состоящій въ томъ, что возлѣ фруктоваго дерева помѣщается картонное изображеніе плода, такой величины, какой желательно, чтобы достигъ настоящій плодъ.

скаго, проживающаго на землѣ (разумѣтся, только праведныхъ, благомыслящихъ людей, т. е. арийцевъ и тѣхъ, кого они признають достойными). Людямъ, поэтому, подобаетъ угождать богамъ, стараться пребывать въ хорошихъ съ ними отношеніяхъ,— не только изъ благодарности, но и потому, что если боги будутъ недовольны, они могутъ прекратить свою работу,—и что тогда станется съ землей и ея обитателями? Благодарность можно выражать словами и подношеніями, и люди не пожалѣютъ ни того, ни другого. Но вѣдь большинство людей умѣетъ чувствовать, но не умѣетъ выражать свои чувства; рады бы давать, но не всегда знаютъ, что и какъ давать, а если не угодишь, это можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія. Поэтому вѣрнѣе будетъ, если люди разъ навсегда предоставятъ завѣдываніе всѣми такими дѣлами своимъ жрецамъ-поэтамъ, этимъ болѣе чѣмъ людямъ, хотя и смертнымъ, обладающимъ таинственными дарами, въ которыхъ поселилась божественная Вачъ (см. стр. 297), и которые, поэтому, могутъ бесѣдовать съ богами, безъ боязни, своей музыкальной, рѣко-подобно льющейся рѣчью,—которые состоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ этими свѣтлыми, благотѣльными, но и грозными силами, понимаютъ ихъ, знаютъ, что они любятъ, чего не любятъ, какія именно приношенія должны быть имъ пріятны, и какъ именно сдѣлать приношенія эти угодными имъ. Но люди такъ ужъ созданы, что, принося благодарность за полученныя милости, они непремѣнно просятъ и новыхъ милостей. Благодарственная молитва обра-

щается въ просительную, благодарственное приношеніе — въ подкупъ. Въ результатъ — сдѣлка. Боговъ хвалятъ и просятъ, *поощряютъ* дѣлать свое дѣло, оказывать милости, — отъ нихъ это ожидается, какъ должное. Вѣдь даже простой смертный, и тотъ почтетъ за низость принимать и не давать. И тутъ опять жрецы, какъ спеціалисты по части этикета, управляющаго отношеніями между «обоими мірами» (по словамъ поэтовъ, столь же близкими, какъ два сосѣднія селенія), являются посредниками, — такъ сказать, церемоніймейстерами. Всѣ эти вопросы крайне важны, потому что отъ нихъ зависитъ самое существованіе вселенной, стало-быть, и людей, и, для того, чтобы заняться ими какъ слѣдуетъ, жрецъ долженъ посвятить имъ все свое время, все свое вниманіе, словомъ — всего себя. Справедливость, поэтому, требуетъ, — на основаніи начала раздѣленія труда, — чтобы его освободить отъ всякихъ иныхъ занятій и обязанностей и содержать въ полномъ довольствѣ, а въ экстренныхъ случаяхъ еще особо награждать, т. е. когда его старанія увѣнчались особенно нагляднымъ, блестящимъ успѣхомъ. Съ таковымъ представленіемъ о значеніи священства и жертвоприношенія насъ знакомитъ изученіе всѣхъ религій древности. Но особый видъ древне-арійскаго жертвоприношенія, выработанный въ Индіи брахманизмомъ до послѣднихъ предѣловъ возможности, идетъ еще однимъ шагомъ дальше: это тотъ шагъ, на который указываетъ Бергэнъ.

7.—Исходимъ изъ того положенія, что Дэвы относятся къ людямъ благосклонно, вполнѣ готовы оказывать имъ милости, и, что еще важнѣе, содержать міровую машину въ исправности *). Однако, было бы весьма желательно имѣть возможность *заставлять* ихъ,—конечно, почтительными способами,—дѣлать то, что намъ нужно; тогда мы были бы совсѣмъ безопасны отъ нихъ. Вотъ тутъ-то и пригодилось то старое, старое по-вѣріе: что подражаніемъ можно вызвать дѣйствительность. На «нахожденіи» небеснаго Агни и небеснаго Сомы, согласно «нерушимымъ уставамъ» Риты, сохранность, самое существованіе вселенной висятъ какъ дверь на петлѣ. Будемъ же «находить» (производить) Агни и Сому здѣсь на землѣ, согласно «нерушимымъ уставамъ» Жертовеннаго Закона или *ритуала* **). «Земное священнодѣйствіе будетъ точнымъ воспроизведеніемъ священнодѣйствія, совершаемаго на небѣ и въ поднебесьѣ; копія будетъ настолько сходна съ подлинникомъ, насколько способна изобразиться самая остроумная изобрѣтательность въ соедине-

Полная параллель между жертвоприношеніемъ и небесными явлениями.

*) Замѣтимъ, кстати, въ чемъ настоящее, первоначальное и буквальное значеніе слова «Рита». Корень *Ри* означаетъ «теченіе», и мы находимъ его въ греческомъ *ρῑω*, *ρῑка*, *rivière* и пр. и въ именахъ многихъ рѣкъ: *Ра* (древняя Волга), *Рейнъ*, *Рона* и пр. Верховный Законъ,—Космическій Строй,—есть не что иное, какъ правильное теченіе явленій природы: «*Es ist der Lauf der Welt*».

**) Какъ это ни странно, но латинское слово *ritus* (обрядъ), *rituale*, принятое во всѣхъ нашихъ новѣйшихъ языкахъ, тождественно съ санскритскимъ *Pṛita*,—а не только происходитъ отъ одного корня.

нии съ богатой поэтической фантазіей. Земной Агни «найденъ» «сокрытымъ» въ растеніяхъ,—въ деревѣ огневозжигателя, *арани*, и въ земномъ Сомѣ,—растеніи, дающемъ огненный напитокъ, согрѣвающий и подкрѣпляющій, веселящій и вдохновляющій, такъ что люди, вкусивъ его, восклицаютъ: «Мы напились сомы, мы стали безсмертны, мы познали боговъ!» (см. стр. 186); также въ водахъ, такъ какъ въ воду кладутся помятые, раздавленные стебли, которые тогда подвергаются броженію, развивающему огненное начало въ напитокъ. Вода эта изображаетъ небесныя Вѣды, Матерей Агни, котелъ же или чанъ, въ который капаетъ процѣженный напитокъ, такъ и называется *самудра*. Другая составная часть напитка—молоко; молоко земной коровы, изображающее молоко небесныхъ Коровъ—Свѣтъ и Дождь. Агни и Сомъ оба «принесены издалека», первый — «отъ Вивасвата», послѣдній — «изъ дома Тваштара»,—т. е. и тотъ, и другой съ неба, яснаго и хмураго; поэтому, освященное мѣсто, на которомъ совершается жертвоприношеніе, называется «мѣстомъ Вивасвата». *Вэди* (мѣсто, устланное травой *куша*) называется «мѣстомъ боговъ». Громъ есть слово, рѣчь, пѣснь боговъ,—божественная Ва чъ, вошедшая въ Риши, и вновь ими издаваемая, въ видѣ священнаго молитвословія, стройнаго пѣснопѣнія. Громомъ также называется трескъ прессовальныхъ камней, дождемъ же—сома, капающій сквозь сито или шерстяной фильтръ, и шумно, обильно бѣгущій въ чанъ,—такъ же, какъ дождь, капающій, бѣгущій

съ неба, среди молній и грома, есть Сома, *амрита*. Параллель безукоризненная, до мелочей. Жертвенный обрядъ,—земной Рита,—мостомъ перекидывается черезъ пространство, соединяя «оба міра», и сливается съ небеснымъ Ритой, и оба вмѣстѣ образуютъ «тотъ широкій, древній путь, ведущій къ единой цѣли», по которому Сарамъ провела Индру и поющихъ Ангирасовъ (см. стр. 286), и является другой широкій путь,—путь небесной *дакшины*: это — богатые дары (свѣтъ, дождь, и всѣ правильно повторяющіяся явленія природы), которыми «щедрость» Дэвовъ награждаетъ жертвующихъ людей,—такъ точно, какъ земная *дакшина* есть награда жрецамъ за усердіе, отъ «щедрости» ихъ покровителей, царей и частныхъ лицъ.

8.—Что такая понудительная сила дѣйствительно приписывается безукоризненно совершенному жертвоприношенію, доказывается столькими и столь положительными текстами и только затрудняешься выборомъ ихъ. Довольно будетъ двухъ-трехъ. Первымъ примѣромъ возьмемъ длинный гимнъ, молящій о ниспосланіи дождя (X, 98), авторомъ котораго считается Риши Дэвапи.

Понудительная сила жертвоприношенія.

Онъ сначала обращается къ Брихаспати, «Владыкѣ Молитвы», съ просьбой вдохновить его и «вложить въ его уста» сильную, безошибочно дѣйствительную пѣснь, которою бы «добыть дождь» для его покровителя, Шантану. Брихаспати самолично отвѣчаетъ:

«Медовая капля упадетъ съ неба; Индра! привези намъ тысячу возовъ. Дэвапи, будь *хотаромъ*, священнодѣйствуй;

жертвуй въ благопріятное время, почти боговъ приноше-ніемъ».

Посмотримъ результатъ:

«Риши Дэвапи, сынъ Риштишены, взявъ на себя долж-ность *хотара*, сподобился милости боговъ: онъ излилъ небесныя воды изъ верхняго моря въ нижнее. Воды задерживались богами въ томъ верхнемъ морѣ; онъ потекли въ нижнее, выпущенныя имъ... Брихаспати далъ ему, Риши, сильную дождепринудительную молитву».

Въ гимнѣ I, 88, Марутовъ просятъ пріѣхать на своихъ «молніеносныхъ, блестящихъ колесни-цахъ», запряженныхъ быстрыми, какъ птицы, ко-нями, потрясающихъ землю грохотомъ своихъ колесъ. «Въ теченіе многихъ дней, — говоритъ Риши:—озабоченные просители повторяли обра-щенную къ вамъ молитву и приносили дожде-принудительныя жертвы; молитвами своими, гим-нами, Готамы опрокинули чанъ съ водою, на-поили...» Смѣлый образъ, но вполне понятный, и въ чистомъ ведійскомъ вкусѣ. Тотъ же образъ, съ малыми измѣненіями, встрѣчается опять въ другомъ гимнѣ X, 101. На мѣстѣ чана или боч-ки—колодезь:

«Готовьте ведра, тяните ремня (*вмѣсто веревки, подми-мать и опускать ведра*); вычерпаетъ весь водообильный, неисчерпаемый колодезь!» *).

Для того, чтобы сдѣлать жертвоприношеніе богоугоднымъ и дѣйствительнымъ, нужны, по-нятно, обширныя и разнообразныя знанія **). Ма-

*) На такія противорѣчія не слѣдуетъ обращать внима-нія. Отъ Ведъ нельзя требовать слишкомъ правильной ри-торики.

**) Молитва и жертвоприношеніе,—*брахма* и *аджна*,—неразлучны. Жертвоприношеніе безъ молитвы (*абрахма*-

лѣйшее упущеніе, малѣйшая ошибка, могутъ имѣть роковыя послѣдствія. Будучи подражаніемъ или воспроизведеніемъ небесной драмы, оно должно проходить такъ же гладко, такъ же безукоризненно. Минутной запинки, самой незначительной ошибки въ жертвенномъ *риту* достаточно, чтобы причинить соответственное замѣшательство въ небесномъ Ригѣ, смутить ровное теченіе мірового порядка, подвергнуть вселенную опасности. Вотъ что означаютъ всѣ эти намеки на «знаніе» и великую цѣну знанія, на «мудрецовъ», на «вѣдающихъ», на «правый путь», на которомъ умоляютъ боговъ (въ особенности Агни и Сому), удержатъ своихъ поклонниковъ. Отсюда и великая опасность для мірянъ мѣшаться въ такіа дѣла. Разъ что приняты всѣ эти послылки, никто не станетъ оспаривать того заключенія, что только тотъ царь можетъ благополучно управлять своей землей, ожидать повиновенія отъ своихъ подданныхъ и безпрекословно овладѣть казной своихъ враговъ, *«а также и собственнаго народа»* (какая характерная черта!), при которомъ всегда находится *пурохита*.

9.—Теперь ясно, почему древніе Отцы, первые жертвователи, — т. е. изобрѣтатели жертвеннаго обряда, были въ такомъ высокомъ почетѣ, наравнѣ съ богами, и играли такую видную роль въ міровомъ хозяйствѣ, что даже почитались дѣятельными участниками въ самомъ дѣлѣ сотворенія *яджна*) неудобно богамъ; Индра равнодушенъ даже къ Сомѣ, если напитокъ приготовленъ безъ молитвы (*абрамано*).

Жертвоприношеніе—связь между небомъ и землею.

міра. (См. стр. 399—400.). Жертвоприношеніе— ихъ художественное созданіе, ткань съ богатыми разводами, безконечная цѣпь или основа, одинъ конецъ которой у нихъ въ рукахъ, въ ихъ высокихъ обителяхъ вѣчнаго свѣта, тогда какъ другой спускается безъ перерыва на землю, гдѣ его крѣпко держатъ «знающіе», прибавляя къ нему нить за нитью. Каждая прочитанная *мантра*, каждый пропѣтый *саманъ*, каждый совершенный обрядъ становится такой нитью. И ткань все растетъ, и узоръ все разворачивается, сіяя яркими, волшебными красками, и чудотворный челнокъ ни на минуту не останавливаетъ свою работу.

Небесныя
явленія—
точная ко-
пія земного
жертвопри-
ношенія.

10.—Если *земное* жертвоприношеніе воспроизводитъ небесныя явленія, отъ которыхъ зависитъ существованіе міра,—на миѳическомъ языкѣ «нахожденіе Агни и Сомы»,—и, слѣдовательно, способствуетъ имъ, то совершенно логически является вопросъ: «А *тамъ*, наверху, что же производитъ ихъ?» и, логически же (съ миѳической точки зрѣнія), получается отвѣтъ: «Конечно, *небесное* жертвоприношеніе». Кто-нибудь жертвуетъ на небѣ, чтобы добыть тѣ же результаты, ради которыхъ—(съ успѣхомъ)—мы жертвуемъ здѣсь на землѣ. Повторяется весь процессъ, только наоборотъ. Вся вселенная обращается въ исполненное жертвенное мѣсто, и каждое дѣйствіе великой небесной и атмосферической драмы уподобляется соотвѣтственному дѣйствію земного жертвеннаго процесса. Агни, въ видѣ Солнца, производится золотымъ возжигателемъ,—*арани*,—которымъ орудуютъ Ашвины, и весело пылаетъ на

небѣ; море свѣта, изъ котораго Агни восходитъ на востокѣ, представляетъ растопленное масло (*кхи*), сбитое изъ золотого молока Коровъ-Зарей, которымъ питается пламя на жертвенникѣ. Свѣтовые столбы, поднимающіеся прямо изъ мрака на разсвѣтѣ, представляютъ жертвенные столбы, косые лучи, съ такой ясностью выступающіе на западномъ небѣ, пока солнце спускается еще въ полномъ блескѣ, уподобляются пучкамъ священной травы *куша*, которою устилается *взди*, «мѣсто боговъ», т. е. самъ великій источникъ свѣта—Востокъ. Въ видѣ Молніи же, Агни находятъ въ небесномъ океанѣ,—*самудра*; его извлекаютъ изъ родныхъ водъ «десять пальцевъ» небесныхъ жертвователей,—или выбиваютъ изъ огненной скалы (черной грозовой тучи). Такимъ образомъ грозовая драма легко превращается въ небесное жертвоприношеніе для добыванія Сомы, простымъ перемѣщеніемъ на небо символизма земного жертвоприношенія, совершаемаго съ тою же цѣлью. Въ этомъ и состоитъ содержаніе всей Книги IX Риг-Веды (посвященной исключительно богу Сомѣ), такъ что порою трудно разобрать, гдѣ все происходитъ, на землѣ или на небѣ. То вдругъ Сома является божественнымъ конемъ, который посылается на скачки, «взять призь»; «сестры» или «дѣвы», это—воды, ласкающія его, какъ «десять пальцевъ» ласкаютъ стебли растенія; голоса грозы (громъ и пѣніе Марутовъ или Ангирасовъ)—гимны и шумъ прессовальныхъ камней; небо—сито или фильтр. *Самудра*, это—котелъ, въ которомъ мѣшаются составныя части божественнаго напитка; земля—

чанъ, въ который онъ стекаетъ; атмосфера—пространство между ситомъ и чаномъ; небесныя Коровы—примѣшанное къ напитку молоко. А Агни, въ видѣ Молніи,—*хотаръ*, священнодѣйствующій, мудрый распорядитель жертвоприношенія. Однимъ словомъ, удачно замѣтилъ одинъ ученый: «весь жертвенный ритуаль, со всѣми принадлежностями и приношеніями, жрецами и обрядами, цѣликомъ перенесенъ изъ сферы человѣческой дѣятельности въ міръ боговъ» *).

Кто небесные жертвователи!
1) «Отцы»
(Питри).

II.—Слѣдующій вопросъ въ миѣческомъ катехизисѣ будетъ: «Кто жертвуетъ?» Отвѣтъ получается самъ собою: древніе Отцы, блаженные Питри,—родоначальники именитыхъ жреческихъ родовъ и, если вѣрить преданію, вообще всего рода человѣческаго (подразумѣается аріійскаго). Это прекрасно согласуется съ полубожественностью жрецовъ: изобрѣтатели, «нашедшіе» жертвоприношеніе *тамъ*, на небѣ, передали свое знаніе и сопряженные съ нимъ силы, какъ бы драгоценную дойную корову, своимъ потомкамъ на землѣ. Во многихъ мѣстахъ чувствуется это впечатлѣніе, но рельефнѣе всѣхъ выступаетъ изъ текста X, 181, который, по словамъ Бергэня:

«Оповѣщаетъ не только, что Вазишта, Бхавараджа, и еще нѣсколько древнихъ жертвователей, по имени не названныхъ, принесли или получили съ неба, отъ Солнца, изъ свѣтлой обители Творца, отъ Савитара, отъ Вишну, то или другое приношеніе, ту или другую молитву, но что они «нашли» самое что ни на есть высшее «естество-жертвоприношенія, дотогѣ ускользавшее отъ нихъ и сокрытое»

*) Н. W. Wallis, «*The Cosmology of the Rig-Veda*», p. 79.

(стихъ 2),—что они «нашли, помощьюъ молитвы, *упавшее* жертвоприношеніе — первое, дошедшее до боговъ». — Употреблено именно слово «*упавшее*». Подобно Огню, жертвоприношеніе *упало* съ неба, и люди только отсылаютъ его обратно туда, какъ огонь отсылается обратно на небо» *).

Итакъ, небесное жертвоприношеніе есть подлинникъ, земное—копія. Но тутъ больше, нежели подражаніе; тутъ прямо тождество, такъ какъ главные предметы, Агни и Сома—одни и тѣ же, въ небесномъ видѣ и въ земномъ. Вотъ почему и дѣйствіе, сила ихъ тѣ же. На это имѣется прекрасный текстъ:—«Какъ ты, о Агни, исполнялъ должность *хотара* на землѣ,—какъ ты, о Джатавадасъ, исполнялъ должность *хотара* на небѣ,—такъ приношеніемъ симъ почти боговъ, сдѣлай жертвоприношеніе наше такимъ же успѣшнымъ нынѣ, какимъ ты нѣкогда сдѣлалъ жертвоприношеніе Ману» (Извѣстно, что послѣдствіемъ жертвы, которую Ману принесъ послѣ Потопа, было заселеніе вновь земли. См. стр. 373 и 375).

12.—Однако, разыскивая во всемъ Риг-Ведѣ ^{2) Сами боги.} тексты, относящіеся къ небесному жертвоприношенію, мы убѣждаемся, что дѣйствующими лицами въ немъ не всегда являются одни только древніе Отцы, а такъ же часто *сами боги*. Результатъ, конечно, всегда тотъ же: они «находятъ» Агни и тотчасъ же назначаютъ его своимъ *хотаромъ* и *пурохитой* (сами же дѣлаются богатыми благодѣтелями,—*аджамана*,—въ пользу которыхъ приносится жертва); при этомъ все равно, принимаетъ ли онъ атмосферическій видъ

*) «*La Religion Védique*», т. I, стр. 107 и слѣд.

(Молнія), или небесный (Солнце), ибо Сурья прямо названъ «*пурохитой* боговъ» (VIII, 90, 19). «Митра и Варуна», говоритъ одинъ поэтъ, «и всѣ Маруты, о могучій Агни, пѣли тебѣ гимнъ, когда ты взошелъ, о Сурья, надъ племенами людей» *). Это довольно ясно. Не менѣе ясно и слѣдующее: «Три тысячи триста тридцать девять боговъ поклонились Агни; кормили его растопленнымъ масломъ, разостлали для него священную траву и поставили его *хотаромъ*». Другимъ результатомъ жертвоприношенія боговъ было *сошествіе Агни на землю*, потому что они въ то же время сдѣлали его и своимъ посланникомъ. Есть одинъ гимнъ (X, 88), въ которомъ подробно описывается такое жертвоприношеніе: «Міръ былъ сокрытъ, весь окутанъ мракомъ. Боги принесли жертву,—Агни родился; возрадовались небо и земля, когда онъ обдалъ свѣтомъ своимъ оба міра и поднебесье». Въ «этого Агни» (огонь, зажженный на небѣ) мудрые, святые боги лили возліянія, при пѣніи гимновъ,—и раздѣлили они его на три части, или вида, и одинъ изъ этихъ видовъ,—Солнце, они помѣстили на небѣ, указавъ ему «путешествовать во вѣки неугасаемо и свѣтитъ день за днемъ». Гимнъ этотъ—длинный, и весь выдержанъ въ тонѣ самага замысловатаго мистицизма.

Кому прино-
сится небес-
ная жертва?
1) Богамъ—
богатымъ же.

13.—Еще одинъ, послѣдній, вопросъ: *Кому* приносится небесная жертва? Отвѣтить на него не всегда легко. Когда жертвователями являются Отцы, дѣло просто: они жертвуютъ, конечно,

*) III, 14, 4. См. у Берггя, т. I, стр. 115.

богамъ. Но боги-то кому могутъ жертвовать? На это даютъ отвѣтъ два текста (оба поздняго періода). Одинъ составленъ въ общихъ выраженіяхъ, другой въ болѣе точныхъ. Въ первомъ (X, 90, 16) сказано, что «Дэвы, жертвоприношеніемъ заслуживъ право жертвовать, достигли до самаго высшаго неба, гдѣ пребываютъ древнѣйшіе боги». Другой текстъ (X, 151, 3) находится въ гимнѣ къ Вѣрѣ (Шраддха):—«когда Дэвы съ вѣрою поклонились могучимъ Асурамъ...» Стало-быть, Дэвы—младшіе боги, жертвуютъ Асурамъ, т. е. «древнѣйшимъ богамъ»: Дьяусу, Варунѣ, вѣроятно и Рудрѣ, Тваштару, Парджанѣ; младшіе, т. е. индо-арійскіе боги,—могучимъ, первороднымъ древне-арійскимъ божествамъ, которымъ принадлежитъ верховное владычество, обитель которыхъ находится въ самомъ высшемъ небѣ, и которыхъ они, въ концѣ концовъ, все-таки почти или совершенно выживаютъ *).

14.—Трансцендентальному символизму оставалось сдѣлать еще только одинъ шагъ, и онъ передъ нимъ не отступилъ. Есть нѣсколько гимновъ, посвященныхъ не одному какому-либо

*) Богамъ —
самимъ
собой.

*) Бергъ полагаетъ, что этимъ, можетъ-быть, отчасти объясняется перемѣна, происшедшая въ значеніи слова «Асура». Глухая враждебность закралась въ отношеніи послѣдователей вторыхъ, индо-арійскихъ боговъ къ немногимъ великимъ и, въ большой мѣрѣ, грознымъ богамъ первой, древне-арійской эпохи; довольно обычнымъ процессомъ, люди собственное чувство стали приписывать тѣмъ, противъ кого оно обращалось,—и древніе боги прослыли недружелюбными, даже отчасти коварными и злыми. Тоже самое наблюдается и въ греческой мифологіи.

божеству, а многимъ или всѣмъ въ совокупности (*вишведэва*). Изъ нихъ особенно интересенъ гимнъ X, 65, потому что въ немъ всѣ великіе натуралистическіе боги призываются поименно, съ краткимъ упоминаніемъ характеристикъ каждаго. Это — мастерское сокращеніе ведійской мифологіи. Въ немъ мы находимъ слѣдующій изумительный стихъ:

«Они пьютъ языкомъ бога Агни, и, небесные, чистые духомъ, возсѣдаютъ въ самомъ центрѣ святилища. Они мощно подперли небеса, они излили воды. Они изобрѣли (*буквально «родили»*) жертвенный обрядъ, и *жертвовали сами себя*».

Отыщутся и другіе тексты, ведущіе къ тому же заключенію *), но они не особенно ясны и не совсѣмъ одинаково читаются разными школами. Но приведенный здѣсь текстъ не допускаетъ сомнѣнія. Мы такъ свыклись съ понятіемъ о принесеніи жертвъ высшимъ существамъ для испрашиванія милости или въ благодарность за полученную милость, что намъ сначала кажется полнѣйшей безсмыслицей, чтобы эти самыя высшія существа жертвовали *сами себя*. Не поможетъ ли тутъ этимологія? Словомъ «жертвоприношеніе» русскій языкъ обыкновенно переводитъ латинское слово *sacrificium*, сохранившееся въ современныхъ языкахъ латинской семьи и въ англійскомъ языкѣ, и постоянно употребляемое, когда рѣчь идетъ о богослужебныхъ обрядахъ, — *яджна*, — въ Индіи, ведійской и брахманской. Между тѣмъ это слово, въ сущности, буквально

*) VI, 11, 2; X, 81; X, 7, 6.

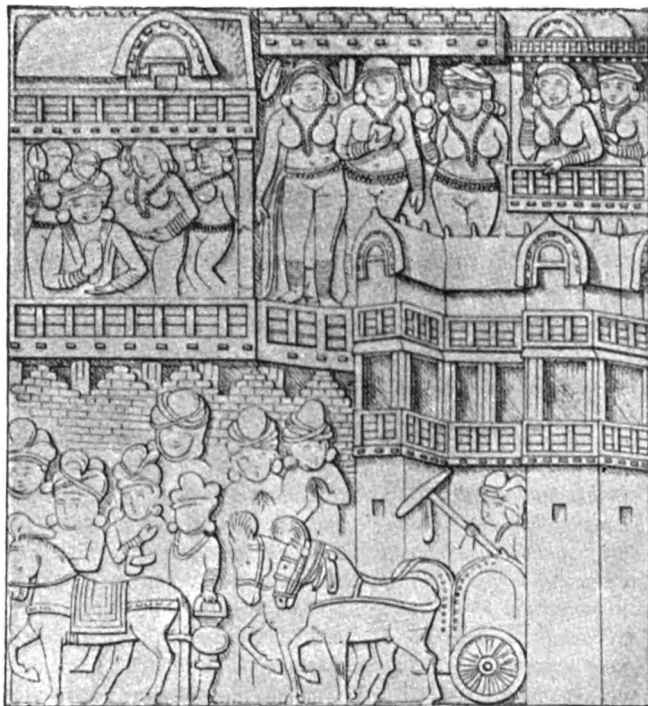
означает просто «священное дѣйствіе», и вѣрнѣе было бы переводить его русскимъ словомъ «священнодѣйствіе». Смѣшеніе же понятій о безкровномъ и кровавомъ жертвоприношеніи произошло, вѣроятно, отъ того, что всякое «священнодѣйствіе», даже самое скромное, домашнее, на самомъ дѣлѣ сопровождалось какимъ-нибудь «приношеніемъ», «жертвой», безкровной или кровавой. И если обрядъ, совершаемый богами на небѣ, — *юджна*, — назвать не «жертвоприношеніемъ», а именно «священнодѣйствіемъ», то нелѣпость исчезнетъ: въ томъ, что боги совершаютъ какое-то священное дѣйствіе, «для собственнаго услажденія», какъ говорится въ одномъ текстѣ, нѣтъ ничего нелѣпаго или непонятнаго. Но далѣе мионической метафизикѣ уже некуда идти, и, послѣдовавъ за нею до этой предѣльной черты, чуть ли и мы не доискались «вышей сути», «естества» аріискаго жертвоприношенія или священнодѣйствія, «въ наивышемъ небѣ».

15.—Отъ духа перейдемъ къ буквѣ, т. е., въ настоящемъ случаѣ, къ формамъ и обрядамъ, по которымъ жертвоприношеніе совершалось на землѣ. Объ этомъ важнѣйшемъ учрежденіи аріиской Индіи, достигшемъ такихъ неслыханныхъ размѣровъ въ брахманизмѣ, Риг-Веда доставляетъ весьма скудныя техническія свѣдѣнія; за таковыми надо обращаться къ Брахманамъ и Сутрамъ. Самый процессъ приготовленія сомы достаточно извѣстенъ изъ Риг-Веды. Но торжественное жертвоприношеніе, которымъ въ классическій періодъ часто сопровождался этотъ обрядъ,

„Ашвавед-
ха“—свя-
щеннодѣй-
ствіе съ
приношені-
емъ въ жер-
тву коня.

было нѣчто совсѣмъ другое: требовались приготовленія въ громадныхъ размѣрахъ при всевозможныхъ вступительныхъ обрядахъ, занимавшихъ много дней, съ участіемъ нерѣдко сотни жрецовъ, въ ожиданіи богатой наживы,—*дажшины*. Подобныя празднества обходились въ такія суммы, что частнымъ лицамъ они были совершенно не по средствамъ, да и царями учинялись лишь въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напр.—въ честь коронаціи, или большой побѣды. Имъ часто предшествовало исключительно царское жертвоприношеніе съ закланіемъ коня (*ашвамэджа*), нерѣдко совершаемое и отдѣльно, царемъ, желающимъ имѣть потомство. Объ эпопеи богаты роскошными, подробнѣйшими описаніями этого исполинскаго зрѣлища. Къ удивленію, однако, объ этомъ и въ Риг-Ведѣ уже встрѣчаются весьма полныя свѣдѣнія, что еще лишній разъ доказываетъ несостоятельность долго державшагося мнѣнія о мнимой «простотѣ», «примитивности» религіозныхъ понятій и служенія, отражавшихся въ этой *самхитѣ*. Свѣдѣнія эти содержатся въ двухъ гимнахъ (I, 162 и 163), въ которыхъ воспѣвается жертвенный конь, и описывается закланіе и сожиганіе жертвы, съ возмутительнымъ на нашъ взглядъ реализмомъ; жертвоприношеніе обоготворяется въ такихъ выраженіяхъ, что приходится недоумѣвать, идетъ ли рѣчь о животномъ, или о самомъ царѣ и богѣ, — Сомѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это уподобленіе (можно сказать отождествленіе) — умышленно, и проводить идею вос-

произведенія небесныхъ явленій на землѣ. Ибо Агни (въ видѣ и Молніи, и Солнца) и Сомы, оба, какъ мы видѣли, уподобляются на небѣ конямъ, и земной конь считается ихъ пред-



Процессія, ведущая коня на закланіе.
(Стѣнная скульптура поздняго періода).

ставителемъ, ихъ символомъ, и, специально имъ посвященный, становится единымъ съ ними, черезъ смерть свою «входитъ къ нимъ». Онъ даже единороденъ съ ними, божественнаго про-

исхождения: *дэваджата*. Поэтому и жертвенный конь «троевидень»; «высшая родина» его — у Варуны; крылатая голова его, «фыркающая, скачущая по безпыльным небесным путям», и тѣло его — крылатое, духъ же вездѣсущъ, какъ вѣтеръ. Немедленно затѣмъ слѣдуетъ описаніе:

«Рѣзвый скакунъ шествуетъ къ мѣсту закланія, устремивъ духъ свой неуклонно къ богамъ. Впереди его идетъ коза, за нимъ слѣдуютъ умные пѣвцы. Конь приближается къ славнѣйшей изъ обителей, къ Отцу и Матери (*отрочно, Дьяусъ-Небо и Адити, потому что самъ конь однажды названъ «Адितья»*); ибо сего же дня онъ пойдетъ къ богамъ, желаннымъ гостемъ».

Описаніе самого жертвоприношенія такъ полно (I, 162), что не нуждается въ комментаріяхъ:

«...Ведутъ за узду богато убраннаго коня, а впереди его ведутъ блещущую «многовидную» козу (*вишварупа*)... положенную долю Пушана; коня радостно примутъ всѣ боги... Тваштаръ поведетъ его къ великимъ почестямъ. Когда коня, согласно обычаю, трижды обведутъ кругомъ (*жертвеннаго мста*), коза первая идетъ (*и первая убивается*), чтобы возвѣстить богамъ о предстоящемъ жертвоприношеніи *). Жрецъ, его помощникъ и тотъ, кому надлежитъ разрѣзать тушу на части, тотъ, кто зажигаетъ огонь, тотъ, кто представленъ къ прессовальнымъ камнямъ, и вдохновенный пѣснопѣвецъ, — всѣ наполняютъ брюхо мясомъ тщательно заправленной жертвы. Тѣ, кто обтесываетъ столбъ (*къ которому жертва будетъ привязана*), и тѣ, что приносятъ его, и тѣ, что обдѣлываютъ шишку наверху столба, и тѣ,

*) Коза всегда «полагается» Пушану на всѣхъ жертвоприношеніяхъ, также на погребеніяхъ, такъ какъ погребеніе есть своего рода жертвоприношеніе: покойникъ отдается Агни, и тотъ несетъ его богамъ, какъ любое приношеніе. Вотъ почему отчасти колесница Пушана запряжена козой, а не только въ видѣ намека на его сельскія свойства и должности.

что собираютъ нужные сосуды, — пусть и они не откажутъ въ своей дружеской услугѣ. Конь, упитанный, гладкій, идеть, — за нимъ слѣдуютъ мои молитвы, — къ обителямъ боговъ, провожаемый радостнымъ пѣніемъ жрецовъ. Паршество это соединяетъ его съ богами».

Слѣдуетъ длиннѣйшій и скучнѣйшій, но прелюбопытный перечень, въ которомъ всему, что принадлежитъ коню, — включая даже частицы мяса его, могущія пристать къ топору, или къ столбу, или къ гвоздямъ на немъ, и жиръ, капающій съ кусковъ мяса, жарящихся на вертелѣ, — приказывается слѣдовать за нимъ и «вновь соединиться съ нимъ у боговъ»; то же приказывается и всѣмъ предметамъ, когда-либо употребляемымъ имъ или для него; перечисляются его попона, недоузлокъ, сбруя и чепракъ, и всѣ приборы; трава, какую онъ когда-либо ѣлъ, по какой ходилъ, на какой лежалъ или валялся; всѣ орудія, и сосуды, и посуда, въ которыхъ будутъ готовить и подавать его мясо. Это освященіе заканчивается довольно страннымъ пожеланіемъ, чтобы ему не было больно отъ того, что съ нимъ станутъ дѣлать, — ни отъ огня, ни отъ дыма, ни отъ жаренія или варенія; конецъ гимна такой же мистическій, какъ и начало: —

«Жизненный духъ да не угнетаетъ тебя, когда ты пойдешь къ богамъ (т. е. *предсмертная борьба твоя да будетъ короткая и не тяжкая*): топоръ да не повредитъ твои тѣла *); торопливый, неумѣлый рѣзатель, не знающій своего дѣла, да не искалѣчитъ твои члены. Постыня, ты здѣсь не умираешь, ты не терпишь никакого поврежденія; нѣтъ, ты

*) Бергзъ положительно переводитъ *тѣла*, во множественномъ; онъ объясняетъ это намекомъ на мистическую тройственность коня, какъ представителя Агни и Сомы.

къ богамъ отправляешься прекрасными, удобными дорогами; двѣ *хариты* (*Индровы кобылицы*) и пѣгіе олени (*Марутосы*) будутъ твоими товарищами...»

„Пуруша-
матха“—
священно-
дѣйствіе съ
приношені-
емъ въ жер-
тву чело-
вѣка.

16.—Одинъ стихъ въ гимнѣ I, 163, очевидно описы-
ваетъ жертвенное шествіе:—«За тобой, о Конь,
слѣдуетъ колесница; за тобой—*человѣкъ*; за тобой—
толпа дѣвицъ...» Такъ какъ стихъ кончается за-
явленіемъ, что весь міръ желаетъ снискать
себѣ расположеніе Коня, и что сами боги при-
знають его «богатырскую мощь», то принято
этому стиху придавать исключительно мистиче-
скій смыслъ. Между тѣмъ, тутъ весьма вѣроятно
одно изъ тѣхъ смѣшеній правды и міѳа, которыя
такъ озадачиваютъ и сбиваютъ изслѣдователей.
Въ томъ видѣ, въ какомъ это жертвоприноше-
ніе было первоначально учреждено и дѣйстви-
тельно практиковалось, «человѣка» на самомъ дѣлѣ
вели вслѣдъ за конемъ, какъ козу вели впереди
его и съ тою же цѣлью,—на закланіе. Ибо не
можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что чело-
вѣческія жертвы входили въ древнее арійское
богослуженіе. Какъ было подробно изложено въ
другомъ томѣ *), разъ приняты извѣстныя по-
сылки, то не можетъ быть ничего логичнѣе, не-
обходимѣе, даже справедливѣе, и не бывало той
расы, которая, на данной ступени своего куль-
турнаго развитія, избѣжала бы эту жестокую ло-
гику,—т. е., пока чувство не изощрилось на-
столько, чтобы обезоружить то, что казалось здра-
вымъ разумомъ. Индо-арійцы чуть не превзошли
всѣхъ прочихъ прямолинейностью въ этой ужас-

*) См. «Ист. Ассиріи», гл. IV.

ной логикѣ. Они, не обинуясь, причислили человека къ животнымъ, признавая его первымъ и благороднѣйшимъ, но все же животнымъ, *primus inter pares*. Жертвоприношенія были двухъ родовъ: кровавыя и безкровныя. Пять «животныхъ» объявлены годными для первыхъ: человекъ, лошадь, быкъ, овца, коза. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ приносились всѣ пять жертвъ. Въ ведійскихъ ритуалахъ достовѣрности неоспоримой,—каковы Шраута-Сутры и многіе тексты въ Яджур-Ведѣ (все Шрути, откровеніе), мы находимъ подробнѣйшія наставленія о томъ, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ учинять такія жертвоприношенія, и какъ ихъ совершать. Однимъ изъ такихъ случаевъ названа закладка городскихъ стѣнъ: предписывается положить тѣла пяти закланныхъ жертвъ въ воду, которой замѣсивается глина для кирпичей, такъ какъ полагается, что кровь ихъ не только придаетъ имъ прочность, а, вѣроятно, и освящаетъ ихъ. Другой такой случай — *ашва-мѣдха*, жертвоприношеніе, въ которомъ главная жертва—Конь. Затѣмъ, приношеніе прямо человеческой жертвы, — *пурушамѣдха*, гдѣ жертвой долженъ былъ быть либо брахманъ, либо кшатрія, купленный за тысячу коровъ или сто коней. Высшій видъ этого жертвоприношенія былъ тотъ, въ которомъ погибало большое число людей всѣхъ сословій и родовъ,—до 166 и даже 184. Въ Шатапатха-Брахманѣ, самой главной изъ всѣхъ, описано такое массовое избиеніе. Но вдругъ въ ритуалѣ перерывъ; онъ переходитъ въ повѣствованіе и приводитъ слѣдующую легенду: «Тогда,

когда огонь уже обнесли кругомъ жертвъ (привязанныхъ каждая къ своему столбу), передъ самымъ тѣмъ, какъ убивать ихъ, послышался голосъ:— «О человѣкъ! не дѣлай ты этого! Если ты это совершишь, то одинъ человѣкъ сталъ бы ѣсть другого». Дѣло въ томъ, что мясомъ жертвъ насыщались жертвователи. Поэтому весьма вѣроятно, — и ничего не могло быть естественнѣе, — что именно отвращеніе отъ людоедства заставило отказаться отъ ужаснаго обычая, вопреки всѣмъ логическимъ соображеніямъ. Одно время употреблялись золотыя человѣческія головы, взамѣнъ настоящихъ. Однако, обычай сопоставлять человѣка съ конемъ и козой въ *ашвамѣдхѣ*, повидимому, долго держался. Только предписывалось покупать для этого дряхлаго, прокаженнаго старца, для котораго «отправленіе къ богамъ» было бы счастливымъ избавленіемъ. Но даже и эта жалкая развалина должна была принадлежать къ одному изъ именитыхъ, священныхъ родовъ древнихъ Риши. Между тѣмъ, у индо-арійцевъ уже проявлялась нелюбовь къ проливанію крови безъ необходимости (т. е. не въ военное время), которая сдѣлалась столь видною и благородной чертой позднѣйшаго брахманизма, и въ той же самой Брахманѣ (Шатапатха), уже заявляется формально, что безкровныя жертвы болѣе угодны богамъ и совершенно такъ же дѣйствительны; выражалось это по обыкновенію, въ видѣ легенды или притчи:—

«Боги сначала приняли человѣка въ жертвы (*буквально: «жертвеннымъ животнымъ»*). Тогда жертвенная сила (*мѣдха*) покинула его и перешла въ коня. Они взяли коня, но

мѣдха покинула и его и перешла въ быка. Вскорѣ *мѣдха* перешла въ овцу, изъ овцы въ козу, а изъ козы въ землю. Тогда они вскопали землю, ища *мѣдху*, и нашли ее въ рисѣ и ячменѣ. Поэтому, сколько силы было во всѣхъ тѣхъ пяти животныхъ, столько теперь пребываетъ въ этой жертвенной лепешкѣ (*хависъ*), сдѣланной изъ ячменя и риса), т. е. для того, кому сіе вѣдомо. Зерна въ землѣ соответствуютъ волосамъ, вода (на которой замѣшена мука), кожѣ, мѣсению—мясу, испеченая лепешка—костямъ, *хи* (топленое масло), которымъ она смазана—мозгу въ костяхъ. Такимъ образомъ всѣ пять составныхъ частей животнаго содержатся въ жертвенной лепешкѣ (*хависъ*).

17.—О человѣческихъ жертвахъ прямо не говорится въ Риг-Ведѣ, но на нихъ намекается весьма ясно, по ведійскому выраженію, «для знающихъ». Не только въ стихѣ 8 «Конскаго» гимна, приведенномъ выше, но еще, очевидно, въ двухъ текстахъ, намекающихъ на избавленіе нѣкоего юноши, Шунашвпхи, пріемнаго сына Риши Вишвамित्रы;—

Легенды
объ отианѣ
кронаваго
жертвопри-
ношенія.

«Связаннаго Шунашепху ты, о Агни, избавилъ отъ тысячи столбовъ за то, что онъ горячо молился тебѣ; такъ же и насъ избавь, о свѣтлый *хотаръ*, отъ оковъ» (V, 27).

«Варуна-царь избавить насъ,—онъ, къ которому нѣкогда взмолился связанный Шунашепха. Ибо Шунашепха, тройными узами привязанный къ столбу, призвалъ на помощь Адитью» (I, 24, 12—13).

Нѣтъ сомнѣнія, что на то же древнее преданіе намекаетъ и стихъ 21 гимна I, 25:—«Дабы я могъ жить, сними съ меня верхнюю веревку, развяжи среднюю и нижнюю удали». Въ подтвержденіе этого, преданіе приписываетъ оба гимна самому Шунашепхѣ. Изъ этого можно заключить, что пресловутыя тройкія «оковы» или «путы» Варуны, не *всегда* бываютъ аллегорическія

(тьма, недугъ и смерть), но, подобно многому въ ведійскомъ мистицизмѣ, подчасъ имѣють реалистическую подкладку.

Полный разсказъ находится въ Анtareя-Брахманѣ, вѣроятно, древнѣйшей изъ всѣхъ; эта Брахмана, будучи комментариемъ къ Риг-Ведѣ, обязательно разъяснить всѣ такіе намеки и темныя мѣста. Изъ этого видно, что Брахманы, хотя по необходимости составлены позднѣе самого Риг-Веды, однако, часто содержатъ матеріалъ древнѣе Сборника, такъ какъ намекать, какъ на нѣчто общезвѣстное, можно только на то, что существовало давно. Вотъ самый разсказъ, немного сокращенный *):

Легенда
о Шун-
шеихъ.

18.—Жилъ нѣкогда могущественный царь Харишандра, и было у него сто женъ, но ни одного сына. По совѣту великаго мудреца, проживавшаго у него въ домѣ, онъ пошелъ къ Варунѣ-Царю и сказалъ: «пусть у меня родится сынъ, и я его принесу въ жертву тебѣ». Варуна сказалъ: «хорошо», и у царя родился мальчикъ, котораго онъ назвалъ Рахита. Вскорѣ Варуна потребовалъ себѣ ребенка. Но отцу удалось выпросить отсрочку, и еще, и еще, то подъ однимъ предлогомъ, то подъ другимъ, такъ что Рахита успѣлъ вырасти статнымъ юношей и былъ опоясанъ оружіемъ. Тутъ уже Варуна больше ждать не согласился, да и царь болѣе не находилъ отговорокъ. Тогда онъ объявилъ сыну: «дитя мое, онъ далъ тебя мнѣ съ тѣмъ, чтобы я принесъ тебя въ

*) Та же исторія разсказана и въ Рамаянѣ, и въ нѣкоторыхъ Пуранахъ, съ незначительными измѣненіями.

жертву ему». Сынъ сказалъ: «нѣтъ!» взявъ лукъ и ушелъ въ лѣса, прожилъ тамъ годъ. Тогда Вѣруна сталъ мстить царю и послалъ ему водяную болѣзнь. Рахита, тѣмъ временемъ, встрѣтилъ по пути брахмана, который посовѣтовалъ ему путешествовать. Это былъ Индра въ человѣческомъ образѣ. «Когда человѣкъ сидитъ,—сказалъ онъ:—то и счастье съ нимъ сидитъ. Когда онъ встаетъ, и оно встаетъ, и спитъ, когда онъ спитъ. Путешествуй же! Путникъ находитъ медъ, находитъ сладкія смоквы. Погляди, какъ счастливо солнце, которое путешествуетъ безъ устали. Путешествуй же!» Рахита пространствовалъ шесть лѣтъ, въ концѣ которыхъ ему встрѣтился въ лѣсу голодный Риши, изъ священнаго рода Ангирасовъ, съ тремя сыновьями. Рахита сказалъ ему: «Риши, я подарю тебѣ сто коровъ за одного изъ твоихъ сыновей; я имъ откуплюсь». Отецъ обнялъ старшаго и сказалъ: «не этого!» Мать обняла младшаго: «не этого!» Согласились отдать средняго, по имени Шунашепха. Рахита отвелъ его къ царю, который предложилъ его Вѣрунѣ замѣнъ сына. Вѣруна сказалъ: «согласенъ, ибо брахманъ лучше кшатріи», и приказалъ царю готовить большое царское жертвоприношеніе. Шунашепха былъ назначенъ жертвой на тотъ день, когда богамъ подносится сома. *Хотаромъ* долженъ былъ быть Вишвамित्रа. Когда привели Шунашепху, не могли найти никого, кто бы согласился привязать его къ столбу. Родной отецъ, продавшій его, сдѣлалъ это, взявъ еще сто коровъ. Но никто не нашелся, кто бы согласился нанести ему смертельный ударъ. Отецъ

и на это вызвался, еще за сто коровъ, и подошелъ къ сыну, оттачивая ножъ. Шунашепха подумалъ: «они въ самомъ дѣлѣ убьютъ меня, точно я не человѣкъ совсѣмъ *). Помолюсь-ка я богамъ». И принялся молиться всѣмъ по очереди, но одинъ посылалъ его къ другому. Последнею была Ушасъ. Пока онъ ей молился, оковы его ослабли и спали съ него, а царя въ то же мгновеніе покинула водяная болѣзнь, такъ что онъ сталъ совсѣмъ здоровъ. А того, кто долженъ былъ быть жертвою, просили, вмѣсто того, совершить обрядъ. Риши тогда потребовалъ сына и хотѣлъ увести его съ собой домой. Но Шунашепха положительно отказался съ нимъ идти и просилъ Вишвамित्रу за него заступиться. Тотъ поддержалъ его, сказавъ: «Онъ былъ страшенъ, когда стоялъ надъ тобою съ ножомъ. Не будь его сыномъ. Приди и будь моимъ сыномъ». Шунашепха сказалъ: «скажи самъ, о парскій сынъ, какъ могу я, изъ рода Ангирасовъ, стать твоимъ сыномъ?» **). Вишвамित्रа отвѣтилъ: «Ты будешь старшимъ моимъ сыномъ; твое потомство займетъ первое мѣсто; ты получишь наслѣдство, дарованное мнѣ богами». На этомъ основаніи состоялось усыновленіе. У Вишвамитры было сто сыновей,

*) Комментаторъ объясняетъ это такъ, что человѣка и крупныхъ животныхъ обыкновенно въ послѣднюю минуту освобождали, послѣ очищенія обнесеніемъ ихъ огнемъ, и убивались только овца да коза. Это уже начинался переходъ отъ жертвованія къ посвященію.

**) Вишвамित्रа, какъ извѣстно, былъ княжескаго рода, — *раджана*.

изъ нихъ пятьдесятъ (старшая половина) возмущались тѣмъ, что отецъ поставилъ надъ ними чужого. Отецъ ихъ за это проклялъ, и они пошли по-миру, отверженцами; и они, и потомство ихъ сдѣлались хуже *дасью*. Другіе пятьдесятъ безропотно покорились и, получивъ благословіе отца, жили счастливо и въ благополучіи *).

Нетрудно выпутать суть этой легенды изъ брахманскихъ прибавленій и украшеній, которыя, впрочемъ, не портятъ ее. Въ каждой строкѣ чувствуется неодобреніе, и ясно, что уже въ очень раннюю пору возмутительный обрядъ не совершался до конца, а только для памяти продѣлывалась первая его часть. Но самое это неодобреніе, очевидно, является протестомъ противъ дѣйствительно существовавшего зла, и приговоръ исторіи не можетъ очистить прашуровъ арійскихъ расъ отъ пятна, которое лежитъ на всемъ древнѣйшемъ человѣчествѣ.

*) Максъ Мюллеръ, «Древняя Санскритская Литература» (*Ancient Sanskrit Literature*), стр. 408—419.

XI.

Риг-Веда: Космогонія.—Философія.— Общій выводъ.

1.—Риг-Веду можно, пожалуй, сравнить съ садомъ, въ которомъ слишкомъ много безплодныхъ грядъ, или, что еще хуже, заросшихъ всякой сорной, даже ядовитой, порослью, зато много есть такихъ, съ которыхъ вѣетъ благоуханіемъ цвѣтовъ чистой поэзіи, свѣжестью чувства и юной, еще робкой мысли. Когда какой-нибудь старый Риши, — (а вѣдь *лично*-то они, можетъ-быть, и не были стары, когда пѣли свои пѣсни!) — когда онъ среди воззванія, или хвалебнаго гимна, вдругъ задумается, и спрашиваетъ, съ искреннимъ недоумѣніемъ: «Гдѣ солнце ночью?» — «Куда дѣваются звѣзды днемъ?» — «Почему солнце, ничѣмъ не подпертое, ни къ чему не прикрѣпленное, не падаетъ?» — «Кто старше, кто моложе, — День или Ночь?» — «Откуда вѣтеръ и куда?» — «Почему онъ не поднимаетъ пыли на небесныхъ дорогахъ, — и колесница солнца тоже?» — насъ одолеваетъ такое чувство, какъ когда мы прислушиваемся, растроганные, къ лепету нашихъ

дѣтей, къ ихъ первымъ «умнымъ» вопросамъ,— (весьма притомъ похожимъ на эти),—и улавливаемъ первый проблескъ сознательной мысли, первое движеніе слабыхъ рукъ, потянувшихся къ плодамъ дерева знанія, не подозревая ни сладости, ни горечи ихъ, ни благъ, ни бѣдъ, ожидающихъ вкусившихъ этихъ плодовъ. Вѣдь когда въ умѣ разъ блеснули такіе вопросы,—значить, онъ проснулся и больше уже не заснетъ; онъ изъ соннаго покоя несознанной еще жизни воспрянулъ къ дѣятельности жизни сознательной, слабыми силами уже ухватился за міровыя задачи, надъ которыми ему предстоитъ биться до конца своего земного существованія, усиленно содѣйствуя разрѣшенію ихъ.

2.—Замѣчательно, что эти первые мыслители О происхожденіи міра. никогда не спрашивали: «кто сотворилъ міръ»,—или міры,—а: «какъ міръ сотворенъ?» или: «какъ они сотворили его?» наконецъ, позднѣе, когда философское отвлеченное мышленіе додумалось до представленія о *единомъ* создателѣ (*дхатаръ, праджапати, вишвакарманъ*),—«какъ онъ его создалъ, и—изъ чего?». Этотъ послѣдній вопросъ, вполне продуманный и облеченный въ слова, вполне его достойныя, мы находимъ въ двухъ гимнахъ книги X, обращенныхъ, одинъ «ко всѣмъ богамъ» (*вишведэва*), другой—къ «Вишвакарману», «Всесоздателю»:

«Что то было за дерево, что за лѣсъ, изъ которыхъ они соорудили (*на манеръ плотниковъ*) небо и землю? Эти

двое стоять прочно и вѣки не старѣются, между тѣмъ какъ протекло много дней и много утръ» (X, 31, 7).

«На какомъ мѣстѣ, на какихъ прочныхъ устояхъ, на какой твердой точкѣ стоялъ Вишвакарманъ, когда онъ, всевидящій, создавалъ землю и мощью своей раскрывалъ небеса?... Что, поистинѣ, то было за дерево, что за лѣсъ, изъ котораго они соорудили небо и землю? Допытайтесь, мудрецы, умомъ своимъ, на чемъ Вишвакарманъ твердо сталъ, когда укрѣплялъ міръ?» (X, 81, 2 и 4).

Стихи эти встрѣчаются и въ Яджур-Ведѣ, а въ одномъ изъ комментаріевъ къ нему, Таиттирія-Брахманѣ, на эти вопросы данъ слѣдующій отвѣтъ:

«Брахма (*средняго рода*) было тѣмъ лѣсомъ, Брахма было тѣмъ деревомъ, изъ котораго они соорудили небо и землю. Мудрецы, мысленно объявляю я вамъ, онъ твердо стоялъ на Брахмѣ, когда онъ укрѣплялъ міръ».

Лучшаго отвѣта, пожалуй, и не допускало это переходное время отъ ведійскаго натурализма къ пантеизму Упанишадъ,—та стадія, когда Брахма уже чувствовалось во всемъ вездѣсущимъ, сокровеннымъ жизненнымъ началомъ,—такимъ началомъ, которое, проявляясь, обращается и въ осязаемую матерію, и въ дѣятельную духовную силу, но все еще не является Единою, Самосушею Міровою Душою, Всесоздателемъ.

Космогони-
ческая
теорія.

3.—Подобно всѣмъ фазисамъ мышленія, отразившимся въ Риг-Ведѣ, и представленія о сотвореніи міра на нашихъ глазахъ проходятъ черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ стадій, изъ которыхъ первая и простѣйшая отлично выражена въ слѣдующемъ, довольно, впрочемъ, неуклюжемъ стихѣ у одного изъ гимновъ Вазишты: «Варуна разлavinулъ обширныя небеса; онъ раскинулъ

высоко блестящее, дивное небо; онъ отдѣлилъ звѣздное небо отъ земли» (VII, 86, 1). То же самое говорится и о другихъ богахъ. Но когда дѣло доходить до подробностей, то изъ сотенъ текстовъ, относящихся къ тому же предмету, выясняются три различныхъ другъ отъ друга представленія: 1) боги *построили* міръ, на манеръ плотниковъ, какъ народъ строилъ дома; 2) та или другая божественная чета (чаще всего Небо и Земля,—Дьяусъ и Притхиви), или боги вообще, *родили* міръ, какъ рождаются живыя существа; 3) міръ сотворенъ черезъ жертвоприношеніе, какъ жертвоприношеніемъ же онъ содержится въ движеніи и дѣйствіи. Первое изъ этихъ представленій можно отнести прямо къ поэтическимъ образамъ; второе по большей части является неуклюжимъ полетомъ въ область символизма; третье же, чисто богословскаго пошиба, прямо поднимается на недостижимую высоту отвлеченнаго мистицизма. Хотя тутъ явный переходъ отъ простаго положенія къ болѣе сложному, а такой переходъ означаетъ прогрессъ и развитіе, на которые требуются вѣка и вѣка, однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы его можно было прослѣдить шагъ за шагомъ, а тѣмъ менѣе въ хронологическомъ порядкѣ. Тутъ нѣтъ никакого метода. Всѣ три представленія иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же гимнѣ, хотя мистицизмъ особенно замѣтенъ въ такихъ гимнахъ, которые, судя по общему складу, принадлежать къ болѣе позднему періоду, и по большей части (хотя отнюдь не всѣ), собраны въ Кн. X. Это

показываетъ, что, когда былъ окончательно установленъ канонъ Риг-Веды, народная мысль уже прошла всѣ три означенныя стадіи, — этимъ лишній разъ доказывается великая древность основного матеріала сборника, своевременно спасеннаго отъ забвенія и дальнѣйшей порчи.

Теорія жертвоприношенія.

4.—Мы видѣли, что солнце въ одномъ мѣстѣ уподобляется дереву, перевернутому вершиной внизъ и корнями вверхъ (см. стр. 151—152), и хорошо знакомы съ широковетвистымъ, густолиственнымъ деревомъ, изображающимъ небо. Это легко ведетъ къ вопросу: «что это было за лѣсъ, что за дерево?» и пр. Что же касается теоріи о «рожденіи» міра, то такія выраженія не новостъ: «Свѣтлый родился отъ Темной» (День отъ Ночи); или «Небо и Земля, чьи дѣти—свѣтлые Дэвы», и т. п. Это очень излюбленный видъ такъ-называемыхъ «мническихъ загадокъ», которыми изобилуетъ Риг-Веда. О значеніи жертвоприношенія говорено подробно въ предыдущей главѣ. Остается разсмотрѣть одинъ крайне замѣчательный гимнъ, въ которомъ эта теорія достигаетъ полнѣйшаго развитія, а именно—знаменитый мистическій гимнъ, называемый Пуруша-Сукта (X, 90), упомянутый уже (см. стр. 307—308), какъ продуктъ самаго поздняго періода Риг-Веды. Возможно, что гимнъ этотъ изъ наиболѣе позднихъ; отъ него вѣдетъ болѣе Гангомъ, чѣмъ Индомъ, такъ какъ въ немъ находится единственное во всемъ сборникѣ упоминаніе о кастахъ и о первоначальныхъ трехъ Ведахъ,—можетъ-быть, даже и объ Атхарва-Ведѣ. Гимнъ

этотъ нѣкоторымъ образомъ является дополненіемъ къ самому мистическому изъ всѣхъ стиховъ, обращенныхъ къ Вишвакарману, «Всезидителю»: «Вышнія, нижнія и среднія станціи, тебѣ присвоенныя, укажи твоимъ друзьямъ при жертвоприношеніи; жертвуй ты самъ себѣ, для собственнаго услажденія»,—а также къ воззванію къ Агни X, 7, 6: «На небѣ жертвуй, о Дэва, Дэвамъ; и тѣмъ же способомъ жертвуй и самъ себѣ, о ты, отъ рожденія прекрасный!» Мѣста эти потому требуютъ дополненія, что въ нихъ не сказано, *что* или *кою* боги должны принести въ жертву,—или, *вѣрнѣе*, принесли,—какъ средство къ сотворенію міра. Въ этой неопредѣленности собственно заключается лучшій отвѣтъ, потому что намъ предоставляется вообразить себѣ небесныя свѣтоты и грозовыя явленія въ видѣ «священнодѣйствія, совершаемаго богами для собственнаго услажденія, согласно съ предвѣчнымъ закономъ». Но такая величаяя, всеобъемлющая неопредѣленность уже не удовлетворяла позднѣйшихъ богослововъ, умы которыхъ настолько же утратили поэтическое пониманіе, насколько изошрились до крайней тонкости ихъ метафизическія способности. У нихъ развилась потребность все объяснять до послѣдней мелочи, не оставляя вовсе мѣста воображенію и мечтамъ. Вотъ, Пуруша-Сукта и даетъ всю исторію сотворенія міра подъ видомъ жертвоприношенія, совершеннаго, будто бы, богами; да съ такой аккуратностью, такими подробностями, что выходитъ цѣлая, крайне своеобразная, Кос-

могонія, оставившая слѣды и на другихъ, родственныхъ народностяхъ *). Странный основной мотивъ заимствованъ, вѣроятно, отъ человѣческихъ жертвоприношеній, въ ту пору, когда этотъ древнѣйшій обрядъ еще находился въ полной силѣ; это подтверждаетъ уже то обстоятельство, что Пуруша-Сукта всегда пѣлся на тѣхъ жертвоприношеніяхъ, въ которыхъ главной жертвой былъ человѣкъ.

„Пуруша-
Сукта“.

5.—Боги приносятъ въ жертву Пурушу, первороднаго Великана, т. е. Мужеское Начало, Человѣка; тѣло его есть просто-напросто матеріалъ, изъ котораго они создаютъ все—то *pān*—т. е. вся первосушая Матерія, со сокрытою въ ней жизнеспособностью; изъ различныхъ частей этого тѣла боги производятъ различныя части вселенной, относясь съ особеннымъ вниманіемъ къ землѣ съ ея извѣстными индо-арійцамъ обитателями.

„Атлантъ“—
Міровая ду-
ша.—„Пер-
ворожден-
ный“.

6.—Есть англійская поговорка, что одинъ дуракъ задастъ столько вопросовъ, на сколько семи мудрецамъ не отвѣтитъ. Бываетъ и наоборотъ. Есть вопросы, задать которые можетъ только гениальная душа, а отвѣчать на нихъ берутся весьма дюжинные умы. Таково большинство вопросовъ, встрѣчающихся въ Риг-Ведѣ. Какую высоту и глубину мысли, какую жажду истины, абсолютной правды, обнаруживаютъ такіе во-

*) Сравнить скандинавскую космогоническую легенду (въ Эддѣ) о сотвореніи міра изъ различныхъ частей тѣла первороднаго великана Имера.

просы, какъ слѣдующіе: «кто видѣлъ Перво-рожденнаго, когда неимѣющій костей (*т. е. формы, облика*) родилъ имѣющаго ихъ?» (*т. е. изъ безформенной матеріи образовалось стройное мірозданіе*). «Гдѣ жизнь, кровь, Душа вселенной? Кто ходилъ спрашивать о томъ знающихъ?» (I, 4. 164). Слово, которое философы переводятъ «Душа»,—*атманъ*,—буквально означаетъ «духъ, дыханіе» (всѣ три слова, въ сущности, одно и то же), и происходитъ отъ того же корня ас, «дышать», который въ санскритскомъ и нѣсколькихъ другихъ аріискихъ языкахъ далъ одну изъ формъ глагола «быть» *). При всемъ желаніи проникнуть внутрь самой сути вещей, человѣческій умъ, не имѣя возможности совсѣмъ отрѣшиться отъ матеріальныхъ условій своего бытія, былъ вынужденъ удержатъ хотя эту тонкую нить, связывающую его съ ними; но изъ всего существующаго можно ли было выбрать что-нибудь *менше* матеріальное, болѣе безплотное? «Дыханіе»—то, чего не видно, а между тѣмъ оно есть самое бытіе наше, потому что прекратись оно—прекратится и жизнь! Кто же, или чтѣ, есть дыханіе, душа, бытіе,—*атманъ*,—вселенной,—естество ея, невидимое, но сущее? Чтобы *первымъ* задать подобные вопросы, поистинѣ, требовалось больше духовности, геніальности, нежели та, которою обладали всѣ писатели Упанишадъ, пытавшіеся отвѣтить на нихъ. На

*) Санск. *astī*, слав. *есмъ*, лат. *sunt*, англ. *am* и пр. Сравнить также нѣмецкое *atmen, atem*,—«дышать», «дыханіе».

эти именно темы написаны тѣ монументальные брахманскіе трактаты, которые обнимаютъ все, что у древнихъ грековъ подразумѣвалось подѣ общимъ названіемъ «философіи». Трактаты эти заключаютъ въ себѣ изслѣдованія и теоріи о мірозданіи, о существѣ вещей, изученіе природы и всего въ ней содержащагося: всѣ космологическія и метафизическія части Риг-Веды уже могутъ называться Упанишадами; онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ переходъ къ періоду и литературѣ этого имени. Пуруша-Сукта, дѣйствительно, названъ Упанишадомъ; такъ можно назвать и коротенькій космогоническій гимнъ X, 190, удивительно сжатый и въ то же время многообъемлющій и вполне понятный, если имѣть ключъ къ этого рода умосозерцаніямъ и ихъ своеобразному языку:

«Отъ разгорѣвшагося тепла (*тапасъ*) родились Правда и Законъ (*сатья* и *рита*), и Ночь, затѣмъ водная стихія. А отъ водной стихіи родился быстротечный годъ, распредѣлитель Дня и Ночи, правящій всѣми, кто смежаетъ очи (*т. е. въсѣмъ твореніемъ, подчиненнымъ необходимости сна*). И въ ихъ порядкѣ Творецъ создалъ солнце, и мѣсяцъ, и небо, и землю, сферы воздушныя и свѣтъ».

Это поистинѣ можно бы назвать главою изъ ведійской Книги Бытія и далеко не единственною. Есть много стиховъ,—не въ однихъ позднѣйшихъ частяхъ Риг-Веды,—гдѣ происхожденіе Вселенной излагается тѣмъ же вѣскимъ, но напыщеннымъ, темно-миѣическимъ слогомъ. Особенно хорошо одно мѣсто во второмъ гимнѣ къ Вишвакарману (X, 82, 5—6), которое, въ видѣ вопроса съ отвѣтомъ, содержитъ всю основную

суть позднѣйшей брахманской Космогоніи. Воды, — такъ тамъ сказано, — восприняли первый, — или первичный — зародышъ, содержащій всѣхъ боговъ и одинъ покоившійся на лонѣ Нерожденнаго, — Аджѣ, — того Единого, въ Которомъ пребываетъ все существующее. Кто не видитъ, какъ легко этотъ «первый зародышъ» могъ обратиться въ Міровое Яйцо, носившееся не-счетные вѣка, «отъ самаго начала», на предвѣчныхъ водахъ Хаоса, пока Начало Всемірной Жизни, Брахма (средняго рода), въ немъ праздно сокрытое, воспрянуло изъ оныхъ, въ видѣ Брахмы (мужескаго рода), дѣятельнаго творческаго начала, — Творца всѣхъ міровъ?

7.—«Нерожденное», часто также называемое «Единое», Экамъ, — означаетъ То, что всегда существовало, ни отъ чего не родившись, — Предвѣчно Сущее, отъ чего все рождается, когда въ Ономъ проснется желаніе проявить себя. Иногда это Единое называютъ Аджѣ Экападъ «Одноное Нерожденное». Эта, повидимому, нелѣпое прозвище, послужившее поводомъ къ не менѣе нелѣпымъ толкованіямъ, въ сущности была только одною изъ тѣхъ попытокъ какимъ-нибудь нагляднымъ образомъ высказать неизречимое, которыми споконъ вѣка задавались аріійскіе мыслители, не стѣсняясь безобразностью словесной оболочки. Въ Риг-Ведѣ «нога» иногда говорится вмѣсто того міра, въ которомъ стоитъ нога, — т. е. обладатель оной. Такъ говорится, что Вишну знаетъ свою высшую обитель, — третью, — тогда какъ людямъ вѣдомы лишь двѣ, — и источникъ

«Единое
Нерожденное».

свѣта помѣщается «у ногъ его»; его «три шага» тоже означаютъ просто, что онъ стоитъ въ трехъ мірахъ, изъ которыхъ два видимыхъ, а третій, высшій, невидимый (см. стр. 241). Такъ и Пуруша стоитъ одной ногой на землѣ, а тремя въ небесныхъ мірахъ безсмертныхъ, т. е. въ двухъ другихъ мірахъ, и въ четвертомъ, высшемъ, невидимомъ. Къ извѣстнымъ мірамъ всегда надо прибавлять еще одинъ. Если говорится о двухъ мірахъ,—Небѣ и Землѣ,—есть третій; если о трехъ,—Землѣ, Небѣ и Поднебесѣ,—есть четвертый. Этотъ третій, четвертый міръ, сокровенный, недосягаемый, непознаваемый, называется иногда «Святилищемъ Вселенной», «Сережиной, Центромъ всѣхъ Началъ». Иногда, посредствомъ чисто ведійской игры съ числами, каждый міръ опять подраздѣляется на три, и получается, вмѣсто двухъ, «шесть міровъ», тогда надо прибавить седьмой *). Въ этомъ-то сверхштатномъ, сокровенномъ мірѣ обитаетъ «Единое Нерожденное», такое же таинственное, непостижимое, но существованіе котораго *чувствуется, вѣрится*, хотя не видится; это,—говоря языкомъ ведійскихъ загадокъ,—единствен-

*) Такъ колесница Сурьи (Солнечной Дѣвы), какъ и колесница Ашвиновъ, имѣетъ три колеса: изъ нихъ два извѣстны брахманамъ, «но третье, сокрытое, извѣстно однимъ лишь глубоко вникающимъ» (см. стр. 405). А мистическій Міровой Быкъ, въ одномъ изъ многихъ гимновъ, относящихся къ жертвоприношенію съ мистической стороны (IV, 58, 2—3), имѣетъ двѣ головы, три ноги, четыре рога, семь рукъ, потому что онъ присутствуетъ во всѣхъ мірахъ: двухъ, трехъ, четырехъ, шести, съ прибавленіемъ, по обыкновенію, седьмого, сокровеннаго.

ный міръ, въ который онъ вступаетъ ногой; отсюда и названіе «Аджа Экападъ», «Одноногое Нерожденное». За приведеннымъ немного выше стихомъ: «Кто видѣлъ Перворожденнаго?» и пр. (I, 164, 6), слѣдуетъ еще вопросъ:

«Не зная, я иду спрашивать знающихъ, чтобы и мнѣ узнать, незнающему: тотъ, кто раздѣлилъ и укрѣпилъ шесть міровъ, въ образѣ Нерожденнаго, установилъ ли онъ и седьмой? Пусть на это отвѣтитъ тотъ, кому извѣстно сокровенное мѣстопробываніе прекрасной Птицы».

Признаніе въ собственномъ невѣдѣніи (а такіа признанія безпрестанно попадаютъ въ Риг-Ведѣ), такое простодушное, искреннее, даже трогательно. Они «пойдутъ спрашивать», но наврядъ ли надѣются получить отвѣтъ. Поэтъ, называющій Вишвакармана «Перворожденнымъ Вселенной», «нашимъ отцомъ, создателемъ, творцомъ» (см. стр. 290), кончаетъ благоговѣнно-печально: «Вы никогда не узрите Того, Кто все это породилъ. То, что среди васъ появляется—нѣчто иное. Окутанные мглой, лепеча непонятныя рѣчи, бродятъ пѣснопѣвцы». Оказывается, что эти праотцы величайшихъ мыслителей нашей расы, для которыхъ философское мышленіе было самымъ тонкимъ искусствомъ, главнымъ занятіемъ и цѣлью жизни, тогда уже постигли, что мудрецъ на нѣкоторые вопросы всего лучше отвѣтитъ молчаніемъ, и, въ своемъ неученомъ смиреніи, усвоили урокъ, всѣхъ труднѣе дающійся нашей высокоумной современной наукѣ, когда и она, — честная при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, — вынуждена склонить надменное чело, и гордыми устами про-

изнести слова, безконечно непріятныя ея самоувѣренности: «Не знаю».

Великій
космогони-
ческій
гимнъ X,
129.

8.—Въ своихъ усиліяхъ освѣтити мракъ того, что было до начала времени, «раньше земли, неба и боговъ-Асуровъ», первые мыслители додумались до представленія о первородномъ Хаосѣ, еще неоживотворенномъ первымъ проблескомъ Творческой Воли, но съ присущимъ уже осѣняющимъ Божественнымъ Началомъ, и представленіе это они, своимъ великимъ поэтическимъ даромъ, облекли въ такія слова, съ какими, по восторженному приговору Макса Мюллера, не сравнится никакому современному языку. Мы говоримъ о знаменитомъ «Космогоническомъ гимнѣ» X, 129, настоящемъ Упанишадѣ, содержащемъ болѣе чѣмъ въ зародышѣ суть позднѣйшихъ брахманскихъ философскихъ трактатовъ, получившихъ названіе Веданта-Упанишадовъ, т. е. «конечнаго завершенія или достигнутой цѣли Ведъ». Красота этого несравненнаго творенія состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что поднимаясь, — или погружаясь, — до послѣднихъ предѣловъ философской отвлеченности, оно все-таки никогда не бываетъ непонятно, — развѣ только для совершенно непосвященнаго въ такого рода умственныхъ упражненій.

«1. Тогда не существовало ничего, — ни воздушнаго пространства, ни сіяющаго небснаго полога тамъ вверху. Чѣмъ все было покрыто? Гдѣ все покоилось? Была ли то вода, глубокая бездна?

«2. Смерти не было тогда, ни безсмертія, не было разницы между днемъ и ночью *). То Единое дышало безды-

*) Т. е. «еще не было времени», такъ какъ время по-

ханно въ Самомъ Себѣ (*т. е. существовало, но не дѣлало никакой усилія, не проявляло себя*); и другого не было ничего.

«3. Въ началѣ была тьма во тьмѣ окутанная *); была одна необозримая вода. То Единое, носившееся въ пустомъ пространствѣ, облеченное въ ничто, проявилось силою тепла **).

«4. Впервые шевельнулось въ Немъ Вождегніе: то былъ первичный зародышъ духа, то, въ чемъ поэты, допыты-ваясь сердцемъ своимъ, признали звено между Небытіемъ и Бытіемъ ***).

знается только чередованіемъ дня и ночи. Поэтому, въ Кн. Бытія I, первымъ творческимъ актомъ является отдѣленіе свѣта отъ тьмы.

*) Сравнить Кн. Бытія I, 2.

**) *Tamasas*, — «тепломъ» или «черезъ тепло». Замѣчено крайне важное разногласіе въ этомъ текстѣ, въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ въ Таиттирія-Брахманѣ (комментаріи въ Яджур-Ведѣ); тамъ читается *tamasas*, — а это значитъ «изъ темноты, тьмы». Допускается возможность, что это могъ быть древнѣйшій текстъ.

***) «Вождегніе», желаніе проявить себя, первое движеніе сознательной воли, должно предшествовать дѣйствию. Употреблено тутъ слово *кама*. Оно же впоследствии стало означать «любовь» и сдѣлалось именемъ бога любви. Въ греческой мифологіи мы видимъ совершенно то же: и греческое «Эросъ», и латинское «Cupido» означаютъ буквально «желаніе». И, при свѣтѣ этого изумительнаго творенія ведійской мысли, главные черты космогоніи, заложенной въ знаменитомъ отрывкѣ Гезіодовой «Теогоніи», становятся совершенно ясными. Тамъ сказано: «Воспой священный родъ бессмертныхъ, происшедшихъ отъ Земли и звѣзднаго Неба, и пасмурной Ночи, которую породила соленая пучина». (Въ X, 190, — см. выше, — «водная пучина» рождена, напротивъ, отъ Ночи). «Первымъ произошелъ Хаосъ, затѣмъ широкогрудая Земля» (не напоминаетъ ли это санскритское названіе *притхиви*?)... «и Эросъ, прекраснѣйшій изъ бессмертныхъ»... Этотъ Эросъ — не кто иной, какъ Кама, — Вож-

«5. Лучъ свѣта, протянувшійся черезъ эти міры, откуда онъ—снизу или сверху? Тогда были посѣяны сѣмена и возстали мощныя силы, Природа внизу, Могущество и Воля вверху.

«6. Кто поистинѣ знаетъ? Кто здѣсь возвѣстилъ,—откуда произвелось сіе твореніе? Кто знаетъ, откуда оно произошло?

«Тотъ, отъ Кого произошло сіе твореніе, все равно создалъ ли Онъ его или нѣтъ, Всевидящій въ высшемъ небѣ, Тотъ знаетъ,—а можетъ-быть, и нѣтъ» *).

Неожиданность послѣднихъ словъ,—прямо ошеломляющая. Уныніе, безнадежность въ нихъ,—точно внезапный рѣзкій звукъ чрезмѣрно натянутой струны. Въ унылыхъ словахъ гимна какъ бы предчувствуется предстоящее затемнѣніе духовной жизни арійской Индіи вслѣдствіе измѣненныхъ бытовыхъ условій, въ особенности физически расслабляющаго климатическаго вліянія новой мѣстности. Жизнерадостное, нѣсколько задорное натуралистическое богопоклоненіе, нисколько не склонное къ разнымъ мудрствованіямъ, превратилось у первыхъ заселителей Седьмирѣчія въ то безплодное самоуглубленіе и самосозерцаніе, отнимающее охоту и силу дѣйствовать и способность просто наслаждаться жизнью, которымъ отличались и доселѣ отличаются жители береговъ Ганга. Они утратили способность находить отраду въ своей вѣрѣ. Правда, они не искали въ ней радости или счастья, а истины, и только истины. Итакъ, когда ихъ могучій разумъ привелъ ихъ къ признанію Единого, это не достателѣніе, Желаніе, о которомъ говоритъ санскритскій гимнъ, первое проявленіе творческой воли.

*) См. Максъ Мюллеръ, *Ancient Sanskrit Literature*, стр. 559—564.

вило имъ радости,—развѣ только холодную радость разума, сдѣлавшаго открытіе, пламя свѣтящее, но не согрѣвающее,—потому что искали они безъ любви. И нацѣли-то они не Единого, а Единое (средняго рода), далекое, безличное естество, стало-быть какъ бы не существующее вовсе. Да и не искали они счастья, и не далось оно имъ,—такъ не далось, что бытіе, со своей тяжелой ношей всякихъ страданій и невзгодъ, не облегченною ни вѣрой, ни надеждой, потеряло для нихъ всякую цѣну, сдѣлалось тягостью, избавившись отъ которой стало ихъ единственнымъ пламеннымъ желаніемъ. Но это—отступленіе, завлекающее насъ въ область уже далекую отъ Ведъ, которая, какъ выше замѣчено, лишь смутно предчувствуется въ нѣкоторыхъ частяхъ Риг-Веды.

9.—Вопросъ о единобожіи въ Риг-Ведѣ съ Единобожіе въ Риг-Ведѣ. самага начала служилъ поводомъ къ горячимъ спорамъ. Во-первыхъ, можно ли сказать, чтобы въ Риг-Ведѣ было что-нибудь похожее на единобожіе? Даже странно—задавать такой вопросъ въ виду такого явнаго многобожія! А между тѣмъ, понятіе о Единомъ Нерожденномъ, существовавшемъ внѣ времени и пространства, до котораго эти люди дошли неимовѣрнымъ усиленіемъ чистаго разума, подходитъ весьма близко къ единобожію, во всякомъ случаѣ, даже ихъ потомки, признанные за величайшихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ, ближе того къ нему не подходили. Приблизились, но не дошли,—какимъ образомъ, мы видѣли сейчасъ,—по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ

единобожіе *). Къ нашему понятію о Богѣ скорѣе еще приблизились древнѣйшіе индо-арійскіе поэты, когда они молились Варунѣ, карающему, но и *прощающему* грѣхи, когда они учили людей «страху передъ Тѣмъ, Который взвѣшиваетъ въ длани своей кости, прежде чѣмъ бросить ихъ», и увѣряли ихъ, что «гладокъ и безъ терній путь того, кто поступаетъ по закону» (I, 41),—когда мудрствованіе еще не притупило здоровое чутье, не задушило чувство. *Тогда* они почти были близко у цѣли, да какъ-то отклонились.

„Генотеизмъ“—Одн.
божіе.

10.—Есть еще одна черта, которая замѣчается во всемъ Риг-Ведѣ и, на первый взглядъ, какъ будто походитъ на стремленіе къ единобожію. Является она въ двухъ видахъ. Это, во-первыхъ, то, что мы столько разъ отмѣчали: обычай превозносить данное божество,—то, къ которому въ данную минуту вызываетъ молящійся,—надъ всѣми другими, и приписывать ему всѣ дѣйствія и отправленія, которыя въ другихъ гимнахъ специально присваиваются другимъ богамъ. Это то, что Максъ Мюллеръ называлъ, именемъ собственного изобрѣтенія, Генотеизмомъ,—«Однобожіемъ». Это значитъ поклѣненіе не *единому Богу*, а *какому-нибудь одному богу*. Эта особенность обыкновенно объясняется вѣжливостью молящагося, его желаніемъ подслужиться тому богу, къ которому онъ обращается и у котораго онъ испрашиваетъ какую-нибудь милость. Объясненіе отчасти вѣрное, но поверхностное.

*) Другое дѣло—иранцы: Ахура-Мазда, какимъ Зартуштра Его видѣлъ и слышалъ, и представилъ въ Авестѣ,—есть не какое-нибудь божество, а Самъ Богъ.

Тутъ дѣло совсѣмъ не въ одномъ этикетѣ, какъ видно изъ другой черты, свойственной поэтамъ Риг-Веды и исходящей, какъ покажетъ болѣе тщательное изученіе, изъ того же глубокаго источника: это—страсть ихъ одного бога смѣшивать съ другимъ, или съ нѣсколькими, а то и со всѣми вмѣстѣ. Многіе ученые видятъ въ этой перетасовкѣ одну ребяческую игру именами и понятіями, изъ которой не выходитъ ничего, кромѣ сбивчивости и путаницы. Но если всмотрѣться поближе, нельзя не убѣдиться, что умыселъ тутъ совсѣмъ другой. Въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, большую помощь окажетъ и много свѣта прольетъ простой, какъ будто механическій процессъ,—собиранія и сопоставленія всѣхъ текстовъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу. Легче всего поддается толкованію отождествленіе такихъ позднихъ отвлеченностей, какъ Праждапати, Вишвакарманъ, съ нѣкоторыми изъ старшихъ боговъ, каковы Вѣруна, Тваштаръ, Савитаръ и пр. Имена этихъ отвлеченныхъ божествъ, какъ давно указано, первоначально были просто эпитетами: «Все-творящій», «Владыка всѣхъ твореній», и т. п. Когда Вишвакармана называютъ «Перворожденнымъ, покоящимся на лонѣ Нерожденнаго» *), толкованіе представляется гораздо болѣе труднымъ, но все же возможно въ томъ же направленіи. Прежде чѣмъ

*) Смыслъ тотъ же, что въ гимнѣ X, 129, если слова не совсѣмъ тѣ: Перворожденный есть дѣятельное творческое начало, развившееся изъ Единнаго Нерожденнаго, непроявленнаго жизненнаго начала.

приняться за него, надо рассмотреть этого Первороденного еще под другим именем: Хираньягарбха, «Золотой Зародыш», или «Золотое Дитя», какъ Максъ Мюллеръ удачно назвалъ его въ своемъ переводѣ чуднаго гимна Х, 121, въ которомъ величіе и дѣла Творца, здѣсь называемаго Хираньягарбха, воспѣваются поэтическимъ языкомъ, который можно сравнить съ Книгой Іова. Замѣчательнъ припѣвъ къ каждому стиху, который вѣроятно подхватывался хоромъ. Поэтъ, поющій о славѣ Единого, останавливается въ недоумѣніи и спрашиваетъ: «кто тотъ богъ, кому мы принесемъ свою жертву?», т. е. «*который* изъ тѣхъ многихъ боговъ, которыми мы молимся, есть тотъ Единный, которому мы сегодня собрались жертвовать?» Вотъ весь гимнъ:

«1. Въ началѣ явилось Золотое Дитя. Это былъ единый отъ рожденія Вседержитель. Онъ установилъ землю и это небо.

«—Кто тотъ богъ, кому мы принесемъ свою жертву?

«2. Онъ даетъ дыханіе (т. е. жизнь), Онъ даетъ силу; передъ велѣніемъ Его всѣ боги преклоняются; безсмертіе есть тѣнь Его, и смерть—Его тѣнь.—Кто тотъ богъ, и пр.

«3. Своимъ величіемъ Онъ—единый царь надъ всѣмъ дышащимъ и проснувшимся міромъ; Онъ правитъ и людьми, и звѣрми.—Кто, и пр.

«4. Его величіе возвѣщаютъ Химава, *Самудра*, рѣка Раса; Имъ существуютъ міры сіи, словно Его двѣ руки.—Кто, и пр.

«5. Черезъ Него небо сіяетъ и земля твердо стоитъ; черезъ Него небо установлено,—даже самое наивысшее небо; Онъ измѣрилъ воздушное пространство.—Кто, и пр.

«6. Къ Нему, трепетнымъ духомъ, взираютъ обѣ вы-

строенныя на бой рати, въ надеждѣ на Его поддержку, тамъ, гдѣ свѣтитъ взошедшее солнце.—Кто, и пр.

«7. Когда вселенную наполняли могучія воды, содержащія Зародышъ и породившія Огонь, изъ нихъ возсталъ Онъ, въ Комъ одномъ жизнь боговъ.—Кто, и пр.

«8. Своей мощью Онъ обнялъ взоромъ воды, которыя породили силу и зажгли огонь для жертвоприношенія. Онъ одинъ богъ надъ всѣми богами.—Кто, и пр.

«9. Да не вредитъ Онъ намъ, Создатель сей земли, правящій по неизмѣннымъ уставамъ, сотворившій небо, сотворившій также свѣтлыя, могучія воды.—Кто, и пр.»

11.—Писавшіе Брахманы считали своимъ долгомъ отвѣчать на всѣ вопросы, заданные древними, несравненно болѣе вдохновенными Риши,—и часто приходитъ въ голову, что лучше бы они не старались. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, отвѣтъ получается недурной. Въ Шатапатха-Брахманѣ сказано: «*Кто* (т. е. невѣдомый богъ, котораго Риши искали) есть Праджапати: ему принесемъ свою жертву». И какой-то добросовѣстный богословъ поспѣшилъ составить изъ этого отвѣта стихъ, который онъ пристегнулъ къ чудной пѣснѣ, совершенно этимъ испортивъ впечатлѣніе: «О Праджапати, никто какъ ты совмѣстилъ всѣ эти творенія; да будетъ намъ даровано то, чего мы желали, взывая къ тебѣ; да будемъ мы обладателями богатствъ!» Такъ какъ названіе Праджапати, — «Владыка всѣхъ твореній», — дается, въ видѣ эпитета, многимъ великимъ богамъ въ роли творцовъ, то отвѣтъ этотъ до извѣстной степени удовлетворителенъ, — но въ самую глубь, все-таки, не проникаетъ. Мы дошли, наконецъ, до той точки, гдѣ насъ можетъ удовлетворить только полное разрѣшеніе испо-

Загадка
Риг-Веды.

линской загадки, именуемой Риг-Ведой; настало время поднять завѣсу съ самаго святилища и разоблачить настоящую суть того Единого, котораго мудрые пѣвцы раздробляютъ многими именами. Вѣдь къ этому, въ концѣ концовъ, сводится все это передергиваніе, все это переливаніе и сливаніе въ одно разныхъ божественныхъ личностей, вся эта игра, замѣняющая одни имена другими.

**Разрѣшеніе
загадки:
Огненное
кленство.**

12.—Если собрать, затѣмъ тщательно взвѣсить и сличить всѣ эти тексты, они насъ приведутъ къ заключенію, что есть одна божественная Сила, которая привлекаетъ и поглощаетъ всѣ прочія, въ родѣ того, какъ крупный шарикъ ртути поглощаетъ множество мелкихъ. И такъ же, какъ этотъ шарикъ, отъ малѣйшаго толчка, опять разбѣгается и раздробляется на множество мелкихъ, такъ и эта божественная личность, въ ту минуту, какъ мы, кажется, вотъ-вотъ постигли ее, мгновенно расплывается, и передъ нами опять сонмъ всевозможныхъ боговъ. Эта божественная личность есть не кто иной, какъ Агни, съ его тремя обителями и троякимъ воплощеніемъ: Солнце, Молнія, Огонь. Игра именами часто склоняется въ эту сторону, смутно, неопредѣленно; но вдругъ иногда у поэта сорвется такое слово, которое не оставляетъ мѣста сомнѣнію. Есть цѣлый длинный гимнъ (II, 1), въ которомъ пѣвецъ, перечисливъ всѣ разныя рожденія Агни,—отъ Водъ, отъ тучевой скалы, отъ деревьевъ, отъ травъ,—систематически, послѣдовательно выводитъ его тожде-

ство поочередно со всѣми богами. Агни, говоритъ онъ, есть Варуна, Митра, и всѣ прочіе Адитья; онъ же—Индра и Вишну, Тваштаръ и Рудра, и Маруты, Пушанъ и Савитаръ, и даже братья Рибхава, и другіе. Убѣдительноѣ, потому что короче и проще, стихъ 46 того длиннаго мистическаго гимна I, 64, изъ котораго уже было приведено нѣсколько поразительныхъ примѣровъ:

«Они зовутъ его Индра, Митра, Варуна, Агни; а то онъ же—небесная Птица о прекрасныхъ крыльяхъ. То, что Едино, мудрецы зовутъ разными именами; зовутъ его Агни, Яма, Матарिशванъ» *).

Или еще слѣдующій стихъ (уже приведенный): «Прекрасно-окрыленнаго мудрые пѣвцы, хотя и Единого, раздробляютъ многими именами». Кругъ все суживается. Далѣе мы читаемъ: «О Агни, много даютъ тебѣ именъ, о богъ, безсмертный владыка!» Наконецъ, кругъ смыкается заявленіемъ: «Агни всть—всѣ боги». Конечъ поискамъ. Ключъ найденъ.

*) Гиллебрандтъ называетъ этотъ гимнъ *Rätselhymnus*, — «гимнъ загадокъ». Многія части гимна до сихъ поръ еще не уяснены; но онъ становится удобопонятнѣе по мѣрѣ того, какъ растетъ общее пониманіе Риг-Веды, его духа и формъ. Нѣкоторыя загадки очень остроумны и въ то же время легко разгадываются,—какъ, напр., описаніе Года въ видѣ «колеса Риты о двѣнадцати спицахъ, которое несется кругомъ неба, и никогда-то ни ось не нагрѣвается, ни дерево не гниетъ, а 720 братьевъ-близнецовъ по немъ вьбираются» (360 дней и столько же ночей). Очень трудны загадки съ необходимыми коровой да тельцомъ, потому что эти символическія животныя до того избиты, что ихъ можно принять за что угодно: ко всему подойдуть.

Оказывается, что арийцы, какими они изображены въ Риг-Ведѣ, были — огнепоклонниками *).

Это ясно даже изъ того ограниченнаго числа гимновъ и отдѣльныхъ стиховъ, правда тщательно подобранныхъ, которые могли быть приведены въ настоящемъ томѣ.

Общій обзоръ
продолженъ
въ следующемъ
томѣ.

13.—Изъ этихъ текстовъ давно должно было выясниться до очевидности, что весь натурализмъ Риг-Веды, все изображенное въ немъ міровоззрѣніе, вращается вокругъ двухъ разрядовъ явленій: Свѣта (тепло включается, хотя не упоминается до поздняго времени), и Влаги, воплощенныхъ въ Агни и Сомѣ. Настоящее естество Агни остается непонятнымъ, если упорно ограничить его понятіемъ объ Огнѣ; Огонь — лишь одно проявленіе его, и далеко не наиболѣе божественное. Агни есть Свѣтъ, — свѣтъ, наполняющій все пространство, высшая обитель котораго тотъ таинственный предвѣчный міръ превыше небесъ, внѣ самаго пространства, гдѣ находятся сокровенные все-источники, — Святилище, центръ вселенной, гдѣ сами День и Ночь, несхожіе, вѣчно разлученные близнецы, на мигъ сходятся и цѣлуются (I, 185, 5). Изъ этого наивысшаго міра Агни нисходитъ и «рождается», или его «находятъ», — на небѣ Солнцемъ,

*) Вѣроятно, индо-иранцы тоже. Но отнюдь ни Заратустра, ни его послѣдователи, которыхъ до сихъ поръ ложно такъ называютъ. Самая суть его реформы состояла въ превращеніи культа Огня и Сомы (Атара и Хаомы) въ символическій обрядъ.

въ поднебесьѣ — Молніей, на землѣ — Огнемъ. Это — его три проявленія, видимыя для людей. Но незримо онъ пребываетъ, сокрытый, рѣшительно во всемъ: въ растеніяхъ,—иначе какъ бы его можно изъ нихъ добывать? въ Водахъ,—ибо молнія сверкаетъ изъ небеснаго океана, и дождемъ онъ нисходитъ въ землю, оттуда поднимается въ травы и деревья, въ видѣ ихъ жизненнаго сока, и остается въ нихъ скрытымъ, пока не будетъ оттуда вызванъ, намѣренно или случайно; въ животныхъ и людяхъ,—ибо чѣмъ, какъ не его божественнымъ присутствіемъ, объясняется теплота ихъ тѣлъ? а теплота эта есть сама жизнь, такъ какъ стоитъ ей покинуть тѣло, покидаетъ его и жизнь. Самъ Сомъ—тотъ же Агни въ жидкомъ видѣ, сокрытое жизненное начало, которое влагу, распредѣленную во всей природѣ, обращаетъ въ *амриту*, напитокъ безсмертія, дающій ей вѣчную силу и юность. Что же касается земного сомы, опьяняющаго жертвеннаго напитка, божественное присутствіе Агни въ немъ проявляется тройко: пламенемъ, которое онъ изъ себя возжигаетъ и питаетъ,—жаромъ, который онъ распространяетъ по жиламъ вкушившихъ его,—подъемомъ духа, горячей восторженностью, даже вдохновеніемъ, которые овладѣваютъ людьми и порождаютъ въ нихъ чувство непосредственнаго общенія съ богомъ, сознаніе, что богъ сошелъ въ нихъ, и сдѣлалъ ихъ самихъ богоподобными. Испивая Сому, вѣрующій на самомъ дѣлѣ принимаетъ въ себя Агни, ибо эти двое составляютъ Одно. Онъ,

Сома, изъ своей блестящей чаши, Луны, поить землю и растенія прохладительной росой; но въ ростѣ.—подобно, какъ и въ дождѣ, въ облакахъ,—нисходитъ все же самъ Агни, ибо онъ же—сынъ Водъ. Такъ древніе арійцы не только опередили первыя греческія философскія школы, составивъ теорію мірозданія, но превзошли ихъ мудростью: тогда какъ у грековъ одни считали Воду начальной, основной стихіей, а другіе—Огонь, ведійскіе арійцы, какою-то силою чутя, за много вѣковъ до нихъ, отгадали, что только въ сочетаніи обоихъ,—Тепла и Влагі,—всемірное жизненное начало.

Такъ такъ всѣ Дэвы состоятъ въ связи со свѣтомъ, молніей, огнемъ или дождемъ, то ясно, что, съ только что указанной точки зрѣнія, можно прійти къ безошибочному выводу, что Дэвы, какъ это разоблачило уже столько мыслителей самого ведійскаго періода, были лишь носителями разныхъ *именъ*, за которыми не скрывается никакая суть или личность; Максъ Мюллеръ сдѣлалъ въ свое время своего рода откровеніе, — указавъ, что за божествомъ (*nimen*) скрывается имя (*nomēn*); тогда во всѣхъ богахъ мы увидимъ лишь лица, ипостаси одного Агни,—*«personae»* его, въ первоначальномъ, буквальныймъ значеніи этого латинскаго слова, а именно—*маски* *). Неудивительно если болѣе зрѣлый умъ ственно вѣкъ всѣхъ ихъ соединилъ подъ руб-

*) См. Максъ Мюллеръ, «Біографія Словъ» III, *Persona*. Римскіе актеры надѣвали маски съ акустическимъ приспособленіемъ, чтобы *звукъ* (*sonus*) ихъ голоса усиливался, проходя

рику мая, — «обманъ, иллюзія», и сталъ искать за ними Единое, дѣйствительно существующее. Только, когда настала эта пора, вѣкъ натурализма миновалъ, и это Единое уже было не Агни.

14.—Источникъ мистицизма Риг-Веды нужно искать: 1) въ связи между Агни,—подъ маской Брихаспати или Брахманаспати съ двумя главными моментами богочитанія: молитвой и жертвоприношеніемъ; 2) въ вѣрѣ въ наивысшій, сокровенный міръ, источникъ свѣта, обитель самого божественнаго Начала; 3) въ мнимомъ родствѣ людского рода съ Агни, вслѣдствіе котораго тотъ высшій міръ есть «неотъемлемая» родина людей (X, 14), куда они возвращаются, когда они покидаютъ землю «стезей смерти», пройденной до нихъ древними отцами, съ которыми они соединятся въ Обители Свѣта. Кому же пристойнѣе проводить ихъ туда «легчайшими путями», какъ не самому Агни въ его огненной ипостаси, *хотару* и посланцу боговъ? *) Этимъ вполне объясняется введеніе обряда сожженія тѣлъ вмѣсто погребенія **). *черезъ (per)* него; отсюда *per-sona*, «маска»; естественнымъ переходомъ, это слово стало означать видъ человѣка, роль, которую онъ играетъ, принимаемая имъ на себя личность. Поэтому разныя «лица», — *personae*, — какого-нибудь божества означаютъ виды, которыя оно принимаетъ, подъ которыми оно себя проявляетъ, облекаетъ свое безплотное естество, чтобы сдѣлать его нагляднымъ, доступнымъ человѣческому пониманію.

*) ...«Перожденную часть этого человѣка унеси въ обитель праведныхъ; ...Отдай, Агни, Отцамъ того, котораго съ приношеніями вѣряемъ тебѣ...» X, 14.

**) Что это дѣйствительно такъ было, доказывается за-

Конечные
выводы.

При переходѣ отъ религіознаго мистицизма къ философскимъ умозрѣніямъ нисколько не пострадала теорія о соединеніи Свѣта-Тепла съ Влагою («Воды»), какъ главнаго фактора въ сотвореніи и сохраненіи міра,—или міровъ: Перворожденный, «первый зародышъ, содержащій въ себѣ всѣхъ боговъ» (Силы природы), «покоившійся на лонѣ Нерожденнаго», воспринимается Водами (X, 82, 5—6), и «тепло» (*manas*) пробуждаетъ въ немъ животворящее первотворческое вождельніе (*кама*).

Итакъ, Агни,—Свѣтъ-Тепло,—есть то божественное, предвѣчное, самосущее Единное, которое, проявившись, наполняетъ собою всѣ міры, обитаетъ во всемъ существующемъ и все существующее въ себѣ содержитъ.

Въ такомъ-то смыслѣ индо-арійцы были огнепоклонниками. Такъ-то они, долго проблуждавъ, проискавъ единаго Бога, въ концѣ концовъ, все-таки, прошли мимо и нашли не Монотеизмъ, а—Пантеизмъ.

Такъ-то совершился переходъ отъ чистаго натуралистическаго богопоклоненія къ трансцендентальному, метафизическому мистицизму Брахманизма: совершился постепенно, гладко, безъ толчковъ и сотрясеній, уже въ предѣлахъ самого Риг-Веды.



мѣткой въ Антарей-Брахманѣ о томъ, «что въ прежнее время», при жертвоприношеніяхъ, жертвенный стоабъ (*юпа*), къ которому жертва была привязана, бросался за нею въ огонь, потому что онъ изображалъ жертвователя, который такимъ образомъ «посылался къ богамъ».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Аватары*, воплощенія Вишну; третье, въ видѣ черепахи (*курма*), 204—207; шестое, въ видѣ богатыря Парашу-Рама, истребителя Кшатріевъ, 304—306; первое, въ видѣ Рыбы (*Матсія*), въ сказаніи о Потопѣ, 368—381.
- Агни (Огонь) 168—182;—земной, 168—170;—жертвенный, священнослужитель (*хотарь*), и домашній, другъ людей, посредникъ между ними и богами, 170—172; его рожденіе, 172—174;—небесный, въ видѣ солнца, Сурья, 174;—«Сынъ Водъ» (Апамъ Напатъ), 175; въ дождь, 176; какъ «найденъ» или добытъ, 177—180; его родство съ родомъ людскимъ, 180;—Погребальный, 181—182;—«есть всѣ боги»; поклоненіе ему—последнее слово Риг-Веды, 475 и слѣд. до конца.
- Агни-Пурана, о Потопѣ, 368; 378.
- Аджа Экападъ, см. «Единое Нерожденное».
- Аджи-Дахака, иранскій мифическій змѣй, 338.
- Адити (Безконечность), 164—167.
- Адитя, сыновья Адити, обыкновенно семеро, 167—168.
- Аитаря-Брѣхмана (сказаніе о Шунашепахъ), 450.
- Аксинось, греческое имя рѣки Асикни, нынѣ Ченавъ.
- Амрита*, напитокъ безсмертія, 191; пахтается Дэвами и Асурами, 204—207.
- Ананта, змѣй, «Безконечный», символъ вѣчности, 377.
- Ангирасы, полубожественный жрецскій родъ, 179; 281; 398.
- Анимизмъ въ Риг-Ведѣ, 142.
- Антирикша, атмосфера, поднебесье, 156; 208; 210.

Антропоморфизмъ, 215.

Анѹ, одно изъ славныхъ «Пяти Племенъ», 354.

Апамъ-Напатъ («Сынъ—вѣрнѣ Внуку—Водъ»), одно изъ прозвищъ Агни, 175.

Апасъ (Воды), 175; 291—293.

Апсары, «водяныя дѣвы», 206.

Арани, деревяжки для растиранія огня (рожденіе Агни), 173.

Араньяка («Лѣсныя Думы»), приложеніе къ Брахманамъ, 132.

Араньяни, олицетворенная Дубрава, 299—300.

Ариакъ, змѣиный богъ арийцевъ, 323.

Арийцы, до-историческіе; ихъ быть до раздѣленія, 61—65; ихъ единственные памятники—слова, 65, 69—81; ихъ первородина спорная, 81—83;—въ Пенджабѣ, 118—120; ихъ борьба противъ туземцевъ, *дасью*, 121—122;—и *дасью* 309 и слѣд.;—одерживаютъ побѣду въ войнѣ Десяти Царей, у рѣки Пурушни, и окончательно утверждаютъ свое владычество, 365—367; ихъ культура, 382—416.

Арияварта, нынѣшній Индостанъ, 367.

Арьяманъ, Адитя (сынъ Адити), 167.

Асиени, у грековъ Акесиность, нынѣ Ченавъ, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.

Ассамъ, не включенъ въ настоящую книгу, 2; отличается наибольшими въ мірѣ дождевыми осадками, 14; родина чая, 42, прим.

Асуры, первоначально—«божества», добрые духи; впоследствии—«бѣсы», злые духи, 148—149; съ Дѣвами пах-таютъ Амриту, 204—207.

Атманъ, «Міровая Душа», 460 и слѣд.

Атмосферическая Драма, см. Грозовой Мнѣзъ.

Атхарва-Веда, четвертый Веда, 126—128;—о сѣвѣ жизни, 396—397.

Атхарванъ, «добыль Агни», 179.

Атхарваны, жрецы, блюстители огня при жертвоприношеніяхъ, 179.

Афраславъ, царь-змѣй въ иранскомъ эпосѣ, 340.

- Ахи, тучевой Змѣй, 212.
 Ашвалаяна, авторъ сборника «домашнихъ законовъ», 387
 и слѣд.
Ашвамедха, жертвоприношеніе съ закланіемъ коня, 441—446.
Ашватха или *Пиппала* (*Ficus Religiosa*), священное
 дерево; описаніе, 36—37.
 Ашвины, небесные близнецы, 250—256; кто они? 251—252;
 — чудотворцы благотворители, 255—256; мнѣ о ихъ
 рожденіи, 276—280.
 Ашока, царь; его надписи, 66.

Б.

- Бамбукъ, 38.
 Бананъ, 38.
 Баньянъ (*Ficus Indica*); описаніе, 32—36.
 Бергъ, А. специалистъ по изученію Риг-Веды, французъ,
 190, примѣч. и пр.
 Биясь, см. Гипасисъ и пр.
 Богини, 291—300.
 Бракъ и свадебные обряды, 402—408.
 Брахма, среднего рода, сокровенное божественное начало
 вселенной, 288; — мужского рода, первое лицо брахман-
 ской троицы, 288.
 Брахмаварта, самая священная, по брахманскому закону,
 земля, 367.
 Брахманаспати, Владыка молитвы, 270; 287.
 Брахманы, высшая каста; ея происхожденіе, 124—125; 301;
 ихъ непомѣрная власть и притязанія, 302—304; ихъ
 борьба съ кшатріями (военной кастой), 204—206.
 Брахманы, комментаріи къ Ведамъ, 130—132.
 Брахмапутра, рѣка, 10.
 Бриту, священное племя, первое получило огонь (Агни),
 178, 398.
 Брихаспати, «Владыка Молитвы», 281, 287.
 Бхага, Адитья (сынъ Адити), славянское божъ, 167.
 Бхагавата-пурана, 368; о Потопѣ, 377—378.
 Бхараты, сильнѣйшее изъ туземныхъ племенъ, 349 и слѣд.
 Бхоланское Ущелье, 6.

В.

Ваджасаней-Самхита или «Бѣлый Яджур», часть Яджур-Веды, 126.

Вайшнѣ, древній Риши; его покаянные гимны Варунѣ, 159—160;—и Вишвамित्रа, консерваторъ и либераль; ихъ вражда и дѣятельность, 349—353.

Ваишванара (всенародный), одно изъ прозвищъ Агни, 171.

Вайшья, третья каста, Рабочій Людь, 301, 303.

Валл, злой пещерный сторожъ, бѣсъ, 283.

Варна («цвѣтъ»); санскритское названіе кастъ, 309.

Вѣруна (Небо) царь, создатель, богъ, 151 и слѣд.; гимны, посвященные ему, 156—157;—блюститель Риты, т. е. мірового порядка и нравственного закона, 158; каратель и отпущатель грѣховъ, 159—161;—и Митра 161—162; его повзвѣтѣвшее превращеніе, 162—163;—Адитя (сынъ Адити), 167, его соперничество съ Индрою, 220—222; примиреніе, 223—224.

Васудѣва, одно изъ тысячи именъ Вишну, 376.

Васуки, Змѣиный Царь, тоже Шешъ или Шешна, 206; 338.

Вата или Ваю, богъ, Вѣтеръ, 202—203.

Вачъ, обоготворенная Рѣчь, 296—299.

Веданги, шесть вспомогательныхъ рубрикъ для изученія Веды, 135—136.

Веданта-Упанишады, брахманскіе философскіе трактаты, 466.

Веды, значеніе слова; священныя книги Индіи, 105; 122—130.

Виванхвантъ, иранская форма Вивасвата, 197.

Вивасватъ, у иранцевъ Виванхвантъ, древній арійскій богъ, отецъ Ямы, 197—198; 276;—отецъ Ашвиниковъ, 278.

«Викрама и Урваси», или «Витязь и Дѣва», драма Калидасы, 97—98.

Викрамадितя, индійскій царь, при дворѣ котораго, въ Удджаниѣ, жилъ и писалъ Калидаса, 95.

Виндишманъ, нѣмецкій оріенталистъ, о приготовленіи священнаго напитка, сомы, въ Индіи, 188.

Виндійскія Горы, отдѣляютъ Индостанъ отъ Декхана, 3; ихъ характеристики и высота, 22—24.

Випаса, одна из рѣкъ Пенджаба; см. Гипасисъ и пр. 116.
Випасисъ, см. Гипасисъ.

Витаста, у грековъ Гидаспа нынѣ Джелумъ, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.

Вишанинъ (послѣдователи Вишну), союзники Тритсу, 359.
Вишвакарманъ, прозвище многихъ боговъ; впоследствии отдельное божество, 289.

Вишвамитра, святой Риши, либераль и государственный человѣкъ; его распря съ Вазиштой, 349—353; сказаніе о—и Шунашепхъ, 449—453.

Вишварупа («принимающій всѣ виды»), прозвище многихъ боговъ, 268.

Вишну, богъ, совѣтникъ боговъ; его третій аватаръ, Черепахой, 204—207; 262—264; его шестой аватаръ, Парашу Рама, 204—306; его первый *аватаръ*, въ видѣ Рыбы, въ сказаніи о Потопѣ, 368—381.

Виакрана (грамматика), одна изъ шести рубрикъ «Веданга», 135.

Віасъ, см. Гипасисъ и пр.

Война «Десяти Царей», 350; 358 и слѣд.

Вритра, тучевое чудовище, 212.

Вритраханъ, почетный титулъ Индры, 217.

Г.

Гангъ, въ древности и у современныхъ индусовъ Ганга, рѣка, 10, и во всей книгѣ.

Гандхары, племя, населявшее нынѣшній Кабулъ, 357.

Гаргаръ, см. Сарасвати.

Гаты, горы, Восточные и Западные, 24—26.

Гаятри, самый священный гимнъ въ Риг-Ведѣ, 264; 347.

Генотеизмъ («Однобожіе») въ Риг-Ведѣ, 470 и слѣд.

Гидаспа, греческое названіе рѣки Витаста, нынѣ Джелумъ, 116.

Гидратъ, греческое названіе рѣки Иравати или Парушни, нынѣ Рави или Ироты, 116.

Гиллебрандтъ, нѣмецкій ученый, послѣдователь Риг-Веды, 192, прим. и пр.

Гималаи, общее описаніе, 3—11; его метеорологическое вліяніе на Индію, 11—18; его средняя вышина, 22.

- Гипасисъ, или Гипанисъ, или Виясъ, или Биясъ, или Виписъ, греческія названія рѣки Винаса, 116.
 Го, корень, 211.
 Голодовки въ Индіи, 14—22.
 Гонды, дравидійское племя въ современной Индіи, 326.
 Гриммъ, Яковъ, филологъ, 68.
 Грихия-Сутры, сборникъ правилъ для руководства въ жизни, 102;—Ашвалаыны, 387.
 Гроза—атмосферическая битва, 211, 214 и слѣд.
 Грозовой Мизъ, 208—231.
 Гумбольдтъ, Вильгельмъ фонъ, филологъ, санскритистъ, 99.
 Гуру, духовные наставники, 306; ихъ вліяніе на народъ, 346—348.

Ц.

- Дантя, родъ демоновъ великановъ, 377.
 Дакшина, щедрость, отвлеченное божество, 290; подаваніе жрецамъ, 418—422.
 Данастути, «пѣсни о подаваніяхъ», 419.
 Дасью, первоначально — туземцы Пенджаба, 121 — 122, 309—316, и пр.
 «Дважды-рожденные касты» (*двигджа*), 306.
 Декханъ, южная половина Индіи, 3.
 Деводаръ (*дэва-дару*, «божье дерево») хвойное дерево, 30—32.
 Джанардана, одно изъ тысячи именъ Вишну, 376.
 Джелумъ, древняя Витаста у гробовъ Гедаспа, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.
 Джемшидъ, иранскій витязь, 340.
 Джютима (астрономія), одна изъ шести рубрикъ «Ведангъ», 135.
 Джонсъ, сэръ Уильямъ, одинъ изъ первыхъ санскритистовъ, 67; основатель «Бенгальскаго Общества изученія Азии» (*Bengal Asiatic Society*), 90; изучаетъ индійскіе законы и переводитъ «Уложеніе Ману», 91; открываетъ индійскую драму и переводитъ «Шакунтала», 92.
 Джумна, см. Ямуна.
 Диводаса, царь племени Тритсу, 354.
 Дождевые осадки въ разныхъ частяхъ Индіи, 11—17.

Дравиды, одна изъ двухъ главныхъ туземныхъ расъ,
321—328; ихъ сношенія съ Халдеей, 334—337; туранцы,
337—340.

Драма, индійская, 92—98.

Джавалагиря, второй по вышинѣ хребетъ Гималая, 4 (прим.).

Дхарма-Сутры } древніе сборники узаконеній, 102.
и
Дхарма-Шастры }

Дюпле (Dupleix), директоръ за французскую ость-индскую
компанію, побѣжденъ лордомъ Клейвомъ, 87.

Дьяусъ и Притхиви (Небо и Земля), первородная божествен-
ная чета, все-родители, 147.

Дьяусъ, Дьяушпитаръ, древнѣйшій аріійскій богъ, у раз-
ныхъ аріійскихъ народовъ, 148.

Е.

Единобожіе, въ Риг-Ведѣ, 143; 469 и слѣд.

«Единокъ Нерожденное» (*Аджа Экападъ*), Предвѣчное На-
чало, 463—465.

Ж.

Жертвоприношеніе, 418; его значеніе и сила, 422—441;
разные виды, 441—449; кровавое, отмѣняется (легенды),
449—453;—тоже чародѣйство, 424; ритуальъ его—подра-
жаніе небеснымъ и атмосферическимъ явленіямъ,
425—431; его понудительная сила надъ природой,
431—434;—на небѣ, 434—441.

Жертвы, Человѣческія, у Дравидовъ, 325—328; у аріійцевъ,
446—453.

Жрецы, ихъ роль въ аріійской пропагандѣ и завоеваніяхъ,
345 и слѣд.; ихъ алчность, 418—422; на чемъ основыва-
лись ихъ притязанія, 422 и слѣд.

З.

Загадка Риг-Веды и ея разрѣшеніе, 473 и слѣд.

Заговоры и заклинанія, 408—409.

Загробная жизнь, 395—397.

Зададра, греческое названіе рѣки Шутудри или Шатадру,
нынѣ Сетлѣджъ, 116.

Заря, Утренняя и Вечерняя, 232—234.

Засуха и бѣсы Засухи, 212—213.

Змѣпоклонники (*Шичина-дэзы*), 322—323.

Змѣпоклонство, у Дравидовъ, 321; у арийцевъ, 323.

Змѣи, 49—51.

Змѣйныя празднества въ современной Индіи, 323—324.

И.

Игра и шуллерство, 411—413.

Инд, корень, 214, прим.

Индія—общій взглядъ и размѣры, 1—3; ея значеніе въ арийскомъ мірѣ, 112.

Индо-иранскій періодъ, 112—113.

Индостанъ, сѣверная половина Индіи, 3.

Индра, богъ; Молніеносецъ и Грозовикъ, 208, 211 и слѣд.; — богъ-вонитель, 214 и слѣд.; любитель сомы, 216;—богъ войны, 217;—благотворитель, 218 и слѣд.; его соперничество съ Варуной, 220—222; ихъ примиреніе, 223—224; его бурное дѣтство и юность, 222—223; его ссора съ Марутами, 230—231; его отношенія къ Сурьѣ—Солнцу, 239—240; къ Ушасъ, 240—241;—сынъ Тваштара, 274—276; — въ мнѣіи о Сарамъ и Пани, 280—283.

Инду-Кушъ, горная цѣпь, оплотъ Индіи на крайнемъ сѣверо-западѣ; ея ущелья, 4.

Индъ, рѣка, 10; и во всей книгѣ. См. также Синдъ.

Иравати, въ Ведахъ Парушни, у грековъ Гидратъ, нынѣ Рави или Ироти, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.

Ироти, см. Рави.

Историческій элементъ въ Риг-Ведѣ, 331—334.

Итихасы, легендарныя эпопеи, 101.

К.

Кавуль, родина племени Гандхаровъ, 357.

Калидаса, первый индійскій драматургъ, 95.

Калпа (обрядность), одна изъ шести рубрикъ «Ведангъ», 135.

Кама, индійскій Купидонъ или Эросъ, 99.

Канды, дравидійское племя въ современной Индіи, 326.

Касты 301—307; создаются изъ тѣла первороднаго великана, Пуруши, 307.

Климатъ, 43—44.

Клэйвъ, лордъ, намѣстникъ остъ-индской компаніи, 87.

Колары, одна изъ двухъ главныхъ туземныхъ расъ,
316—321.

Кольбрукъ, санскритистъ 67; его труды, 107—108.

Корни, въ языковѣдѣніи, 70.

Корова, ея великое значеніе въ быту древнѣйшихъ аріи-
цевъ, 73; ея святость, 209—210; облачная 210—211.

Космогонія, въ Риг-Ведѣ, 454—468.

Кубера, богъ богатства, обитаетъ въ Гималаѣ, 10.

Культура аріицевъ, изображаемая въ Риг-Ведѣ, 382—416.

Куль, А., ученый мнѣологъ, 192, прим.

Курамское Ущелье, 6.

Курма, Черепаха, третій *аватаръ* Вишну, 204—207.

Курр, повднѣйшее имя племени Пуру, 366.

Кутса или Пуррукутса, царь племени Пуру, 354.

Кшатри или Раджаны, вторая каста, воинство, 301, 302;
ихъ борьба съ брахманами, 204—206.

Л.

Лакшми, богиня красоты, 206.

Ланка, островъ (Цейлонъ); его завоеваніе аріицами,
327—328.

Литература, санскритская; краткій обзоръ, 101 и слѣд.; ве-
дическая, 130—140.

Лѣкарство и разные промыслы, 415—417.

Лѣсныя и растительныя богатства Индіи, 30—42.

Лѣсонствленіе въ Индіи, 26—30.

Львы, 47.

М.

Мальва, индійская область, въ главномъ городѣ которой
Уджанинъ, жилъ Калидаса, 95.

«Манава-Дхарма-Шастра»—«Уложеніе Ману», 102.

Мандала, отдѣлы сборника Риг-Веды, 124.

Мантра, значеніе слова, 123; 125; и пр., и пр.

Ману, «Уложеніе»—67; переведено сэромъ Уильямомъ Джон-
сомъ, 91;—братъ Ямы, прародитель человечества, 201;
герой индійской легенды о потопахъ, 340; 369—381.

Маньюсь, Гитъвъ, отвлеченное божество, 290.

Марудвриджа, въ послѣдствіи Чандравхага, у грековъ Сандро-
фагъ, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.

- МАРУТЫ**, Буйные Вѣтры, товарищи Гротовика Индры, 208, 214—215; 229—230; ихъ распря съ Индрой, 230—231.
- МАТАРИШВАНЪ** (Молнія), «принесъ Агни съ неба», 178.
- МАТСІА-ПУРАНА** («Рыбная»), 368; о Потопѣ, 375—377.
- МАХАВХАРАТА**, эпическая поэма, 67; 100; о Потопѣ, 371—375.
- МИНЕРАЛЬНОЕ** богатство, 54—56.
- МИТРА** (Свѣтъ) и **ВАРУНА**, 161—162;—**АДЕТЬЯ** (сынъ Адити), 167.
- МИЕНЧЕСКІЙ** образъ рачи; куда заводитъ, 234—236.
- МИНЫ**, натуралистическіе; ихъ превращеніе въ мистическіе, 284—291.
- МЛЕКХИ**, варвары, обитатели Декхана до арійскаго завоеванія, 367.
- МИНОВОЖІЕ** въ Риг-Ведѣ, 142.
- МИРТЬЮ** «Смерть», 384.
- Musa Sapientum**, см. **БАНАНЪ**.
- МУССОНЫ**, 13.

Н.

- НАГИ**, мудрый земный народъ, 323.
- НАСЪКОМЫ**, 51—54.
- НАТУРАЛИЗМЪ** (обогащеніе силъ природы), главная черта Риг-Веды, 144—146.
- НАУБАНДХАНА**, мѣсто «привязи корабля» въ сказаніи о Потопѣ, 373.
- НИРУКТА** (этимологія и пр.), одна изъ шести рубрикъ «Ведангъ», 135.

О.

- ОГНЕПОКЛОНСТВО**—последнее слово Риг-Веды, 474 и слѣд.
- ОДНОВОЖІЕ**, см. **ГЕНОТЕИЗМЪ**.
- ОСТЬ-ИНДСКАЯ КОМПАНИЯ**, англійская, 84; португальская, 85; французская, 86—88.

П.

- ПАЛМЫ**, 39.
- ПАНИ** (разбойники) и **СІРАМА**, мифъ о—, 280—283; натуралистическое объясненіе мифа, 283—285; мистическое, 285—288.
- ПАНИНИ**, авторъ колоссальной санскритской грамматики, 140.
- ПАНТЕИЗМЪ** въ Риг-Ведѣ, 142—143.

Панчананда («Пятиръчье»), древнее имя Пенджаба; также имя рѣки, образуемой изъ стеченія пяти рѣкъ Пенджаба, 114.

Парашу-Рама, богатырь, шестой *аватаръ* Вишну, 304—306.

Парвата, значеніе слова, 212.

Парджанья, Гротовая Туча и богъ, 224—225.

Парсу и Притху, см. Притху и Парсу.

Патала, нынѣ Хайдеерабадъ, древній дравидійскій городъ въ дельтѣ Инда, 337.

Пенджабъ (въ глубокую древность Панчананда, т. е. «Пятиръчье» и Сапта-Синдхава, т. е. «Седмиръчье»), первая индійская область, заселенная аріицами, 113—118.

Перунъ, Перконсъ, Перкунасъ, 224, прим.

Пивангъ, см. Бананъ.

Пинда, поминальный блинъ или лепешка, 398.

Пинда-пистри-яджна, см. Поминки.

Пипала, см. *Ашватха*.

Питри («Отцы»),—души предковъ; ихъ чествованіе, 397 и слѣд.

Погребальный обрядъ въ Риг-Ведѣ, 382—395.

Поминки по усопшимъ (*пинда-пистри-яджна*), 400—402.

Потопъ, индійская легенда, 340; въ индійской литературѣ 368—381; слѣды легенды въ фольклорѣ, 380—381.

Позвѣя, индійская; ея характеръ, 100—101.

Праджанати «Владыка тварей», прозвище многихъ боговъ, 268, 289.

Притхиви, Земля, 147.

Притху и Парсу (паряне и персы), союзники Тритсу, 360.

Прии, корень, 228.

Пришни, Тучевая Корова, мать Марутовъ, 228.

Пураны, многочисленныя былинны; ихъ содержаніе и число, 102—103.

Пурухита, фамильный или племенной пастырь или духовникъ.

Пуру, дравидійское племя, союзное племеніи Тритсу, 354.

Пурукутса, см. Кутса.

Пурукутса, дочь царя Пуру, Пурукутсы, 366.

Пуруша, первородный великанъ, Человѣчество, 307, 460.

Пурушамэда, жертвоприношение съ закланіемъ одного или нѣсколькихъ человекъ, 446—453.

Пуруша-Сукта, гимнъ о созданіи нѣстъ и вселенной изъ тѣла Пуруши, 307, 460.

Пуруши, вполнѣдствіи Иравати, у грековъ Гидратъ, нынѣ Рави или Ироты, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116; битва «Десяти Царей» у рѣки—362—366.

Пушанъ, свѣтовое, сельское божество, 256—258; 391.

Р.

Рави или Ироты, въ Ведахъ Парушни вполнѣдствіи Иравати, у грековъ Гидратъ, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.

Раджанья, см. Кшатрия.

Ракшасы, великаны-колдуны и людоеды, 327.

«Рамаяна», эпическая поэма, 99; 327—328.

Рахита, царскій сынъ въ легендѣ о Шунашенхѣ, 450 и слѣд.

Ривхава, братья, ученики Тваштара, 270; толкованіе мнѣя о нихъ, 273—274.

Риг-Веда-Самхита, обыкновенно просто Риг-Веда, главная изъ четырехъ Ведъ, 122—125; установленіе текста, 128—130; общія характеристики, 141—146; происхожденіе, 146.

Рита, міровой порядокъ и нравственный законъ, 158.

Риши, святыя жрецы-поэты, 122, 124.

Рудра, громовержецъ, отецъ Марутовъ, 228—229.

С.

Савитаръ, богъ «Златоносный», 264—267; его мистическое значеніе, 267—269.

Сама-Веда, 125.

Самудра,—море и воздушный океанъ, и вообще большое скопленіе водъ, 116, 175.

Самхита, значеніе слова, 122.

Сандрофалъ, греческое названіе рѣки Чандравхага, въ древности Марудвриха, 116.

Санскритисты, первые, 66—68; препятствія, встрѣчаемыя ими, 104—107.

- САНСКРИТСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ; ея начало и первые результаты, 66—68, 99; ея быстрые успѣхи, 110.
- САНТАЛЫ, нынѣ существующее коларское племя, 318—321.
- САПТА-СИНДХАВА («Седьмиръчіе»), древнѣйшее названіе Пенджаба, 117.
- САРАМА и ПАНИ, мнѣ о—280—283; объясненіе мнѣ: нату-
ралистическое 283—285; мистическое, 285—288.
- САРАМЪИ, псы, посланцы Ямы, 199.
- САРАНЬЮ, мать Ашвиновъ, 276—280.
- САРАСВАТИ, рѣка, нынѣ Сарсуги (верховье) и Гаргаръ (ни-
зовье), 117—118.
- САРСУГИ, см. САРАСВАТИ.
- САТЪЯВРАТА, праведный царь дравидійскій, 377.
- САХАРНЫЙ ТРОСТНИКЪ, уроженецъ Индіи, 39—42, прим.
- СЯНА, комментаторъ Риг-Веды, 140.
- СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ, 404—408.
- СВЪТОВОЙ МНѢ, 231—258.
- СЕОТРЫ, двѣ,—Свѣтлая и Темная, 245—247.
- СЕТЪЛЭДЖЪ, первая послѣ Инда рѣка Пенджаба, въ древности
Шутудри или Шатадру, у грековъ Зададра, 10, 116,
прим. и во многихъ мѣстахъ.
- СИКША (фонетика), одна изъ шести рубрикъ «Ведангъ»,
135.
- СИНДЪ, древнее названіе Инда.
- СІАМЪ, не включенъ въ настоящую книгу, 2.
- СЛОВА КАКЪ КУЛЬТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ, 69; санскритскія въ
разныхъ аріискихъ языкахъ, древнихъ и современныхъ,
71—81.
- СМАРТА-СУТРЫ, руководства по свѣтскимъ предметамъ, 137.
- СМРИТИ («запомненное»), «почтенное преданіе», 133; лите-
ратура, подведенная подъ эту рубрику, 135—136.
- СОМА, у иранцевъ Хлома, 182—184;—растеніе, 184—185;
—священный напитокъ, 186—190, небесный,—*амрита*,
напитокъ безсмертія, 190—192;—видъ Агни, жидкій
огонь, 192; богъ,—Мѣсяцъ, 192—197; любимый напитокъ
Индры, 216—217.
- СУДА, царь Бхаратовъ, 350.
- СУДАСЪ, сынъ или внукъ Диводасы, царя Тритсу, 356.

Суллимановы Горы, оплотъ Индіи на сѣверо-западѣ; его ущелья, 4—6.

Суппѣ, Филиберъ (Philibert Souppé); его книги объ индійской литературѣ и драмѣ, 97, прим.

Сурья — Солнце, 236 — 239; его отношенія къ Индрѣ 239—240;—и Ушасъ, 247; Сущна или Шущна, бѣсъ Засухи, 240.

Сурья—Солнце-Дѣва, 258.

Сутры, краткіе учебники или руководства по разнымъ предметамъ, 136—138.

Т.

Танттрия-Самхита или «Черный Яджуръ», часть Яджур-Веды, 126.

Тваштаръ, творецъ и художникъ, 269; очень древній богъ-Небо, 272—273;—отецъ Индры, 274—276.

Телецъ, Золотой, Солнце, 247—248.

Тигры, 47—49.

Тикъ, «царь дубовъ», 30.

Травивидія, три первые Веды, 126.

Трасадасью, внукъ Пурукутсы, царя Пуру, 366.

Тритсу, сильнѣйшее изъ арійскихъ племенъ, 349 и слѣд., 354 и слѣд.

Тугры, см. Шивы.

Турвасу, одно изъ славныхъ «Пяти Племенъ», 354.

У.

Уджанинъ, древній городъ, въ нынѣшней области Малъва, гдѣ жилъ Калидаса, 95.

Уилькинсъ, Чарльзъ, «Отецъ санскритской филологіи», 67; его труды, 108—110.

Уильсонъ, Г. У.; его трудъ «Индійская Драма» (*The Hindu Theatre*), 97, прим.

«Уложение Ману», главный индійскій сводъ законовъ; переведенъ сэромъ Уильямомъ Джонсомъ, 91.

Упанишады, философскіе трактаты при Брахманахъ, 133.

Уттар-Курв, «отдаленнѣйшіе люди», 11.

Ушасъ—Заря; отношеніе къ ней Индры, 240—241; любви мипа боговъ и людей, 241—245;—и Сурья, 247;—«Ма-

терь Коровъ», 247 — 248;—подательница богатствъ, 248—250.

Ф.

Филология, санскритская, ея начало, 66—68; первый открытiя въ области мнѳологiи, 99; ея быстрые успѣхи, 110.
Философiя въ Риг-Ведѣ, 463 и слѣд.

Х.

Хайварское Ущелье, 6.
Хайдеерабадъ, см. Патала.
Халдея, ея сношенiя съ дравидiйской Индiей, 334—337.
Хаома, иранскiй Сомъ, 84.
Хашта-Ханда, иранское названiе Пенджаба, 117.
Харишчандра, царь; въ легендѣ о Шунашенхѣ, 450.
Хаягрива, демонъ великанъ, 377.
Химавага, «Обитель Зимы», древнее названiе Гималая, 8.
Хинное дерево (*cinchona*), 39.
Хираниягарва, «Золотое Дитя», встарину Солнце, 290; 472.
Хлопчатникъ, уроженецъ Индiи, 39—42, прим.
Хотаръ, священнослужитель, 172.
Хэстингсъ, Уорренъ, намѣстникъ англiйской остъ-индской компанiи, покровитель первыхъ ученыхъ санскритистовъ, 67; его гуманная политика, 88.

Ц.

Цейлонъ, островъ, 55—57.

Ч.

Чай, уроженецъ Ассама, 39—42, прим.
Чандравалха, въ глубокую древность Марудвриха, у грековъ Сандрофалъ, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.
Ченабъ, въ древности Асикни, у грековъ Алексинось, одна изъ рѣкъ Пенджаба, 116.
Чхандасъ (версификацiя), одна изъ шести рубрикъ «Ведангъ», 135.

Ш.

«Шак'унтала» или «Волшебное Кольцо», драма Калидасы, впервые переведена сэромъ Уильямомъ Джонсомъ, 92—94.

- Шамбара, горный князь, лютой врагъ арийцевъ, 356.
 Шастры, разные учебники и руководства, 102.
 Шатапата-Пурана, о Потопѣ, 369—371.
 Шах-Намехъ, иранская эпическая поэма, 340.
 Шешъ или Шешна, змѣиный царь (тоже Васуки), 206, 322;
 священный символъ туземцевъ (*Дасю*), 322—323.
 Шивы, вѣроятно, то же, что Тутры, союзники Тритсу, 359.
Шичина-дэви, см. Змѣйпоклонники.
 Шигель, Фридрихъ Вильгельмъ фонъ, филологъ, санскри-
 тестъ, 99.
 Шраддха, Вѣра, отвлеченное божество, 290; поминки по
 усопшимъ, 398.
 Шраута-Сутры, руководства по священнымъ предметамъ,
 137.
 Шредеръ, его лекціи объ индійской литературѣ, 97, прим.
 Шрути («Слышанное»), «откровеніе»; вся откровенная ли-
 тература, 132—135.
 Шудра, четвертая каста, Служащіе, 301, 303.
 Шунашепка, сказаніе о—449—453.
 Шушна или Сушна, бѣсъ Засухи, 240.

Э.

- Эверестъ, высочайшій хребетъ Гималая, — и всего міра, 4
 (прим.).
 Экамъ, Аджа Экападъ, см. «Единое Нерожденное».

Я.

- Явишта* (младшій), одно изъ прозвищъ Агни, 173.
 Яджур-Веда, 125.
 Яду, одно изъ славныхъ «Пяти Племенъ», 354.
 Яма, сынъ Вивасвата (у иранцевъ Йима), царь Мертваго
 Царства, 198; первоначально тоже мѣсяцъ, 200—202;
 — и Ману, 201.
 Ямуна, рѣка, нынѣ Джумна, 128.

From Jan - 3 - 1891 to Dec - 31 - 1891